

ՄԵՐՁԱՎՈՐ ԵՎ ՄԻՋԻՆ  
ԱՐԵՎԵԼԻԲԻ  
ԵՐԿՐՆԵՐ  
ԵՎ  
ԺՈՂՈՎՈՒՐՆԵՐ

VII



АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СТРАНЫ и НАРОДЫ  
БЛИЖНЕГО  
и  
СРЕДНЕГО  
ВОСТОКА

VI

КУРДОВЕДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР  
ЕРЕВАН ————— 1975

Ժողովածուում քննարկվում են բուրդ ժողովրդի պատմության, մշակույթի և լեզվի մի շարք հարցեր:

В сборнике рассматривается ряд вопросов истории, культуры и языка курдского народа.

Մ ա տ Ե ն ա շ ա ռ ի խ մ ր ա գ ր ա կ ա ն կ ո լ Ե գ ի ա

Գ. Խ. ՍԱՐԳՍՅԱՆ (նախագահ), Հ. Գ. ԻՆՃԻԿՅԱՆ (նախագահի տեղակալ),  
Ե. Ղ. ՍԱՐԳՍՅԱՆ, Ն. Հ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ, Հ. Մ. ԵԳԱՆՅԱՆ, Խ. Մ. Զատուկ,  
Վ. Ա. ԲԱՅԲՈՒՐԿՅԱՆ (գլխ. ֆարատպար)

Պ ա տ ա ս խ ա ն ա ն ո խ մ ր ա գ ի ռ  
Գ. Բ. ԱԿՈՊՈՎ

Редакционная коллегия серии:

Г. Х. САРКИСЯН (председатель), О. Г. ИНДЖИКЯН (зам. председателя), Е. К. САРКИСЯН, Н. О. ОГАНЕСЯН, Г. М. ЕГАНЯН, Х. М. ЧАТОВЕВ, В. А. БАЙБУРТЯН (уч. секретарь).

Ответственный редактор  
Г. Б. АКОПОВ

THE COUNTRIES AND PEOPLES  
OF THE NEAR AND MIDDLE EAST  
VII  
KURDOLOGY

Publishing House of the Academy  
of Sciences of the Armenian SSR  
Yerevan, 1975

## ОТ РЕДАКТОРА

Курды—ближайшие соседи армян. Исторические судьбы этих двух народов сложились так, что почти одновременно они оказались завоеванными Османской империей. Следуя излюбленному методу всех колонизаторов—«разделяй и властвуй», османские власти делали все, чтобы обострить взаимоотношения, посеять рознь и вражду между армянами и курдами.

В результате как соседства этих двух народов и их тесных исторических связей, так и особенно реакционной политики по отношению к ним случилось так, что армянский и курдский вопросы оказались в тесном переплетении.

Но дело не только в недавнем прошлом. Исторические взаимосвязи армянского и курдского народов имеют многовековую историю, и не случайно, что курдские историки Х. Мукрияни, И. Нури, Н. Дерсими и другие, изучая прошлое родного народа, делают экскурсии к фактам этих взаимосвязей как в средние века, так и в античную и даже в древнейшую эпоху. В этих их экскурсах привлекает внимание все более широкое обращение к данным армянских источников по истории курдского народа, и в этом нет ничего удивительного: в древних и средневековых источниках, начиная от трудов Фавстоса Бузанда и Мовсеса Хоренаци и кончая изданной в XVIII в. в Венеции и считающейся первой научной историей армянского народа многотомной «Историей Армении» М. Чамчяна, имеется немало оригинальных сведений по истории как самих курдов, так и их предков. Не будет преувеличением сказать, что нет ни одной серьезной работы по истории армянского народа, в которой не было бы данных о курдах или специальных экскурсов в историю армяно-курдских отношений. Именно их порождением явилось издание в начале XX в. «Курдско-армянской истории» А. Шахбазяна или «Армяно-курдского эпоса» С. Айкуни, свидетельствующих о теснейших исторических и культурных взаимосвязях армянского и курдского народов.

Интересны в этой связи некоторые данные «статистического» порядка. В изданной недавно обществом «Курдистан» в Амстердаме двухтомной «Библиографии по курдоведению» количество работ об исторических связях курдов с родственными им персами, например, едва доходит до двух сотен, а количество работ об армяно-курдских отношениях—330 единиц. Важно при этом, что в «Библиографии» не указаны многие сотни работ на армянском языке; что из отмеченных в ней 2690 работ около тысячи издано в Европе и Америке, а остальные в России; при этом многие авторы русских изданий—армяне. Эти факты хорошо иллюстрируют как широту армяно-курдских отношений, так и перемещение центра курдоведения в Россию и активную роль армянских историков в его развитии.

История армянского курдоведения—это специальная тема. Не касаясь ее, обратим внимание на одно более чем оригинальное мнение: попытаюсь объяснить причины интереса армянской историографии к курдам, губернатор Эрзинджана А. Кемали пишет, что-де «армяне, лучше нас зная историю, используют ее в том, чтобы привлечь курдов на свою сторону». Он так уверовал в это, что написал, видимо, с целью «привлечь курдов на свою сторону», толстую книгу, однако едва она вышла в свет, как курды его губернаторства... подняли восстание. Как видно, дело не в том, что кто-то кого-то хочет «привлечь», а в том, что интерес армянской историографии к курдам обусловлен историей армяно-курдских отношений и ее давними курдоведческими традициями.

Опираясь на эти традиции, армянские авторы внесли значительный вклад в историю изучения курдов и в ознакомление Европы с ними; курдоведческий материал произведений выдающегося армянского романиста Раффи оказался столь значительным, что немецкий востоковед Бурхард на основе данных одного только романа «Искры» написал работу «Курды». Особенно много в этом направлении сделал великий армянский писатель Х. Абовян: отмечая отличное знание им курдов, известный немецкий востоковед М. Вагнер включил в свою книгу о курдах отрывки из курдоведческих трудов Х. Абовяна. К стати, его «Курды» и «Иезиды», не говоря о других, изданных лишь недавно курдоведческих трудах Х. Абовяна,—это первые как в армянском, так и русском востоковедении самостоятельные работы о курдах, сыгравшие важнейшую роль в истории курдоведения. Именно они дали начало тому интересу армянских ученых к курдам, в результате которого Б. Халатянц, например, оставаясь специалистом в области армянской фольклористики, выступил

с публикацией ценнейших памятников курдского фольклора; оставаясь специалистом по армянскому языку, Р. Аджарян опубликовал специальное исследование об одном из курдских диалектов; великий Комитас, заложивший основы армянской музыкальной классики, известен как автор первой публикации, в его же обработке, образцов курдской музыки; первый курдоведческий доклад был читан на международном конгрессе востоковедов в 1903 г. и его автором был известный армянский ученый и общественный деятель А. Аракелян.

В этих фактах обращает на себя внимание не только выступление того или иного армянского ученого с работой о курдах, но и зарождение в арменистике специального интереса к истории и культуре курдского народа. Не будет преувеличением сказать, что в той мере, в какой курдоведение своим выделением из иранистики в самостоятельную науку обязано усилиям русских востоковедов—В. Диттеля, В. Ханькова, Вельяминов-Зернова, Ф. Шармуа, Е. Березина, П. Лерха и В. Минорского,—в той же мере оно обязано аналогичному процессу в арменистике; неслучайно, изучая курдов с позиций ее достижений и данных армянских источников. Н. Я. Марр дал начало новому направлению в курдоведении, подняв его на уровень самостоятельной научной дисциплины. Начало такого «отпочкования» курдоведения от иранистики и арменистики заложил известный армянский этнограф XIX в. С. А. Егиазаров, работы которого охватывают вопросы как этнографии курдов, так и их культуры, языка, общественных отношений и т. д. К числу таких «узко» курдоведческих трудов армянских авторов относятся работы, изданные в виде отдельных книг,—мы не говорим о многих сотнях статей, опубликованных как в армянской, так и русской, европейской и даже курдской периодике,—например, «Курды Турецкой Армении» М. Т. Швота, «Иезиды-курманджи» С. Тер-Мануэляна, «Курды и Курдистан» Л. Месропа и особенно труды А. Сафрастяна, «Курды и Курдистан» которого—это первая и единственная работа «иностранным» автора, переведенная А. Шали на курдский и изданная в Ираке.

Достижения армянского курдоведения столь значительны, что тут само собой напрашивается сравнение: по свидетельству курдского деятеля Д. К. Шихесананку, в XIX в. в Турции издано было всего две книги на курдском языке, автор одной из них—курд Шейх Юсуф Халиди, а другой... М. Тигранян. На фоне огромного количества курдоведческой литературы на армянском языке бросается в глаза тот факт,

что на турецком издано было всего четыре работы.—одна из них написана курдом Меривани, другая... немцем Фричем и только две турками. Дело, однако, не только в количестве, но и в «качестве»,—в то время как книга Тиграняна—это учебник курдского языка, брошюра А. Рамиза посвящена... суду над Шейх Саидом Барзинджи и его казни; в то время, когда Тер-Мануэлян пытается дать научный очерк истории иезидизма, книжка «Поклонники дьявола» Нури-паши—это призыв к физическому истреблению курдов-иезидов.

Неверно думать, что армяно-курдские отношения—это сплошная идиллия добрососедства и совместной борьбы,—они отмечены и таким позором, как участие банд реакционных феодалов в младотурецких погромах 1915 г., стоивших армянскому народу около 1,5 миллиона жизней. Во взаимоотношениях народов всегда найдутся причины для розни и подозрительности. Советская власть с ее ленинской национальной политикой сплотила народы в братстве, дружбе и взаимопомощи.

Новые условия армяно-курдских отношений ознаменовались качественно новым этапом развития армянского курдоведения. Поэтому, как ни значительны достижения дореволюционного и зарубежного армянского курдоведения, они не идут ни в какое сравнение с его развитием в Советской Армении. В одном случае—энтузиазм одиночек, в другом—плановая работа целого коллектива, опирающегося на помощь всех научных учреждений страны и на достижения культурного строительства в республике. Касаясь достижений тех курдов-иезидов, которые проживают на территории Советской Армении, крупный курдский историк и общественный деятель Мукрияни пишет, что курды в Армении «вместе со своими армянскими братьями в порыве единодушия и согласия трудятся на благо прогресса и культуры, науки и процветания»; что «в этой небольшой республике издается огромное количество книг на курдском языке». Вторя ему, знаменитый курдский поэт-демократ Каджриджан отмечает, что только в Советской Армении курды «имеют свои учебные заведения и научные общества» и «издают сотни книг на родном курдском языке». Подсчитано, что в довоенные годы в Советской Армении на курдском было издано в полтора раза больше книг, чем во всех других странах. Отмечая, что в Турции проживают несколько миллионов курдов, цитированный выше Д. К. Шихесананлу свидетельствует, что за четыре десятилетия с 1920 по 1960 гг. в Турции не было издано ни одной работы на курдском языке; в тот же период в Советской Армении, где

проживает в сто раз меньше курдов, на курдском языке вышло в свет более двухсот работ. Ирак—это единственная страна на Востоке, где курды имеют право издавать литературу на родном языке;<sup>1</sup> относя это на счет «заслуг» англичан, Эдмондс отмечает, что в период с 1920 по 1936 гг. в находящемся под мандатом Англии Ираке было издано 62 брошюры и книги на курдском, а в Армении в тот же период издано было около 120 книг, не говоря о другой литературе на этом языке. Но дело опять-таки не только в количестве, а в качестве: если изданная в подмандатном Ираке литература—это в основном книги и брошюры на религиозные темы, в Армении—это произведения курдских писателей; если наиболее крупное иракское издание—это книга о проповеднике купеческого космополитизма Бехаулла, наиболее крупное издание в Армении—это «Фолклоре курманджи». Кстати, памятников курдского фольклора в Армении издано больше, чем во всех других странах мира.

Известный курдолог В. Никитин пишет в изданной в Париже книге «Курды», что «благодаря советской национальной политике» курды Советской Армении добились огромных успехов в хозяйственном и культурном развитии и стали «полусом притяжения» всего курдского народа. Озабоченный обострением курдского вопроса в Ираке, известный иракский поэт и общественный деятель М. Вурди опубликовал небольшую книгу «Курды в Советском Союзе». Обращаясь к «каждому демократу, кто верит в народ, каждому гражданину Иракской республики, кто верит в демократию и борется за права больших и малых народов, в том числе и курдов», он призывает использовать опыт советской национальной политики в разрешении курдского вопроса в Ираке. Отмечая, что до Октябрьской революции курды в России влачили такое же жалкое существование, как и в других странах, Вурди описывает их положение в Советской Армении, где благодаря всемерной помощи правительства и армянского народа, курды добились невиданных успехов в экономическом и культурном строительстве.

Обращение Вурди к иракским демократам—арабам и курдам неслучайно, как неслучаен и его экскурс к положению курдов в дореволюционной России. Борясь за демократию, прогрессивные силы стран Востока интересуются не только достижениями советских курдов, но и тем, как они достигнуты. Отмечая огромные достижения курдов Советской

---

<sup>1</sup> Отметим, что в 1970 году в Ираке (Багдад) была организована курдская Академия наук.

Армении, цитированный выше Мукрияни напоминает, что в царской России они находились в том же положении, что и курды Ирана, Ирака и Турции: разруха, нищета, голод, сплошная неграмотность и невежество прозябающих в тисках феодально-патриархальных отношений курдов—вот что досталось Советской власти от прошлого. Но одновременно она унаследовала и те прогрессивные традиции армянского курдоведения, которые обусловили издание через год после того, как трудящиеся Армении взяли власть в свои руки, написанного известным армянским курдологом Лазо (А. Казарян) учебника курдского языка под характерным названием «Шамс» («Солнце»), сыгравшего выдающуюся роль в развитии просвещения среди курдского населения республики. Значительный вклад в это дело внесли и такие армянские курдологи, как Р. Драмбян, Н. Алексанян, С. Мовсесян, Петоян, А. Мурадян и др. Интересно, что уже в 1929 г. наряду с ними в подготовке учебников для курдских школ начали принимать участие сами курды, в том числе А. Шамилов, А. Джинди, А. Авдал и другие, сыгравшие выдающуюся роль в культурном развитии курдов Армении. В 1936 г. неграмотность среди курдского населения Армении была ликвидирована.

Развитие образования, издание в 1931 г. первой в истории курдского народа регулярной газеты «Рйа-газа», развитие курдской литературы—все это обусловило необходимость научной разработки отдельных вопросов курдоведения. В 1931 г. в свет вышла первая научная «Грамматика курдского языка» А. Хачатуряна. Развитие курдской литературы породило первую литературоведческую работу Н. Заряна «Курдская советская литература». Широко развернулась работа по изучению курдского фольклора, культуры, языка, этнографии и истории, отмеченная изданием ряда исследований о курдах и их культуре.

Выдающуюся роль в истории армянского и советского курдоведения сыграла состоявшаяся в 1934 г. в Ереване Первая всесоюзная курдоведческая конференция. Подводя итоги достигнутым успехам, она наметила пути дальнейшего развития курдской советской культуры и нашего курдоведения. В его развитии и особенно в деле подготовки курдоведческих кадров значительную роль сыграл выдающийся востоковед-арменист академик И. А. Орбели—автор одного из первых латинизированных курдских алфавитов и ряда курдоведческих исследований; по его инициативе был создан первый в мире курдоведческий центр—Курдский кабинет Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

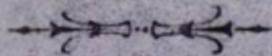
Հրատարակուի ինչ Շ. Ս. Լ. Լազոյի կողմից

Լ Ա Ջ Ո



Շ Ի Թ Ա Բ Ե Կ Վ Ն

Ս Մ Բ Ա Ջ Ա Ռ Ի Ե Գ Կ Բ Ն Մ Ա Ջ Ա Ն Վ Ե Ե Ջ Գ Ի Ա Ն



Լ Ա Ջ Ո Կ Ե Կ Ե Կ Ե Կ Ե

Изданный в 1921 г. Наркомпросом Арм. ССР первый армянописьменный курдский букварь, автором которого был курдолог Лазо (Акоп Казарян).

Наибольшего развития советское курдоведение достигло в послевоенный период, ознаменовавшийся рядом новых капитальных работ. Рост курдоведческих кадров, запросы культурного строительства, все возрастающий интерес трудящихся республики к борьбе курдского народа за независимость,— все это поставило на повестку дня вопрос о создании курдоведческого центра, и такой центр был создан. Им явился Отдел курдоведения нынешнего Института востоковедения АН Арм. ССР.

Его создание явилось, таким образом, логическим завершением основанных на уходящих в глубь веков и тысячелетий армяно-курдских отношениях глубоких курдоведческих традиций армянской историографии и развития культуры курдского населения республики. За время своего существования отдел вырос в один из признанных центров советского курдоведения, работа которого привлекает все большее внимание не только наших, но и зарубежных специалистов. Говоря о том, что Армения—это ведущий центр развития культуры курдов, Дж. Блау добавляет, что она является еще и крупным центром курдоведческой науки. Отсюда неудивительно, что значительная часть специальных обзоров достижений советского курдоведения курдского деятеля из Ирана Р. Гази и работающего в Ираке филолога М. Хазнадара посвящена выполненным в Отделе курдоведения работам. Такой же характер носит и статья доктора М. Мукри из Сорбонны «Курдология и преподавание курдского языка в России», посвященная в основном обзору курдоведческой работы в Советской Армении. Не менее показательна в этом отношении статья бельгийского курдолога А. Бенедиксена «Курды и курдология в Советском Союзе». Отмечая, что, наряду с Ленинградом, в Ереване «находится второй центр курдоведения, где работает большая группа фольклористов и лингвистов», автор добавляет: «Ереванский центр курдоведения развивается стремительными темпами».

Неверно думать, что курдоведение развивается только в Советской Армении и Советском Союзе вообще. Подъем национально-демократического движения курдского народа и его выход в ряды активных борцов за мир и демократию обуславливают все возрастающий интерес к этому народу, его истории и культуре. Дело лишь в том, что если Элфинстон отрицает национальность курдов, а Болтон доказывает, что-де они не доросли еще до независимости, если исходя из этого, А. Лембтон или С. Лонгридж клеветают на национально-демократическое движение курдского народа,—советская наука видит свой интернациональный долг в разоблачении



го прошлого и нынешней борьбы за социальную свободу и национальную независимость, демократию и прогресс.

Важную роль в этом деле призваны сыграть курдологи нашей республики. Одним из шагов в выполнении задач, поставленных перед нашими курдологами, является издание настоящего сборника.

Основная масса включенных в него статей—это работы сотрудников Отдела курдоведения, посвященные отдельным вопросам истории, культуры и языка курдского народа.

# СТАТЬИ

Х. М. ЧАТОВ

## ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КУРДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Советское правительство с первых дней своего рождения проводило политику равенства и дружбы народов. Благодаря ленинской национальной политике, при братской помощи великого русского народа и других братских народов курды Советского Союза и, в частности, Советской Армении достигли огромных успехов в хозяйственном и культурном строительстве.

В то время, как курдские народные массы за рубежом подвергаются социальному и национальному гнету, небольшая часть курдского народа, благодаря Великому Октябрю, стала равноправным членом многонациональной семьи народов Советского Союза. Зарубежных курдов интересуют не только достижения их советских братьев, но и то, как они достигнуты. Этот вопрос—тема специального исследования, в данном случае мы хотим привести некоторые факты о том, как курды бывшей Российской империи встретили Октябрьскую революцию, выдвинув из своей среды целую плеяду революционеров, сыгравших большую роль в установлении Советской власти, и как закладывались основы их новой социалистической действительности.

Царскую Россию В. И. Ленин называл «тюрьмой народов». Среди других угнетенных национальных меньшинств было и курдское население. Оно было расселено в основном в Армении, в Азербайджане, частично в Грузии и Туркмении. Царское правительство ничего не делало для развития хозяйства и культуры курдов. Страдая от безземелья, курды не раз обращались с просьбой—наделить их землей. В отдельных

случаях местные власти шли навстречу этим пожеланиям, однако основная масса трудящихся курдов оставалась без земли.

Единственное, о чем заботилось правительство, это о том, чтобы курды платили налоги, подчинялись царской администрации и своим шейхам, бекам.

Период господства буржуазно-националистических партий и их империалистических хозяев в Закавказье отмечен жестоким подавлением революционных выступлений рабочих и крестьян, провоцированием межнациональных столкновений.

В условиях социального и национального гнета курдские крестьяне, подобно их братьям по классу—представителям других национальностей, стремились к новой жизни, к освобождению от эксплуатации, к созданию условий для свободного национального развития. Лучшие сыны курдского народа видели, что только большевики, руководимые великим Лениным, способны избавить народ от векового гнета и эксплуатации, и шли под их знамена. Ведя неослабную борьбу против сил реакции, большевики сплачивали силы рабочего класса и беднейшего крестьянства на борьбу за победу Советской власти, которая, при поддержке русского народа, в 1920—1921 гг. победила в Азербайджане, Армении и Грузии.

В рядах активных борцов за Советскую власть было немало сынов курдского народа. Имена многих из них вошли в историю Октябрьской революции. Во первых следует указать Ферику Агитовича Полатбекова, известного под именем Федора Матвеевича Лыткина. Это имя вошло в энциклопедическое издание «Великая Октябрьская социалистическая революция»<sup>1</sup>, о его короткой, но славной жизни написано немало работ, в том числе и отдельное монографическое исследование<sup>2</sup>. В конце июля 1917 г. Лыткин приехал в Томск, чтобы поступить на юридический факультет Томского университета. Здесь он вступает в ряды большевистской партии, принимает активное участие во всех крупных событиях города, выступает как агитатор, пропагандист, литератор, публицист. После установления Советской власти в Томске (декабрь 1917 г.) Лыткин—комиссар по делам печати Совета, член его исполкома. На II съезде Советов Сибири, который открылся 23 февраля 1918 г. в Иркутске, делегат Томска Лыткин избирается членом Президиума ЦИК Советов Сибири (Центросибирь) и

<sup>1</sup> «Великая Октябрьская социалистическая революция». Малая энциклопедия, М., 1968.

<sup>2</sup> В. Рябиков. Замечательные сибиряки, Федор Лыткин (Полатбек Фериш, Фетько), 1897—1918. Новосибирское обл. изд-во, 1950.

назначается Наркомом Советского управления Сибири. Он избирается делегатом IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов. В мае-июне 1918 г. Лыткин был одним из руководителей борьбы с контрреволюционным мятежом чехословацкого корпуса. После временного падения Советской власти в Иркутске (июль 1918 г.) Лыткин и другие члены Центросибири перебрались в Забайкалье, а затем в Амурскую область, откуда в сентябре 1918 г. ушли в тайгу. После долгих и упорных боев с превосходящими силами врага Лыткин в ноябре 1918 г. вместе с председателем ЦИК Советов Сибири Н. Н. Яковлевым и другими товарищами был схвачен белогвардейцами и погиб в районе Олекминска в Якутии<sup>3</sup>.

Одновременно с ним на путь революционной борьбы вступил другой выдающийся сын курдского народа Чингиз Ильдрымович Ильдрым. Выходец из старого, но обедневшего рода, ценой огромных трудностей он получил образование в Шуше, а затем уехал в Петроград и поступил в институт. В процессе учебы он одновременно работал, знакомился с жизнью рабочих и их участием в революционном движении. Будучи инженером на заводе «Айваз» в Петрограде, Чингиз Ильдрым принимал активное участие в борьбе рабочего класса. После Октября он был избран в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и назначен руководителем мусульманской военной коллегии при Петроградском военном комиссариате. В июне 1918 г. по его инициативе в Петрограде и Северной области впервые был создан мусульманский эскадрон, бойцы которого героически сражались в составе частей Красной Армии на Восточном фронте. С начала 1919 г. Чингиз Ильдрым ведет революционную работу в Карабахе, затем в Баку. Он — активный участник и один из руководителей свержения власти мусаватистов в апреле 1920 г. и восстановления Советской власти в Азербайджане.

Перед началом восстания по постановлению Кавказского Краевого комитета РКП(б) командование флотом, который должен был выступить против мусаватского правительства, было поручено Чингизу Ильдриму. Под его руководством 27 апреля 1920 г. была захвачена береговая артиллерия в Баку и обезоружены курсанты мусаватской юнкерской школы. 27 апреля 1920 г. командующий Красным флотом Чингиз Ильдрым направил мусаватскому правительству ультиматум: немедленно сдать власть Советскому рабоче-крестьянскому правительству во главе с Нариманом Наримановым<sup>4</sup>. 28 апре-

<sup>3</sup> См. «Великая Октябрьская социалистическая революция». Маленькая энциклопедия, М., 1968, стр. 225, 479.

<sup>4</sup> См. Л. Полонский. Комиссар Ильдрым. М., 1969, стр. 24.

ля 1920 г. на заседании Временного революционного комитета был утвержден состав Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР во главе с Н. Н. Наримановым. В состав правительства вошел также Чингиз Ильдрым—первый народный комиссар по военным и морским делам<sup>5</sup>.

Заслуги Чингиза Ильдрыма перед Родиной и революцией высоко были оценены Коммунистической партией и Советским правительством. 5 мая 1920 г. в Баку, на первой, после утверждения Советской власти общебакинской партийной конференции, Чингиз Ильдрым за выдающиеся заслуги в деле установления Советской власти в Азербайджане, за руководство революционной организацией Каспийского военного флота и его героическим выступлением против мусаватского правительства и за другие революционные заслуги был удостоен самой высокой в то время правительственной награды—ордена Красного Знамени. Эту высокую награду от имени Советского правительства Чингизу Ильдриму вручил член Военного Революционного Совета Г. К. Орджоникидзе.

Много сил и энергии отдал Чингиз Ильдрым созданию вооруженных сил Азербайджанской ССР. Он был одним из организаторов разгрома гянджинского контрреволюционного восстания, мятежа в Шуше, поднятого турецким генералом Нури-пашой. Впоследствии, работая на различных ответственных должностях, он проявил себя талантливым хозяйственником. Учитывая его организаторские способности и талант инженера, Советское правительство назначило Чингиза Ильдрыма начальником строительства Магнитогорского комбината. В одном из писем в Ленинград своему другу и наставнику С. М. Кирову, прося выделить для нужд строительства комбината несколько тракторов, он просит не забывать «Вашего курда». В журнале «Наши достижения», который выходил под редакцией А. М. Горького, была напечатана статья «Кононов и его соседи», в которой говорилось: «В Магнитогорске строится неслыханный завод. Стоит во главе Ильдрым, не человек, а меч, гром и молния»<sup>6</sup>.

Рядом с Чингизом Ильдрымом в революционном движении в Азербайджане активное участие принимали другие революционеры-курды. Имя Кара Ильясова широко известно в Азербайджане.

Выходец из семьи курда-батрака села Кубатлы (ныне центр Кубатлинского района Азербайджанской ССР), в 1900 г. К. Ильясов шестнадцатилетним юношей направляется в Баку, где продолжительное время работает на промыслах

<sup>5</sup> См. там же, стр. 25.

<sup>6</sup> «Наши достижения», 1936, № 8, стр. 4.

Мухтарова и Нобеля. Революция застала Кара Ильясова в деревне. В 1917 г. он вступает в большевистскую партию. В годы правления мусаватистов, находясь в подпольной большевистской организации, ведет непримиримую борьбу против владычества контрреволюционеров в Зангезуре. В том же 1917 г. он вместе с Аббасом Султановым, Арменаком Каракозовым, Еремом Бакунцем, Гусейном Абдулаевым ведет агитационную работу среди крестьян в Герусах<sup>7</sup> (ныне город Горис Армянской ССР). С 1920 г. он на ответственной партийной и советской работе.

Из села Кубатлы вышел и другой стойкий большевик—революционер, член партии с 1917 г. Аббас Султанов. Будучи студентом медицинского факультета Киевского университета, после февральской революции он оставляет учебу и включается в активную революционную борьбу в родном краю. В мае 1920 г. его направляют из Баку в Лачинский район для работы среди курдов. Ко времени его приезда в селе Мулла Ахмедли уже существовала партийная ячейка, организованная членом партии с 1917 г. Оджахкули Мусаевым, активным участником гражданской войны. По поручению ЦК КП(б) Азербайджана Оджахкули Мусаев вел руководящую партийную работу в Баку, Карабахе, Шуше и Зангезурском уезде<sup>8</sup>. Членами организованной им в селе Мулла Ахмедли ячейки были Теймур Велиев, Таги Мусаев, Герай Мусаев и другие. Опираясь на нее, Аббас Султанов добивается сплочения трудящихся района в борьбе против контрреволюционной банды богачей Султановых. В этот период основная масса крестьян-курдов в селах Мулла Ахмедли, Каракышлак, Минкенд, Гаракешеш, Забуг, Абдалляр и т. д. была вовлечена в борьбу за утверждение и укрепление Советской власти. В селах активно работали ревкомы, создавались коммунистические ячейки.

В яркой биографии А. Султанова много героических страниц. Когда в конце 1920 г. части Красной Армии временно отходили из Герусов, один из главарей контрреволюционной банды Султан-бек из Гаджисамлу пытался активизировать свои действия для ликвидации ревкомов и захвата власти. По заданию главара банды ночью в селе Минкенд (ныне в составе Лачинского района Азербайджанской ССР) захватывают Аббаса Султанова. Султан-бек пытками хотел сломить его волю, чтобы узнать имена связанных с ним большевиков.

<sup>7</sup> См. Н. Г. Гейдаров. В горах Зангезура. Баку, 1968, стр. 50.

<sup>8</sup> Подробно о Мусаеве см.: Архив Армянского филиала ИМЛ, ф. 8, оп. 12, д. 1449; газ. «Воротан», орган Горисского райкома КП Армении и райсовета депутатов трудящихся, 23 ноября 1961 г.; Н. Г. Гейдаров. В горах Зангезура, стр. 212.

На это Аббас Султанов ответил палачу, что большевики «... во всех окружающих селениях...

— Кто же они? Почему я их не знаю?

— Большевики—все те, кого вы эксплуатируете, уничтожаете, истязаете, чью честь позорите. Во всей округе тысячи людей, каждый из которых пострадал от ваших действий. Значит, все крестьяне этих мест являются большевиками. Вы хотели получить список большевиков? Я его вам назвал. Подумайте теперь, можете ли вы со всеми ими расправиться»<sup>9</sup>.

Нужно сказать, что когда большевик Султанов говорил, что «все крестьяне этих мест являются большевиками», он был близок к истине в том смысле, что пострадавшие от гнета и эксплуатации массы курдского крестьянства видели в Советской власти свою освободительницу и были готовы с оружием в руках встать на ее защиту. Так, собравшиеся на митинг несколько тысяч курдов Котурлинского района Азербайджана направили летом 1921 г. ЦК КП(б) Азербайджана, ЦИК и Совнаркому республики письмо, в котором отмечалось: «Мы, курды, свободные и близкие по природе к Советской власти, сегодня впервые обнимаем свою мать—власть рабочих и крестьян... Сегодня, сбросив оковы, мы протягиваем руку братскому Азербайджану и обращаемся к Красной Армии, вливая в ее ряды славную красную курдскую кавалерию, которая всегда неразлучно будет рядом с ней»<sup>10</sup>.

В короткий срок курды организовали несколько отрядов, вставших на защиту Советской власти. Так, составленный исключительно из курдов Минкендского района отряд вместе с отрядом армянских коммунистов защищал Нагорный Карабах и Курдистанский уезд (территория нынешних Лачинского, Кельбаджарского, Кубатлинского и Заңгеланского районов Азербайджанской ССР) от контрреволюционных сил<sup>11</sup>. Курдский кавалерийский эскадрон, которым командовал Теймуров Шамир, в феврале 1921 г. принимал активное участие в боевых действиях на стороне Красной Армии<sup>12</sup>. В рядах бойцов XI Армии героически сражался житель села Курибогаз Апаранского района Армянской ССР Бозале Гало Надоев.

Активное участие в борьбе за Советскую власть и ее защиту принимал выходец из Заңгезурского уезда Али Агамалиевич Амирасланов. Амирасланов в начале 1920 г. вступил на путь революционного движения, в августе того же

<sup>9</sup> Н. Г. Гейдаров. В горах Заңгезура, стр. 219—220.

<sup>10</sup> Цит. по газ. «Бакинский рабочий», 22 августа 1921 г.

<sup>11</sup> См. ЦГАСА, ф. 195, оп. 3, д. 665, лл. 14, 15, 16.

<sup>12</sup> См. Архив Армянского филиала ИМЛ, ф. 30, оп. 1, д. 63, л. 2.

года стал членом подпольной организации Коммунистической партии. Он участвовал в создании органов Советской власти в районах Азербайджана, населенных курдами. Был избран членом президиума—секретарем Кубатлинского уездного ревкома, членом президиума—зав. агитотделом уездного комитета партии большевиков. В июле 1922 г. Али Амирасланов добровольно вступил в ряды Красной Армии, проводил ответственную работу в Железном полку им. 26 Бакинских Комиссаров. В рядах действовавших в Зангезуре партизанских отрядов проявил себя и Геюш Мамедов, член Коммунистической партии с 1920 г., и многие другие.

Славный жизненный путь прошел Шамир Юсупович Теймуров—деятельный участник гражданской войны в Армении. Он оказывал большую помощь участникам майского восстания в Александрополе. Кавалерийский эскадрон, которым он командовал, в феврале 1921 г. вел активную борьбу против антисоветских банд. После победы Советской власти он в рядах Красной Армии защищал завоевания революции.

Другой старый большевик, активный участник революционного движения—Араб Шамоевич Шамилов. Его первое знакомство с большевиками состоялось в 1916 г. в Эрзеруме, где он был переводчиком на строительстве узкоколейной железной дороги. Выполняя поручение большевиков, он втягивался в революционную борьбу. В 1917—1920 гг. А. Ш. Шамилов на Северном Кавказе—боец Красной гвардии и красный партизан, затем он сражается в рядах Красной Армии. В мае 1918 г. вступает в ряды большевистской партии.

В 1918—1920 гг. на Кубани принимал активное участие в гражданской войне и трижды был ранен сын курдского народа Гасан Мустафа Чикалики, ныне известный ученый, профессор, доктор сельскохозяйственных наук.

Отстояв завоевания Октября, народы нашей великой Родины получили возможность приступить к строительству новой жизни. Начинать, однако, было не с чего. Вековая отсталость, особенно курдского населения страны, разруха и голод, вызванные войной, грабительской политикой реакционных буржуазно-националистических правительств, английской интервенцией в Баку и нашествием турецких войск в Армению и Азербайджан довели положение народных масс до критической точки. А тут еще и неурожай и голод. Выступая на I съезде Советов Азербайджана (май 1921 г.), Чингиз Ильдырым так характеризовал положение населения Кубатлинского уезда, значительную часть которого составляли курды: «Кладбище с живым населением, где люди ходят абсолютно голые, босые, голодные, загорелые, вид у них, особенно

у женщин, невозможно кошмарный. Все молят о насущном хлебе и мануфактуре для прикрытия наготы своего тела»<sup>13</sup>.

На первой сессии Пленума Центрального Исполнительного Комитета Советов (май 1921 г.) было указано, что голод охватил также Курдистан и часть других уездов Азербайджана. 14 ноября 1921 г. в газете «Бакинский рабочий» был опубликован призыв Наркомвоенмора Азербайджана Караева, гласивший: «В одном из уголков Советского Азербайджана появилось новое Поволжье: Красный Курдистан в этом году голодает. Урожай уничтожен градом. За 10 дней от голода погибло 20 детей. Спасайте Красный Курдистан от голодной смерти».

В 1921 г. правительство Советского Азербайджана провело большую работу по оказанию помощи голодающему населению. 14 ноября 1921 г. Н. Н. Нариманов писал В. И. Ленину об открытии Азербайджанского государственного банка. Это событие, писал Нариманов, было отмечено «вместо обычного торжества пожертвованием сорока миллионов рублей за счет своих доходов в пользу голодающих братского Поволжья и Курдистана».

В ответ В. И. Ленин телеграфировал (между 17 и 21 ноября 1921 г.) Нариманову: «Пожертвование 40 миллионов голодающим Поволжья и Курдистана—наилучшее указание готовности идти под знаменем Красного Интернационала трудящихся»<sup>14</sup>.

В 1922 и 1923 гг. вследствие продолжающейся засухи и градобития экономическое положение населения Азербайджанского Курдистана оставалось тяжелым. Более 50% населения голодало. Многие тысячи людей, лишившихся жилищ, жили в пещерах, ходили голыми и босыми, у них не было керосина, в домах жгли лучины или сухую кору деревьев. Компартия Азербайджана и правительство Азербайджанской ССР приняли все меры, чтобы вывести курдское население из тяжелого положения. В решении этой задачи большую роль сыграла организация Курдистанского уезда.

16 июля 1923 г. Президиум ЦК КП(б) Азербайджана, под председательством С. М. Кирова, решил на территории, занимаемой курдами, образовать Курдистанский уезд<sup>15</sup>. Курды с большим доверием отнеслись к органам Советской власти. Председатель исполкома уездного комитета Гуси Гад-

<sup>13</sup> Стенографический отчет I Всеазербайджанского съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и матросских депутатов, Баку, 1922, стр. 73.

<sup>14</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 21—22.

<sup>15</sup> См. архив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 13, оп. 1, ч. 1, д. 50, л. 144.

жив 27 августа 1923 г. указывал, что жители видят в «уездной власти действительную защитницу угнетенных и правосудия, говоря, что только теперь у них установилась Советская власть, и надеются на улучшение экономического положения. Особенно курды довольны деликатным отношением представителей уездного исполкома и правосудным разрешением жалоб и заявлений»<sup>16</sup>. Создание уезда в то время явилось важным шагом для приближения партийного и советского аппарата к селу. В результате этого стало возможно с учетом местных условий наметить конкретные мероприятия и успешно решать задачи хозяйственного и культурного строительства.

Местные власти помогали курдскому населению улучшать обработку полей, чтобы обеспечить крестьян сельскохозяйственными продуктами собственного производства. Одновременно правительство республики оказывало большую помощь голодающим. По далеко не полным данным, только во второй половине 1923 г. правительство Советского Азербайджана отпустило в виде помощи голодающему населению уезда около 16 тыс. пудов зернопродуктов, 5 тыс. пудов керосина, 34 тыс. аршин мануфактуры, 600 шинелей<sup>17</sup>. Кроме того, в виде ссуды на семена было отпущено 25 тыс. пудов зерна<sup>18</sup>.

Правительственная помощь продолжалась и в последующие годы. В марте-апреле 1924 г. было отпущено 12 тыс. рублей золотом для приобретения зерна и раздачи населению<sup>19</sup>. 11 октября того же года Закавказский сельскохозяйственный центральный банк отпустил средства на приобретение 15 тыс. пудов зерна<sup>20</sup>. В 1925 г. была образована специальная комиссия, руководимая председателем Совнаркома Азербайджанской ССР Г. Мусабековым, для изучения состояния уезда. Осуществление мероприятий, предложенных этой комиссией 10 ноября 1925 года, сыграло большую роль для повышения уровня экономики и культуры уезда<sup>21</sup>.

Неоценимую помощь оказывали национальным меньшинствам, в том числе курдам, Коммунистическая партия Армении и правительство Армянской ССР.

<sup>16</sup> Архив Азербайджанского филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 125, д. 328, л. 1.

<sup>17</sup> См. Архив Азербайджанского филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 125, д. 328, л. 67, 73; Архив Грузинского филиала ИМЛ, ф. 13, оп. 1, ч. 1, д. 685, л. 1.

<sup>18</sup> См. Архив Азербайджанского филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 125, д. 328, л. 24.

<sup>19</sup> См. Архив Азербайджанского филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 125, д. 328, л. 114.

<sup>20</sup> См. ЦГАОРСС Груз. ССР, ф. 617, оп. 1, д. 328, л. 7.

<sup>21</sup> См. ЦГАОРСС Азербайджанской ССР, ф. 411, оп. 1, д. 287, лл. 1—2.

В декларации ревкома Армении от 29 ноября 1920 года подчеркивалось: «С первыми звуками победного Интернационала навсегда исчезнет призрак разъедавших Армению племенных и национальных распрей и водворится братство народов в их повседневной трудовой жизни»<sup>22</sup>.

В первые же месяцы установления Советской власти в республике были созданы условия для братского сотрудничества народов. В этих условиях началось массовое возвращение национальных меньшинств в Армению. Несмотря на малоземелье, армянское крестьянство с радостью встречало их. На митингах представители национальных меньшинств выражали полную солидарность с мероприятиями Советской власти, заявляли о своей готовности встать на защиту завоеваний революции. В 1921 г. состоялся съезд курдов, населяющих подножье горы Арагац. Делегаты съезда послали приветственную телеграмму председателю Совета Комиссаров Армянской ССР А. Ф. Мясникяну<sup>23</sup>.

В январе-феврале 1922 г. представители трудящихся курдов впервые участвовали в высшем законодательном органе государства—на первом съезде Советов Армении, принявшем Конституцию республики. В первой Конституции Армянской ССР провозглашалось: «В пределах Советской Социалистической республики Армении (ССРА) все трудящиеся без различия национальности и вероисповедания пользуются равными правами».

Компартия и правительство Советской Армении развернули широкую работу, направленную на повышение политической активности и всемерное улучшение культуры и быта национальных меньшинств. Наряду с огромной материальной и хозяйственной помощью с первых же дней Советской власти встал вопрос о начале культурного строительства. Как только трудящиеся Армении взяли власть в свои руки, в 1921 г. распоряжением Наркомпроса республики был создан курдский алфавит и учебник, организована подготовка учителей кадров и открыты школы в курдских селах. В 1921 г. в курдских селах Армянской ССР было открыто 5 школ, а в 1925 г. их число достигло 10. Тогда же приступили к работе по ликвидации неграмотности среди взрослого курдского населения и их политическому просвещению.

ЦК КП(б) Армении особое внимание уделял работе среди курдского населения. Президиум ЦК 3 июня 1924 г.

---

<sup>22</sup> «Восстановление народного хозяйства Армянской ССР (Материалы и документы за 1921—1928 гг.)», Ереван, 1958, стр. 2.

<sup>23</sup> См. ЦГАОРСС Армянской ССР, ф. 4/114с, оп. 1, д. 5, л. 42.

специально обсудил вопрос о работе среди курдов и предложил Ленинанканскому и Эчмиадзинскому уездным комитетам партий шире вовлекать бедняков и середняков в советскую работу с тем, чтобы подорвать влияние кулаков. В решении ЦК предусматривались такие мероприятия, как развертывание школьного строительства, усиление работы государственных и кооперативных организаций среди курдского населения, выдвижение активистов-курдов на ответственную работу и т. д. Состоявшийся 30 декабря 1925 г. съезд курдов Эчмиадзинского уезда Армянской ССР послал на имя Председателя ЦИК СССР М. И. Калинина телеграмму, в которой говорилось: «Мы твердо решили вести борьбу против остатков племенных обычаев, перейти к оседлой жизни, поднять сельское хозяйство нашей страны. Взамен бывших племенных вождей мы создадим прочные сельсоветы для укрепления власти бедняков, середняков и Советов»<sup>24</sup>.

Все эти мероприятия способствовали пробуждению классового самосознания крестьян, их сплочению вокруг Советской власти и активному участию в ее деятельности. Говоря о природе Советов и их роли в строительстве новой жизни, В. И. Ленин отмечал: «Советы—непосредственная организация самих трудящихся и эксплуатируемых масс, облегчающая им возможность самим устраивать государство и управлять им всячески, как только можно... Автоматически советская организация облегчает объединение всех трудящихся и эксплуатируемых вокруг их авангарда, пролетариата»<sup>25</sup>.

Именно Советы и воплощенная в них власть раскрепощенного народа сделали возможными все те достижения в экономическом и культурном развитии курдов Советского Союза, которыми мы гордимся и которые вдохновляют зарубежных курдов на борьбу за социальную свободу и национальную независимость, демократию и прогресс.

Խ. Մ. ՉԱՏՆԵՎ

ՀՈՎՏԵՄԲԵՐՅԱՆ ՀԵՂԱՓՈՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՍՈՎԵՏԱԿԱՆ ՄՈՒՒԹՅԱՆ  
ՔՐԴԵՐԸ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հոկտեմբերյան սոցիալիստական մեծ հեղափոխությունը մեծ

<sup>24</sup> Архив Армянского филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 3, д. 353, лл. 49—50.

<sup>25</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 257.

ազդեցութիւն գործեց Արևելքի ժողովուրդների, այդ թիւում և քուրդ ժողովրդի ճակատագրի վրա: Մեծ հոկտեմբերից հետո քուրդ ժողովրդի ազգային ազատագրական շարժումները լայն թափ են ստանում, թևակոխում մի նոր փուլ:

Այն ժամանակ, երբ քրդական ժողովրդական մասսաները Արևելքի մի շարք երկրներում ենթարկվում են սոցիալական ու ազգային ճնշման, նախկին ցարական Ռուսաստանի տերիտորիայում բնակվող քուրդ ժողովրդի մի փոքր հատվածը Հոկտեմբերյան հեղափոխութիւնից հետո դարձավ Սովետական Միութիւն բազմազգ ընտանիքի իրավահավասար անդամը, հասնելով տնտեսական և կուլտուրական աննախընթաց բարգաւաճման:

ՍՍՀՄ-ում ապրող քրդերի նվաճումներն ու հաջողութիւնները հիացմունք են պատճառում արտասահմանյան քրդերին: Ահա ինչու ազգային ու սոցիալական ազատագրման համար մղած իրենց պայքարում քուրդ ժողովրդի աշխատավորական մասսաներն իրենց հայացքն ուղղում են դեպի Սովետական Միութիւն որդերը՝ նրանց պատմական փորձի մեջ տեսնելով դեմոկրատիայի և սոցիալական ազատագրման հաղթանակի ուղին:

А. А. РОГУШИН

## К ВОПРОСУ О «ПРОБЛЕМЕ ВОСТОКА» В ТУРЦИИ

Имея целью ликвидировать любые напоминания об исконном армянском населении Западной Армении и обойти национальную самобытность курдов, турецкие издания обозначают территории Западной Армении и Курдистана ничего в данном случае не обозначающим термином «Восток»<sup>1</sup>; в это понятие включаются вилайеты Адьяман, Агры, Бингель, Битлис, Диярбакыр, Элязиг, Эрзинджан, Эрзурум, Хаккяри, Карс, Малатья, Мардин, Муш, Сирид, Тунджели, Урфа, Ван<sup>2</sup>. После депортации и физического истребления армянского населения этих районов основное их население составляют курды. Впрочем, курдские авторы<sup>3</sup> и западногерманский востоковед В. Д. Гютерот свидетельствуют, что уцелевшая от турецких погромов часть армян, владея курдским языком и живя среди курдов, скрывает свою национальность, сохраняя, однако, верность национальным традициям и христианской церкви<sup>4</sup>.

Несмотря на все попытки отуречить нетурецкое население отмеченных областей, даже по явно заниженным данным турецкой статистики, здесь проживает, не говоря о других национальных меньшинствах, 2328,4 тыс. курдов<sup>5</sup>. Зарубежные курдологи определяют численность курдского населения в Турции в 4 млн. человек<sup>6</sup>. Различия этих цифр объясняются

<sup>1</sup> „Forum“, 15 ocak 1968, № 331. s. 8.

<sup>2</sup> S. Aydemir. İkinci adam, İstanbul, 1966, s. 305.

<sup>3</sup> احسان نوری، تاریخ ریشه نژادی کرد، تهران ۱۳۳۰

<sup>4</sup> W. D. Huterot. Bergnomaden und Jaylabauern im mittleren kurdischen Taurus, Marburg, 1959.

<sup>5</sup> „Türkiye İstatistik Yılıgi“, 1964—1965. s. 93.

<sup>6</sup> I. Blau. La probleme Kurde, Bruxelles, 1963, p. 7.

не только умышленным снижением турецкой статистикой действительного количества курдов, но и тем, что в определении национальной принадлежности она исходит из языкового фактора, объявляя турком любого, кто владеет турецким языком. Однако даже по данным турецких источников 80—85% населения восточных вилайетов не владеет им. Турецкий язык знают в основном мужчины, прошедшие военную службу, и небольшой процент лиц, которых турецкая статистика причисляет к разряду «грамотных». В вилайетах Тунджели, Бингель, Муш, Агры, Битлис, Хаккяри, Мардин, Ван, Урфа, Адыман и других губернаторы имеют штатных переводчиков для общения с местным населением, в том числе и с курдами<sup>7</sup>. Таким образом, несмотря на давнее стремление правящих кругов Турции «освоить» эти районы, как в историческом, так и языковом, этническом и национальном плане, они остаются нетурецкими и являются в этом смысле такими же колониями, какими они были в Османской империи. Отсюда — та шовинистическая и реакционная политика по отношению к этим областям и их населению, в результате которой они продолжают оставаться, по образному выражению турецкого историка Ш. С. Айдемира, в положении «кровоточащей раны» и «нерешенной проблемы Турции»<sup>8</sup>. Не будет преувеличением сказать, что дальше некоторых так называемых «административных» и вызванных курдскими восстаниями в прошлом и стремлением их предупреждения в будущем «профилактических» и открыто военно-полицейских мероприятий турецкое правительство не пошло. Государство, — отмечает цитированный Айдемир в своей книге «Второй человек», посвященной периоду правления Исмета Иненю, — «никогда по-настоящему не занималось основной структурой Востока... В результате проблема Востока при власти Исмета и позже была проблемой нищеты, бесправия и болезней...»<sup>9</sup>. Несмотря на демагогические обещания правящих кругов ликвидировать разницу в уровне экономического и культурного развития отдельных районов страны и провести необходимые реформы, их политика в отношении восточных вилайетов, «сохраняющих свою прежнюю структуру и облик»<sup>10</sup>, осталась неизменной. Обещая после подавления каждого курдского восстания коренные преобразования, ни одна из сменяющих друг друга группировок турецкой буржуазии, пишет Ш. С. Айдемир, не пошла на «изменение социальной структуры... и пол-

<sup>7</sup> „Forum“, 1 ekim 1968, № 347, s. 21.

<sup>8</sup> S. S. Aydemir. İktisadi adam, S. XI, 304.

<sup>9</sup> Там же, стр. 104.

<sup>10</sup> Там же, стр. 305.

ную ликвидацию феодализма на Востоке»<sup>11</sup>. Вторя ему, известный турецкий экономист Исмаил Бешикли отмечает «пренебрежительное отношение властей к Восточной Анатолии»<sup>12</sup>. Именно поэтому, пишет журнал «Форум», этот район до сих пор «не является составной частью экономики Турции» и в силу «его экономических, общественных и культурных особенностей» представляет собой «особый район» страны<sup>13</sup>. 90% его работающего населения занято в сельском хозяйстве и только 4% в промышленности, включая кустарное производство<sup>14</sup>, тогда как в среднем по Турции распределение населения по сферам производства равно соответственно 74% и 10%<sup>15</sup>. На восточные вилайеты, занимающие около 25% территории Турции, приходится всего 6,8% общего числа предприятий, на которые распространяется закон о труде. При этом 60% государственных и 84,8% частных предприятий сосредоточены в городах Малатья, Элязиг, Диярбакыр, Урфа, Эрзурум и Карс<sup>16</sup>.

Давно известно, что восточные районы Турции богаты природными ресурсами. Здесь находятся крупнейшие хромовый (район Гулеман, 25 км севернее Маден) и медный (Эргани) рудники, свинцово-серебряный рудник в Кебане (вилайет Элязиг) и Рамано-Гарзанский нефтяной промысел (вилайет Сиирд). Расходуя, однако, огромные средства на военные нужды и вкладывая капиталы на развитие западных районов, правящие круги Турции не предпринимают мер к эксплуатации этих богатств, предпочитая сдавать их в концессию иностранным монополиям, несмотря на то, что заведомо известна их незаинтересованность в развитии турецкой экономики. Так, в марте 1954 г. турецкий меджлис утвердил разработанный американским нефтепромышленником М. Боллом закон о нефти, передавший разведку и эксплуатацию нефтяных месторождений в руки 14 иностранных (американских, английских и голландских, а позже и западногерманских) и двух турецких фирм. Характеризуя этот закон, Исмет Иненю назвал его «возвратом к эпохе капитуляций»<sup>17</sup>. Эта оценка неслучайна. Дело не только в том, что иностранные компании гораздо раньше турецких

<sup>11</sup> Там же, стр. 307.

<sup>12</sup> „Forum“, 16 mart. 1970, s. 10.

<sup>13</sup> „Forum“, 15 ocak 1968, № 331, s. 8. 10.

<sup>14</sup> См. там же, стр. 9.

<sup>15</sup> См. М. П. Победина, В. П. Смирнов, В. В. Цыбульский. Экономическая география стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1969, стр. 87.

<sup>16</sup> См. „Forum“, 15 ocak 1968, № 33, s. 9.

<sup>17</sup> „Jent Ulus“, 24, IV, 1954.

фирм получили лицензии на ведение нефтеразведочных работ, прибрав к рукам наиболее перспективные районы в вилайетах Урфа, Мардин, Адыяман, Мараш, Малатья, Диярбакыр, Сирид, но и в том, что иностранные нефтяные монополии умышленно сдерживают нефтедобычу, чтобы продавать Турции... нефть<sup>18</sup>; известно, например, что ее потребность в нефтепродуктах уже в 1965 г. составила 4,5 млн. т<sup>19</sup>, а в самой Турции еще в 1967 г. добывалось всего лишь 2,7 млн. т.<sup>20</sup>

Этот факт достаточно наглядно характеризует «заботу» правящих кругов Турции об экономических интересах страны и развитии восточных областей. Не менее наглядно характеризует ее и то, что самая крупная на востоке ГЭС (Тортумская) имеет мощность 16 тыс. квт, а строящаяся на Евфрате (в местечке Кебан) ГЭС с проектной мощностью в 620 тыс. квт в эксплуатацию будет сдана только в... 1979 г.; что в то время, когда в западных областях телефонизировано более половины населенных пунктов, в юго-восточном районе телефонизировано всего только 6% населенных пунктов<sup>21</sup>; что несмотря на интенсивное дорожное строительство по линии НАТО и СЕНТО, на долю восточных районов приходится всего 18,7% государственных вилайетных дорог, из которых лишь 34,8% пригодны для круглогодичного движения, и 6,5% транспортных средств.

В свете этих фактов неудивительно, что в своем экономическом развитии восточные районы значительно отстают от западных, собственно турецких вилайетов, а в некоторых случаях находятся на более низком уровне, чем это было в начале XX в. Так, эти районы издавна славились своим ремесленным производством, ныне оно находится в полном упадке. Накануне первой мировой войны в Ване, например, насчитывалось более 100 ювелирных мастерских, принадлежавших армянам, ныне от этого ремесла не осталось и следа; такая же участь постигла и ванское ткачество<sup>22</sup>, как и все кустарное ремесленное производство вообще.

Вопрос этот хорошо иллюстрируется изучением экономики восточных областей Турции в сопоставлении как с их состоянием в начале XX в.<sup>23</sup>, так и уровнем развития запад-

<sup>18</sup> „Ulus“, 13, V, 1965.

<sup>19</sup> „Ulus“, 8, V, 1965.

<sup>20</sup> «Экономическая география стран Ближнего и Среднего Востока», стр. 98.

<sup>21</sup> „Forum“, 15 осак 1968, № 331, с. 9.

<sup>22</sup> См. „Vatan“, 26, III, 1952.

<sup>23</sup> Д. С. Завриев. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, 1947.

ных вилайетов<sup>24</sup>. Отсылая к работам этого направления, отметим, что основной отраслью их экономики, как и прежде, остается сельское хозяйство, но и оно находится на самом низком уровне развития. Главным тормозом на пути его развития остаются отсталые аграрные отношения, основу которых составляет переплетение феодальных отношений с патриархальными и капиталистическими, дающее с одной стороны крупное помещичье землевладение, сосредоточение основных земельных массивов в руках феодально-религиозной верхушки—ага, шейхов и беев, и с другой—мелкое крестьянское землепользование, повсеместно сохраняющее черты кабально-отработочной «патриархальной» эксплуатации.

В изучаемых нами районах находятся самые крупные феодально-помещичьи латифундии Турции; в вилайетах Агры, Мардин, Урфа, Диярбакыр и других феодально-патриархальной верхушке принадлежат почти вся пахотная земля и пастбищные угодья, в то время как основная масса крестьян—малоземельные и безземельные. Турецкие источники<sup>25</sup> сообщают, что 745 824 крестьянских хозяйства, или 37,2%, не имеют земли; что в вилайетах Ван крестьяне 11 деревень, Диярбакыр—70 деревень, Агры—30 деревень и Мардин—91 деревни—не имеют вообще земли<sup>26</sup>. Распределение земельного фонда и уровень механизации сельскохозяйственных работ по отдельным вилайетам иллюстрируются ниже-следующими данными<sup>27</sup>:

Вилайеты	Безземельные хозяйства		Владельцы 0—10 денюмов		Владельцы 11—25 денюмов		Владельцы 200 и более денюмов		Деревянные сохи (карасапан) шт.	Металлические плуги шт.	Тракторы шт.	Комбайны шт.
	Число хозяйств, %	Размер земель владений	Число хозяйств, %	Размер земель владений	Число хозяйств, %	Размер земель владений						
							Число хозяйств, %	Размер земель владений				
Ван	37,5	13,6	1,2	17,8	4,4	6	30,8	12792	6975	414	7	
Битлис	34,6	57,0	4,9	11,5	4,1	2,4	28,0	8157	2169	76	1	
Диярбакыр	16,8	33,6	1,9	23,8	4,7	6,6	63,0	34127	693	311	91	
Мардин	40,8	33,3	2,9	27,0	7,8	4,5	49,0	24242	2167	341	47	
Хаккяри	45,0	76,3	13,1	10,5	8,9	1,0	38,0	2910	650	5	—	
Агры	36,1	7,6	0,6	15,0	2,9	8,1	42,5	20112	3941	126	21	

<sup>24</sup> Е. Ф. Лудушвейт. Турция. М., 1955, стр. 336—375.

<sup>25</sup> „Kim“, 22 mart 1968, № 503, s. 8.

<sup>26</sup> „Cumhuriyet“, 22—30. IX, 1969.

<sup>27</sup> Там же.

В крупных латифундиях преобладают различные формы феодально-кабальной аренды и обработок, меньше используется наемный труд, низка агрономическая культура, а использование современной сельскохозяйственной машинной техники явно не соответствует размерам владений. В восточных районах находится всего 3,3% тракторного (1680 шт.) и 4,7% комбайнного (270 шт.) парка Турции<sup>28</sup>, большая часть которого принадлежит кулацкой верхушке. Несмотря на засушливый климат, орошение почти повсеместно отсутствует. Так, в вилайете Диярбакыр орошается лишь 1,6, в вилайете Мардин—2,1, в вилайете Урфа—0,4% земельных угодий<sup>29</sup>. Аналогичная картина наблюдается и в других вилайетах. В 527 деревнях вилайета Агры, 314 деревнях вилайета Эрзурум, 381 деревне вилайета Диярбакыр, 500 деревнях вилайета Карс, 325 деревнях вилайета Мардин, 257 деревнях вилайета Муш, 546 деревнях вилайета Ван и 501 деревне вилайета Урфа в земледелии совершенно не применяются удобрения<sup>30</sup>. В результате урожайность зерновых культур в два раза ниже, чем в среднем по стране и поэтому продуктов земледелия едва хватает на покрытие потребностей местного населения<sup>31</sup>. Ш. С. Айдемир отмечает, что культура земледелия в урартское время была выше, чем в нынешней Турции<sup>32</sup>.

Неудивительно, что в этих условиях крупные земельные собственники, в основном, не ведут свое хозяйство, а сдают землю в коллективную аренду местным безземельным и малоземельным крестьянам, обрабатывающим ее своим примитивным сельскохозяйственным инвентарем, основу которого составляют деревянная соха (карасапан) или плуг. При сдаче земли в аренду преобладает натуральная арендная плата (1/2 или 3/4 урожая). Собственники используют механизм не только экономического (ссуды деньгами, семенами и сельскохозяйственным инвентарем и т. п.), но и личного принуждения, заставляя крестьян обрабатывать определенное количество дней на различных сельскохозяйственных работах.

Наряду с этим в послевоенные годы здесь наблюдается интенсивный процесс формирования кулацкой верхушки, переходящей к ведению товарного капиталистического хозяйства на базе использования наемного труда и машинной техники, внедрения современной агрономической культуры в земледелии. Ее ряды пополняются за счет перехода на капи-

<sup>28</sup> См. „Forum“, 15 Ocak 1968, N 331, s. 9.; „Cumhuriyet“, 8. IX. 1968.

<sup>29</sup> См. „Forum“, 1 Mart 1968. N 334, s. 10.

<sup>30</sup> См. там же.

<sup>31</sup> См. „Forum“, 15 Ocak 1968, N 331, s. 9.

<sup>32</sup> См. S. S. Aydemir, *İktincl adam*, s. 305.

галистический путь развития помещичьих латифундий. Наем сельскохозяйственных рабочих становится неотъемлемой частью крупных кулацких хозяйств. Около 80% безземельных местных крестьян работают в качестве сельскохозяйственных рабочих в кулацко-помещичьих хозяйствах<sup>33</sup>.

Мелкие и даже средние хозяйства, не говоря о безземельных, все меньше и меньше прибегают к денежной аренде земли вследствие дороговизны арендной платы. Непрерывающийся рост стоимости земли и арендной платы и постепенная концентрация самой аренды в руках сельской буржуазии сводят к минимуму возможности покупки и аренды земли для низших групп крестьянства. По статистическим данным, к денежной аренде земли прибегают 4772 безземельных хозяйства (1,7%), к коллективной натуральной аренде—39831 хозяйство (14,3%)<sup>34</sup>.

Мелкие и большая часть средних хозяев ведут убыточное хозяйство и в массовом количестве разоряются, превращаясь в промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Для этой категории крестьян продажа своей рабочей силы становится главным источником существования. Миграция обездоленных крестьян по стране в поисках заработка достигла огромных размеров. Как отмечает турецкая печать, крупные города страны наводнились «сынами Анатолии». Отлив сельского населения в города принял массовый характер в вилайетах Малатья, Урфа, Эрзинджан, Тунджели и многих других. До 1950 г. только Эрзурум имел население свыше 50 тыс. человек, в настоящее время более 100 тыс. жителей имеют Эрзурум, Малатья, Урфа и Диярбакыр, более 80 тыс. жителей—Элязиг и Карс<sup>35</sup>. В Анкаре, Стамбуле и Адане образовались целые кварталы, населенные курдами, лазами, черкесами и другими «сынами Анатолии».

Аналогичную картину переплетения полуфеодальных отношений с капиталистическими мы наблюдаем и в животноводстве—ведущей отрасли сельского хозяйства изучаемого района. Несмотря на то, что в животноводстве занято 70% его сельского населения, основная масса скота находится в собственности тех же ага, шейхов и беев, которые держат в кабальной зависимости мелкие пастушеские хозяйства. В вилайете Карс, например, некоторые хозяйства имеют по 200 и более дойных коров, тогда как другие в состоянии держать 1—2 коровы или только мелкий рогатый скот.

<sup>33</sup> См. „Kırm“, 22 Mart 1968, N 503, s. 8.

<sup>34</sup> См. „Forum“, 15 Ocak 1968, N 331, s. 21, „Kırm“, 22 Mart 1968, N 503, s. 8.

<sup>35</sup> См. „Forum“, 15 Ocak 1968, N 331, s. 9.

Под влиянием предпринимательских тенденций идет процесс специализации товарного скотоводства по отдельным районам. В ряде вилайетов ведущее место занимает торговое овцеводство (Агры, Ван, Хаккяри, Битлис, Элязиг), в других (Диярбакыр, Карс, Эрзурум) — мясо-молочное животноводство; эти районы дают 50% товарного мяса страны. Местные базары постепенно заменяются зональными скотными рынками. Только на эрзурумском рынке ежегодно реализуются сотни тысяч голов скота и большое количество разнообразной животноводческой продукции, поступающей из вилайетов Эрзурум, Карс, Бингель, Ван, Муш, Агры<sup>36</sup>.

Отношение правящих кругов к национальным меньшинствам находит наиболее яркое проявление в кредитовании крестьянства. Так, в вилайете Диярбакыр сельскохозяйственным кредитом пользуется лишь 0,4%, в вилайете Урфа — 8,9% крестьянских хозяйств. При этом в среднем на семью приходится 500—550 лир кредита<sup>37</sup>, которых не хватает даже на ремонт сельскохозяйственного инвентаря. По подсчетам д-ра Озера Озанкая, в скотоводческих хозяйствах размер кредита не превышает 1 лиры на голову скота<sup>38</sup>. Если учесть, что львиную долю сельскохозяйственного кредита получают ага, шейхи и бен, то можно без преувеличения сделать вывод о том, что низшие группы крестьянства государственным сельскохозяйственным кредитом почти не пользуются. Кредитование крестьян осуществляется преимущественно через кредитные кооперативы, которые, по данным д-ра Исмаила Бешикчи, в вилайетах Бингель, Битлис, Агры, Диярбакыр, Муш и Тунджели почти совершенно отсутствуют, а в вилайетах Адыяман, Эрзурум, Элязиг, Карс, Малатья, Сирид, Ван и Урфа исчисляются единицами<sup>39</sup>.

Отделения сельскохозяйственного банка и кредитные кооперативы выдают лишь краткосрочные кредиты под залог движимого и недвижимого имущества. Чем большую залоговую обеспеченность имеет хозяйство, тем больший оно получает кредит, и наоборот; это сводит к минимуму возможности получения кредита для мелких и средних хозяйств. Необходимость погашения кредита в краткие сроки в случае засухи, стихийных бедствий низводит крестьянина до окончательного разорения и превращения в наемного рабочего. В случае несвоевременного погашения кредитов отделения сельскохозяйственного банка и кредитные кооперативы безжалостно

<sup>36</sup> См. „Vatan“, 7. 1 1953.

<sup>37</sup> См. „Forum“, 15 Şubat 1968, 333, s. 11.

<sup>38</sup> См. „Forum“, 15 Ocak 1968, N 331, s. 10.

<sup>39</sup> См. „Forum“, 15 Şubat 1968, N 333, s. 13.

расправляются со своими должниками. Им предоставлено право налагать секвестр на имущество должника, продать его с аукциона или перевести в свою собственность.

Оказавшись в безвыходном положении, обездоленные крестьяне вынуждены обращаться за «помощью» к ростовщичу, в роли которого выступают получающие государственный кредит ага, шейхи, беи—вообще кулак, который, по замечанию Исмаила Бешикчи, «в вопросах регулирования кредитных отношений играет большую роль, чем официальные учреждения». Он «присвоил себе некоторые функции, чтобы усилить свой престиж, стать более сильным в экономическом отношении и еще теснее привязать к себе крестьянина»<sup>40</sup>. Получая кредит в сельскохозяйственном банке, ага перераспределяет его между крестьянами, увеличивая по своему усмотрению размер ростовщического процента. Отсюда—влияние и власть ага, шейха и бея не только в экономических отношениях в деревне, но через них и в области личной и духовной жизни крестьянина.

Как отмечает Исмаил Бешикчи, ага регулирует от имени крестьянина его отношения с государственным учреждением и городским торговцем, отправляет на почту письма крестьянина к находящемуся в армии сыну и доставляет письма от сына, сопровождает крестьянина к врачу, решает вопрос о бракосочетании его детей, информирует его о ценах на городском рынке и политической ситуации в стране, преследуя прежде всего свои экономические и политические цели. «Кабинет ага» в деревне превратился в своего рода «информационный центр», откуда ага контролирует все стороны жизни крестьянина<sup>41</sup>.

Если ага закабалает крестьянина главным образом экономически и политически, то глава религиозной общины—шейх—завершает это закабаление духовно. Проповедуя своим мюридам смирение и терпение в мирской жизни и «указывая им путь в рай», шейх, который сам зависит экономически от ага и является его послушным орудием, стремится затемнить классовое сознание крестьян, отвлечь их от борьбы за свои насущные экономические и политические права. Заваленный нуждой и бесправием, темный, обманутый шейхом и «не получающий от государства никакой помощи крестьянин связал свои надежды с загробным миром... и, чтобы удовлетворить шейха и с его помощью более надежно достичь рая... направляет в обитель шейха большую часть своего заработка»<sup>42</sup>.

<sup>40</sup> „Forum“, 15 Şubat 1968, N 333, s. 12—13.

<sup>41</sup> См. „Forum“, 15 Şubat 1968, N 333, s. 12.

<sup>42</sup> „Forum“, 1 Nisan 1968, N 336, s. 15.

Используя экономическую и духовную зависимость крестьянина, ага и шейх диктуют ему свою волю, принуждая голосовать на выборах за кандидатов угодной им политической партии<sup>43</sup>. Они имеют в своем распоряжении даже военную силу—вооруженные отряды «эшкия» и личных телохранителей, которые, будучи «арендованными людьми», по требованию своих хозяев облакадывают деревни налогами и уничтожают непокорных<sup>44</sup>, бдительно следят за политическими настроениями масс. «Власть ага,—пишет Ш. С. Айдемир,—распространяется не только на имущество крестьянина, его рабочую силу и производимую им продукцию. Под его строгим контролем находятся убеждения, духовный мир, семейные отношения и поведение крестьянина. Если удастся укрыться от высокой власти ага, то невозможно спастись от змеиных глаз шейха, проникающих в любое время суток до каждой хижны»<sup>45</sup>.

Этому немало способствует вопиющая отсталость в области просвещения, культуры и здравоохранения. Если средняя грамотность населения равна 63,5%, в изучаемых районах она едва достигает 24,3%, а в юго-восточных вилайетах не превышает 12%<sup>46</sup>. И этот небольшой процент грамотности падает, в основном, на турецкое население района, так как преподавание в школах ведется только на турецком языке. Доступ в школы закрыт для большинства курдов, не владеющих турецким языком. В знак протеста против проводимой турецкими властями политики ассимиляции национальных меньшинств большинство курдов, несмотря на существующий закон об обязательном начальном образовании, отказывается посылать своих детей в турецкие школы, которые, по заявлению Нури Дерсим, воспитывают школьников «в духе вражды к курдам»<sup>47</sup>. Особенно низка грамотность в сельской местности, составляющая в вилайетах: Агры 12,5, Битлис 10,9, Мардин 10,4, Урфа 9,8, Сиирд 8,9, Диярбакыр 9,4, Ван 10,3%<sup>48</sup>.

Если в среднем по Турции один врач приходится на 2964 жителей, то в восточных вилайетах—на 9217 человек<sup>49</sup>. В вилайете Хаккари не имеется ни одного врача, а в вилайетах

<sup>43</sup> См. „Forum“, 15 Nisan 1968, N 337, s. 15.

<sup>44</sup> См. „Aktis“, 6. XI 1967, N 4, s. 14; Ş. S. Aydemir. İkinci adam, s. 305.

<sup>45</sup> Ş. S. Aydemir. İkinci adam, s. 305.

<sup>46</sup> См. „Forum“, 15 Ocak 1968, N 331 s. 10.

<sup>47</sup> M. Nuri Dersimî, Kırdistan tarihinde Dersim. Halep, 1952, s. 19.

<sup>48</sup> См. „Forum“, 1 Mart 1968, N 334, s. 10.

<sup>49</sup> См. „Forum“, 15 Ocak 1968, N 331 s. 10.

Битлис и Бингель—всего по одному<sup>50</sup>. Низкий уровень жизни, антисанитария и отсутствие должного врачебного надзора являются главными причинами распространения заразных болезней. Около 30% населения больны трахомой. В вилайете Адыяман этой болезнью болен каждый второй житель<sup>51</sup>. В вилайетах Карс, Эрзурум, Агры, Тунджели, Ван, Битлис, Муш, Бингель, Элязиг, Малатья, Адыяман и Сивас распространена проказа, которой поражено несколько сот тысяч человек. Из 475 тыс. больных проказой в Турции находятся на излечении всего 3,5 тыс. человек. Поэтому неслучайно изучаемая зона, которая на основании принятого меджлисом закона официально рассматривается как «район лишений», превратилась в «место ссылки» провинившихся чиновников.

Не предпринимая никаких мер по улучшению положения населения восточных областей и оставляя, таким образом, причины недовольства, турецкие правящие круги думают «решить» курдский вопрос отрицанием наличия курдского меньшинства в Турции. Этот вопрос получил достаточное освещение в курдоведческой литературе<sup>52</sup>, и нам остается лишь сказать, что еще в 1923 г. глава турецкой делегации на Лозаннской конференции Исмет Иненю говорил: «Курды совершенно не отличаются от турок, и разговаривая на разных языках, эти два народа образуют единую массу с точки зрения расы, веры и нравов»<sup>53</sup>. Основываясь на этой «теории», турецкая конституция 1924 г. запретила употребление курдского и других языков в официальных учреждениях; было также категорически запрещено преподавание на языках национальных меньшинств в школах Турции. Рассматривая национальные меньшинства в качестве «раковой опухоли на турецком национальном организме», турецкий националист Саффет Энгин, бывший одно время министром турецкого правительства, пишет, что турецкие школы призваны выполнять роль «правильного котла», в котором должны раствориться национальные меньшинства. Таким образом,—заключает он,—«национальные меньшинства рано или поздно расплавятся под солнцем ататюркизма»<sup>54</sup>. Он призывает, в интересах сохранения «турецкого единства», отказаться от употребления слов

<sup>50</sup> См. там же, стр. 14.

<sup>51</sup> См. «Ulus», 4. XII 1965.

<sup>52</sup> Г. Б. Акопов. Критический обзор версий туранийско-турецкого происхождения курдов. «Вестник общественных наук» АН Арм. ССР, № 4, 1966, стр. 25—43.

<sup>53</sup> J. Blau, Le probleme kurde, p. 33.

<sup>54</sup> Saffet Engin, Avrupa kültürü nedir ve ne değildir. İstanbul, 1960 s.

«курд», «араб» и т. п.<sup>55</sup> Другой турецкий националист, Хикмет Танью, автор книги «Ататюрк и турецкий национализм», пытается теоретически «обосновать» необходимость ассимиляции, отуречивания национальных меньшинств. «Эта родина — турецкая родина, — пишет он. — Хозяева этой родины — турки. Разумеется, на этой родине должны господствовать турецкие цели, турецкий идеал, турецкие чаяния. На этой территории нет места никаким другим целям, идеалам и чаяниям...» И далее: «Подлинные хозяева родины имеют законное право желать и ожидать отуречивания этих людей», которые «говорят по-турецки, по-видимому, усвоили турецкую культуру, имена и обычаи которых походят на турецкие имена и обычаи и которые только в расовом отношении не являются турками»<sup>56</sup>.

Вооружившись этой «теорией», правящие круги Турции продолжают проводить традиционную политику ассимиляции курдов и подавления их справедливой борьбы за демократическое решение курдского вопроса. Об этом говорят, в частности, многочисленные аресты за «курдскую сепаратистскую деятельность», произведенные в 1959—1960 гг. и в последующие годы, расправа отрядов жандармерии и «коммандос», учиненная в апреле 1970 г., якобы за связь с Барзани, над курдским и христианским населением ряда уездов вилайетов Сиирд, Диярбакыр и Мардин. Так, 8 апреля 1970 г. около 4 тыс. жандармов и «коммандос» в три часа утра ворвались в уездный центр Сильван (вилайет Диярбакыр), выгнали всех жителей из домов, собрали в трех лагерях и подвергли там бесчеловечным пыткам. В целом ряде деревень уездов Бисмил (вилайет Диярбакыр), Дерик (вилайет Мардин), Эрух (вилайет Сиирд) и других жандармы и «коммандос» раздвигали догола местных жителей, клали их под «фалаку» — деревяшку, к которой привязываются ноги при пытках — и затем били палками по пяткам, избивали плетью и прикладами, привязывали им камни и другие предметы к половым органам, выставляя в таком виде для всеобщего обозрения. В деревне Арнас (уезд Мидьят, вилайет Диярбакыр), населенной христианами, они раздели всех мужчин догола и пытались совершить им обрезание. В деревне Садан (уезд Дерик) жандармы заявили жителям: «Отныне ваши женщины одну неделю будут принадлежать вам, а другую неделю — нам...». Можно было продолжить перечень фактов этого дикого разгула «блюстителей порядка». Они подробно изложены в жалобе пострадавших курдов, адресованной президенту Турции. Но ясно

<sup>55</sup> См. там же, стр. 105.

<sup>56</sup> *Hikmet Tanu*, *Atatürk ve Türk Milliyetçiliği*, Ankara, 1961, s. 64.

одно: националистический разгул реакции в курдских районах поощряется и направляется определенными кругами. Именно об этом свидетельствует заявление жандармов жителям деревни Ревшат (уезд Дерик). В нем говорится: «Мы будем насильствовать вас до тех пор, пока не прогоним отсюда. Идите жалуйтесь кому хотите, имеется приказ убивать вас, никто нам не помешает делать это»<sup>57</sup>.

Однако эта политика национального угнетения, эксплуатации и насильственного отуречивания крупнейшего национального меньшинства Турции наталкивается на растущее сопротивление народных масс, которое все более и более приобретает, в отличие от довоенного времени, характер национально-демократического движения<sup>58</sup>, направленного в своей основе против всех форм угнетения и социального принижения как со стороны турецкой буржуазии, так и местной феодально-племенной и кулацкой верхушки. Это движение объединяет различные слои курдского народа. Наиболее активное участие в нем принимают патристически настроенная курдская интеллигенция и студенческая молодежь, которые, несмотря на существующие запреты, поддерживают связь с демократическими организациями курдов за границей. Турецкие курды проявляют живой интерес к положению курдов в СССР, Ираке и других странах. Как подчеркивает журнал «Форум», курды Турции, «совершенно не слушают анкарские и ванские радиопередачи на турецком языке, а слушают... ведущиеся на курдском языке радиопередачи из Тегерана, Еревана и Багдада». Журнал вынужден признать, что радиопередачи на турецком языке «не играют никакой воспитательной роли для граждан, не владеющих турецким языком и в своей массе разговаривающих по-курдски»<sup>59</sup>.

Турецкие газеты пестрят сообщениями о земельных конфликтах в восточных районах Турции, о насильственных захватах крестьянами помещичьих земель. Правда, это движение за землю еще не приняло организованного характера и жестоко подавляется жандармерией, которая свято стоит на страже интересов землевладельцев.

Действующий в Турции закон об обществах запрещает

<sup>57</sup> «Ant», 2. VI 1970, стр. 25—26.

<sup>58</sup> Об этих тенденциях в курдском движении в Турции см. Г. Б. Акопов. Курды и курдский вопрос в турецкой историографии. «Страны и народы Ближнего и Среднего Востока», вып. V, Турция, АН Арм. ССР, 1970, стр. 381—407.

<sup>59</sup> «Forum», 1 Mayıs 1968, s. 16.

создание организаций, преследующих «региональные цели» или направленных против «политического и национального единства»<sup>60</sup>. Прессе запрещено публиковать материалы в защиту интересов национальных меньшинств. Закон 1965 г. о политических партиях запрещает создавать «партии, группирующие национальные меньшинства, а также региональные партии»<sup>61</sup>. Эти и им подобные законы направлены на то, чтобы затормозить процесс формирования классового и национального самосознания курдов и других национальных меньшинств. И все же в Турции, вопреки всем этим препонам, время от времени появляются на свет периодические издания на курдском и турецком языках (в 1962 г.—газета «Диджле-Фырат», в 1963 г.—«Рөя Раст» и др.), а также создаются организации, главным образом студенческие, защищающие интересы курдского народа. В феврале 1970 г. газета «Джумхурет» сообщила о выходе в свет первого номера газеты, которая решительно выступает против засилья курдских ага и беев, пользующихся поддержкой правительства, которое, выдавая им банковские кредиты «в соответствии с их имущественным положением», совершенно не оказывает финансовой помощи нуждающемуся населению<sup>62</sup>.

В 1967—1968 гг. по населенным курдами районам Турции прокатилась волна народного недовольства политикой правительства. В Диярбакыре, Сильване, Сивереке, Битлисе и даже в Анкаре прошли курдские митинги и демонстрации под лозунгами: «Почему Западу фабрики, заводы, дороги, а Востоку—отряды «коммандос» и полицейско-жандармские караваны?», «Восток—не место ссылок!» и др. Участники митингов требовали изменения политики правительства по отношению к Востоку страны, экономического и культурного развития, ликвидации голода, безработицы и эксплуатации курдского народа<sup>63</sup>.

Как и следовало ожидать, эти требования вызвали бурную реакцию и озлобление в лагере турецких националистов. Ярый пантюкист Нихал Атсыз, который был одним из главных обвиняемых за пропаганду туранистских взглядов на судебном процессе 1944—1947 гг.<sup>64</sup>, опубликовал по поводу курдских митингов статью в журнале «Отюкен» (№ 28), в которой выражает следующим образом свое отношение к курдам: «Пусть они, не вовлекая в беду турецкую нацию, сами

<sup>60</sup> *Tarik Z. Tunaya, Türkiye'de siyasal partiler, İstanbul, 1952, s. 549.*

<sup>61</sup> *„Orient“, 1966, N 39, Paris, p. 38.*

<sup>62</sup> *„Cumhuriyet“, 3. II 1970.*

<sup>63</sup> *См. „Forum“, 15 Ocak 1968, N 331, s. 14.*

<sup>64</sup> *См. Tekin Erer, Basında kavgalar, İstanbul, 1965, s. 121—125.*

сгинут. Скажите, куда? Куда их глаза глядят, куда их сердце тянет, пусть туда и уходят. Пусть уходят в Иран, Пакистан, Индию, к Барзани. Пусть обращаются в ООН и требуют себе землю в Африке. Пусть их соплеменники спросят у армян и узнают, что турецкая раса обладает крайним терпением, однако, когда чаша переполнена, не остановится подобно льву»<sup>65</sup>. Его коллега Исмет Тютюрок в журнале «Милли йол» предложил выселить курдов и поселить там вооруженных «казахских» и «киргизских» переселенцев, которые, по его мнению, будут верно служить государству и поддерживать в этом районе надлежащий порядок<sup>66</sup>. Против этих националистических публикаций выступили курдские студенческие организации со специальным заявлением. В нем говорилось, что выселить из Турции надо не курдов, а «фанатиков, стремящихся натравить народы друг на друга», и носителей националистической идеологии, которые стремятся «используя расовые, языковые и религиозные различия между гражданами, разделить их на враждебные лагеря, с целью сохранения экономической эксплуатации...»<sup>67</sup>.

Рост демократического движения курдов Турции и его массовый характер все настойчивее ставят вопрос о путях решения курдского вопроса, названного Ш. С. Айдемиром «хронической болезнью Турции»<sup>68</sup>. Эта «хроническая болезнь» будет существовать до тех пор, пока существуют причины, порождающие ее, пока не будут проведены коренные социально-экономические и политические преобразования. Их необходимость понимает даже такой националист, как профессор Х. В. Велидедеоглу. Уверая, что-де «в нашей стране живут не «народы», а «турецкий народ», исцеление от болезни курдским вопросом он видит в ликвидации феодально-племенной системы и сохранении «равенства» граждан в рамках «турецкого единства»<sup>69</sup>. Ш. С. Айдемир предлагает заменить путем проведения аграрной реформы крупную земельную собственность мелкой и «покорить Восток... купчей крепостью, школой, судом и чиновником, не находящимся в подчинении бей». И тогда, — заявляет он, — крестьянин будет поддерживать более тесные контакты с государственными учреждениями, в результате чего «турецкий язык получит право гражданства» на востоке и курды станут турками.

Иной путь предлагает издающийся в Стамбуле журнал

<sup>65</sup> „Forum“, I Haziran 1968, N 340, s. 10.

<sup>66</sup> См. там же.

<sup>67</sup> „Forum“, I Haziran 1968, N 340, s. 10.

<sup>68</sup> Ş. S. Aydemir, İkinci adam, s. 304.

<sup>69</sup> „Cumhuriyet“, 3. II 1970.

«Ант». Выступая с позиций классовой солидарности турецких и курдских трудящихся, он выдвигает идею создания «Революционного народного фронта» на базе союза рабочего класса и крестьянства Турции, который должен объединить широкие народные массы в совместной борьбе против турецких и курдских угнетателей, за предоставление курдам демократических прав. «Действительное братство и равенство народов,—пишет журнал,—достигается путем борьбы с узконационалистическими взглядами, опирающимися только на расистские, шовинистические, ассимилятивные и классовые эксплуататорские интересы, путем признания права народов на развитие их языка и культуры»<sup>70</sup>. Предлагая этот путь решения курдского вопроса, «Ант» исходит из интересов не только курдского, но и турецкого народа, ибо, по словам Маркса, «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы»<sup>71</sup>.

#### Ա. Ա. ՌՈԳՈՒՇԵՆ

### ԹՈՒՐԵՒԱՅՈՒՄ «ԱՐԵՎԵԼՔԻ ՊՐՈՊՈՆՄԻ» ՄԱՍԻՆ

#### Ա մ փ ո փ ու մ

Թուրքական կառավարող շրջանները և պաշտոնական պրոպագանդան գտնում են, որ ազգային հարցը Թուրքիայում գտել է իր լուծումը, որ այնտեղ ստեղծված է երկրի բոլոր քաղաքացիների ընդհանուր ազգային շահերի վրա հիմնված այսպես կոչված «ազգային միասնություն»: Մինչդեռ իրականում Թուրքական սահմանադրությամբ երկրի բոլոր քաղաքացիները անկախ նրանց ազգային պատկանելությունից, հայտարարվում են Թուրքեր:

Հոդվածում Թուրքական պատմական գրականությունից և մամուլից բերված բազմաթիվ կոնկրետ օրինակների ու փաստերի հիման վրա ցույց է տրվում Թուրքիայում բնակվող քրդերի նկատմամբ իշխանությունների վարած բիրտ ու սանձարձակ կամայականությունների, ասիմիլացիայի, ազգային ու սոցիալական ճնշման քաղաքականությունը: Միաժամանակ ցույց է տրվում, որ կառավարող շրջանների այդ քաղաքականությունը հանդիպում է քրդերի վճռական դիմադրությանը, որը գնալով ձեռք է բերում դեմոկրատական շարժման բնույթ:

<sup>70</sup> „Ant“, 3 Temmuz 1970, s. 30—34.

<sup>71</sup> Там же, стр. 34.

М. А. ГИСАРОВ

## КУРДСКИЙ ВОПРОС В ТУРЦИИ

(От начала кемалистского движения до

Лозаннской конференции)

Освободительное движение курдов в Турции, пройдя несколько этапов в своем развитии, к началу XX в. начало приобретать характер национального движения, обостряемого шовинистической политикой турецкой буржуазии в лице ее младотурецких лидеров. Поражение Османской империи в первой мировой войне, крах политики панисламизма и паносманизма, вместе с усилением пантюркизма, предположившего насильственную туркизацию и ассимиляцию национальных меньшинств, явились факторами, содействовавшими формированию и развитию курдского национального самосознания и усилению освободительного движения. В условиях развала Османской империи курды, как и другие народы, поднялись на борьбу за свои национальные права. Выразителем интересов курдского движения в тот период выступало Общество возрождения Курдистана («Курдистан Теали джемиети»)¹. Возникнув в 1918 г., это общество придерживалось умеренных позиций. Оно заключило с партией «Свобода и согласие» («Хюрриет ве итиляф») соглашение о предоставлении Курдистану автономии в пределах Османской империи². Имея свои отделения в вилайетах Диярбакыр, Битлис, Элязиг³, общество вело борьбу за возвращение курдов из различных районов Анатолии в свои родные края, назначение курдов на административные посты в «турецком» Курдистане⁴, установ-

¹ См. Dr. T. Z. Tunaya. *Türkiyede siyasi partiler 1859—1952*. İstanbul, 1952, s. 429—430.

² См. M. Toker, *Şeyh Salt ve İsyanı*. Ankara, 1968, s. 115.

³ См. K. Atatürk. *Nutuk*, с. III, İstanbul, 1932, s. 904, (Vestikalar 8—9)

⁴ По мнению видного деятеля Общества возрождения Курдистана Кямюрана Али Бедирхана, «турецкий» Курдистан должен был включать вилайеты Эрзурум, Ван, Битлис, Диярбакыр, Харпут (Мамуретулязиз)—территорию в 207 тыс. кв. км. (см. Dr. T. Z. Tunaya. *Ayni eser*, s. 431)

ление контактов с курдским правительством гор. Сулеймание (Ирак) и установление дружественных отношений с англичанами. Лидеры Общества возрождения Курдистана отвергали активную борьбу против турок. Так, когда на состоявшемся в начале 1919 г. в Стамбуле заседании молодые члены общества потребовали принять решение об объявлении независимости Курдистана и изгнании из него всех иностранных, в том числе турецких войск, председатель общества Сеит Абдулькадыр выступил против этого предложения младокурдов, считая, что не к лицу курдскому движению в такое трудное для турок время выступать против них. Более того, он настаивал на оказании помощи туркам и советовал молодым членам общества выехать в курдские районы и вести там борьбу против попыток создания армянского национального государства, уверяя, что султан выполнит обещание дать курдам автономию<sup>5</sup>.

Как, однако, ни «умеренны» были планы лидеров Общества возрождения Курдистана, они не могли не считаться с настроениями более радикальных членов. Так, британский верховный комиссар в Стамбуле в телеграмме британскому дипломатическому представителю в Багдаде от 18 апреля 1919 г. писал, что Абдулькадыр, хотя он и был председателем государственного сената, «сделал мне предложение от имени здешнего курдского комитета, требуя независимости для курдов и освобождения их от ненавистного турецкого ига». В другой телеграмме от 3 мая 1919 г. в адрес министерства иностранных дел Великобритании верховный комиссар сообщал: «Они хотят иметь свое свободное государство... Они хотят навсегда избавиться от турок, которые, как выразился Абдулькадыр, никогда и ничего для них не сделали, он говорит о турках с большой горечью»<sup>6</sup>.

Не останавливаясь на различных течениях курдского движения этого периода, их лозунгах и требованиях, отметим, что идея освобождения от турецкого ига имела столь глубокие корни, что ей поддался и председатель государственного сената Турции. Не менее показательна в этом отношении позиция Шериф-паши, занимавшего крупные административные посты в Османской империи. Возглавляя турецкую делегацию на Версальском конгрессе, он сложил с себя полномочия турецкого делегата и, объявив себя представителем Курдистана, начал переговоры с министром иностранных дел Ирана о

<sup>5</sup> См. *M. N. Dersimi. Kurdistan tarihinde Dersim Halep, 1932, s. 120—121.*

<sup>6</sup> *S. S. Gavan. Kurdistan: Divided Nation of the Middle East. London, 1958. p. 21.*

провозглашении «независимости» Курдистана под протекторатом Ирана. От имени курдов он представил мирной конференции два меморандума о курдских притязаниях (22 марта 1919 г. и 1 марта 1920 г.) с картой «интегрального Курдистана». Шериф-паша вел переговоры также с армянской делегацией дашнаков, совместно с которой от 20 декабря 1919 г. сделал заявление мирной конференции.

Нет надобности доказывать, что эти факты являются порождением обострения курдского вопроса в Турции, когда вслед за отпадением от Османской империи всех ее европейских и азиатских владений встал вопрос о независимости «турецкой» Армении и Курдистана. В этих условиях перед новым руководством турецкой буржуазии встала задача удержать то, что осталось от Османской империи. Речь шла не только об отпоре иностранной интервенции в собственно турецкие территории, но и об Армении и Курдистане. Поэтому, едва только прибыв в Восточную Анатолию, Мустафа Кемаль-паша начал собирать силы для того, чтобы укрепить позиции турок в этом районе. Недаром первый советский посол в Турции С. И. Аралов указывал на своеобразное понимание Ататюрком права наций на самоопределение; он писал, что, отстаивая право турок на независимость, К. Ататюрк отказывает в таком праве армянам и курдам<sup>7</sup>. Это замечание дает возможность понять суть политики кемалистов как в армянском, так и курдском вопросах.

Выражая и защищая интересы турецкой и, в частности, анатолийской буржуазии, кемалисты с самого начала выступали против курдского освободительного движения. Так, еще 15 июня 1919 г. из Амасьи Мустафа Кемаль послал заместителю вали Диярбакыра шифрованную телеграмму следующего содержания: «Всякое общество, которое пытается сеять в стране раскол, должно быть немедленно распущено... Принятия таких мер настоятельно требует патриотический долг. Поэтому я в полной мере одобрил ваши меры в отношении курдского клуба»<sup>8</sup>.

В этой телеграмме речь идет о погроме турецкими властями отделения Общества возрождения Курдистана в Диярбакыре. Аналогичные события имели место везде, где была возможность. Дело было лишь в том, что в условиях иностранной интервенции турецкие власти не могли вести против курдов открытую и широкую борьбу, и их задача на этом этапе состояла не в подавлении курдского движения, а в том, чтобы

<sup>7</sup> См. С. И. Аралов. Воспоминания советского дипломата. М., 1960, стр. 212.

<sup>8</sup> К. Atatürk. Nutuk, c. III, İstanbul, 1962, s. 901, 903—904 (vesikalar).

удержать свою власть в Курдистане и использовать курдских феодалов в борьбе против освободительного движения армян. Касаясь этого в шифрованной телеграмме от 18 июня 1919 г. на имя командующего первым корпусом в Эдирне, М. Кемаль писал, что якобы все население в Анатолии «объединилось для спасения национальной независимости... Почти все вали и мютасарифы присоединились к этому решению. Пропаганда в пользу автономного Курдистана под английским протекторатом была прекращена. Сторонники этой идеи были устраниены. Курды присоединились к туркам»<sup>9</sup>.

Автор этой телеграммы не уточняет, какие «курды присоединились к туркам», ибо известно, что не все курдские лидеры поддерживали кемалистское движение, но факт остается фактом, что курдам были даны какие-то обещания, и некоторые их лидеры поверили, что после победы им будет предоставлена автономия. Именно этим объясняется, что состоявшийся в июне 1919 г. в Эрзуруме съезд деятелей курдского национального движения принял резолюцию, выражающую симпатии к зарождавшемуся турецкому освободительному движению, и заявил о намерении поддерживать его при условии, что турецкие националисты предоставят автономию Курдистану. На случай отказа же съезд высказался за широкое восстание курдов против султана, независимо от зарождавшегося кемалистского движения<sup>10</sup>. Курдские лидеры, принимавшие участие на этом съезде, в принципе не были против создания турецкого национального государства, в рамках которого Курдистан получил бы автономию. Вот почему многие из них приняли участие в Эрзурумском конгрессе, который проходил 10—23 июля 1919 г.

Наряду с другими обществами «защиты прав» в Эрзурумском конгрессе приняло участие Общество защиты национальных прав восточных вилайетов, в которое входили многие курдские лидеры. Они вынесли на рассмотрение конгресса и курдскую проблему<sup>11</sup>. Хотя эта проблема и была предметом обсуждения, в манифесте, принятом на конгрессе, говорилось, что «вилайеты Эрзурум, Сивас, Диярбакыр, Харпут, Ван, Битлис... составляют единое целое, которое ни под каким предлогом не может быть отторгнуто от Османской империи или разделено... Мусульмане, проживающие на этих территориях... принимают во внимание различные этнические и социальные особенности каждой из групп, из которых состоит нация,

<sup>9</sup> К. Atatürk. Nutuk, c. III. s. 910 (Vecl Kalar).

<sup>10</sup> „Memorandum sur la Situation Kurdes et leurs revendications...“, Paris, 1949, p. 2.

<sup>11</sup> См. V. C. Askun. Sivas Kongresi. Istanbul, 1963, s. 73.

но в общем все эти мусульманские элементы рассматривают себя как братьев, рожденных от одних родителей<sup>12</sup>.

Такой панисламизм, подкрашенный пантюркизмом, нужен был турецким националистам, чтобы, играя на религиозных чувствах, сплотить вокруг себя мусульман—курдов, черкесов, лазов и др. и направить их против иностранной интервенции, а также против христианского населения страны. Одновременно с этим манифест, принятый на Эрзурумском конгрессе, объявляет, как видно, всех мусульман восточных вилайетов единой нацией. Несмотря на то, что манифест привлекает во внимание «этнические и социальные особенности каждой из групп, из которых состоит нация», факт их включения в одну «нацию» означал отрицание, в частности, национальной самобытности курдов, а это означало отрицание их права на независимость. Поэтому не удивительно, что многие деятели курдского движения относились к кемалистам с недоверием, а те в свою очередь опирались не на народные массы, а на курдских феодалов, ага и шейхов. Об этом свидетельствуют многочисленные письма и обращения, которыми М. Кемаль стремился привлечь на свою сторону влиятельных курдских феодалов и шейхов.

В августе 1919 г. он направил некоторым крупным курдским феодалам решение Эрзурумского конгресса, а также послание, в котором призывал их бороться против «происков» армян и других «врагов». Так, в послании к одному из феодалов Ширнака Абдурахман-аге, он писал: «Всему миру известна ваша преданность халифату и короне. Не менее очевидно также, что вы никогда не согласитесь с тем, чтобы священная земля нашей родины была поправа армянами. Более чем кто-либо другой, зная о ваших высоких личных качествах... я твердо уверен в том, что в скором времени увижу вас во главе патриотов, посвятивших себя делу нации и родины. Посылаю вам некоторое количество экземпляров манифеста и решений, принятых Эрзурумским конгрессом.

Прошу немедленно приступить к организации национальных сил и энергичным образом положить конец предательским действиям наших противников. Веря в ваш патриотизм и в вашу преданность, остаюсь в ожидании результатов принятых вами мер<sup>13</sup>.

Аналогичные телеграммы были посланы моткинскому феодалу Хаджи Муса-бею, шейху Абдулькаби-эфенди Кюфревидаде из Битлиса, дершевскому феодалу Омер-аге, Ресулаге из Мущаса, бывшему депутату Саддуле-эфенди, шейху

<sup>12</sup> М. Кемаль. Путь новой Турции, т. I, стр. 381, прим. 11.

<sup>13</sup> К. *Atatürk*. Nutuk, с. III, s. 940 (vestikalar).

Махмуду-эфенди, шейху Зияеттин-эфенди из Нуршина, герзанийскому феодалу Джемилю Чето-бею.

Некоторые курдские феодалы откликнулись на призыв М. Кемалю. Однако большинство из них не одобряло решение Эрзурумского конгресса, и не только потому, что оно игнорировало национальные интересы курдов, но и, в основном, в силу того, что они ориентировались на султана и не хотели признавать этого «высочку». Что же касается прогрессивных сил курдского общества, чья «преданность халифату и короне» находилась под сомнением, то К. Ататюрк к ним не апеллировал. Оно и понятно: в условиях развития освободительной борьбы народов развалившейся Османской империи они не могли быть теми «патриотами», которые посвятили бы себя делу турецкой «нации» и «османской родины». Именно этим можно объяснить, что на Сивасском конгрессе приняли участие лишь несколько курдов, и курдские районы на нем «представляли»... М. Кемаль, Рауф-бей, Ходжа Раиф-эфенди, шейх Хаджи Февзи-эфенди, Бекир Сами-бей<sup>14</sup>. Нетрудно представить себе, как эти так называемые «представители» восточных вилайетов выражали интересы курдов. При всей антиимпериалистической направленности принятого кемалистами на Сивасском конгрессе 11 сентября 1919 г. манифеста, он был пронизан националистическим духом, игнорирующим права национальных меньшинств, в частности, курдов.

Решения Эрзурумского и Сивасского конгрессов легли в основу «Национального обета», принятого Стамбульским парламентом в январе 1920 г., большинство депутатов которого выражали интересы кемалистов. В первой статье «Национального обета» говорилось, что части Османской империи, расположенные по обе стороны линии, установленной Мудросским перемирием от 30 октября 1918 г., населенные в большинстве турками и мусульманами, соединенными религиозными и культурными узами и стремящимися к единой цели, составляют одно целое, которое не терпит под каким бы то ни было предлогом ни фактического, ни юридического разделения<sup>15</sup>.

Как решения Эрзурумского и Сивасского конгрессов, так и основные положения «Национального обета» показывают, что кемалисты не признают за курдами национальных прав и пытаются использовать курдских феодалов в своих целях, прикрывая это «единством религии и нации». В свете этого неудивительно, что национальные силы курдов, не ожидая ни-

<sup>14</sup> См. V. C. *Aşkun*. Ayn, eser. s. 149.

<sup>15</sup> См. E. Z. *Karal*. *Türkiye Cumhuriyeti tarihi (1918—1960)* İstanbul., 1963, s. 52.

чего нового от кемалистов, готовились продолжать борьбу, начатую еще при младотурках. Положение обострялось с одной стороны, тем, что кемалисты, желая обезглавить курдское движение, начали преследование его лидеров в Стамбуле; с другой стороны, напуганные «революционностью» кемалистов империалистические державы стремились использовать против них все недовольные силы, в том числе и курдское движение. Первым серьезным выступлением курдов в рассматриваемый период следует считать восстание в Малатье летом 1919 г. В подготовке восстания приняли участие некоторые члены Общества возрождения Курдистана, а также английский майор Ноэль. Представляет в этой связи интерес следующее донесение, посланное в 1919 г. английским агентом в министерство иностранных дел Великобритании:

«...Беседовал с Абдулькадыром и с некоторыми ему подобными. Предложил им поехать в Курдистан и использовать там свое влияние. Чтобы повлиять на них, я был вынужден, может быть, пять раз повторить, что мы пытаемся обмануть турок. Вместе с тем нельзя особенно доверять курдам. Цель правительства его величества—как можно больше ослабить турок. Поднять курдов на эти действия неплохой план». В другом донесении от того же 1919 г. отмечалось: «...курды пока еще не поднялись против Мустафы Кемала, но Ноэль надеется, что ему удастся сделать это...»<sup>16</sup>.

Летом 1919 г. в Малатью прибыл майор Г. Ноэль. Его встретили представители курдского рода Бедирхани Кямуран Али-бей, Джелаядет-бей, а также Джемиль-пашазаде Экрем-бей (из Диярбакыра), которых сопровождали 15 курдских всадников. Согласно шифрованной телеграмме от 6 сентября 1919 г. (№ 529) командующему 3-м армейским корпусом Кязым Карабекир-паше (командующего 15-м корпусом), Ноэль заявлял, что он уполномочен султанским правительством изучить на месте численное соотношение турецкого, курдского и армянского населения<sup>17</sup>. Однако тот факт, что он тут же был принят мутасарифом Малатьи Халиль Рахим-беем, который, являясь «аксакалом»—главой рода Бедрханидов, вскоре был провозглашен правителем Курдистана<sup>18</sup>,—не оставляет сомнений в истинных целях его приезда в Малатью. Одновременно под предлогом преследования бандитов, совершавших налеты на почтовые перевозки, сюда же прибыл вали Элязига (Харпута) Али Галиб-бей<sup>19</sup>. Кроме того, Халиль Рахим-бей вызвал

<sup>16</sup> E. Ulubelen. İngiliz gizli belgelariyle Türkiye, İstanbul, 1967, s. 202.

<sup>17</sup> См. К. Atatürk. Nutuk, c. III, s. 951.

<sup>18</sup> См. „Gazet“, (غازت), 3. III, 1925.

<sup>19</sup> См. о нем V. C. Aşkun Aynı eser, s. 30—34.

в Малатью представителей ряда курдских племен. Все указывало на то, что готовится антитурецкое восстание. Видимо, именно в это время состоялся конгресс курдских руководителей в местечке Широ (примерно в 20 км от Малатьи), на котором провозглашенный правителем Курдистана Халиль Рахим-бей от имени Комитета защиты прав курдов огласил основные принципы независимого Курдистана, которые в форме послания были направлены к некоторым курдским вождям. «Курды,—говорилось в послании,—приговоренные на убогую жизнь в результате притеснений со стороны чиновников турецкого правительства в Курдистане, сейчас с живейшей радостью приветствуют пробивший для них час национального освобождения. С сегодняшнего дня население Курдистана не знает больше цепей рабства.

Турецкие законы, служившие до сих пор орудием преступлений и притеснений, не будут больше соблюдаться в пределах национальной территории. Конгресс, имеющий целью обеспечить благополучие курдского народа путем его экономического, социального и духовного развития, займется главным образом мерами, которые позволят реализовать эту цель. Вскоре будет созвано конституционное собрание в соответствии с новой эрой, которая открывается в истории Курдистана. А пока предлагается руководствоваться нижеследующим решением: а) суды в их нынешней форме могут функционировать еще некоторое время; б) полиция, жандармерия и войска остаются под моим командованием; в) в моих руках—все оружие, военные материалы, обмундирование, которые были посланы правительством для войск, призванных подавлять борьбу в Курдистане; г) будет провозглашена общая амнистия; д) немедленно уберите портреты Талаата, Энвера и Джемала, а также «тугра» (монограммы султана), вывешенные в общественных зданиях и школах; е) пока не будут преподавать курдские учителя, школы должны закрыть свои двери»<sup>20</sup>.

О готовившемся восстании Мустафа Кемаль узнал еще в начале июля 1919 г. Он предписал командующему 13-ым корпусом в Диярбакыре организовать слежку за курдскими деятелями, которые ехали из Стамбула в Малатью, и арестовать их по приезде, избегая при этом шума. Однако командиры местных частей не решились на это. Тогда по приказу Мустафы Кемаль 9 сентября 1919 г. командир 15-го полка (гарнизона Элязиг) Ильяс-бей выехал с 52 солдатами на мулах и двумя пулеметами в Малатью. В тот же день в Малатью направились два кавалерийских эскадрона из Элязига, один эскадрон из Сиверека, а также несколько офицеров в

<sup>20</sup> „Gazet“ (غازت), 3. III, 1925.

автомобиле из Сиваса. Узнав о приближении турецких войск, курдские руководители бежали в Кяхту, где стали готовиться к выступлению. С этой целью они обратились к резиденту «Интеллидженс сервис» в Алеппо полковнику Беллу<sup>21</sup>, однако он отговорил курдов от выступления против турок<sup>22</sup>.

Надо полагать, что Кемаль был хорошо осведомлен об этом, и не случайно, что если в начале июля 1919 г. он требовал, задерживая курдских лидеров, «избегать шума», то 10 сентября приказал догнать и схватить их. Одновременно с этим он предписал «принять меры к тому, чтобы лишить сепаратистское движение какой бы то ни было помощи; мутасарифом Малатья назначить начальника жандармерии Тефтик-бея, а на пост вали Элязига—турецкого патриота; в целях предотвращения каких бы то ни было акций, направленных против родины и нации, полностью взять под свое командование все правительственные войска в Малатье и Элязиге; повсеместно довести до сведения, что всякий, кто присоединится к бежавшим, будет строго наказан...; учитывая, что нам вероятно придется вести операции против иностранных войск, угрожающих нашему национальному существованию, доложить мне о существенных в этом направлении приготовлениях и принятых мерах»<sup>23</sup>.

Несмотря на категоричность этих инструкций, командиры воинских частей все еще были полны колебаний и неуверенности. Так, Ильяс-бей сообщил 11 сентября, что эмиссар, прибывший с поручением от мутасарифа, заявляет, что «губернатор Галиб-бей и мутасариф готовы возвратиться на пост при известных условиях. Прошу сообщить нам, требуют ли интересы страны, чтобы эти предложения были приняты или отклонены».

Не рискуя действовать активно, командиры частей, однако, внимательно следили за курдскими лидерами. Так, тот же Ильяс-бей в ночь с 11 на 12 сентября послал от своего имени, а также от имени командиров других войсковых частей в Малатье телеграмму, в которой докладывал, что в Рака (в пяти часах пути от Малатьи) собираются курды и что мутасариф Халил Рахми-бей и его сторонники также находятся здесь, а соседние курдские племена (вплоть до Сиверека) и даже племена Дерсима намереваются прибыть туда во имя курдского дела<sup>24</sup>.

Стремясь воспрепятствовать присоединению дерсимских

<sup>21</sup> См. *Th. Bols, Connaissance des kurdes, Beyrouth. 1965. p. 147.*

<sup>22</sup> См. В. Никитин. Курды. М., 1964, стр. 292.

<sup>23</sup> *K. Atatürk. Nutuk, c. I, s. 122, 125—126.*

<sup>24</sup> Там же, стр. 133—134.

курдов к повстанцам Малатьи, Кемаль передал губернатору Сиваса Решит-паше распоряжение привести к нему курдских лидеров, которые вели пропаганду в пользу курдской государственности. На встречу с Кемалем прибыл лишь Алишан-бей (представитель курдов кочкири, начальник уезда Умрание). Встреча эта состоялась в Сивасе в сентябре 1919 г. На ней Кемаль потребовал от Алишан-бея доложить о деятельности членов Общества возрождения Курдистана. Тот ответил, что в соответствии с принципами президента США Вильсона восточные вилайеты предоставляются Армении и тем самым не принимаются во внимание права курдов. Поэтому курды преследуют цель создать в вилайетах с курдским большинством автономный Курдистан под покровительством турецкого султана. В ответ на это Кемаль заявил, что принципы Вильсона не имеют никакой силы, и предложил курдским лидерам сотрудничать с ним в качестве представителей Дертима. В заключение М. Кемаль выразил уверенность, что курдские лидеры не поддержат антинациональные планы султанского правительства Ферит-паши, так как на Эрзурумском конгрессе все курдские представители заверили его в своей поддержке и потому он лично представляет восточные вилайеты<sup>25</sup>.

Вступая в переговоры с отдельными курдскими лидерами, Кемаль имел целью не допустить их присоединения к курдам Малатьи. Одновременно с этим на подавление их движения были направлены турецкие части. Не получив поддержки соседних племен, готовые к выступлению курды Малатьи рассеялись, Али Галиб сначала бежал в Урфу, а затем в Халеп. Английский майор Ноэль был выслан через Эльбистан. Лишенные руководства и английской помощи, участники этого выступления разбежались в разные стороны.

Неудача первого антикемалистского выступления курдов не означала, что кемалисты покончили с курдским движением. В свете рассмотренных выше фактов игнорирования ими национальных чаяний курдов нетрудно понять, что курдское движение должно было нарастать по мере того, как будет обнажаться суть национальной политики кемалистов. Во всяком случае, курдское движение этого периода представляло собой столь серьезный фактор, что нашло международное признание. Речь идет о признании национальных прав курдов Севрским договором. Хотя этот договор никогда не вступал в силу, однако его положения чрезвычайно показательны в определении политики западных держав на Ближ-

<sup>25</sup> См. М. N. Dersimi, *Ayni eser*, s. 122—123.

нем Востоке, определении места и уровня освободительного движения курдов, которое уже нельзя было игнорировать.

Как известно, ст. 62 Севрского договора предусматривала установление в пределах Турции автономных областей, населенных преимущественно курдами, согласно плану, который должны были выработать представители Англии, Франции и Италии. Следующая 63 ст. обязывала Турцию в трехмесячный срок провести в жизнь автономию по плану, предположенному ей комиссией. Наконец, ст. 64 предусматривала возможность обращения курдов в Совет Лиги Наций с требованием предоставления им независимости от Турции. Совет мог согласиться на это требование, которое должно было быть затем признано Турцией; причем это должно быть облачено в форму особого соглашения между Турцией и главными союзными державами. Последний абзац этой статьи касался Мосула; в нем говорилось, что когда Турция откажется от курдских областей, главные союзные державы не будут возражать против добровольного присоединения к такому независимому курдскому государству также курдов, населяющих ту часть Курдистана, которая до сих пор включалась в Мосульский вилайет<sup>26</sup>.

Как видно, Севрский договор предусматривал создание вначале в пределах Турции автономного Курдистана с правом превращения его через год в независимый Курдистан с дальнейшим присоединением к нему курдов Мосульского района. Поэтому, говоря о значении Севрского договора для курдов, В. Никитин пишет: «Хотя Севрский договор остался только на бумаге, тем не менее он знаменовал собой очень важный поворот в развитии курдской проблемы. Впервые в истории в дипломатическом документе подвергся рассмотрению... вопрос о «местной автономии районов сплошного расселения курдов». С этого момента международное значение курдской проблемы не вызывало более сомнений»<sup>27</sup>.

Все это не отвергает империалистического характера как Севрского договора в целом, так и «курдской политики» империалистических держав. Дело было не в том, что они хотели предоставить курдам независимость, а в их стремлении использовать национальные чаяния курдов в своих захватнических целях. Это видно из того, в частности, что захватив Южный, или современный Иракский Курдистан, англичане давили там курдское движение и не признавали права иракских курдов на независимость. Но одновременно они «под-

<sup>26</sup> См. «Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне». М., 1927, стр. 24—25.

<sup>27</sup> В. Никитин. Курды. М., 1964, стр. 292.

держивали» курдское движение в Турции, стремясь таким путем давить на кемалистов для очередных уступок. Отсюда неудивительно, что чем дальше кемалисты двигались вправо, заигрывая с империалистами, тем быстрее они «забывали» о национальных интересах курдов и Севрский договор. Именно поэтому, когда на Лозаннской конференции турки согласились уступить Англии Мосульский вилайет и когда, таким образом, были удовлетворены аппетиты английских и иных нефтяных монополий, Севрский договор был предан забвению, хотя империалистические разведки и после этого не прекращали своих провокаций вокруг курдского вопроса и национального движения курдов.

Нельзя в связи с этим не отметить две стороны курдского вопроса: объективную и субъективную. Объективным в нем является национальный характер курдского движения, подогреваемого шовинистической политикой турецкой реакции, а субъективным—стремление империалистических разведок использовать это движение в своих целях<sup>28</sup>. Несмотря на переплетение этих двух тенденций, первичным, следовательно, основным в курдском вопросе в Турции является борьба угнетенной нации за независимость. Начавшись еще в младотурецкое время, эта борьба продолжалась и в кемалистской Турции; она была вызвана политикой правящих кругов, игнорировавших национальные интересы курдского народа и стремившихся ассимилировать курдов или истребить их. Отсюда неудивительно, что в антитурецкое движение пришли не только массы курдского крестьянства, но и такой элемент, как еще недавно верные султанскому режиму части иррегулярной курдской конницы «гамидие».

Как известно, войска «гамидие» были созданы еще в конце XIX в. Абдул-Гамидом и представляли собой сводные войсковые аширатные дружины курдских феодалов. Создавая «гамидие», турецкое правительство рассчитывало использовать его в борьбе против армянского национального движения, а также в войне против России. Одновременно с этим, беря под свой контроль курдских феодалов, оно имело целью лишить нарождающееся курдское движение этой готовой военной силы. Первой своей цели турецкое правительство достигло—банды курдских феодалов особенно проявили себя в период организованных младотурками армянских погромов 1915 г. Что же касается двух других целей, то еще в ходе первой мировой войны ряд частей и соединений «гамидие», видя развал Османской империи, переходили на сторону рус-

<sup>28</sup> См. Г. Б. Акопов. К вопросу о национальной консолидации курдов в Иране М., 1952, стр. 18.

ских войск и часто поворачивали оружие против османского правительства, став, таким образом, активным фактором курдского движения.

Несмотря на заведомо феодально-реакционную сущность института «гамидие», кемалисты не ликвидировали его, надеясь использовать курдов в своих захватнических устремлениях. Основная масса войск «гамидие» была сосредоточена на «восточном фронте», командующий которым Кязим Карабекир-паша намечал использовать их в захватнической войне против Армении, агрессии против народов Закавказья, а также в деле «усмирения» курдов. Однако в новых условиях он не мог достичь своих целей. Обманутые турками полки «гамидие» отказывались выполнять приказы и часто поднимали мятежи. Особенно активную роль в этот период сыграл полк, которым командовал Халит-бей Джибранлы.

Выходец из крупной курдской феодальной фамилии Джибранлы Халит-бей, окончив Аширатную школу в Стамбуле, выделялся среди командного состава «гамидие» образованностью и военными способностями. Будучи еще молодым человеком, он достиг звания полковника и командовал сперва полком, а затем дивизией войск «гамидие». Развал Османской империи и пробуждение курдского движения вместе с разговорами о его «поддержке» западными державами все более убеждали Халит-бея в необходимости примкнуть к этому движению и помочь ему.

В 1920 г. Халит-бей Джибранлы и другие офицеры его полка начали усиленную пропаганду идей независимого Курдистана. В уездах (ильче) Варто, Карлыова, Малазгирт, Буланых, Хыныс они вели переговоры с шейхами и вождями курдских племен с целью борьбы против решений Эрзурумского и Сивасского конгрессов, а также той статьи «Национального обета», которая предусматривала включение «турецкого» Курдистана в состав Турции<sup>20</sup>. Они считали, что настало время избавиться от турецкого господства, которое веками держало курдский народ в темноте и невежестве, лишая его самых элементарных прав. Вместе с тем они стали понимать, что в создавшихся условиях эти права можно завоевать путем вооруженного восстания, повышая уровень национального самосознания, а также пропаганды идей освободительной борьбы. Поэтому курдские руководители начали вооружать приверженные им племена, советовали курдам ходить в своей национальной одежде, читать и писать по-курдски, а также распространяли произведения курдских полити-

<sup>20</sup> М. Ş. *Firat*. Doğu illeri ve Varto tarihi. Ankara, 1961, s. 117—118.

ческих деятелей и писателей, самого Халит-бея Джибранлы, Моллы Ахмеда Джебзи, Ахмед Хани и др.

Летом 1920 г. Халит-бей Джибранлы установил связи с членами Общества возрождения Курдистана в Стамбуле Абдулькадыром и Абдуррахманом Хаккярли. Через них он договорился с депутатами ВНСТ Юсуфом Зией и его сторонниками о том, что они будут добиваться независимости Курдистана посредством Лиги Наций. В то же время Халит-бей начал собирать письменные обращения курдских владетелей, шейхов и сельских старост районов Варто, Буланьк, Малазгирт, Хыныс, Карлюова, Солхан, Чапакчур с ходатайством перед Лигой Наций о предоставлении Курдистану независимости. Через Общество возрождения Курдистана эти обращения направлялись Мустафе Немруди и Шериф-паше в Лигу Наций.

Деятельность Халит-бея Джибранлы не осталась незамеченной. Чтобы оторвать его от курдского движения, 19 августа 1920 г. Халит-бей был вызван в Эрзурум и назначен председателем счетной комиссии Высшего совета (трибунала) армейского корпуса. Однако эта официальная должность в Эрзуруме была хорошим прикрытием для тайной деятельности. В 1921 г. (по другим данным, в 1922 г.) Халит-бей создал в Эрзуруме тайный комитет и укрепил сотрудничество с Обществом возрождения Курдистана и Юсуфом Зией, который за свою оппозиционную деятельность впоследствии был выведен из состава межджиса и вместе с Халит-беем продолжал вести пропаганду за независимость. Им удалось привлечь на свою сторону около 80% курдов отмеченных районов<sup>30</sup> и через их лидеров вооружить их и организовать.

В то время, когда Эрзурумский комитет во главе с Халит-беем разрабатывал план вооруженного восстания в курдских районах восточнее Дерсима, бывшие члены Общества возрождения Курдистана, а также другие курдские лидеры готовили антитурецкое выступление в районе Дерсим—Кочкири.

Нужно сказать, что выбор этого района был неслучайным. Дело в том, как отмечал М. В. Фрунзе, что дерсимские курды исповедуют али-иллахизм и в отличие от курдов—«правверных» именуются кызылбашами—и «настоящие правоверные мусульмане относятся к ним с презрением, тем более, что имеют относительно их верований самые смутные и легендарные сведения. Вообще до последнего времени их держат в загоне...». Выше он отмечает: «Что касается аширатных курдов кызылбашей, то они никакой службы не несли и являлись всегда наименее надежным с государственно-турецкой

<sup>30</sup> См. „Istanbul“, 10. VII. 1925.

точки зрения элементом Анатолии. Это же положение продолжают они занимать и теперь. Они не только не служат в войсках, но причиняют правительству большие хлопоты рядом повстанческих вспышек...»<sup>31</sup>. Именно это обстоятельство и предопределило выбор Дерсима в качестве центра курдского движения. В начале 1920 г. в текке Хюсейн Аптала в волости Йеллидже (уезд Кангал) состоялось собрание курдских представителей, в работе которого приняли участие главы племен джанбегиан, курмешан и других. Участники собрания единодушно дали клятву начать вооруженную борьбу во имя создания независимого Курдистана, включавшего вилайеты Диярбакыр, Ван, Битлис, Элязиг, Дерсим—Кочкири.

В соответствии с решением этого собрания курды стали собирать оружие. В центр движения приходили сообщения о том, что хорошо организованные курдские силы Западного Дерсима численностью в 45 тыс. человек готовы выступить и поддержать движение курдов Восточного Дерсима, что в Элязиге создан филиал Общества возрождения Курдистана и что во всех уголках Курдистана успешно развивается национальное движение<sup>32</sup>.

В ноябре 1920 г. в Хазате (центр Дерсима) состоялось собрание курдских руководителей Дерсима и Чимишкезека, которое приняло решение объединить все усилия с целью завоевания национальных прав. В соответствии с этим решением 15 ноября 1920 г. анкарскому правительству была направлена нота, требующая срочно ответить дерсимцам, каковы взгляды правительства Анкары об автономном управлении Курдистана; немедленно освободить всех курдов, заключенных в тюрьмы Элязига, Малатья, Сиваса и Эрзинджана; отозвать из районов с курдским большинством всех турецких чиновников; срочно отозвать турецкие войска из района Кочкири.

В ответ на эту ноту анкарское правительство направило из Элязига в Дерсим делегацию, которая, признав справедливыми требования курдов, советовала им воздержаться от выступления. Однако курдские руководители прогнали этих советчиков и через губернатора Элязига 25 ноября 1920 г. направили Великому Национальному собранию за подписью вождей племен Западного Дерсима телеграмму, в которой говорилось: «Северский договор предполагает создание независимого Курдистана, включавшего вилайеты Диярбакыр, Элязиг, Ван и Битлис. Поэтому следует создать его, в против-

<sup>31</sup> М. В. Фрунзе. Поездка в Анкару. Собр. соч., т. I, стр. 300.

<sup>32</sup> См. М. N. *Derstmi*. *Aynl eser*, s. 126.

ном случае мы будем вынуждены завоевать это право силой оружия»<sup>33</sup>.

На эту телеграмму дерсимцы не получили письменного ответа. Однако для того, чтобы обмануть курдов и выиграть время, анкарские власти через губернатора Элязига передали курдским лидерам свое согласие удовлетворить их требования и в то же время начали военные действия против курдского движения в районе Сиваса.

Одновременно с этим кемалисты развернули работу, имевшую целью посредством обещаний и подкупов привлечь на свою сторону видных курдских вождей. Так, губернатор Элязига от имени Мустафы Кемаля обнародовал заявление, в котором сообщал, что курдские вожди Мечо-ага и Дияп-ага назначены депутатами ВНСТ от Дерсима; что со всех районов Курдистана в Анкару прибывают курдские представители; что будут приняты решения в интересах курдов и что в целом требования Курдистана будут удовлетворены<sup>34</sup>. Поверив в обещания, Мечо-ага, а затем и Дияп-ага в качестве «депутатов Дерсима» выехали в Анкару и оказались в ловушке. Спасая себя, они стали орудием в руках анкарских властей в деле подавления курдского освободительного движения в Дерсиме. Кроме них, кемалисты назначили еще несколько «депутатов» в ВНСТ от имени Дерсима, в том числе Мустафу Зяки-бея, Ремиз-бея, Абдульхака, Тефтик-бея, Хасан Хайри-бея<sup>35</sup>.

Несмотря на соглашательскую политику некоторых курдских лидеров, движение в Дерсиме не прекращалось и Дерсим фактически не подчинялся турецким властям. Здесь власть находилась по существу в руках видного курдского деятеля Сеита Ризы, который, не возражая в принципе против сотрудничества с кемалистами, требовал удовлетворения национальных прав курдов, в рамках единого федерального государства. Эти требования, конечно, не соответствовали интересам кемалистов, и к весне 1921 г. сбросив маску «друзей» курдов, они потребовали от курдских национальных отрядов прекратить сотрудничество и сдаться, пригрозив при этом, что в противном случае будет дан приказ об уничтожении всех курдских поселений. Чтобы припугнуть курдов, 4 марта 1921 г. командующий турецкими войсками в этом районе полковник Халис арестовал нескольких курдских деятелей в Умрание и под конвоем усиленной роты отправил по дороге в Зара. Однако, узнав об этом, курдский отряд местечка Языхаджи встретил турецкий конвой, разгромил его и освободил арестован-

<sup>33</sup> M. N. Dersimi. Ayni eser, s. 127—129.

<sup>34</sup> См. Там же, стр. 130.

<sup>35</sup> Dr. T. Z. Tunaya. Ayni eser, s. 538—539.

ных<sup>36</sup>. Этот небольшой эпизод практически означал начало военных действий между кемалистами и курдскими национальными силами.

Разгромив турецкий конвой, курды потребовали от полковника Халиса немедленно, без всяких условий сдать полк<sup>37</sup>, в противном случае вся ответственность за последствия возлагалась на него. Турецкий командующий отклонил это требование, но заявил, что просит разрешить полку вернуться в Сивас. Получив отказ, курды отрядов Махмуд-бея, Азамат-бея и Ашки-бея 6 марта 1921 г. окружили Умрание. Все население этого района помогало повстанцам. После боя, который продолжался сутки, турецкий полк был вынужден сдаться. Специально созданный курдский военный трибунал приговорил полковника Халиса к смерти, и он был расстрелян в центре Умрание, где был вывешен флаг свободного Курдистана.

В результате разгрома турецкого полка курды захватили большое количество оружия, военного снаряжения, а также более тысячи лошадей и значительное количество мулов. Специально созданная комиссия выдала пленным турецким офицерам и солдатам соответствующие документы и освободила их. Вместе с тем курдам и черкесам, служившим в турецком полку, было разрешено вступить в ряды вооруженных сил Курдистана. Эти события вызвали широкий отклик во всех уголках Курдистана. Вслед за Умрание восстали курды кочкири, которые вместе с прибывшим к ним на помощь отрядом дерсимских курдов из племени оваджик 8 марта 1921 г. освободили свой район от турок. Курдские отряды подавили сопротивление турок в Кемахе и взяли в плен каймакама и командира жандармских войск. После этого они отремонтировали Чертов мост через реку Евфрат, вступили в уезд Куручай, арестовали представителей турецких властей и привели их в Умрание для предания суду. В результате этих действий, курды заняли уезды Кангал, Кочхисар, Дивриги, Зара, Рефатхе, Куручай и Кемах.

По данным Али Кемали, восстание охватило район площадью около 15 тыс. км. Против турок сражались 15 курдских отрядов, каждый из которых насчитывал от 100 до 1500 воинов. Всего курдские отряды насчитывали более 6000 человек.

Имея такую силу и добившись немалых успехов, лидеры курдских повстанцев 11 марта 1921 г. направили президенту

<sup>36</sup> См. А. *Kemall*, Erzincan, Erzincan, 1932, s. 156.

<sup>37</sup> См. М. Н. *Dersimt*, Aynl eser, s. 139—165; А. *Kemall*, Aynl eser, s. 153—165.

<sup>38</sup> См. А. *Kemall*. Aynl eser, s. 163.

Великого Национального собрания в Анкаре телеграмму, в которой требовали создать отдельный вилайет из уездов Кочкири, Дивриги, Рефахие, Куручай и Кемах, большинство населения которых составляют курды, назначить его губернатором местного курда. Несмотря, однако, на более чем умеренный характер этих требований, анкарское правительство отказалось рассмотреть их и удовлетворить.

Вместо этого, оказавшись в трудном положении, оно стало маневрировать, надеясь политикой «кнута и пряника» расправиться с повстанцами. Чтобы расколоть курдское движение, оно направило в восточные вилайеты делегацию во главе с председателем кассационного суда, курдом из Битлиса, Шефиком, который в сопровождении некоторых курдских беев района Сивас прибыл 15 марта 1921 г. в курдскую деревню Богазвиран. Он заявил, что является курдом, сторонником курдского движения, наделен правительством всеми полномочиями и прибыл для ведения переговоров с курдскими руководителями. Этот «курд, сторонник курдского движения» просил лишь, чтобы до окончания переговоров курды прекратили свои действия против турок. И нужно отметить, что среди руководителей восстания нашлось немало таких же «сторонников курдского движения», например, Хейдар-бей, который примкнул к Шефику и внес тем самым раскол в борьбу курдов в этом районе.

Между тем, пока шли переговоры, командующий центральной группой войск Нуреддин-паша готовился к действиям против курдов. Так, 12 марта 1921 г. 53-й кавалерийский полк выступил из Йозгата по направлению к Сивасу. Сюда же 14 марта прибыли оперативные батальоны 5-й дивизии в Амасье, а также два батальона 10-го полка 5-й дивизии, находившейся в Мерзифоне. В тот же день командование центральной группой войск приняло решение начать частичную мобилизацию граждан. В распоряжение командующего войск центральных групп были переданы жандармские войска, а также части, расквартированные в Сивасе, Йозгате, Амасье, Мерзифоне, Токате, Эрзинджане, Байбурте, Гиресуне, Шабин-Карахисаре, Чимишкезеке, Арабкире и других районах. Собрав эти силы, турецкое командование 15 марта 1921 г. объявило в вилайетах Сивас, Елязиг и Эрзинджан осадное положение.

Вместе с тем правительство, желая выяснить намерения лидеров Дерсима, направило им телеграмму, в которой требовало сообщить, будут ли они продолжать борьбу. В ответ на эту телеграмму руководители дерсимских курдов заявили, что «поскольку они знают, что турецкое правительство преследует цель уничтожить курдов, как оно уничтожило армян,

они будут продолжать борьбу во имя удовлетворения национальных прав и законной защиты»<sup>39</sup>.

Нужно сказать, что озабоченность анкарского правительства положением в Дерсиме была столь серьезной, что оно нашло необходимым снять часть турецких войск с греческого фронта и направить ее против курдов. Так, в частности, в Сивас вскоре были переброшены 14-я кавалерийская дивизия и 13-я кавалерийская бригада. Кроме того, чтобы воспрепятствовать распространению курдского движения на восток и север, правительство перебросило значительные силы в Элязиг и Эрзинджан. Турецкие войска взяли под свой контроль дорогу Сивас—Кангал—Малатья—Элязиг—Сивас—Зара и заняли мосты через реки Евфрат и Мурат, которые соединяли Дерсим с Элязигом, Арабкиром, Малатией, Эгином и Кемахом, а также все другие важные дороги.

Невзирая на холодную весну, войскам был дан приказ начать активные действия. Особенно ожесточенные бои происходили в районе между Дерсимом и Эрзинджаном. Карательные меры Нуреддин-паши убедили колеблющихся курдских лидеров, что кемалисты не собираются выполнять ни своих обещаний, ни удовлетворять элементарные требования курдов; даже Хейдар-бей перестал верить обещаниям турок и включился в борьбу против них. Сражения происходили на линии Сивас—Кочхисар—Зара и Сивас—Кангал. Все курды от мала до велика, все, кто мог держать в руках оружие—мужчины, женщины, старики и дети в меру своих возможностей участвовали в боях против турок, отражая одну атаку за другой.

Но силы были неравны. Под давлением превосходящих сил турок повстанцы были вынуждены отступить. Многие курдские руководители пали смертью храбрых. В такой обстановке лидеры повстанцев приняли решение переправить женщин и детей в Дерсим. 24 апреля 1921 г. Хейдар-бей с 2000 человек двинулся в направлении Эрзинджана и Пюлюмюра. (т. е. на север и северо-восток) с целью объединиться с дерсимцами. Преследуемый турецкими войсками, он вошел с севера Эрзинджана во владения племен курейшан и балабан; отсюда Хейдар-бей намеревался через горные проходы Пюлюмюр—Мамахатун войти в Дерсим. Однако вместо помощи вождь племени курейшан Кёр Пашо в угоду турецким властям с отрядом в несколько тысяч человек вышел навстречу Хейдар-бею и заявил, что начнет войну против повстанцев, если они вступят на «его» территорию. Получив этот удар в спину, отряд Хейдар-бея с боями вернулся в горы Кочкири,

<sup>39</sup> *M. N. Dersiml. Aynl eser, s. 146.*

где продолжались ожесточенные сражения повстанцев против турецких войск, опустошавших все на своем пути.

Особыми бесчинствами над курдским населением отличались банды Осман Топал-аги. В захваченных курдских деревнях они уничтожили почти все население. Касаясь зверств этого реакционного феодала, выступившего на стороне правительственных войск, М. В. Фрунзе писал: «Совсем недавно один из наиболее влиятельных лазистанских вождей Осман-ага с навербованным им отрядом добровольцев-лазов прошел с огнем и мечом взбунтовавшиеся против турок курдские районы Восточной Анатолии»<sup>40</sup>.

Имея целью нанести повстанцам решительный удар, Нуреддин-паша решил обезглавить их. Он предложил протурецки настроенным курдским беям Сиваса установить контакты на линии фронта с Хейдар-беем и уговорить его прибыть в Сивас на переговоры. Не отличаясь твердостью, Хейдар-бей и на этот раз дал себя обмануть. С отрядом в 1000 человек он прибыл в штаб командования турецкой армии в Сивасе и вместе с 400 сподвижниками был арестован, остальные 600 воинов его отряда были отправлены в западные вилайеты и перебиты.

Это новое предательство Хейдар-бея имело роковые последствия для движения курдов. Помимо того, что оно ослабило повстанцев, оно нанесло им и моральный ущерб. Что же касается турок, то их зверская расправа над курдами имела далеко идущие цели. Одна из них заключалась в том, чтобы предупредить колеблющихся, и, действительно, многие начали отходить от движения. Тающим на глазах силам повстанцев, которыми командовали Алишер, Нури, Сабир, Мемет Али, Джыгыз, Мемо Тарбазалы, Камыл Азиз, Дило, Пащо Аббас и др., не оставалось ничего другого, как отступить с боями в горные районы Дерсима, где их ждали новые испытания.

Это практически означало, что восстание курдов Кочкири потерпело поражение. Командование турецких войск в Сивасе опубликовало сообщение, в котором говорилось, что в результате боев 113 курдов убито, 113—ранено и 159—захвачено в плен. В плен попали также предводители курдов Кочкири, как Азамет, Бахри-бей, Сабит-бей, Филик-Али, Хамо, Азиз. Таки, Хайдар-бей, Пехливан, Хюсейн и Ашур. В то же время было захвачено 2000 винтовок и другого снаряжения<sup>41</sup>.

После подавления восстания чрезвычайный военный трибунал в Сивасе привлек к суду 400 обвиняемых и приговорил

<sup>40</sup> М. В. Фрунзе. Поездка в Анкару. Собр. соч., т. I, М.—Л., 1929, стр. 278.

<sup>41</sup> М. N. *Dersimi*. *Ayni eser*, s. 159.

к смертной казни Хейдар-бея, Сеит Азиза и 15 их товарищей, а также заочно—Алишера, М. Нури, Махмуда Мустафа-паша-оглу, Мемо Тарабазлы, Дило, Сабри и 95 других повстанцев. Остальные обвиняемые были по степени «виновности» приговорены к различным срокам заключения от 5 лет до пожизненного. Из 400 человек лишь 110 были оправданы, но и они были высланы в различные районы страны.

Расправа над этим восстанием не привела, однако, к спокойствию в Дерсиме. Одной из форм сопротивления турецким властям было непрекращающееся движение за освобождение заключенных. Оно имело ту особенность, что отправляя телеграммы в Анкару, дерсимцы свои требования «подкрепляли» военными действиями на линии Эрзинджан—Кемах—Эгин, вплоть до районов Зара и Дивриги. В трудной для кемалистов обстановке, когда нужно было все силы сосредоточить на западном фронте против греческих войск, ВНСТ по предложению М. Кемалья отменило решение чрезвычайного военного трибунала в Сивасе относительно курдских заключенных, кроме Алишера и М. Нури. Почти все курды, приговоренные к смертной казни, были отпущены на свободу. Однако амнистия не распространялась на тех курдов, которые не сдались турецким войскам и скрылись в горах. Оставаясь в положении, как их называли в Турции, «бандитов», курды не прекращали своей деятельности в Дерсиме, где по существу турецкие власти не имели никакого влияния. В Агаде, например, находившемся в полной власти Сеида Ризы, развевалось знамя Курдистана, и турецкие власти ничего не могли поделать.

Но одно дело, что турецкое правительство, подавив восстание в Дерсиме, не имело здесь влияния, и другое,—что и курды не достигли своих целей. Судя по всему, целью держимского восстания было создание курдской автономной области в Турции, которая, согласно Севрскому договору, могла бы выступить от имени курдов с требованием о предоставлении им независимости. Именно этим объясняется, что турецкие власти делали все, чтобы скорее расправиться с дерсимским восстанием, вплоть до снятия с этой целью войск с греческого фронта и их переброски в Курдистан. В этом—одна из причин подавления дерсимского восстания и последующих событий.

Другая причина поражения этого движения состоит в том, что, включив в Севрский договор положения о независимом Курдистане, империалистические державы не только не оказали помощи курдскому движению, но и фактически ничем не препятствовали кемалистам в расправе над этим движением. В результате создалось положение, что была идея

независимого Курдистана, но не оказалось той силы, которая могла бы бороться за претворение этой идеи в жизнь. Как, однако, ни велико значение этих фактов, причины подавления курдского движения рассматриваемого периода не исчерпываются ими. Они охватывают и ряд других фактов, заключенных в самом характере курдского движения.

Во-первых, следует отметить феодальный племенной характер курдского общества и обусловленный этим уровень национальной консолидации курдов, препятствовавший их объединению в освободительной борьбе. Социальные противоречия в курдском обществе, отличие интересов между беднейшими широкими слоями курдов и их верхушкой толкали многих вождей племен в лагерь турецких националистов — противников курдского освободительного движения.

Во-вторых, отсутствие религиозного единства вызывало недоверие между отдельными группами курдского населения; в то же время еще слаба была зарождавшаяся прослойка буржуазной интеллигенции, которая могла бы успешно бороться за единство всех национальных сил. Восстание в Кочкири во многом было подготовлено членами Общества возрождения Курдистана, однако к тому времени само общество по существу уже распалось. Поэтому у курдов не было политической организации, способной руководить восстанием из единого руководящего центра, и дерсимское восстание, при всем своем размахе и значительности, было не национальным, а локальным местным движением.

В-третьих, особо нужно выделить то обстоятельство, что руководители курдского движения, оторванные от своего народа, нередко не понимали его дум и чаяний. Не имея поддержки народных масс, они не только часто предавали движение, но и, не веря в народ, рассчитывали не на него, а на «поддержку» империалистических держав, а подчас и... кемалистов. В результате судьбы курдского движения часто решались не в борьбе за независимость, а в дипломатических салонах, открывая, таким образом, возможность для всякого рода провокаций вокруг курдского вопроса. Именно этим объясняется, что судьба курдского движения этого периода решалась, в конечном счете, за спиной курдского народа и вопреки его интересам сговором между империалистическими державами с кемалистами на Лозаннской конференции.

Как мы уже отмечали, согласно Севрскому договору, комиссия из представителей союзных держав должна была подготовить автономный административный режим для района, находящегося к востоку от Евфрата между Арменией, Ираком и Сирией. Если по истечении года после договора курдское население этого района обратится в Лигу Наций с заявлением

о том, что большинство курдов желает отделения от Турции, и если Совет Лиги Наций удовлетворит это требование, то Турция должна отказаться от указанных районов.

Но мы видели также, что примерно через полгода после подписания Севрского договора союзные державы заявили о своей готовности внести в него определенные изменения по вопросу о Курдистане. Ободренные этим и явным пренебрежением союзных держав интересами курдского народа, турки подавили дерсимское восстание и ликвидировали таким путем очаг курдской независимости в Дерсиме. Более того, в марте 1922 г. союзные державы в своих предложениях уже не поднимали курдского вопроса. В результате всего этого кемалисты получили возможность отказаться от его включения в повестку дня Лозаннской конференции.

Таким образом, к рассматриваемому времени с идеей независимого Курдистана было покончено, оставалось только этот сговор закрепить юридически. Речь в дальнейшем могла идти не о независимом Курдистане, а о том, кто сумеет искуснее использовать курдский вопрос в своих целях, в частности, в вопросе о Мосульском вилайете.

Нужно сказать, что правящие круги Турции в такого рода провокациях имели не меньший опыт, чем Англия и ее союзники. В результате сложилось положение, когда англичане, давая курдское движение в Ираке, выставляли себя сторонниками курдской независимости в Турции, а турки, в свою очередь, давая курдское движение в Турции, выставляли себя сторонниками курдской независимости в Ираке. Касаясь этого, М. Кемаль в беседе с советским послом С. И. Араловым говорил:

«Курды, живущие вокруг Урмийского озера, изъявили желание действовать согласованно с Турцией. У них были оружие и деньги, и они готовы были выступить против английского империализма.

—Курдский вопрос,—говорил Кемаль,—запутанный, трудный... Англия пользуется тем, что курды принадлежат двум государствам—Турции и Персии, и играет на этом. Англия хочет создать Курдское государство под своим владычеством и тем самым командовать над ними, Персией и Закавказьем... Теперь курдские вожди разделились: одни тянут к Ирану, другие—к Англии, третьи—к нам... В Сулеймание англичане заставили выступить против Турции шейха Махмуда...

—Мы, турки,—сказал, усмехаясь, Кемаль,—не остаемся в долгу. Помогли на юге Курдистана восстать против англичан курду Феттику и др.»<sup>42</sup>.

<sup>42</sup> С. И. Аралов. Воспоминания советского дипломата. М., 1960, стр. 107—108.

Целью этих провокаций было стремление использовать курдов в турецко-английском соперничестве вокруг Мосульского вопроса. В 1922 г., сразу же после победы над греками, кемалисты стали концентрировать войска у границ Мосула. Командующий войсками мосульского направления Оздемир-паша разослал воззвания курдским вождям и установил контакт с ними. Достичь этого было тем более легко, что Ирак был охвачен антианглийским движением, руководители которого, видя в Турции антианглийскую силу, ориентировались на нее. В целях привлечения на свою сторону «иракских» курдов кемалисты заключили договор с шейхом Махмудом, согласно которому «турецкое правительство обещало независимость Южному Курдистану и гарантировало свое невмешательство во внутренние дела» (ст. 1); шейх Махмуд признавался правителем Курдистана в Сулейманне, где будет создан меджлис (ст. 2); вооруженные силы Южного Курдистана в случае войны могли быть использованы турецким правительством (ст. 3)<sup>43</sup>.

Конечно, у нас нет оснований преувеличивать значение «туркофильских» настроений шейха Махмуда, но факт остается фактом, что в борьбе против англичан он не мог не ориентироваться на турок. Не вызывает сомнений и то, что это обстоятельство сыграло немалую роль в том, что англичане и турки к Лозаннской конференции пришли готовыми уступить друг другу в курдском вопросе. Во всяком случае известно, что когда на этой конференции возник вопрос о национальных меньшинствах Турции, дело свелось к «научной» дискуссии о том, как определить понятие национального меньшинства. Не менее показательно и то, что на вопрос, настаивают ли курды на отделении Курдистана от Турции, согласно Севрскому договору, англичане удовлетворились заявлением, что на это ответят курдские «депутаты» ВНСТ.

В связи с этим в 1922 г. телеграфом был направлен запрос в ВНСТ. Состоялось чрезвычайное заседание меджлиса, на котором М. Кемаль-паша предложил «курдским» депутатам высказаться по этому поводу. В ответ депутат от Эрзурума Хусейн Авни-бей заявил: «Эта страна принадлежит курдам и туркам. С этой трибуны только две нации имеют право говорить: курдская и турецкая нация»<sup>44</sup>. Его поддержали депутаты от Дерсима Хасан Хайри и Рамиз, «депутаты» от Урфы Бозан-бей и Шахин, курдские «депутаты» от Палу, Вана, Битлиса, Диярбакыра, Малатья, — короче, почти все курды — «депутаты» турецкого меджлиса.

<sup>43</sup> См. Курд Оглу. Курды и империализм. «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1932, № 13—14, стр. 115.

<sup>44</sup> А. Bedir-Khan, La Question Kurde. Paris, 1959, p. 9.

Конечно, с точки зрения интересов антиимпериалистического движения турецкого народа это единодушие курдских «депутатов» имело положительное значение, поскольку исключало возможность вмешательства западных держав во внутренние дела Турции. Что же касается национальных интересов курдов, это их «единодушие» нельзя оценить иначе, как предательство. Впрочем, курдские «депутаты», говоря о правах курдов, не могли знать, что они вскоре будут ликвидированы.

Как бы, однако, ни было, получив их поддержку, ВНСТ направило в Лозанну телеграфный ответ, в котором отмечалось, что курды никогда не отделятся от турок<sup>45</sup>. Получив его, глава турецкой делегации на Лозаннской конференции Исмет-паша заявил, что Турция принадлежит двум народам: туркам и курдам, которые равны перед правительством и пользуются одинаковыми национальными правами. При этом имелось в виду, что курдам действительно будут предоставлены кое-какие, впрочем, весьма неопределенные, «национальные права».

Оказавшись перед тем фактом, что курдские «депутаты» не хотят отделения Курдистана от Турции, а ее правительство обещает удовлетворить национальные права курдов, участники Лозаннской конференции «согласились» не только предать забвению идею независимости Курдистана, но и исключить из официальных документов упоминание о курдах. В договоре, подписанном 23 июля 1923 г. в Лозанне, они лишь обязали кемалистов руководствоваться следующим:

«Ст. 38. Турецкое правительство обязуется предоставить всем жителям полную и совершенную защиту их жизни и свободы, без различия происхождения, национальности, языка, расы или религии.

Ст. 39. ...Не будет издаваться никаких ограничений в отношении свободного пользования всяким турецким гражданином каким бы то ни было языком, будь то в частных или торговых отношениях, будь то в области религии, прессы или печатных произведений всякого рода, будь то в публичных собраниях...»<sup>46</sup>.

Так, отрицание права курдов на независимость в Турции получило в Лозанне, в результате сговора империалистов Антанты и турецкой реакции, свое юридическое оформление и признание. Вот почему, оценивая с этой точки зрения Севрский и Лозаннский договоры, В. Никитин писал: «Пусть

<sup>45</sup> См. М. N. Dersimi. *Ayni eser*, s. 189.

<sup>46</sup> «Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне». М., 1927, стр. 152.

Севрский договор был политически плохо задуман, а поэтому, возможно, он не применим. В наши намерения не входит переделка послевоенной истории дипломатии в Передней Азии. Но признавая среди других принцип автономии Курдистана, этот договор подтвердил международное право, тогда как... Лозаннский договор не сделал этого и с точки зрения развития международного права является, конечно, шагом назад...»<sup>47</sup>. Такая его оценка тем более верна, что, предав забвению идею независимости курдского народа, империалистические державы как бы поставили вне закона его национальное движение и дали турецкой реакции юридическое «право» игнорировать национальные интересы курдов Турции. Подлость политики империалистических держав состояла в том, что одновременно со всем этим они не прекращали провокаций вокруг курдского вопроса, пытаясь на тех или иных этапах использовать его в достижении тех или иных колониальных целей.

Конкретные факты этой провокационной политики в последующий период нами рассмотрены в специальной работе. Отсылая интересующихся к ней, попытаемся резюмировать изложенные выше факты и материалы.

1. Несмотря на то, что в результате поражения в первой мировой войне от Османской империи отпали многие нетурецкие страны, Турция не перестала быть «многонациональным государством». Правда, ограбленная более сильными империалистическими хищниками послевоенная Турция не была такой колониальной державой, как Османская империя, но тем не менее она сумела сохранить за собой власть над Западной Арменией и Курдистаном. Особо нужно отметить тот факт, что потерю обширных колониальных владений турецкая реакция пыталась компенсировать окончательным «освоением» оставшихся колоний. Именно с этой целью она довершила начатую младотурками политику «очищения» Армении от ее исконного населения, а вслед за тем приступила к такому же «освоению» доставшейся ей части Курдистана, и рассматриваемый нами период—это первый этап политики турецкой буржуазии в курдском вопросе, направленный на то, чтобы сохранить за собой Курдистан для его последующего «освоения».

2. В этой политике турецкая буржуазия натолкнулась на противодействие курдского национального движения, имевшего к моменту распада Османской империи свои общественно-культурные и политические организации, которые осуществляли деятельность по укреплению национального самосознания курдов и их организации к борьбе за независимость. В

<sup>47</sup> В. Никитин, Курды. М., 1964, стр. 408.

них входили главным образом представители зарождавшейся курдской буржуазной интеллигенции (депутаты, чиновники, офицеры, юристы, писатели), торговцы, а также патриотически настроенные шейхи и вожди племен.

Слабостью движения этого периода были отсутствие четкой программы действий, единства как между различными курдскими обществами и комитетами, так и между племенами и племенными группами, слабая связь этих организаций с трудящимися массами, их иллюзии в отношении истинных целей империалистических держав, в частности, Англии, что давало возможность этим державам вмешиваться в дела курдов и использовать их борьбу в своих империалистических целях. Именно поэтому империалистические державы включили в Севрский договор пункты о независимом Курдистане и одновременно делали все, чтобы эта идея не стала реальностью.

3. Антиимпериалистическая борьба турецкого народа, так называемая кемалистская революция, вселила известные надежды в некоторых курдских деятелей завоевать право на самостоятельное или автономное развитие с помощью турецких националистов. Поэтому они участвовали во многих мероприятиях кемалистов, активно поддерживали их в борьбе против империалистических захватчиков. Пытаясь использовать курдов в этой борьбе и в своих внешнеполитических акциях, турецкая буржуазия не отказывалась от заигрываний с курдскими феодалами и даже «поддерживала» курдское движение в... Ираке, что же касается «своих» курдов, то уже первые шаги турецких националистов, а именно, решения и манифесты Эрзурумского и Сивасского конгрессов и «Национальный обет» показали, что вся их политика направлена на сохранение за собой Курдистана и колониального господства над курдами.

4. Серьезный удар по курдскому освободительному движению нанесла Лозаннская конференция, результаты которой с точки зрения международно-правового статуса национального движения курдов были шагом назад по сравнению с Севрским договором. Лозаннская конференция показала, что империалистические державы Запада рассматривали курдский вопрос в качестве разменной монеты в соперничестве с Турцией из-за Мосульского вилайета. Добившись своих целей, они легко отказались от идеи независимого Курдистана и дали таким путем турецкой реакции «право» на игнорирование национальных чаяний курдов и подавление их национального движения за независимость.

## ՔՐՈՂԱԿԱՆ ՀԱՐՑԸ ԹՈՒՐՔԻԱՅՈՒՄ

## Ա մ փ ո ս փ ու մ

Հողվածը նվիրված է քեմալական շարժման սկզբնական շրջանում քրդական հարցում տարվող քաղաքականության ուսումնասիրմանը: Հեղինակը թուրքական աղբյուրների հիման վրա բացահայտում է քեմալականների նպատակը. իրենց շարժման մեջ ընդգրկել քուրդ Ֆեոդալներին, նրանց հակադրել հայկական ավտոնոմիայի ստեղծման քաղաքականությանը և Քրդստանը պահել իրենց իշխանության ներքո:

Իմպերիալիստական երկրները քեմալականների վրա ազդելու նպատակով օգտագործեցին քրդական հարցը՝ Սևրի պայմանագրի մեջ մտցնելով կետ ավտոնոմ Քրդստան ստեղծելու մասին: Ստեղծվեց այնպիսի վիճակ, երբ անգլիացիները «պաշտպանում էին» քրդական շարժումը Թուրքիայում, մինչդեռ մանդատային Իրաքում անողոքաբար ձնշում էին այն, իսկ թուրքերը իրենց հերթին «պաշտպանում էին» քրդական շարժումը Իրաքում, ձնշելով այն Թուրքիայում:

Անգլիացիների և թուրքերի պրոպոկացիաները քրդական հարցի շուրջը դարձան քրդական շարժման ձնշման հիմնական պատճառներից մեկը: Անգլիացիները, մեկը մյուսի ետևից զիջումներ կորզելով թուրքերից Մոսուլի հարցում, վերջի վերջո մոռացության մատնեցին ավտոնոմ Քրդստան ստեղծելու գաղափարը և այն շմտցրին լոզանի պայմանագրի մեջ:

## ДЖАЛИЛЕ ДЖАЛИЛ

### ЖУРНАЛ «РОЖА КУРД» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КУРДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА ХХ в.

Зарождение курдской периодической печати относится к концу XIX в. Первая курдская газета «Курдистан» была издана в 1898 г. в Каире Мидхад Микдат Бадрханом. Вторая газета — «Курд» вышла после младотурецкой революции в 1908 г. в Стамбуле.

В 1913 г. в Стамбуле вышел в свет первый курдский журнал «Рожа курд», который еще тогда обратил на себя внимание. Первые упоминания об этом журнале в русской<sup>1</sup>, европейской и армянской прессе ограничивались его обзорной характеристикой<sup>2</sup>. В советской и зарубежной курдоведческой литературе о «Рожа курде» имеются отдельные упоминания библиографического характера<sup>3</sup>, однако они не дают оценки его роли в развитии курдской общественно-политической жизни.

Начало издания журнала «Рожа курд» падает на время вызванного русской буржуазно-демократической революцией 1905—1907 г. «пробуждения Азии». В 1908—1909 г. в Турции

<sup>1</sup> С. Ш(апша)л. «Рожа курд». «Восточный сборник», кн. I, СПб., 1913, стр. 233—234.

<sup>2</sup> „Die Welt des Islams“. Berlin, 1913, Band I, Heft 3/4, s. 221; *U. W.*, *Բաղրաբեր. Հիւրանոցներ*, Հիւրերը, 1913, №. 214, էջ 1.

<sup>3</sup> О. Л. Вильчевский. Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии. В сб.: «Иранские языки», кн. I, М.—Л., 1945; М. Хазнадар. Очерк истории современной курдской литературы. М., 1967; В. Никитин. Курды. М., 1964;

علاءالدين سجادی، میژووی شهدهبی کوردی، بغداد، ۱۹۵۲، ج ۱  
*Abdul Rahman Ghassemlou. Kurdistan and the Kurds. Prague, 1965, p. 44.*

рухнул режим Абдул-Гамида, символизировавший гнилость азиатского феодализма.

В первые месяцы после младотурецкой революции в стране пульсировало дыхание свободы и демократии. Легально действовали национальные клубы, из эмиграции вернулись в Турцию многие политические деятели. Свои центры перевели из Европы в Стамбул буржуазно-революционные организации армян, арабов, албан и других народов. Здесь развернула активную деятельность также и курдская интеллигенция, многие представители которой, получив европейское образование, находились под влиянием буржуазно-демократической идеологии. Из изгнания в Стамбул вернулись многие курдские политические деятели, оказывавшие влияние на курдское население столицы. Идеи прогресса и единения, столь популярные в стране в те годы, стали главным лозунгом курдской интеллигенции. Но отсутствие курдской национальной организации, способной возглавить и направить движение курдского народа, мешало развитию национального самосознания. Осенью 1908 г., усилениями вернувшегося из многолетней ссылки шейха Абдуль Кадыра, сына известного руководителя курдского восстания 1880 г. шейха Обейдуллы, и других деятелей в Стамбуле было основано общество «Курд таавун ва таракки джамиати» («Общество курдской взаимопомощи и прогресса»). Членами этого общества стали многие курдские интеллигенты. Организация была очень многочисленной и объединяла выходцев из самых различных социальных слоев, разных политических убеждений. Была издана на пятнадцати страницах «Программа общества курдской взаимопомощи и прогресса»<sup>4</sup>, основные положения которой, по утверждению известного курдского общественного деятеля и ученого Исмаила Хакки Шавеса, сводились к следующему:

- 1) открытие курдских школ в курдских районах;
- 2) назначение курдов в управление районов с курдским населением и признание в этих районах курдского языка в качестве официального языка;
- 3) открытие университета и вузов в Курдистане;
- 4) издание политической газеты и журнала на курдском языке;
- 5) ведение судопроизводства на курдском языке, с назначением судей из среды курдов;
- 6) назначение постоянного курдского представителя в меджлисе;
- 7) активизация строительных работ в Курдистане;

<sup>4</sup> کرد تعاون و ترقی جمعیتی نظامنامهسی، استانبول، ۱۳۲۴ (۱۹۰۸)

8) строительство промышленных предприятий в Курдистане<sup>5</sup>.

Общество намеревалось издавать свой печатный орган. В октябре 1908 г. армянская стамбульская газета «Жаманак» («Время») писала, что курды «скоро собираются издавать газету под названием «Курд» на турецком и курдском языках<sup>6</sup>. 9 ноября 1908 г. вышел в свет первый номер газеты «Курд»<sup>7</sup>. Главным редактором газеты был назначен Ахмед Джамил-бек (из Диярбакыра), издателем—Товфик (из Сулеймание)<sup>8</sup>. Газета, объемом в 8 страниц, была религиозным, научно-политическим, литературным еженедельником и относилась к буржуазно-либеральному крылу издававшейся в Турции прессы. Она проповедовала национальные идеи, выражая, конечно, в первую очередь идеологию своих издателей—нарождающейся курдской буржуазии и феодально-бюрократической верхушки.

Общество «Курд таавун ва тараки джамнати» не только приобрело большую популярность среди курдского народа, но и признание арабских, армянских и других буржуазно-революционных организаций. Особенно плодотворной была связь общества с армянскими организациями и их деятелями. Их совместными усилиями в столице организовывались вечера дружбы<sup>9</sup>.

Причину отсутствия больших общественных сдвигов среди широких слоев курдского населения курдские деятели, сгруппировавшиеся вокруг общества, видели в отсталости и неграмотности народных масс. Поэтому одной из важнейших целей деятельности общества было распространение просвещения. С этой целью при нем был создан отдел «Курд нешр маарифи» («Курдская ассоциация распространения грамотности») <sup>10</sup>, который развернул деятельность по открытию курдских школ, изданию книг на курдском языке и пр. Он финансировался добровольными взносами членов общества.

Усилиями ассоциации в начале 1910 г. в Стамбуле открывается курдская «Конституционная школа», в которой курдские мальчики должны были получить общее образование, соответствующее программе, утвержденной министерством просвещения Турции, и обучаться в строго конституционном духе<sup>11</sup>. Директором школы был назначен Абдуррахман Бадрхан,

<sup>5</sup> «روزى نوى» 1910, 7, 1.

<sup>6</sup> «ժամանակ», 1908, № 2, էջ 3.

<sup>7</sup> См. „Revue du Monde Musulman“, 1909. t. 7, N 1—2, p. 170—171.

<sup>8</sup> Ibid., p. 171.

<sup>9</sup> См. «ժամանակ», 1908, № 7.

<sup>10</sup> «Ат-таахи», 1967, 10 августа, стр. 2.

<sup>11</sup> См. «Հորիզոն», 1910, № 30, էջ 3.

один из бывших редакторов газеты «Курдистан»<sup>12</sup>. Ассоциация намеревалась открыть школы и в самом Курдистане, однако этому не было суждено осуществиться по следующим причинам: во-первых, ввиду финансовых затруднений и отсутствия преподавательских кадров, а во-вторых, в силу царившей в курдских районах феодальной отсталости, делающей усилия столичной курдской интеллигенции непонятными народным массам.

Главная же причина заключалась в том, что в 1910 г. младотурки открыто перешли к политике ущемления национальных интересов других народов. Чинимые турецкими властями препятствия в конце концов привели к закрытию не только ассоциации, но и роспуску самого «Курд таавун ва тараки джамнати».

В начале 1912 г. на арену курдской общественной жизни выступило новое курдское общество под названием «Хива» («Надежда»), состоявшее в основном из курдского студенчества столицы<sup>13</sup>. Оно находилось в тесном контакте с курдскими деятелями Стамбула, согласовывая с ними свою деятельность. «Хива» была организована в сельскохозяйственном колледже «Халкали»<sup>14</sup>, но в нее были вовлечены студенты и других колледжей, как-то: медицинского, «Ал-малакна аш-шахания» и др. Председателем общества был Омар Джамил-паша, секретарем — Кадри Джамил-паша. Активными членами общества были Фуад Тамо, Джарахаде, Мамдух Селим, Наджмадин Хусейн, Абдул-Азиз Бабан и др.<sup>15</sup>

Общество работало в тесном контакте с арабскими политическими и общественными деятелями, например, известными арабскими писателями Садулла Джабири, Рашидом Риза<sup>16</sup>. В отличие от «Курд таавун ва тараки джамнати», общество «Хива» смогло распространить свою деятельность в районах с курдским населением. Отделения «Хива» действовали в Битлисе, Эрзуруме и в других городах. Своей активной деятельностью особенно выделялся Эрзурумский отдел местной средней школе. Руководил отделом Таиб Али, казненный впоследствии кемалистами за участие в восстании Шейх Саида. Общество имело заграничный отдел с центром

<sup>12</sup> См. «*Ақиқатшиносӣ*», 1910, № 189, էջ 2.

<sup>13</sup> В. Ф. Минорский «Хива» ошибочно переводит как «Единение» (см. В. Ф. Минорский. Курды. Заметки и впечатления. Пг., 1915, стр. 18).

<sup>14</sup> См. «Ат-таахи», 1967, 10 августа, стр. 2.

<sup>15</sup> В создании и работе «Хива» деятельное участие принимал известный курдский деятель, иракский ученый, публицист Рифик Хельми (см. *روژی نوی* 1960, № 1, июль, стр. 61).

<sup>16</sup> «Ат-таахи», 1967, 10 августа, стр. 2.

в Лозанне. После долгих репрессий и из-за начавшейся первой мировой войны «Хива» временно прекратила свою работу. Архив и весь денежный фонд был передан на хранение Абдул-Азизу Бабану<sup>17</sup>.

Студенческое общество «Хива» издавало ежемесячный журнал «Рожа курд» («Солнце курда»), переименованный с четвертого номера в «Хатави курд»<sup>18</sup>. Первый номер «Рожа курда» помечен 6 июня 1913 г., второй—6 июля, третий—1 августа<sup>19</sup>, а четвертый номер («Хатави курд») — 23 октября 1913 г.<sup>20</sup> Первые три номера были изданы в размере двух печатных листов, четвертый номер на половину меньше. Редактором первых трех номеров был Абдул Кярим из города Сулеймание, а четвертого—Абдул-Азиз Бабан. Журнал был двуязычным: на турецком и курдском языках.

Как видно, журнал был основан курдскими студентами Стамбула, но активную роль в нем начали играть многие курдские политические и общественные деятели, в том числе Наджмаддин Киркукли, Салах Бадрхан и другие. Знамена-

<sup>17</sup> Организация возобновила свою работу лишь после первой мировой войны, на этот раз под председательством Асифа Бадрхана. Бывший председатель Акрам Джамил-паша был избран почетным председателем. За этот период общество издало ряд курдских книг, в том числе уникальный сборник произведений средневекового курдского классика поэта Ахмеда Хани, учебник «Изучение курдского языка», написанный Акрам Джамил-пашой и др. В 1922 г. под давлением правительства Кемаля Ататюрка «Хива» окончательно перестала существовать.

<sup>18</sup> В. Ф. Минорский название «Рожа курд» переводит как «Курдский день», то же самое встречается и у В. Никитина (см. В. Ф. Минорский. Курды, стр. 18; В. Никитин. Курды. М., 1964, стр. 290). В курдском языке на диалекте курманджи слово «день» и «солнце» выражается одним словом «рож». В заметке на немецком языке названия «Рожа курд» и «Хатави курд» переведены как «Солнце курда» (см. „Die Welt des Islams“, Berlin, 1913, Band I, Heft 3/4, s. 221). На наш взгляд, правильным следует считать последний перевод. После запрета «Рожа курд» издатели журнала, чтобы избежать цензурных затруднений, слово «рож» на диалекте курманджи заменили словом «хатав», что идентично первому и означает то же самое на диалекте сорани. Тем самым доказывается идентичность четвертого номера с предыдущими. Анализ третьего номера журнала не включен в статью, так как она была написана до обнаружения этого номера.

<sup>19</sup> «روژێ كورد» 1913, № 1, 2, 3 (далее — «Рожа курд»).

<sup>20</sup> „Die welt des Islams“ 1913. Band I, Heft 3/4, s. 221; «*Գաղափար*» 1913, № 1608. О. Л. Вильчевский и М. С. Лазарев годом издания «Хатави курд» ошибочно считают 1914 г. (см. О. Л. Вильчевский, Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии. «Иранские языки», кн. 1, М.—Л., 1945, стр. 158; М. С. Лазарев. Курдистан и курдская проблема. М., 1964, стр. 139).

тельно, что часто на страницах журнала выступали такие крупные деятели, как Абдулла Джевдет и Исмаил Хакки Бабан заде. Дело в том, что первый из них известен как один из основателей и идеологов младотурецкого движения, а Исмаил Хакки Бабан заде после революции 1908 г. вошел в младотурецкое правительство в качестве министра просвещения. Как Джевдет, так и Бабан заде примкнули к курдскому движению после того, как младотурки, придя к власти, отказались от той национальной политики, которую они еще в 1907 г. обещали представителям народов, борющихся вместе с ними против режима Абдул-Гамида<sup>21</sup>.

Номера «Рожа курда» из Стамбула доставлялись в Курдистан. После выхода первого номера в редакцию журнала от читателей поступило множество отзывов и пожеланий, часть которых была помещена во втором номере «Рожа курда». В. Ф. Минорский свидетельствует, что журнал «по-видимому, получил довольно широкое распространение. Мне приходилось слышать о нем в далеком Сулеймание, где местных ханов и интеллигентов живо интересовали вновь поднятые национальные вопросы»<sup>22</sup>.

Интерес к журналу проявляла общественность и других народов. В частности, о нем сразу же известили армянские газеты. Ссылаясь на содержание статей, помещенных на страницах журнала, армянская газета «Оризон» связывала с журналом большие надежды в плане распространения прогрессивных идей среди курдского населения<sup>23</sup>.

Национальные интересы, затронутые в журнале, в определенной мере были вызваны той шовинистической политикой, которую на пятом году прихода к власти проводили младотурки. И неслучайно, что после выхода в свет всего четырех номеров журнал был закрыт, а многие курды—авторы статей подверглись гонению. Еще в октябре по обвинению в антиправительственном характере статей, опубликованных в «Рожа курде», был арестован корреспондент журнала Салах Бадрхан. Ссылаясь на турецкую газету «Терджуман», армян-

---

<sup>21</sup> Кстати, до сих пор в курдоведческой литературе не упоминается об участии Абдулла Джевдета в курдском движении, в зарождении курдской национальной идеологии, о чем свидетельствует ряд нововыявленных нами материалов. В период и после первой мировой войны Джевдет принимал деятельное участие в организации и деятельности курдских политических организаций. Не случайно, что после мировой войны, особенно накануне курдского восстания 1925 г., в турецких газетах была развернута кампания против Джевдета, обвинявшегося в замысле создания независимого курдского государства (см. газ. «Акшам» от января 1925 г.).

<sup>22</sup> В. Ф. Минорский. Курды. Пг., 1915, стр. 18.

<sup>23</sup> «Օրիզոն», 1913, № 214, էջ 1.

ская газета «Жаманак» сообщала: «Салах Бадрхан из-за своей враждебной статьи, напечатанной на курдском языке в журнале «Рожа курд», разыскивался военными властями и накануне был арестован военным трибуналом и посажен в тюрьму»<sup>24</sup>. Еще в 1909 г., когда на страницах турецких газет то и дело появлялись статьи, критикующие политику младотурок, правительство обнародовало законы, согласно которым «если гражданские власти или прокурор найдут в данном органе что-нибудь враждебное для государства и правительства, то они имеют право отдать ответственного редактора под суд. Помимо ответственного редактора, за статью или заметку отвечают в равной мере автор и хозяин типографии, в которой эта заметка или статья была напечатана»<sup>25</sup>. Нет надобности доказывать, что эти законы отражались на содержании журнала. В первом номере журнала были помещены следующие статьи: в *турецком разделе*: «Цель пути», редакционная; «Обращение», Абдулла Джевдет; «Курдское студенческое общество и служение курдов обществу», Наджмадин Киркукли; «Боль и лечение», Х; «Национальные течения (события от Запада до Востока)», Х. Б. Харпутли; «Наше общественное положение», Наджмадин Киркукли; «Возможности распространения цивилизации среди курдов», Фахри; «Обобщение взглядов», «Общее сильное государство», Мидхад; «Наши буквы и доступность чтения», Масуд Сулейманли; в *курдском разделе*: «Горькое и сладкое», Абдул Кярим Сулейманли; «Почему дети не могут быстро обучаться грамоте», его же; «Социальное и духовное влияние науки и искусства», его же; «Землепашество», Ниждат Диарбакыри; «Рассказ», Фуад Тамо; «Время наших дедов, наше время и твоя пора», стихотворения «Диван поэта господина Нали» и «Учеба и труд», Фазил Мухлис ашир милли.

В *турецком разделе* второго номера помещены: «Для курдов»; «Ваши обязанности перед нацией», Токан Булгаристанли; «Мусульманство и курды», Исмаил Хакки Бабанзаде; «Путь единения», Абдулла Джевдет; «Дружба становится реальностью», М. Салах Бадрхан; «Наши ожидания от «Хива», Х. Б. Харпутли; «Наши буквы и доступное чтение», М. С. Азизи; письмо «Уважаемая редакция журнала «Рожа курд»; «Знаменитые курды: Салах эд-дин Эюби» и «Отдельные мысли»; в *курдском разделе*: «Большая утрата для курдов»; «Лишь я, никто больше», «Заявление», Абдул Кярим Сулейманли; «Проснитесь», М. С. Азизи; «Рассказ», Фуад Тамо; «Поздравление», Х. Модани; стихотворение Шейх Рыза

<sup>24</sup> «*Жаманак*», 1913, № 1600.

<sup>25</sup> К. Юст. Анатолийская печать. Тифлис, 1922, стр. 14.

Талабани; «Язык и неграмотность курдов», Х. Модани; «Труд и учеба», Фикри Нидждат.

Определяя направленность журнала, О. Л. Вильчевский отмечает, что журнал «Рожа курд» имел «ярко выраженный националистический характер», в нем помещались «националистические статьи, направленные против турецкого владычества, и призыв всех курдов к объединению для борьбы за свою независимость»<sup>26</sup>. Однако, на наш взгляд, понятие «националистический» тут не совсем точно. Дело в том, как это видно из перечня опубликованных в двух первых номерах «Рожа курда» статей, что идеи, «направленные против турецкого владычества и призыв всех курдов к объединению для борьбы за свою независимость», не являются главным в деятельности журнала. На первый план в нем выдвигаются задачи культурно-просветительской работы и пропаганда идей прогресса и культуры. Антитурецкие тенденции вырисовываются здесь лишь вскользь и то с определенной осторожностью. При этом вполне естественно, что не могло быть и речи о призыве к борьбе против турецкого владычества. Такая осторожность была вызвана рядом объективных и субъективных обстоятельств, продиктованных политической и общественной ситуацией времени. Нельзя забывать и того, что активную роль в журнале играли люди, воспитанные в «турецком духе» и еще надеявшиеся на то, что младотурки выполнят свои обещания. Как бы то ни было, замечание В. Ф. Минорского, что журнал «Рожа курд» носил ярко национальный характер», более соответствует его направлению, чем оценка его как «националистического» органа<sup>27</sup>. Важно в этой связи подчеркнуть, что в отличие от типично националистических изданий, восхваляющих все «национальное», журнал «Рожа курд» в оценке курдской действительности исходит из реальных фактов, подчас даже сгущая краски «отсталости» курдов. Так,

---

<sup>26</sup> О. Л. Вильчевский. Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX веке, стр. 158.

<sup>27</sup> В. Ф. Минорский. Курды. Пг., 1915, стр. 18. Нельзя согласиться и с другим замечанием О. Л. Вильчевского, будто «первые номера журнала в значительной части заполнены статьями на турецком языке... Однако постепенно курдский отдел увеличивался и вытеснил турецкую часть». (О. Л. Вильчевский. Библиографический обзор... стр. 158). Соотношение разделов в страницах во всех трех номерах журнала представляло следующую картину: в первом номере турецкий раздел занимал 18 стр. из 32, во втором—21 стр. из 32, а в четвертом—9 стр. из 16 (объем последнего номера был уменьшен). Как показывают приведенные данные, «курдский отдел» не только не увеличился по своему объему, «вытеснял турецкий», но и, наоборот, во втором номере уменьшился на 2—3 стр.

определяя задачи, журнал в редакционной статье «Цель пути» писал: «Нужно признаться, что курды уже давно оторваны от цивилизации. Они до сих пор далеки от науки и культуры. Рука курдов не достигает культуры и знания»<sup>28</sup>. Причину этого редакция видит в политических бурных событиях, в насилии и притеснении, которым постоянно подвергался народ. По заявлению журнала, «курды теперь поняли, что они прежде всего неграмотны, ясно и просто осознали, что нуждаются в грамоте». Именно в борьбе против отсталости курдские деятели видели свое главное и первостепенное призвание. «Ныне, когда открылась заря надежды,—пишет журнал,—можем твердо сказать, что насилие постепенно отступает. На горизонте курдов появились два факела: «Хива» и «Рожа курд», то есть мы создали два средства пробуждения»<sup>29</sup>.

Культурно-просветительские стремления курдских деятелей нельзя, однако, рассматривать в отрыве от той политической борьбы, которая в силу усиления шовинистической политики младотурок вынуждала курдских деятелей обращать внимание и на свои политические цели. Приобщение народа к грамоте и прогрессу не является самоцелью журнала. «Для достижения политической свободы,—отмечается в той же статье,—мы укажем научный и социальный путь и больше ничего. Это и есть путь, ведущий к цели»<sup>30</sup>. Сознывая сложность и трудность выбранной им дороги, «Рожа курд» заявляет: «Сегодня курдская молодежь перед курдами и перед всем миром берет на себя эту обязанность и думает, что с этой задачей справится успешно, смело встретит все удары и нападки, используя их для прогресса и цивилизации»<sup>31</sup>.

Решительное заявление журнала о готовности претворить в жизнь поставленные перед собой задачи еще не служило доказательством ясности выбранного курдской интеллигенцией пути, правильности методов и способов борьбы, тем более, что «национальные идеи» в журнале толковались в полном соответствии с классовыми интересами выступавших в нем авторов.

Определению конкретных задач курдского общества посвящена статья Абдуллы Джевдета «Обращение», в которой автор излагает свои воззрения на вопросы о национальном становлении. Автор пишет: «Мы живем в эпоху, когда формируются нации». Нация, по представлению А. Джевдета,—это

<sup>28</sup> «Рожа курд», 1913, № 1, стр. 2.

<sup>29</sup> Там же.

<sup>30</sup> Там же.

<sup>31</sup> Там же.

народ, выделяющийся «индивидуальностью» и «самобытностью». История нации сводится к самосознанию. Что подразумевает автор под словами «индивидуальность» и «самобытность», не раскрывается. Однако нетрудно заметить, что он подразумевает национальный характер и этнические особенности народа, которые, по его мнению, находились в постоянном движении, изменяя сознание людей. «У нации,— писал он,—нет застывшей и совершенной истории. Нация, которая имеет такую историю, похожа на нации, не имеющие движения»<sup>32</sup>. Национальное самосознание пропитывается изучением истории своего народа. Поэтому А. Джевдет призывает курдов изучать и знать свое прошлое. Он пишет: «Мы живем в XX веке. Нация, которая не овладела знанием прошлого и не определяет историю своего будущего, не является сама себе владыкой. А нация и отдельные личности, не являющиеся хозяевами над собой, превращаются в рабов и становятся жертвой других»<sup>33</sup>. Только извлекая уроки из прошлого, народ сможет ковать свое настоящее и проложить свое будущее—то есть «историю независимости». «Независимая история любой нации—это идеал этой нации».

Выдвигая вопрос о национальном становлении курдского народа, Джевдет ставит перед курдской интеллигенцией и молодежью вопросы, требующие конкретного определения, а именно: как представляют они свою роль и место в этом становлении, к чему стремятся—быть самостоятельными, независимыми или одним из элементов Османской империи, и в таком случае—каким именно элементом? В каждом из этих вопросов А. Джевдет подчеркивает главное—стремление к передовому, прогрессивному, для достижения которого необходимо было взяться за главное—распространение среди народа грамотности и цивилизации.

Политические взгляды А. Джевдета показывают нам его не столько как курдского «националиста», сколько буржуазного демократа-просветителя.

Курдский деятель Наджмадин (выходец из Киркука), принимавший непосредственное участие в работах общества «Хива», приветствуя начинание курдских студентов, выступил на страницах «Рожа курда» со статьей «Курдское студенческое общество и служение курдов обществу». Статья насыщена множеством пышных и мало раскрывающих суть темы фраз. В статье, однако, привлекает внимание его призыв к курдской молодежи ближе ознакомиться с нуждами народа, отделить главное от второстепенного. В ней отмечается, что

<sup>32</sup> «Рожа курд», 1913, № 1, стр. 5.

<sup>33</sup> Там же.

только вооруженные глубоким знанием нужд и стремлений народа люди сумеют указать народу путь к избавлению от страданий. Главное в работе членов общества «Хива» Наджмадин видел в непосредственной работе каждого в гуще народных масс.

К вопросу определения обязанностей, задач и осознанию каждым курдским студентом своей роли в обществе «Хива» Абдулла Джевдет возвращается спустя 3—4 месяца в статье, напечатанной в первом номере «Хатави курд». Статья сразу же привлекла к себе внимание армянской стамбульской газеты «Жаманак» («Время»), которая ее целиком поместила на своих страницах. Автор дает реальную картину печальной жизни курдского населения, его культурной, социальной и экономической отсталости, критикуя самодовольство тех курдских «деятелей» и «патриотов», которые, устроившись в Стамбуле, вдали от Курдистана, громко кричат от имени народа, не желая поехать в глушь и в гущу народа проявить свой патриотизм, туда, «где цветущие края ныне превратились в кладбище, а на плодородных землях, отдавших миру животворные корни, теперь царят бедность и голод. Ответственность за эти печальные явления ложится на наши плечи, плечи людей, озабоченных этим». «Я хочу,—пишет он,—нанести хлесткий удар в грудь тех, кто желает возглавить дело, берет на себя обязательства. Грудь эта и моя. Под этот удар нужно подставлять себя без сожаления». Джевдет пишет: «Вовсе бесполезны разговоры и размахивание рукой здесь в Константинополе,—в деревню, в деревню. Есть пшеничный хлеб, пить козье молоко, озарить крестьян светом, благами цивилизации—вот цель нашей молодежи»<sup>34</sup>.

Как в статье А. Джевдета, так и в других статьях журнала рассматривается причина отсталости курдского населения. Если выход из отсталости Абдулла Джевдет справедливо видел в социальном преобразовании жизни народа, то в статье «Лишь я—никто больше» редактор журнала Абдул Кярим видел в «джахилати» — молодости курдов в понимании жизни, незрелости ума, мешающих объединению курдов. Абдул Кярим обходит социально-экономические причины отсталости феодально-клерикального общества, преграждающие путь к развитию. Призывая народ овладевать грамотой, он пишет: «Лекарство избавления от этого недуга просто и нетрудно; чем выше будет грамотность, тем больше будет прогрессировать зрелость народа»<sup>35</sup>. «В больном теле не может быть здорового ума и духа»,—писал он в другом месте. Обращая вни-

<sup>34</sup> «Ժամանակ», 1913, № 1608, էջ 1:

<sup>35</sup> «Рожа курд», 1913, № 2, стр. 21.

манье на свирепствующие в восточных районах массовые эпидемии, болезни, голод, он в подтверждение этому приводил множество фактов. Так, например, из 744 человек курдского населения одной деревни района Аданы, вызванных для несения военной службы, только 12 не были заражены болезнью.

В отличие от него, А. Джевдет ставил перед молодежью вопросы изучения экономической и общественной жизни курдского народа, тех внутренних социальных и экономических факторов, которые определяли тенденцию изменения общественного и экономического облика народа. Так, он выдвигал вопрос о необходимости подробного исследования численности и расселения курдов, характера их занятий, уровня экономической жизни, процентного соотношения мужского и женского населения, рождаемости и смертности, грамотности, экономических взаимоотношений курдов с соседними народами, состояния ремесел, уровня земледелия, степени его развития, процента эмиграции курдов в Америку, их положения там, определения соотношения земледельцев и безземельных крестьян и многие другие вопросы. Ответы на эти вопросы, как отмечал А. Джевдет, можно будет получить, лишь живя среди народа: «Молодые курды, вы тогда сможете считать себя борцами за дело прогресса, когда должности школьного учителя вы предпочтете посту каймакама (губернатора.— Д. Д.)»<sup>36</sup>.

Представители курдской интеллигенции в своей деятельности во многом стремились заимствовать идеи Запада. Их просветительская деятельность развивалась в следующих областях: в создании курдской письменности, преобразовании школьной системы, изучении истории и культуры своего народа, стимулировании национального самосознания и, наконец, в борьбе за реформы в экономической жизни.

Актуальность вопросов просвещения курдского народа в значительной мере была обусловлена тем толчком, который получила общественно-политическая жизнь страны после младотурецкой революции. «В годы, последовавшие за младотурецкой революцией,—пишут А. Д. Желтяков и Ю. А. Петросян,—наблюдалось оживление в общественно-политической, культурной и научной жизни страны. Эти годы были важной вехой на пути формирования национального самосознания турок и вместе с тем периодом бурного роста националистических идей и доктрин в среде турецкой интеллигенции...»<sup>37</sup>

<sup>36</sup> «*Фешвак*», 1913, № 1608. 52 1.

<sup>37</sup> А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян. История просвещения в Турции. М., 1965, стр. 101.

А это привело к зарождению обратных тенденций со стороны иeturецких народов.

Важное место в деле просвещения курдского народа занимала письменность. Отсутствие таковой заметно препятствовало развитию национальной культуры. Вопрос письменности был актуальным и с точки зрения интересов школьного образования, распространения грамотности среди населения. В силу этого данный вопрос со всей серьезностью выдвигался курдскими деятелями на страницах «Рожа курда», став предметом обсуждения. Немалое влияние на это оказал тот факт, что после младотурецкой революции правительством был принят ряд мер для проведения реформы в турецкой письменности. В Стамбуле было организовано из специалистов-лингвистов «Общество распространения просвещения и реформы алфавита». Создание этого общества и ход его работы заметно стимулировали обсуждение проектов создания нового курдского алфавита, тем более, что основанный на арабской графике курдский алфавит, как писал один из крупных курдских деятелей этого времени Абдуррезак Бадрхан, не соответствовал фонетической системе курдского языка<sup>38</sup>. Уже в первом номере «Рожа курда» Масуд Сулейманли выступает со статьей «Наши буквы и доступность чтения», в которой выдвигает вопрос о необходимости пересмотра существующего курдского алфавита. Сложность письменности, по замечанию автора, есть одна из основных причин оторванности курдских масс от европейской цивилизации, недоступности европейской науки и передовой мысли. Впрочем, статья Сулейманли не выдвигала никаких конкретных предложений.

Прямым откликом на его статью явилось выступление М. С. Азизи (он же Салах Бадрхан) во втором номере «Рожа курда». Заглавие статьи—«Наши буквы и доступное чтение» почти повторяло предыдущую, однако автор предлагает измененный и дополненный вариант курдского алфавита, который явился плодом его долголетних исканий. Как утверждает автор, его «...мысли постоянно были заняты одним—найти упрощенный способ курдского алфавита для чтения и письма»<sup>39</sup>. В новом алфавите Салах Бадрхан, на той же арабской графике, наряду с 32 согласными буквами, предлагает 8 новых букв, созданных им для гласных звуков курдского языка. Однако осуществление на практике этой идеи привело бы к массе осложнений. Несовершенство своего алфавита хорошо понимал и сам автор. Он писал: «Прошу братьев курдов тоже думать об алфавите и обменяться мнениями». Для успе-

<sup>38</sup> «Сводка сведений о сопредельных странах...», 1913, № 40, стр. 11.

<sup>39</sup> «Рожа курда», 1913, № 2, стр. 12.

ха дела он предлагал редакции журнала выделить на ее страницах постоянный небольшой специальный отдел для обсуждения нового алфавита.

Предметом широкого обсуждения являлась проблема школьного образования. Помимо того, что правительство не заботилось о создании школ в Курдистане, имеющиеся здесь школы всецело были религиозными и выпускали только служителей культа, более или менее владеющих грамотой. Об их широком и глубоком знании современных наук не могло быть и речи, поэтому вопросы светского образования занимали ведущее место в «Рожа курде». Ему посвящена статья редактора журнала Абдул Кярима Сулейманли «Почему дети не могут быстро обучаться грамоте». Основная идея статьи — это критика образовательной системы и программ обучения в медресе, в которых, несмотря на многолетнюю учебу, дети не получают необходимого образования. Характеризуя медресе, автор отмечает: «Кто учителя этих школьников? Асам-ад дин, Абдуль-кафур, Абдуль-хаким и другие, у которых дети учатся лишь различать «даль» от «зада» и, естественно, ребенок с такими знаниями не может быть приобщен к наукам»<sup>40</sup>. А это, пишет он, обычно служит причиной их политической неграмотности. В школах должны обучаться тому, что такое демократия, парламент, какие права и полномочия имеет депутат, что из себя представляют абсолютизм, конституционные порядки, каковы различия между ними и т. д. Все это составляет содержание такого важного предмета, как право, который в школах не проходят, «а сколько пользы получит ребенок, изучив экономические науки, земледелие, важность химических наук». Абдул Кярим выдвигает ту мысль, что только через изучение этих наук откроется, наконец, путь к подготовке национальных кадров, и не будет нужды приглашать иностранцев в качестве специалистов. Для достижения успехов нужно готовить детей к этому со школьного возраста. Не раз, подчеркивает автор, дети европейцев своими знаниями ставят в неловкое положение наших взрослых мужчин, еще раз доказывая превосходство европейского образования. В статье затрагивается также вопрос о сроках школьного обучения.

В связи с этой просветительской деятельностью курдской интеллигенции нужно сказать, что многие ее представители рассматривали вопросы образования в отрыве от социальных проблем и борьбы за изменение существующих порядков и форм правления. Они не совсем четко представляли себе, что именно новый образ жизни, буржуазные экономические отно-

---

<sup>40</sup> «Рожа курд», 1913, № 1, стр. 21.

шения являются основой культурного и социально-экономического развития общества. Поэтому, стремясь внедрить европейскую культуру в курдскую среду, они в силу своего социального происхождения, экономической и классовой принадлежности, не ставили вопроса об открытой борьбе против старых отживших феодальных отношений. Вот почему деятельность курдской интеллигенции за этот период не выделялась определенной, четкой программой ни в области политической жизни, ни социальной, ни экономической, и их «вдохновенные порывы» в области просвещения оставались лишь благими пожеланиями.

Впрочем, в «Рожа курде» встречаются статьи о вопросах экономического прогресса общества. Этому вопросу посвящены, в частности, статьи Абдула Кярима «Горькое и сладкое», Ниждата Диярбакыри «Землепашество» и др. Они интересны тем, что показывают не только расплывчатость политических воззрений их авторов, но и пробивающиеся сквозь «национальные идеи» их классовые интересы. В своей статье Абдул Кярим выступает в качестве выразителя интересов зарождающейся торговой буржуазии. Обращаясь к классу имущих, автор рекомендует учиться искусству торговли, накопления капитала и его умелому использованию; он подробно излагает способы ведения эффективной торговли, товаро-денежного оборота, которые, по мнению автора, являлись прямыми стимуляторами оживления экономической жизни Курдистана. Торговля успешно продвигается в тех местах, замечал Абдул Кярим, где общественная жизнь активнее, что обусловлено просвещением населения. Для этого он призывал курдских богачей всячески способствовать строительству школ и учебных заведений. Просвещение должно способствовать сближению людей. Такое сближение для автора статьи, идеолога торговой буржуазии, не должно быть бесцельным, оно должно помочь объединению владельцев капитала. Идея организации товариществ, как это было в Европе, способствовала бы строительству в Курдистане фабрик и заводов. В статье не содержится призыва к борьбе против феодального земледелия, не раскрывается его роль как тормоза в развитии общественной жизни.

Несколько иной характер носит статья Ниждата «Землепашество», являющаяся единственной статьей, в которой затрагиваются вопросы жизни курдских деревень. По мнению автора, земли Курдистана отличаются плодородностью, однако вследствие обработки их старыми орудиями производства и старыми методами их урожайность, по сравнению с европейскими землями, значительно ниже. В результате, после огромного труда и усилий в руках крестьян еле остаются се-

мена для следующего года. «Сегодня наши поля не удовлетворяют наши потребности,—с горечью замечает Ниждат,— поэтому мы вынуждены ввозить из заграницы не только промышленные товары, но и хлеб. Все это потому, что в странах Европы применяют новые способы обработки земель, широко используя новейшую технику, в то время, как в курдских деревнях ведется агитация против употребления сельскохозяйственных машин как богом запрещенных». Но, продолжает автор, «кто из нас скажет, что это грешно, не надо пользоваться машинами, он говорит неправду, он ничего не знает». Свою статью Ниждат заканчивает призывом: «Вы должны постепенно приобретать их (машины.—Д. Д.), использовать... чтобы наши гумна были просторными, а наши пазухи были полными»<sup>41</sup>. С целью эффективного использования этих машин автор предлагает отдать детей на специальное обучение.

Конечно, призыв автора приобрести машины и использовать их в сельском хозяйстве не касался деревенской бедноты. Ниждат выступает выразителем интересов зарождающейся курдской буржуазии.

Одним из интересных вопросов, затронутых на страницах журнала, был вопрос об отношениях с соседними народами, главным образом христианскими. Известно, что в результате пресловутой султанской политики «разделяй и властвуй» за прошедшие годы имел место ряд столкновений между курдами и армянами, курдами и айсорами. Сознавая огромный ущерб, наносимый этим народам, некоторые курдские деятели выступили на странице журнала «Рожа курд» со статьями, пропагандирующими национальное примирение. В частности, этот вопрос был затронут в статье «Время наших дедов, наше время и твоя пора». Учитывая возможную реакцию со стороны курдского мусульманского духовенства на затрагиваемые вопросы, статья была опубликована без подписи автора. В качестве главного аргумента примирения курдов с христианскими народами выдвигается единое начало их происхождения, а причины их расчленения—религия. Доказывая это, автор делает исторический экскурс. «Еще во времена ассирийского государства,—пишет он,—эти народы жили едино, но после того, как в Ассирии появилась религия Мухаммеда, некоторые из ассирийцев приняли эту веру, ушли в горы и приняли свою письменность, их называли курманджами. А тех, которые остались (на равнине.—Д. Д.), называли фелле. В этом причина того, что с тех пор по сегодняшний день они живут вместе и их территории смешаны»<sup>42</sup>. После того,

<sup>41</sup> «Рожа курд», 1913, № 1, стр. 25.

<sup>42</sup> Там же, стр. 27.

продолжает автор, «как арабы потеряли свою власть, мы попали в лапы Турции и до сих пор живем в нищете». Причина этого не только в национальной вражде, но и в том, что курды до сих пор не осознали своего положения и не знают своего прошлого, своей истории. Но ныне, когда все соседние народы—арабы, турки, армяне изучают и хорошо знают свою историю, курдам необходимо взяться за дело воспитания национального самосознания курдов. Интересным моментом этой статьи является то, что наряду с другими причинами «жалкого положения» курдов автор указывает и на корыстные и эгоистические цели некоторых кругов курдского общества, мешающие единству народа.

Оценивая деятельность курдской интеллигенции, следует отдать должное той роли, которую она сыграла в пропаганде национальных идей, пробуждении в народе самосознания и национальной гордости. Этим задачам посвящены статьи «Проснитесь», «Язык и неграмотность курдов», «Извещение» и др. Отмечая наличие в Европе мнений о том, будто курды не имеют своего языка и литературы, Абдул Кярим в статье «Извещение» приводит большой список имен курдских поэтов, писателей, ученых и крупных политических деятелей, составляющих гордость курдского народа. В их числе автор отмечает таких популярных в курдском народе поэтов, как Шейх Маруф, Нутши, Кызылджи, Чори, Шейх Кадыр, Панджунли, Как Ахмед, Моллана Халед, Нали, Салм, Мустафа-бег, Хаджи Кадры Кой, Шейх Рыза Талабани и др.<sup>43</sup> Журнал обещал читателям опубликовать в последующих номерах стихи этих авторов, «дабы вызвать у читателей сожаление, что эти произведения до сих пор оставались неопубликованными». Журнал часто публиковал образцы творений деятелей курдской культуры. Интересно, что на его страницах нередко публиковались произведения, которые в редакцию поступали от читателей. Выбор и публикация этих стихов не носили случайного характера. В журнале помещались именно те стихи, которые были пропитаны духом национального самосознания, пробуждали у читателей чувство любви к отчизне, прививали любовь к труду, учебе и прогрессу. В этом смысле не случайно преобладание среди них произведений известного курдского поэта Хаджи Кадри Коя. Некоторые стихи были посвящены самому журналу «Рожа курд», воспевали его благородную миссию.

В первых двух номерах «Рожа курда», в курдском отделе, был помещен интересный рассказ, подписанный Фуадом Тамо. Рассказ написан на диалекте курманджи красивым,

<sup>43</sup> «Рожа курд», 1913, № 2, стр. 2.

образным народным языком, что и делает его доступным для чтения. Рассказ представляет несомненный интерес по двум обстоятельствам: во-первых, тем, что он является первым курдским произведением, написанным в прозе, во-вторых, своим содержанием. В нем описывается тяжкое существование беспомощного и одинокого пастуха, олицетворяющего горестную судьбу курдского народа.

Рассказ имеет целью примирить курдский эксплуататорский класс с крестьянством. Несомненно, это выражает классовые интересы самого автора, не желающего видеть в лице своего класса такого же эксплуататора курдского народа, какими были турецкие угнетатели. Курды для него, независимо от их классовой принадлежности, представляются «единым народом»; феодал, ага, риспи и обездоленный крестьянин, ходящий в тряпье пастух—все они курды и одинаково поработены турками.

В этой связи нужно сказать, что стремление к нивелированию классовых противоречий в курдском обществе—характерная черта «Рожа курда» в целом. Круг его интересов ограничивался пропагандой грамотности и просвещения, развитием экономической жизни и культурного роста курдского народа. Политические вопросы не могли получить в журнале широкого освещения в силу как классовых интересов его издателей, так и особенно цензурных ограничений турецких властей.

Касаясь профиля и назначения журнала, С. Бадрхан в статье «Проснитесь» с возмущением констатирует, что редакция журнала скована в своей деятельности внешними факторами и поэтому вынуждена обходить политические вопросы. «Этот журнал,—пишет он,—рассказывает только о науке и знании, и ни о чем другом он не может говорить, поскольку в правительственном законе имеется одна статья, где говорится, что кто издаст политический орган, обязан оставить залог в сумме 500 золотых монет. Что касается курдов, то они недовольны этим, потому и сейчас довольствуются лишь журналом «Рожа курд». Сегодня все народы имеют газеты и журналы. В них они описывают свое положение, выдвигают свои требования. Какой народ без газеты! Он не может говорить ни о своих страданиях, ни об осознании своего положения и времени»<sup>44</sup>.

Несмотря на все эти ограничения, отразившиеся в направлении деятельности «Рожа курда», на классовую ограниченность его издателей и другие их слабости, «Рожа курд», будучи изданием прогрессивно настроенных молодых курдов

---

<sup>44</sup> «Рожа курд», 1913, № 2, стр. 23.

знатного происхождения и зарождающейся буржуазии, за период своего краткого существования, стал выразителем тех основных идей и интересов, которые определяли, правда, еще не совсем четко, идеологию курдского движения того времени. В то же время «Рожа курд» свидетельствовал о тех важных изменениях в идеологии курдских деятелей, которые складывались в результате влияния младотурецкой революции и европейского просвещения. Характерно, что в период, когда в Турции бурно процветал панисламизм, «Рожа курд» не пошел на поводу этой пропаганды, выдвинув на первый план буржуазно-демократические и культурно-просветительские задачи. И хотя курдская буржуазия в этот период еще не выступала самостоятельно со своими национальными задачами, основанными ее представителями в период «пробуждения Азии» журнал занял центральное место в деле пропаганды идей прогресса и национального возрождения. Он является единственным и весьма ценным источником изучения истоков идеологии буржуазно-демократического и национального движения курдского народа.

## ԶԱՄԵ ԶԱՄ

«ՌՌԺԱ ՔՈՒՐԴ» ԱՄՍԱԳԻՐԸ 20-ՐԴ ԴԱՐԻ ՍԿԶՐԻ ՔՐԴԱԿԱՆ  
ՀԱՍԱՐՍԿԱԿԱՆ-ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՄՏՔԻ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ  
ԱՂԲՅՈՒՐ

## Ա մ փ ո փ ու մ

1908 թ. հրիտթուրքական հեղափոխությունից հետո քրդական հասարակական և քաղաքական կյանքը ապրեց բուռն վերելք: Հիմնվեցին առաջին քրդական քաղաքական կազմակերպությունները, հրատարակվեցին «Քրդստան» և «Քուրդ» լրագրերը: Քրդական մտավորականության այդ տարիների գործունեության մեջ ընդգծվում են լուսավորության գործի կազմակերպման առաջին քայլերը:

1913 թ. «Հիւլա» (հուլս) կազմակերպությունը սկսում է հրատարակել «Ռոժա քուրդ» ամսագիրը: Ամսագրի էջերում քուրդ ժողովրդի քաղաքական կյանքի հրատապ հարցերի շուրջը ծրագրային հողվածներով հանդես են գալիս քրդական մտավորականության աչքի ընկնող ներկայացուցիչներ՝ Ա. Զևեթը, Իսմայիլ Խակկի Բարան Զադեն, Նաջմադդին Մուլան, Սալահ Բադրիանը և ուրիշներ:

«Ռոժա քուրդ»-ի էջերում շոշափվող հիմնական հարցերի առանցքն է կազմել քրդերի մեջ անգրագիտության ու հետամնացության վերացման խնդիրը: Քուրդ ժողովրդի քաղաքական ազատագրման հարցը կապելով կուտուրայի և լուսավորության տարածման ու առաջընթացի հետ, քուրդ մտավորականները իրենց հողվածներում նշել են գործի կազմակերպման ուղիներն ու պայմանները: «Ռոժա քուրդ»-ի էջերում արծարծված խնդիրների թվում կարևոր տեղ են գրավել ժողովրդի սոցիալական ու տնտեսական կյանքի հարցերը: Այստեղ նկատելի է հեղինակների գաղափարախոսության վրա բուրժուական նվրոպայի որոշակի ազդեցությունը: Մեծ է «Ռոժա քուրդ»-ի դերը նաև քրդական գրականության, լեզվի ու ազգային մշակույթի զարգացման տարբեր բնագավառների համար:

Ամսագիրը կարևոր նշանակություն ունի քուրդ ժողովրդի նախահեղափոխական շրջանի հասարակական և քաղաքական գաղափարախոսության հարցերի լուսաբանման համար:

Б. П. БАЛАЯН

## ОБ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЕ В ИРАНСКОМ КУРДИСТАНЕ

Аграрная реформа—значительное событие в экономической и общественной жизни Ирана.

Несмотря на ограниченность и половинчатый характер реформы (сохранение крупных помещичьих владений размером до 500 га при условии обработки их машинами с применением наемного труда, сохранение старых условий аренды крестьянами помещичьих земель), капиталистические отношения в сельском хозяйстве получили более широкое развитие; реформа подорвала влияние крупных полуфеодалных помещиков, в том числе и курдских ханов, нанесла удар по помещичьей собственности и в известной мере удовлетворила интересы части крестьянства за счет ограничения крупного полуфеодалного землевладения.

Как известно, «в качестве пионера второго этапа аграрной реформы» правительство избрало Иранский Курдистан. Объясняя причины этого, столичная газета «Техран джорнел» указывала на политическое и стратегическое значение Иранского Курдистана, граничащего с Ираком и Турцией и населенного «недовольным и беспокойным курдским народом»<sup>1</sup>. Выбор Иранского Курдистана, таким образом, не случаен, и чтобы понять суть и цели этого, нам надлежит сделать небольшой экскурс к аграрным отношениям в этом районе накануне аграрной реформы.

До начала аграрной реформы значительная часть земель Курдистана находилась у крупных землевладельцев. В начале 50-х годов в Макинском районе из 476 селений около 350 принадлежало помещице Айналы-Ханум<sup>2</sup> и ее сыновьям, из

<sup>1</sup> «Техран джорнел», 8 сентября 1970 г.

<sup>2</sup> В 30-х годах нынешнего века помещики Макинского района владели

которых только Балы-Хан владел 120 деревнями<sup>3</sup>. Крупными землевладельцами в районе Керманшаха были сам шах, а также Кобадян<sup>4</sup>, Азам-Зангене, Амджади, Амир-Эхтешами и Моавени. Крупнейшими помещиками в районе Сенендеджа были Асаф и Сенендеджи<sup>5</sup>.

После второй мировой войны государство создавало иллюзию наделения крестьян землей путем распродажи государственных земель халисе, однако большая их часть попала в руки помещиков и ханов. Так, при распределении 145 деревень-халисе в районе Поштекуха курдские деревни Сумар и Эйван захватил Кобадян. Пастбища в окрестностях Нефешаха (Тегтег, Баба-адам, Харморде и др.) были переданы курдским ханам-сенджаби<sup>6</sup>. Когда государственные земли девяти пограничных деревень в Курдистане были распределены между 289 семьями курдских крестьян<sup>7</sup>, англичане опротестовали эти действия правительства и добились того, что в июле 1945 г. эти земли за бесценок были переданы нескольким крупным ханам-помещикам, поддерживаемым англичанами. Курдские деревни Саргале, Бавейси, Азгале и Гейтул, дававшие 1 млн. риалов годового дохода, были сданы в аренду крупным курдским арендаторам—посредникам только за 15 тыс. риалов. А когда эти владельцы перестали подчиняться англичанам, их земли перешли в руки того же Кобадяна<sup>8</sup>. Вопреки закону от 22 ноября 1955 г. о продаже государственных земель крестьянам, в Курдистане они превращались в частную собственность помещиков и кулаков. Известны случаи, когда топографические работы по распределению земель халисе в Курдистане задерживались, так как арендаторы объявили их своей собственностью<sup>9</sup>. Захват государственных земель курдскими ханами был осуществлен и в отношении части 157 земельных участков халисе в районе Резаие и 104 участков в районе Хоя<sup>10</sup>.

90% земельной площади. Только шесть помещичьих семей миланских курдов владели в среднем 20—30 деревнями («Северная Персия. Сборник консульских докладов НКВД», М., 1933, стр. 68).

<sup>3</sup> См. М. С. Иванов. Сельское хозяйство и аграрные отношения в современном Иране. «Вестник ЛГУ», № 9, стр. 62.

<sup>4</sup> См. М. С. Иванов. Рабочий класс современного Ирана. М., 1969, стр. 13—14.

<sup>5</sup> См. A. K. S. Lambton. Landlord and peasant in Persia. London, N. Y., p. 269

<sup>6</sup> См. «رهبر» 1 июня 1946 г.

<sup>7</sup> См. М. С. Иванов. Иран сегодня. М., 1969, стр. 64.

<sup>8</sup> См. «رهبر», 27 июня 1946 г.

<sup>9</sup> См. «باشند» 6 октября 1960 г.

<sup>10</sup> احمد هومن، اقتصاد کشاورزی، جلد ۲ تهران، ۱۳۲۴، ص ۲۷

В ноябре 1960 г. курдским крестьянам были проданы земли халисе 11 деревень Миандооба. По закону о распределении государственных имений размеры выделенных крестьянам участков устанавливались в 10 га орошаемой и в 15 га богарной земли. Однако в действительности их величина колебалась от 5 до 8 га<sup>11</sup>.

В целом, государственные земли халисе накануне аграрной реформы не играли важной роли в сельском хозяйстве Курдистана, так как правительство фактически поощряло их захват курдскими феодалами—помещиками.

В состоянии деградации находилось и вакфное землевладение. Всего в 1956 г. в Иранском Курдистане было 64 вакфных деревень, в том числе в провинциях: Керманшахе—3, Курдистане—12 и в Западном Азербайджане—19 деревень<sup>12</sup>.

Эксплуатация вакфных имений в Иранском Курдистане осуществлялась главным образом путем сдачи их в аренду малыми участками. Нередко в роли арендаторов выступали сами попечители религиозных учреждений—мутавалли, которые не ограничивались вознаграждением в 10% с дохода от имений<sup>13</sup> и «выговаривали» себе выгодные условия аренды.

Сокращение вакфного землевладения в первую очередь объясняется захватом помещиками-ханами и представителями высшего духовенства имений религиозных учреждений<sup>14</sup>. Нерентабельность вакфных земель послужила причиной издания в апреле 1941 г. закона, разрешавшего их продажу с аукциона<sup>15</sup>. Однако закон этот не касался собственности крупных мечетей и был отменен в октябре 1941 г. В Курдистане наблюдалась тенденция к замене вакфного землевладения частным. Эта тенденция усиливается по мере развития капиталистических отношений<sup>16</sup>.

Крестьянское землевладение в Иранском Курдистане было незначительным. Итоги первого этапа аграрной реформы показали, что до ее начала только около 10% курдских крестьян

<sup>11</sup> См. „Iran Almanac and book of facts“, p. 545.

<sup>12</sup> См. «Iran Almanac 1963», стр. 387. Эти данные, опубликованные иранским министерством сельского хозяйства, отличаются от данных, приведенных Ахмедом Хуманом в его книге «Экономика сельского хозяйства», стр. 299.

<sup>13</sup> См. A. K. S. Lambton. Landlord and peasant..., p. 234.

<sup>14</sup> См. там же, стр. 236. *نیکزاد کریم امیر حسینی، جغرافیا و تاریخ چهار محل و بختیاری، تهران، ۱۳۱۱، ص ۲۱*

<sup>15</sup> См. M. Shah-Leidi. Das Problem der Boden reform in Iran. Berlin, 1964, p. 21.

<sup>16</sup> Г. Б. Акопов. К вопросу о частном землевладении в Иранском Курдистане. «Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции» (тезисы докладов). М., 1962, стр. 41—43.

ян имели небольшие участки собственной земли. При этом количество таких земель систематически сокращалось, так как одновременно с зависимостью крестьян от помещиков и их разорением их земли переходили в руки помещиков-ханов.

Главной формой землепользования в Курдистане была издольная аренда, с которой было связано 76% земель<sup>17</sup> и в основе которой лежал принцип деления урожая между собственником участка и крестьянином в зависимости от владения его главными компонентами—землей, водой, тяглом, семенами и трудом. Этот принцип предполагает, с одной стороны, отделение крестьян от средств производства, а с другой, ведет, как пишет Г. Б. Акопов, ко «второму изданию» крепостничества<sup>18</sup>. Изменения в издольной аренде касались системы распределения урожая. На его раздел стали оказывать влияние такие факторы, как вид земель (поливные или богарные), возделываемая культура и т. д.<sup>19</sup> Обходя детали<sup>20</sup>, остановимся на данных о распределении урожая между помещиками и арендаторами в отдельных районах Курдистана, опубликованных в 1962 г. иранским экономистом доктором Ахмедом Хуменом<sup>21</sup> (табл. 1).

Хумен, по-видимому, пытался показать «незавидное положение» помещиков и «обеспеченность райятов», которые владели и семенами, и рабочим скотом. Однако, как правило, семена и удобрения авансируются им помещиками под ростовщические проценты, а скот обычно покупается многими арендаторами на деньги, взятые в долг у помещика или ростовщика. Около 23% крестьянских семей в Курдистане (собственников участков до 1 га) вынуждены дополнительно арендовать землю, ибо уровень их жизни немногим выше уровня безземельных крестьян. Кроме того, пишет газета «Масляк», «курдские ханы Керманшахской провинции приобретали пшеницу у разорившихся курдских крестьян на корню по 1 туману за ман, а затем продавали ее тем же зем-

<sup>17</sup> См. «Техран экономист», 3 ноября 1962 г., № 483, стр. 18.

شاهپور، اسخ و جمشید بهنام، روستائیشینی در ایران، سخن،  
۱۳۴۲، شماره ۱، ص ۳۸، ۴۱

<sup>18</sup> См. Г. Б. Акопов. К вопросу о характере частного землевладения в современном Курдистане. «Изв. АН Арм. ССР», № 5, 1963, стр. 66, 68.

<sup>19</sup> См. А. И. Демин. Сельское хозяйство современного Ирана, 1967 г., стр. 46.

<sup>20</sup> О них см., например: А. И. Калавеш. К вопросу об аграрных отношениях в современном Иранском Курдистане. «Уч. зап. ИВАН Азерб. ССР», № 2, 1960 г., стр. 33—34.

<sup>21</sup> احمد هومن، اقتصاد کشاورزی، جلد اول، زمین، چاپ دوم،  
۱۳۴۱، ص ۲۰۲

Таблица 1

Распределение урожая между землевладельцами и арендаторами  
в провинции Курдистан

Шахристаны	Сельскохозяйственная продукция	Доля помещика, предоставляющего землю и воду	Доля земледельцев (труд, семена, рабочий скот)
Саккыз	Пшеница, ячмень	1/5 3	4/5
"	Табак	2/5 5	2/5—3/5
Бане	Пшеница, ячмень	1/5	4/5
"	Табак	1/2—3/5	1/2—2/5
Биджар	Пшеница, ячмень, чечевица	1/5	4/5
Паве	"	1/2—1/3	1/2—2/3
Джаванруд	Пшеница, ячмень	1/5	4/5
Мериван	"	1/5	4/5
"	Табак	1/2	1/2

ледельцам по 6 туманов»<sup>22</sup>. На тяжелую долю курдских крестьян указывает множество кабальных повинностей, описанных, в том числе, курдским исследователем доктором М. Мурки. Большинство этих повинностей прикрывалось отжившей племенной организацией и имело форму барщины<sup>23</sup> или отработочной ренты<sup>24</sup>. По свидетельству А. Ламбтон, за каждый джофт участка земли курдские крестьяне в районе Сенендеджа были обязаны обрабатывать 7 человеко-дней и на 4 дня предоставлять в распоряжение помещика осла<sup>25</sup>. В других районах Курдистана помещики обуславливали сдачу земли крестьянину повинностями «бигари» от 1 до 4 человеко-дней со своим тяглом<sup>26</sup>. В окрестностях Хоя в 1945 г. курдские крестьяне несли более 15 повинностей<sup>27</sup>. Разновидностью отработочной ренты была транспортная повинность «бар карде»<sup>28</sup>, выполнение которой было подтверждено законом от 11

<sup>22</sup> مسلك 2 июня 1959 г.

<sup>23</sup> 16 октября 1958 г. премьер-министр Ирана в своем циркуляре на имя ген. губернаторов и губернаторов, опубликованном в тегеранской прессе, указал на существование барщины в отдельных районах страны.

<sup>24</sup> Об этом см. Г. Б. Акопов. К вопросу о национальной консолидации курдов в Иране. М., 1952, стр. 12—16.

<sup>25</sup> A. K. S. Lambton. Landlord and peasant..., p. 331—333.

<sup>26</sup> См. دژ 12 августа 1952 г.

<sup>27</sup> См. رهبر 22 августа 1945 г.

<sup>28</sup> Эта повинность была связана с принуждением крестьян перевозить сельскохозяйственную продукцию помещика с поля в деревню и с тока в амбар помещика при выполнении им государственных хлебных поставок (رهبر 25 октября 1946 г.).

октября 1952 г.<sup>29</sup>, а также использование труда арендаторов на строительстве дорог и других работах, взятых ими в подряд<sup>30</sup>.

Директор иранского сельскохозяйственного банка Х. Захе́ди в сентябре 1963 г. заявил, что «перед земельной реформой в Курдистане с крестьян взимали 110 различных видов налогов, податей и поборов. В результате курдские крестьяне жили в беспросветной нищете, независимо от того, хорошо или плохо они обрабатывали землю»<sup>31</sup>.

В районе Керманшаха с каждого участка земли крестьянин должен был поставлять помещику-хану каждый год по 5—10 кур, 3 кг сливочного масла и некоторое количество топлива<sup>32</sup>. Еще в 50-х годах помещики взимали с курдских крестьян специальный гостевой сбор<sup>33</sup> и под предлогом необходимости приема иностранцев взимали топленое масло и другие поборы<sup>34</sup>. С крестьян взимался подъемный сбор, «солнечный сбор» («малiate афтаб») за сушку кишмиша<sup>35</sup>; курдская семья могла выдать девушку замуж только после уплаты помещику определенной подати<sup>36</sup>.

Кроме индивидуальных поборов и податей в пользу помещика, иногда курдская крестьянская община в целом подвергалась поборам в пользу старосты («кетхода»), сторожа («даштебан»), управляющего ханским именем («мубашир»), распределителя воды («мираб») и др. Иранская пресса отмечала, что «в Курдистане мубаширы грабили крестьян в сто раз более хищно, чем помещики»<sup>37</sup>, а в курдских селах Хойского района существовала специальная подать «хагге мубашир»<sup>38</sup>. Ахмед Хумен отмечает, что, по официальным данным иранского министерства сельского хозяйства, в курдских селах Ревансарского района Керманшахской провинции крестьяне отдавали мубаширу 15 кг зерна с каждого хармена и столько же зерна в год сельскому парикмахеру. В курдской деревне Хасанабад кетхода получал доходы с работавших

<sup>29</sup> «سالنامه پارسی» 1953—1954 гг., стр. 153.

<sup>30</sup> См. А. К. S. Lambton. *Landlord and peasant...*, p. 331—333.

<sup>31</sup> «Asian Recorder», New Delhi, vol. 9, 1963, № 41, p. 5454;

М. С. Иванов. Рабочий класс современного Ирана, стр. 20.

<sup>32</sup> См. А. К. S. Lambton. *Landlord and peasant...*, p. 333—334.

<sup>33</sup> См. Р. А. Сеидов. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Иране (1950—1953 гг.). Баку, 1963, стр. 101.

<sup>34</sup> См. А. К. S. Lambton. *Landlord and Peasant...*, p. 339.

<sup>35</sup> См. «بسوی آينده» 5 марта 1952.

<sup>36</sup> См. М. С. Иванов. Рабочий класс современного Ирана, стр. 19.

<sup>37</sup> «بسوی آينده» 1 июля 1952.

<sup>38</sup> احمد هومن، اقتصاد کشاورزی، جلد اول، 22 августа 1945г. «رهبر»

там семи мельниц<sup>39</sup>. Крестьяне были обязаны нести повинности «бигари» и в пользу подчиненных кетхода или мирабу пакаров—лиц, ответственных за воду и различные работы в деревне<sup>40</sup>. В курдских селах Керманшахской провинции существовали следующие трудовые повинности крестьян-арендаторов в пользу землевладельцев: выпас помещичьего скота («галле джофт») — два дня; молотба («харман куби») помещичьего зерна — два дня; покос («шабдарчини») — один день; жатва хлебов («гандомчини») — один день<sup>41</sup>.

Не менее обременительными были поборы с курдских полукочевников-скотоводов<sup>42</sup>. В курдистанской деревне Матар скотовод, имевший пару быков, должен был поставлять хану около 1 кг сливочного масла, четыре вюка фуража, одну овцу, трех кур, 25 яиц, 16 кг керосина и пятидневный надой овечьего молока всего поголовья стада<sup>43</sup>.

Пастбища и водные источники в Курдистане до реформы считались общинной собственностью, однако фактически они находились в распоряжении помещиков-ханов, чему способствовало сосредоточенное в их руках руководство кочевым циклом и периодическим перераспределением пастбищ. За пользование пастбищами государство взимало сбор из расчета 6 риалов с головы мелкого рогатого скота, 16 риалов — с осла или мула, 26 риалов — с головы крупного рогатого скота или лошади<sup>44</sup>. Курдские ханы держали в своих руках обеспечение поступлений сбора с пастбищ в казну, так как «попытки учредить финансовые органы не приносили успеха»<sup>45</sup>. Тяжесть уплаты сбора, как правило, ложилась на курдских кочевников, а ханы, взявшие на себя обязанность сбора налогов, получали определенные суммы за «посредничество»<sup>46</sup>.

Большие доходы получали курдские помещики-ханы от разведения овец и крупного рогатого скота путем использования труда крестьян-пастухов<sup>47</sup>. По закону от 11 октября

<sup>39</sup> احمد هومر، اقتصاد کشاورزی، جلد اول، زمين، ص ۳۴۱، ص ۳۰۲.

<sup>40</sup> См. А. К. S Lambton. Landlord and peasant..., p. 338—343.

<sup>41</sup> Ш. М. Бади. Аграрные отношения в современном Иране. М., 1959, стр. 75.

<sup>42</sup> См. там же.

<sup>43</sup> См. «دسوی آینده» 5 марта 1952 г.; Р. А. Сеидов. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Иране, стр. 101.

<sup>44</sup> См. А. И. Демиш. Сельское хозяйство современного Ирана, стр. 161.

<sup>45</sup> «کمهها» 19 апреля 1956 г.

<sup>46</sup> См. А. К. S Lambton. Landlord and peasant in Persia.

<sup>47</sup> В 1937 г. в Иране было 13 млн. 700 овец и 6 млн. 394 коз, в том числе у курдских скотоводов Западного Азербайджана имелось 1 млн. 450 овец и 430 тыс. коз, а в провинции Курдистан—266100 коз. (اسماعيل)

1952 г. было отменено большинство повинностей, податей и поборов, существовавших в иранских деревнях, однако после свержения правительства национальной буржуазии в августе 1953 г. этот закон был аннулирован. В целях прикрытия произвола и обеспечения дешевой рабочей силой в сфере полукочевого скотоводства курдские ханы-помещики приспособили к капиталистическим условиям отжившую племенную организацию и скотоводческую общину «оба»<sup>48</sup>.

В связи с переходом многих курдских кочевников на оседлость после второй мировой войны роль растениеводства в хозяйствах курдских земледельцев значительно возросла. Пшеница—главная продовольственная культура растениеводства в Иранском Курдистане (табл. 2). Ее посевы распространены повсеместно и в большинстве районов охватывают не менее 50% обрабатываемых площадей, занятых под полевые культуры.

Таблица 2  
Посевы и урожайность пшеницы в Иранском Курдистане в 1960г.  
(без провинции Керманшах)

Провинции	Общая площадь под полевыми культурами, га	Посевы пшеницы				Урожайность пшеницы, кг/га
		в с е г о		поливные, %	богарные, %	
		га	%			
Курдистан	244.609	208896	85,4	14,0	86,0	639
Западный Азербайджан	280.126	189925	67,8	52,7	47,3	671

Эти данные не охватывают ведущую в стране провинцию по производству пшеницы Керманшах и не дают полного представления об общем состоянии производства этой культуры в Иранском Курдистане. Они показывают, что доля поливных земель под пшеницей в Западном Азербайджане (52,7%) намного превышает долю поливных земель в провинции Курдистан (14,0%), что, однако, почти не отражает-

48. (کوشان، نگاهی به اقتصادی ایران، ج ۱، ۱۳۳۴، ص ۱۳۴-۱۳۲). В марте 1962 г. в Иране имелось 27 млн. овец и около 13 млн. коз и, таким образом, общее поголовье скота увеличилось за 25 лет вдвое (کیسهان). 13 ноября 1965 г.; „Iran Almanac 1963“, p. 271).

48. См. Г. Б. Акопов. К вопросу о национальной консолидации курдов в Иране. М., 1952, стр. 14—15.

ся на урожайности пшеницы, которая соответственно составляла 671 и 639 кг с 1 га. Это обстоятельство дает основание полагать, что приведенные из «Техран экономист» данные о доле поливных посевов пшеницы являются не точными и, по видимому, учитывают земли, которые, по мнению А. И. Демина, «не столько обеспечиваются водой при помощи ирригационных сооружений, сколько подлежат орошению»<sup>49</sup>.

Важную роль в производстве зерновых играет ячмень (табл. 3). Его возделывают в Курдистане как продовольственную и кормовую культуру. Часть ячменя поступает на пивоваренные предприятия. Ячмень как по площади, так и количеству продукции—вторая культура в земледелии Курдистана<sup>50</sup>.

Таблица 3  
Посевы и урожайность ячменя в Иранском Курдистане  
(без Керманшаха) в 1960 г.

Провинции	Общая площадь под полевыми культурами, га	Посевы ячменя				Урожайность ячменя, кг/га
		в с е г о		поливные, %	богарные %,	
		га	%			
Курдистан	244,609	25194	10,3	9,0	91,0	549
Западный Азербайджан	280,126	34597	13,3	38,7	61,3	463

Развитие «помещичьих» сельскохозяйственных полумеханизированных ферм создавало условия для широкого применения наемного труда и роста численности технически квалифицированных курдских сельскохозяйственных рабочих (табл. 4). Данные всеобщей переписи населения Ирана 1956 г.<sup>51</sup> показывают, что в Иранском Курдистане наемный труд и капиталистические отношения получили довольно широкое распространение.

В дореформенном Иранском Курдистане механизация охватывала лишь незначительную часть сельскохозяйственного производства, а применение техники происходило, главным образом, в форме аренды. Например, в 1960 г. в курд-

<sup>49</sup> А. И. Демина. Сельское хозяйство современного Ирана, стр. 118—119.

<sup>50</sup> См. там же, стр. 120—121.

<sup>51</sup> «Предварительные итоги всеобщей переписи населения 1956 г., Бюллетень», № 3, стр. 46.

ских селах шахристана Резайе только 1,1% из числа тех лиц, которые обрабатывали поля при помощи тракторов, имели их в своей собственности<sup>52</sup>. Спустя два года, накануне принятия закона о земельной реформе, в 42 курдских деревнях того же Резайинского шахристана имелось 40 тракторов<sup>53</sup>, собственники которых сдавали их в аренду<sup>54</sup>.

Таблица 4  
Удельный вес предпринимателей и сельскохозяйственных рабочих и служащих, получавших заработную плату в сфере сельскохозяйственного производства в Иранском Курдистане в 1956 г.

Провинции	% предпринимателей от 3 325 000 человек всего самодельного населения Ирана, занятого в сельском хозяйстве	% сельскохозяйственных рабочих и служащих, получающих зарплату в сфере с/х производства из общего числа самодельного населения Ирана, занятого в сельском хозяйстве
Курдистан	0,74	20,4
Керманшах	0,52	20,2
Западный Азербайджан	0,75	27,3

В ходе механизации курдского ханско-помещичьего хозяйства и расширения посевов под техническими культурами использование техники влекло за собой лишение курдских крестьян права «вечной аренды», что вызывало их возмущение. Газета «Банге мардом» опубликовала жалобу из курдистанской деревни Сараб, в которой говорилось, что «помещик Хейдари изгнал многих курдских райатов с их земель и начал пахать их земли тракторами». В другой жалобе курдских крестьян из деревни Чемше-Мангеш указывалось, что курдские ханы «узурпировали земли 200 крестьянских семей, принадлежавшие их предкам, привезли тракторы и обрабатывали эти земли для себя»<sup>55</sup>.

В ответ на действия помещиков в середине мая 1952 г. курдские крестьяне шахристана Сенендедж восстали против помещиков и поделили между собой помещичьи земли. Крестьянское движение перекинулось на другие районы Курди-

<sup>52</sup> «تهران اکونومیست», 1962, № 485, стр. 19.

<sup>53</sup> См. «اطلاعات» 5 февраля 1962 г.

<sup>54</sup> См. «تهران اکونومیست», 1963, № 493, стр. 17.

<sup>55</sup> «بانك مردم», 1 мая 1953 г.

стана. 27 августа того же года газета «Набард» сообщала, что вытесненные из своих деревень крестьяне захватили земельные участки, которые они до этого обрабатывали<sup>56</sup>. Посланная для расследования комиссия установила, что земля была поделена крестьянами в 50 деревнях шахристана Сенендедж<sup>57</sup>. Под влиянием крестьянских выступлений в октябре 1952 г. возглавляемое Мосаддыком правительство национальной буржуазии приняло решение о повышении доли крестьян на 10% за счет доли помещиков при разделе урожая<sup>58</sup>, однако после свержения Мосаддыка это решение было аннулировано меджлисом. В иранских демократических кругах все настойчивее требовали проведения в стране аграрной реформы. Под их давлением иранское правительство приняло закон об аграрной реформе.

25 мая 1960 г. вступил в силу первый закон о земельной реформе. Он устанавливал максимум помещичьих земельных владений в размере 800 га богарной и 400 га поливной земли. Закон предусматривал сохранение в собственности помещика в неограниченном размере земель, орошаемых из подземных каналов и колодцев; неполивных земель, которые землевладельцы обязались оросить; фруктовых садов и питомников; земель, обрабатываемых машинами и наемными рабочими.

Кроме того, помещик имел право передать своим родственникам землю в размере, вдвое превышающем установленный максимум. Стоимость излишков земли (сверх оставляемой в собственности помещика-хана) должна была определяться комиссией с участием помещика, но без участия крестьян в сумме десятикратного годового дохода помещиков с этих земель. Эта стоимость должна быть выплачена помещику государством в течение 10 лет, а крестьянин, получивший землю, должен был в течение 15 лет внести в госбанк стоимость полученной земли плюс 4% годовых. До полного выполнения этого половинчатого закона помещиком и крестьянином отношения между ними сохранялись прежними. Это означало, что первый закон о земельной реформе 1960 г. был «новой окраской фасада феодальной собственности»<sup>59</sup>.

<sup>56</sup> См. «*نمبرد*», 27 августа 1952 г.

<sup>57</sup> См. М. С. Иванов. Рабочий класс современного Ирана, стр. 39.

<sup>58</sup> Несмотря на эти полумеры правительства, весной 1953 г. многие районы Иранского Курдистана снова были охвачены восстанием крестьян. В апреле 1953 г. в районе Мехабата местные помещики вместе с командованием дислоцированной там дивизии и жандармерии сформировали отряды наемников и расправились с восставшими крестьянами. «*بانك مردم*» 19 апреля 1953 г.

<sup>59</sup> М. С. Иванов. Иран сегодня. М., 1969, стр. 52.

Выступления крестьян, недовольных аграрной реформой 1960 г., привели к внесению в текст этого закона ряда поправок 15 января 1962 г., получивших название «Закона о земельной реформе от 15 января 1962 г.». По этому закону за ханами-помещиками сохранялась собственность на землю одной крупной деревни, состоявшую обычно из шести частей («дангов»), или нескольких небольших сел, принимаемых по площади за одну деревню и не превышающих по общей площади 400 га<sup>60</sup>. В собственности помещиков оставались также все фруктовые сады, чайные плантации и питомники, а также земли, обрабатываемые наемной рабочей силой с применением сельскохозяйственных машин. Остальная земля должна была быть передана крестьянам, которые за нее обязаны были выплачивать государству в течение 15 лет сумму, эквивалентную той, какую они вносили помещикам в течение 10 лет в качестве ренты. Помещикам стоимость выкупленных имений возмещалась государством в рассрочку в течение 10 лет<sup>61</sup>. Земля в первую очередь передавалась тем крестьянам, которые до реформы постоянно жили в данной деревне и обрабатывали передаваемую помещичью землю на основе аренды.

Закон 1962 г. обязывал раздел приобретенной у помещиков земли производить по цене, соответствующей стоимости при ее покупке плюс не более 10% надбавки. Эта сумма должна быть взыскана равными долями в течение 15 лет через сельскохозяйственный банк (статья 15). Крестьяне, не погасившие в течение трех лет подряд очередных взносов и не готовые закрыть задолженность после получения исполнительного листа, лишались своих участков (статья 28). В законе указывалось, что землю могут купить и сельскохозяйственные рабочие, живущие в районе распределения земли, и другие лица, желающие заняться сельским хозяйством. Закон 1962 г. предусматривал также, что земля может быть передана только крестьянам, вступившим в сельскохозяйственные кооперативы, которые будут помогать крестьянам в ведении сельского хозяйства (обеспечение водой, сельскохозяйственными орудиями, семенами). Размер минимального пая для вступления в кооператив—500 риалов. Преимуществами кооператива его члены могли пользоваться пропорционально внесенному паю. Безземельные курдские крестьяне, в том числе батраки и сельскохозяйственные рабочие, как правило, землю не получали и в кооператив не принимались.

Закон 1962 г. запрещал дробление земельных участков,

<sup>60</sup> См. „Iran Almanac 1962“, p. 310.

<sup>61</sup> Значительную часть платежей помещикам правительство покрывало акциями государственных предприятий.

но разрешал крестьянину продажу своего участка, что позволяло кулацкой верхушке деревни скупать земли. Максимум скупаемой земли устанавливался в двукратном размере установленного минимума участка.

В деревнях, не подлежащих действию закона об изъятии излишков помещичьих земель, помещики продолжали сдачу земли в аренду крестьянам, с увеличением доли арендатора при разделе урожая на 5% на поливных и на 10% на неполивных землях.

Основные положения закона о земельной реформе 1962 г. говорили о стремлении государства ликвидировать крупное землевладение и путем развития капиталистических форм производства добиться увеличения выхода продукции сельского хозяйства, а также удовлетворить интересы крестьянства за счет ограничения полуфеодалного землевладения.

Этот закон был одобрен референдумом 26 января 1962 г. Одновременно с этим 17 января 1963 г. правительство А. Алама приняло дополнения к закону 1962 г.<sup>62</sup>, согласно которым максимум помещичьего владения пахотной земли, обрабатываемой сельскохозяйственными машинами, устанавливался в размере 500 га. Размер земли, обрабатываемой вручную без применения машин, в зависимости от качества земли и наличия оросительных сооружений, ограничивался от 30 до 200 га (для Курдистана—150 га). Устанавливался 15-летний срок выплаты государством помещикам стоимости изъятых земель. Основная часть дополнения к закону относилась к тем землям, которые остались у помещиков после выкупа государством излишков сверх установленного максимума, то есть большинства ханских земель, ограниченных для каждого из них одной деревней в 6 дангов.

Курдские ханы-помещики по своему выбору в течение месяца могли избрать один из трех следующих способов: по первому варианту хан-помещик мог по взаимному согласию с крестьянином продать ему обрабатываемый им участок земли; по второму варианту помещик мог разделить свою землю с крестьянами пропорционально размерам долей помещика и крестьянина, на которые делился урожай до реформы; по третьему варианту помещик мог сдать крестьянам обрабатываемые последними земли в аренду сроком на 30 лет на основе пятичленной формулы раздела урожая, принятой в данной деревне.

Размеры арендной платы должны пересматриваться через каждые пять лет и устанавливаться по соглашению между помещиком и крестьянином в размере, не превышающем

<sup>62</sup> См. „Iran Almanac 1963“, p. 389.

средних доходов помещика от его земли за последние три года. При этом арендная плата может взиматься как в денежной, так и натуральной форме. Стоимость земли, которая достается крестьянину, выплачивается помещику равными частями в течение 10 лет.

Подавляющее большинство курдских ханов-помещиков предпочло последний, третий, вариант, сохраняющий их право собственности на землю. Впрочем, многие курдские ханы-помещики пытались обойти условия закона о земельной реформе: оформляли на своих родственниках документы на владение землей сверх установленного максимума, а большей частью с помощью взятки вступали в заговор с чиновниками, ответственными за проведение аграрной реформы<sup>63</sup>. Когда же власти стали пресекать эти действия, отдельные курдские ханы-помещики перешли к решительным действиям. В Керманшахе помещики в союзе с духовенством отказались снабжать крестьян семенами, чтобы свалить вину за уменьшение урожая на аграрную реформу.

Таблица 5

Итоги первого этапа аграрной реформы в Иранском Курдистане<sup>64</sup>

Провинции	Общее число деревень	Число деревень, выкупленных у помещиков	%
Курдистан	1681	325	20
Керманшах (без Хамадана)	2765	631	23
Западный Азербайджан	2710	280	11
Итого	7156	1236	17
Всего по Ирану	48592	8042	16.4

Реформа в Иранском Курдистане проводилась с конца 1962 г. в три этапа. Основная цель аграрной реформы заключалась в искоренении крупного землевладения. За два года проведения первого этапа в Иранском Курдистане было выкуплено у помещиков только 1236 деревень из 7156 или меньше чем 1/6 их общего числа (табл. 5). В процентном соотношении сравнительно успешно реформа была проведена в Керманшахской провинции, где была выкуплена 631 деревня из

<sup>63</sup> См. «Техран джорнел», 8 сентября 1964 г.

<sup>64</sup> Г. С. Чипашвили. Развитие сельскохозяйственного кооперативного движения в Иране. Тбилиси, 1968, стр. 120 (на груз. яз.).

2765. Не менее показательно, что 5920 деревень или 83% всех деревень Курдистана остались в руках мелких и средних помещиков-ханов: в Курдистане—356, в Керманшахе (без Хамадана)—2134, а в Западном Азербайджане—2430.

Уже отмечалось, что каждая деревня в среднем состоит из 6 дангов. Данги не имеют точных измерений. Если земля в деревне плодородная, размеры одного данга меньше, чем на богарных землях. В среднем каждый данг состоит из 20 единиц, называемых «хааб». В Иране принято считать, что каждый хааб может прокормить одну семью и примерно равен 1 га. Если иметь в виду, что в каждой курдской деревне примерно 120 га земли, то во всех выкупаемых деревнях Курдистана вместе около 140 тыс. га поливной и богарной земли. Каждая курдская семья в этих деревнях в среднем получила по 1—2 га<sup>65</sup>.

В интерпретации турецкого экономиста Суата Аксоя, на первом этапе аграрной реформы в Иране земли продавались крестьянам дороже их номинальной стоимости и фактически их владельцем стало государство, которое покупало земли у помещиков в десять раз дешевле, чем продавало их крестьянам<sup>66</sup>. Что же касается 15-летнего периода рассрочки, то, по мнению Аксоя, в течение этого периода крестьяне разорятся больше, чем могли бы разориться от своих бывших помещиков<sup>67</sup>. Показательно, что Народная партия Ирана призывает иранских крестьян, получивших землю в результате проведения первого этапа земельной реформы, отказаться от выплаты государству компенсации<sup>68</sup>.

Осуществление второго этапа земельной реформы в Курдистане было начато 22 февраля 1965 г. В связи с тем, что эти мероприятия не вносили радикальных изменений в существующие в деревне отношения, они проводились намного быстрее, чем на первом этапе. Уже в мае 1965 г. проведение второго этапа реформы было завершено в курдских деревнях района Ганиабад Сенендеджского шахристана<sup>69</sup>, а в целом по Курдистану работы были завершены к концу 1967 г. Во всех 5920 невыкупленных деревнях Курдистана подавляю-

<sup>65</sup> 25 февраля 1965 г. руководитель организации по проведению земельной реформы заявил, что на основании ст. 37 закона о реформе у группы помещиков в Курдистане, Керманшахе и Западном Азербайджане будут отобраны деревни, которых они не передали государству. «اطلاعات», 25 февраля 1965 г.

<sup>66</sup> См. „Sosyal adalet“, Ankara, 1964, № 19/1, s. 35—36.

<sup>67</sup> См. там же.

<sup>68</sup> См. „مردم“ февраль 1965 г.

<sup>69</sup> См. „کیهان“, 8 мая 1965 г.

щее большинство мелких и средних помещиков предпочли третий вариант, т. е. сдали свою землю в аренду крестьянам, которые раньше обрабатывали ее на основе аренды.

По закону об аграрной реформе крестьяне были освобождены от выполнения натуральных повинностей, а условия аренды остались в основном прежними. Крестьянам было обещано пересматривать через каждые пять лет размеры арендной платы.

В декабре 1968 г. меджлис принял закон о продаже всех земель мелких и средних помещиков в рассрочку арендующим их крестьянам. Приобретающие эти земли крестьяне в течение 12 лет должны выплачивать помещику равными долями стоимость продаваемой земли в размере 12-кратной годовой арендной платы.

Положение в курдских деревнях Иранского Курдистана после второго этапа аграрной реформы в определенной степени видно на примере Мехабада. 400 га обрабатываемых земель этого шахристана<sup>70</sup> до реформы принадлежали одному хану. По закону об аграрной реформе хан этот отдал 69 га крестьянам-арендаторам в собственность. Оставшиеся у него 331 га он «очистил от крестьян» и начал вести хозяйство по капиталистически: увеличил посев сахарной свеклы до 100 га, а многие земли выделил под фруктовые сады<sup>71</sup>.

Таблица 6  
Сельскохозяйственные кооперативы в Иранском Курдистане, созданные на первом этапе осуществления аграрной реформы

Провинции	Число выкупленных деревень	Число кооперативов	Число зональных союзов кооперативов	Число членов кооперативов	Капитал всех кооперативов в тыс. риалов	Среднее число членов одного кооператива	Средний капитал одного кооператива в тыс. риалов
Курдистан	325	118	36	12285	11,335	104	96
Керманшах	631	72	11	8435	9,096	118	126
Западный Азербайджан	280	145	51	16912	10,544	116	72
Итого	1236	335	98	37632	30,975	336	294
По всему Ирану	8042	2088	25	243312	250,721		

<sup>70</sup> См. «Техран экономист», 12 ноября 1967 г., стр. 30.

<sup>71</sup> См. Ш. М. Бадди. К вопросу о численности и структуре сельскохозяйственного пролетариата Ирана. «Сельскохозяйственные рабочие в странах Азии и Африки», М., 1969, стр. 75.

Иранское правительство принимало меры к созданию кооперативов в тех деревнях, которые были отчуждены у помещиков (табл. 6).

Эти данные показывают, что к началу 1965 г. кооперативы были созданы лишь в четвертой части деревень, выкупленных государством у помещиков Иранского Курдистана. В следующие четыре года (1965—1968) общее число кооперативов было увеличено в четыре раза<sup>72</sup>.

На третьем этапе реформы, названном «периодом строительства и развития сельского хозяйства», в г. Резайе был открыт сельскохозяйственный институт<sup>73</sup> для укомплектования специалистами кооперативов; 8 января 1970 г. в г. Хой сдан в эксплуатацию элеватор, построенный при техническом сотрудничестве Советского Союза; начато строительство 4 заводов по производству минеральных удобрений; увеличилась поставка сельскохозяйственной техники<sup>74</sup>; национализированы крупные пастбищные угодья и все водные источники; построены высотные плотины на реке Заринеруд (в районе Миандоаб) и в районе Мехабад, обе они позволяют дополнительно оросить 80 тыс. га<sup>75</sup>; завершаются мелиоративные работы по использованию водных ресурсов озера Мериван. Наряду с созданием в Курдистане крупных ханско-помещичьих механизированных хозяйств, с 1968 г. создавались так называемые акционерные земледельческие общества, акционерами которых становятся курдские ханы-помещики и состоятельные арендаторы, а сельскохозяйственными рабочими — безземельные крестьяне<sup>76</sup>. Таковы основные итоги аграрной реформы в Иранском Курдистане, открывающей дорогу для развития капитализма в курдской деревне.

#### Բ. Գ. ՔԱՆՏԱՆ

### ԱԿՐԱՐԱՅԻՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՈՒ ՀՈՂԱՅԻՆ ՌԵՏՈՐՄԸ ԻՐԱՆԱԿԱՆ ՔՈՒՐԴՍՏԱՆՈՒՄ

#### Ա մ փ ո փ ու մ

*Ագրարային ռեֆորմը նշանակալից իրադարձություն է Իրանի տնտեսական ու հասարակական կյանքում: Հակառակ իր սահ-*

<sup>72</sup> В январе 1970 г. в Иране было 8644 кооператива («آیندگان» 26 января 1970 г.).

<sup>73</sup> В средних учебных заведениях в Иранском Курдистане в 1960 г. было свыше 120 тыс. учащихся («ص ۱۱۰» «خلاصه آثار دانش آموزان»).

<sup>74</sup> В 1966 г. в провинциях Курдистан и Керманшах вместе было 950 тракторов и 160 комбайнов («بومس» 10 марта 1966 г.).

<sup>75</sup> См. «کيهان», 2 января 1965 г.

<sup>76</sup> См. «Иран сегодня», изд. министерства информации Ирана, Тегеран, 1969 г., стр. 17—18.

մանափակ ու կիսակատար բնույթին, այն գյուղատնտեսության մեջ կապիտալիստական հարաբերությունների ավելի լայն զարգացման խթանը հանդիսացավ: Միաժամանակ սահմանափակելով ֆեոդալ-կալվածատիրական սեփականությունը և որոշապես բարելավելով գյուղացիության մի մասի վիճակը, ռեֆորմը թուլացրեց կալվածատերերի, այդ թվում և քուրդ խաների ազդեցությունը: Դրանով իսկ հողային ռեֆորմը օբյեկտիվորեն առաջընթաց քայլ հանդիսացավ:

Հողվածում պատկերված են իրանական Քուրդստանի ագրարային հարաբերությունները՝ ինչպես մինչև ռեֆորմը, այնպես էլ ռեֆորմից հետո:

Մինչև ագրարային ռեֆորմի անցկացումը Քուրդստանում հողերի, այդ թվում և պետական խալիսե հողերի նշանակալից մասը գտնվում էր խոշոր հողատերերի ձեռքում: Վակուֆային հողատիրությունը, քուրդ խաների բռնագրավումների հետևանքով, անկում էր ապրում և փոխարինվում էր մասնավոր հողատիրությունով: Քուրդ գյուղացիների միայն 10%-ը սեփական փոքր հողակտորներն ունեին: Հողօգտագործման գլխավոր ձևը մասնավոր վարձակալումն էր, որը տարածվում էր հողերի 76%-ի վրա:

Հողվածում բերվում են հողատերերի և հողը վարձակալողների միջև բերքի բաշխման աղյուսակներ, քննվում են հարկերի ու տուրքերի զանազան տեսակները:

Վերլուծման են ենթարկվում ագրարային ռեֆորմի օրենքները, ինչպես նաև նրանցում 1960—1963 թթ. կատարված ուղղումները:

Ռեֆորմի՝ «Շինարարության և գյուղատնտեսության զարգացման ժամանակաշրջան» անունն ստացած փուլի ընթացքը վերլուծելիս հանգամանորեն քննվում են այս ուղղությամբ Իրանի կառավարության ձեռնարկած միջոցառումները Իրանական Քուրդստանում: Այդ միջոցառումներից ընդգծվում է հատկապես հողագործական ակցիոներական ընկերությունների կազմակերպման (1968 թ. սկսած) նշանակությունը, ընկերություններ, որոնք ճանապարհ էին հարթում քրդական գյուղում կապիտալիզմի զարգացման համար:

1. Б. АКОПОВ

## КУРДЫ-ГУРАНЫ

Вопрос об основных компонентах курдского народа давно стоит в науке. Несмотря на это, его изучение находится на уровне, когда дело не идет дальше повторения той классификации, которую в XVI в. дал Шараф-хан Бидлиси. Курды,— писал он,—«делятся на четыре части (жысм), язык и обычай которых отличаются друг от друга: первая—это курмандж, вторая—лур, третья—кельхор и четвертая—гуран»<sup>1</sup>. Верность современной науки этой классификации неслучайна. Речь идет о выяснении «племенного состава» курдского народа, и если мы возьмем в расчет то указание Ф. Энгельса, что понятия «племени и диалекта совпадают»<sup>2</sup>,—поймем причины внимания современных как курдских<sup>3</sup>, так и европейских ученых к этой классификации<sup>4</sup>. Касаясь ее, французский курдолог П. Рондо пишет, что здесь различные группы курдов «различаются по диалекту»<sup>5</sup>. Если же к этому добавить и «обычай», не останется сомнений, что Шараф-хан Бидлиси стоял на более верных позициях, чем те, кто под *kurdish tribalism* понимает деление курдского народа на десятки и сотни племен<sup>6</sup>. Другое дело, насколько его классификация

<sup>1</sup> ۲۳—۲۴ ص ۱۹۱ انقاره شرف نامه البديليسي شرف خان البديليسي

<sup>2</sup> Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947, стр. 104.

<sup>3</sup> شيخ محمد مردوخ كتاب تاريخ مردوخ، جلد ۱ ص ۴۱

<sup>4</sup> См. В. Никитин. Курды. М., 1964, стр. 243—244.

<sup>5</sup> P. Rondot, Les tribus montagnardes de l'Asie anterieure. ВЕО, t. IV 1936, p. 26

<sup>6</sup> Так, отмечая, что курдский язык «делится на многие диалекты... так же распадается и самый народ» (ЖМНП, ч. VI, отд. 4, 1847, стр. 9), В. Диттель в другой работе насчитал около 250 названий курдских племен.—«Библиотека для чтения», т. 95, ч. I, май 1849, стр. 96.

соответствует действительности и то положение, что современный уровень дела изучения курдской этнографии и диалектологии не дает возможности решить в одной работе вопрос «племенного состава» курдского народа<sup>7</sup>. Отсюда следует необходимость изучения каждого элемента в отдельности.

Цель настоящего очерка—изучение курдов-гуранов, о которых Э. Б. Сон говорил, что «среди курдских племен племя гуран, возможно, наиболее интересное, и оно возбуждало наибольший интерес среди людей, путешествующих по Западной Персии и Южному Курдистану»<sup>8</sup>. Гураны, действительно, давно находятся в центре внимания курдологов. Не имея возможности останавливаться на обзоре источников о гуранах, отметим, что их изучение европейской наукой началось в XVIII в. и особого размаха достигло в трудах исследователей XIX в. В их числе—труды Г. Хориле, Дж. Морниера, Дж. М. Киннейра, А. Дюпре, Г. Друзеля, И. Ф. Руссо и др. Особенно много данных о гуранах в работах К. Рича, К. Риттера, Г. Роулинсона, М. Вагнера, К. Боде, Ж. Моргана, О. Манна, Э. Б. Сона, Д. Н. Маккензи и др. Немало в изучении гуранов сделано русскими учеными, начиная от В. Диттеля и Е. И. Чирикова и кончая иранистами В. А. Жуковским, Н. Ханьковым и И. Березиным и особенно курдологом П. Лерхом. Но особенно много в этой области сделал В. Ф. Минорский. Дополнением к его трудам могут послужить работы А. Гагарина, Б. Колюбакина, Д. Беляева, А. Орлова, В. Иванова, Ф. Чернозубова. Некоторая работа по изучению курдов-гуранов проделана советскими востоковедами—Б. В. Миллером и О. Л. Вильчевским. Отдельные замечания по их истории и этнографии имеются в работах Т. Ф. Аристовой и в посвященных некоторым группам населения Южного Курдистана работах Г. М. Петрова и П. А. Колпакова. Разработка отдельных вопросов истории гуранов дана в некоторых наших работах.

Работы этих и других авторов известны в науке и широко представлены в настоящих очерках. Поэтому, не останавливаясь на их обзоре, отметим тот факт, что в научный оборот до сих пор не привлекались труды иранских и курдских авторов. Это обязывает нас дать их краткий обзор.

Начнем с творчества крупного религиозного деятеля Курдистана Шейх Мохамед Мардуха, автора двухтомной «*کتاب تاریخ مردوخ*»<sup>9</sup> этнографических очерков «*عشایر کرد*»<sup>10</sup> и

<sup>7</sup> См. *P. Rondot*. p. 26.

<sup>8</sup> *E. B. Soane*. *To Mesopotamie and Kuratistan in disguise*. London, 1926, p. 381.

<sup>9</sup> В дальнейшем: «Китаб-е тарих-е Мардух» (без даты).

<sup>10</sup> В дальнейшем: «Курдские племена», Тегеран, 1318.

исторических этюдов کرد و کردستان<sup>11</sup>. Наряду с этими работами сведения о южных курдах можно почерпнуть в *جغرافیای* М. Кейхана, в *تاریخ کردستان* Шокар-олла Сенендеджи, *کردستان* Х. Табани, *تاریخ بختیاری* Лисан оль-Молька, „Курдах“ иранского генерала Х. Арфа и особенно во „Введении“ к тегеранскому изданию „Шараф-наме“ М. Аббаси<sup>12</sup>. Не лишены интереса данные А. Размара об отдельных районах Южного Курдистана, приводимые им в *جغرافیای* и. *کرمانشاهان*,<sup>13</sup> *کردستان* и, в частности, в *نظامی ایران*,<sup>14</sup> *پشت کوه*.<sup>15</sup> Хорошо их дополняют труды директора Департамента древностей Ирана Б. Керими — *مفصل تاریخی* *جغرافیای* и являющиеся результатом его совместной с американским востоковедом К. С. Куном рекогносцировочной экспедиции в этот район *پایتختهای قدیمی* *گه‌های باستانی* и *غوب ایران*<sup>16</sup> и являющиеся результатом его совместной с американским востоковедом К. С. Куном рекогносцировочной экспедиции в этот район *پایتختهای قدیمی* *گه‌های باستانی* и *غوب ایران*<sup>17</sup>. Отметим также некоторые материалы о гуранах, опубликованные в керманшахском журнале „Мад“ и газете „Бисутун“, равно как и в тегеранской „Кухестан“ и заменившей ее новой тегеранской газете „Кордестан“.

Особенно нужно отметить исследования курдских авторов. На первый план выдвигаются труды работающего в Сорбоннском университете курдского филолога доктора Мохамеда Мукри. Работы этого выходца из Южного Курдистана охватывают едва ли не все стороны этнографии, культуры и языка родного ему населения. В их числе *ریشه کردی* и публикация „Курдские песни“,<sup>18</sup> сравнительное изучение произведений древнеперсидского и

<sup>11</sup> Опубликованы в тегеранской газете «Кухестан», № 1—37, 1323—1324.

<sup>12</sup> *شرفنامه با مقدمه تعلیقات و فهرس بقلم محمد عباسی، تهران ۱۳۴۴*

<sup>13</sup> В дальнейшем: «Курдистан», Тегеран, 1320.

<sup>14</sup> В дальнейшем: «Керманшахан», Тегеран, 1320.

<sup>15</sup> В дальнейшем: «Поште-кух», Тегеран, 1320.

<sup>16</sup> В дальнейшем: «Подробная историческая география Западного Ирана», Тегеран, 1318.

<sup>17</sup> В дальнейшем: «Древние пути и столицы Западного Ирана», Тегеран, 1329.

<sup>18</sup> В дальнейшем: «Этимология курдских слов», — «Мад», № 2, 1324; см. еще: *نامهای پرنندگان در لهجه کردی و مقایسه آنها با نامهای فارسی، تهران ۱۳۳۶*

<sup>19</sup> *M. Mokri. Kurdish songs. Tehran, 1951.*

курдского эпоса<sup>20</sup> и исследование образцов али-иллахийской поэзии,<sup>21</sup> публикация "древнекурдской легенды о Бижане и Манидже на языке гурани",<sup>22</sup> и исследование "پند و امثال کرد", этнографический очерк "ایل سنجاوی" <sup>23</sup> "عشایر کرد" и исследование особой формы курдских песен "гурани", — "گورانی یا — ترانه کردی"<sup>24</sup>, оригинальная публикация памятников на "диалекте авромани в смеси с курдским",<sup>25</sup> и образцов творчества гуранийских поэтов и т. д. Не имея возможности перечислить все труды М. Мукри, огметим, что при всех их недостатках, в том числе идее иранского праязыка, нечеткости классификации языков, диалектов и наречий и т. д., они являются надежным подспорьем в изучении населения Южного Курдистана, его этнографии, культуры и языка.

Ценным дополнением к ним могут послужить разбросанные по трудам курдских историков заметки о южных курдах, в том числе "کوردستان خلاصه تاریخ الكرد و کردستان"<sup>26</sup> Амина Зяки, "تاریخ ریشه کوردستان" Хузейна Хузни Мукрияни,<sup>27</sup> "آتروباتین نژادی کرد" Ихсана Нури<sup>28</sup> и т. д. В числе работ этого типа особого интереса заслуживают исследования Т. Вахби по этнической истории курдов и их языка<sup>29</sup> и его опыты племенного состава курдов.<sup>30</sup> Наряду с аналогичными работами

<sup>20</sup> داستانهای کهن فارسی و کردی و ریشه افسانه‌های و تاریخی آنها، "ماد" سال دوم

<sup>21</sup> M. Mokri. Les songes et leur interpretation chez les Ahl-e-Haqq du Kurdistan Iranien. Paris. 1959

<sup>22</sup> دکتر محمد مکرری، بیژن و منیژه، بزبان گورانی، پاریس ۱۹۶۵

<sup>23</sup> В дальнейшем: «Племя сенджаби», Тегеран, 1333.

<sup>24</sup> В дальнейшем: «Гурани или курдские песни», Тегеран, 1329.

<sup>25</sup> Например: رساله "خدایاربو" در لهجه اورامانی آمیخته با کردی "دیگسان".

<sup>26</sup> В дальнейшем: «Очерк истории курдов и Курдистана», Капр, 1936.

<sup>27</sup> В дальнейшем: «Мукринский Курдистан или Атропатена», Ревандуз, 1938.

<sup>28</sup> В дальнейшем: «История этнического корня курдов», Тегеран, 1333.

<sup>29</sup> T. Wahby. The origin of the kurds and their language. "Kurdistan" № IX—X, 1956 (?).

<sup>30</sup> Имеются в виду работы, опубликованные в разное время в багдадском журнале «Галавеж». Они были собраны и переведены на арабский Дж. Рожбаяни. Просмотренная автором рукопись была отдана на редактирование М. Хазнадару, который ввиду невозможности опубликовать эту работу привез ее в Советский Союз. Возвращаясь на родину, М. Хазна-

К. А. Бадр-хана<sup>31</sup> и саккызца М. Кейвана отмегим „Очерк“ работающего в Ираке М. Хазнадара<sup>32</sup> о курдской литературе; в нем как и в „Истории курдской литературы“ А. Седжади, мы находим немало данных о гуранийской поэзии.<sup>33</sup>

Особо следует отметить труд такого крупного специалиста, как Рашид Ясеми<sup>34</sup>, вокруг которого в нашем курдоведении развернулась настоящая дискуссия: в то время, как И. О. Фаризов называет его «курдским историком»<sup>35</sup>, К. К. Курдоев объявляет Р. Ясеми «персидским буржуазным историком». Несмотря на противоположность этих оценок, их роднит то, что ни тот, ни другой «критик» Р. Ясеми не видел его книги<sup>36</sup>; в этом не трудно убедиться, вспомнив, что И. О. Фаризов называет Ясеми не Рашидом, а Комадом Ясеми, а К. К. Курдоев его «Курды и их этническая и историческая принадлежность» именуует «Курды и их происхождение»<sup>37</sup>. Но дело, конечно, не в тонкостях научных методов, цитируемых автором, а в том, что в лице Р. Ясеми курдология имеет, хотя и не свободного от ошибочных концепций, но тем не менее одного из осведомленнейших представителей. Об этом говорит в частности, тот факт, что вышедшее почти через три десятилетия *کردشناسی* Мурада Овранга<sup>38</sup>—это почти повторение книги Р. Ясеми. Таким же осведомленным автором является А. А. Шамим Хамадани, *کردستان* которого содержат ценные сведения по истории курдов интересующего нас района<sup>39</sup>. То же нужно сказать и об изданной в Праге книге мукринского кур-

дар передал эту рукопись мне с разрешением использовать ее. Ссылки на эту работу Т. Вахби в дальнейшем даются по рукописи.

<sup>31</sup> К. А. *Badr-Khan*. The origin of the kurds and their language „Kurdistan“, № IX, 1965. p 24—25

<sup>32</sup> Хазнадар Маруф. Очерк современной курдской литературы. М., 1967.

<sup>33</sup> علاءالدین سجادی، میثروی شهیدی کوردی، به خدا ۱۹۵۲  
<sup>34</sup> Книга издана дважды без даты: رشید یاسمی، کرد و پیوستگی نژادی و تاریخی او

<sup>35</sup> И. О. Фаризов. Место национально-освободительного движения курдов в борьбе народов Ближнего и Среднего Востока против империализма. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1953, стр. 3.

<sup>36</sup> Г. Б. Акопов,—«Востоковедческий сборник», II, Ереван, 1964, стр. 319.

<sup>37</sup> К. К. Курдоев. Фальсификация истории курдов в персидской буржуазной историографии. Уч. зап. ЛГУ, № 179, 1954, стр. 137.

<sup>38</sup> В дальнейшем: «Курдоведение», Тегеран, 1346.

<sup>39</sup> В дальнейшем: «Курдистан», Тавриз, 1312.

да А. Каселу «Курдистан и курды»<sup>40</sup>. Интересные данные о Южном Курдистане мы находим в публицистических выступлениях И. Надери<sup>41</sup> и других выходцев из этого района<sup>42</sup>.

Из этого далеко не полного обзора литературы о Южном Курдистане и его населении видно, что оно является не таким уж «забытым историей народом», как часто западные авторы называют курдов<sup>43</sup>. Другое дело, что его изучение находится еще на том уровне, когда огромная масса курдов, как это мы увидим далее, оказывается выброшенной из состава курдского народа. Правда, мы располагаем специальным исследованием В. Ф. Минорского «Гураны»<sup>44</sup>, которое ввиду особого его интереса было переведено на курдский и издано в Ираке<sup>45</sup>. Однако, несмотря на всю свою ценность, «Гураны» не могут уже нас удовлетворить. И дело тут не только в преимущественно филологическом характере этой работы и встречающихся в ней ошибках, например, в вопросе происхождения гуранов, но и в том, что эти курды рассматриваются в ней сами по себе, в отрыве от процесса формирования курдского народа и их роли в этом процессе. Вопрос этот нами поставлен около двух десятилетий назад<sup>46</sup>. За это время накопился немалый новый материал, отдельные его аспекты получили новое, более определенное освещение, и все это обусловило необходимость взглянуть на гуранов и родственные им группы населения Южного Курдистана в новом свете.

Для начала представим слово Э. Б. Сону. Отмечая, что гураны—«это древнее и прославленное племя, хотя теперь не такое могущественное, как раньше», он продолжает: «Если провести этнологические исследования, возможно, что племя гуран окажется не курдским, а лурским или персидским»<sup>47</sup>. Гураны в роли «персидского наречия» рассматривал-

<sup>40</sup> А. Chasemlou. Kurdistan and the kurds. Prague. 1965.

<sup>41</sup> Например: «Проблема курдов и Курдистана», «Дарья», № 211—219, 221—223 и 225 от 1325; из других его работ отметим статьи в том же «Дарья» (№ 205 от 8 фарвардина 1323) и «Иран-е ма» № 499 от 18 фарвардина 1325.

<sup>42</sup> В том числе: А. Лахути. Курдистан и курды. «Новый Восток», № 4, 1923. لی سید و انگورانی، من عمان الی العمادیه اوجول فی کردستان  
الجنوبیة عمان ۱۹۳۹

<sup>43</sup> См. ЗВО, т. XX, вып. II—III, 1911.

<sup>44</sup> V. Minorsky. The Quran. BSOAS, v. XI, pt. 1, 1943.

<sup>45</sup> В переводе Наджи Аббаса,—«Галавеж», № 5—9, 1944.

<sup>46</sup> См. Г. Б. Акопов. К вопросу о национальной консолидации курдов в Иране, М., 1952, стр. 9.

<sup>47</sup> E. B. Soane, p. 381.

ся и немецкими исследователями, в том числе О. Манном, и задолго до него рядом русских востоковедов<sup>48</sup>. Обобщая мнения предшествующих исследователей, В. Ф. Минорский в начале XX в. писал, что едва ли в гурани можно видеть «собственно курдское наречие»<sup>49</sup>. Короче, речь идет о том, что вопреки обнаруживающимся, например, у В. Иванова, тенденциям видеть в гурани original kurdish of Gurgans, подвергшийся впоследствии влиянию центральноиранских диалектов<sup>50</sup>, европейская наука относила и относит гуранийскую речь к числу не курдских, а именно «персидских наречий». Конечно, в том, что гурани именовался «персидским наречием», немало повинно то обстоятельство, что во времена, когда эти взгляды были сформулированы, Иран именовался не Ираном, а Персией, и во многих случаях под «персидским диалектом» имелось в виду понятие «иранского диалекта». Отсюда неудивительно, что устранив эту неточность, гурани ныне называют не «персидским», а именно «иранским диалектом»<sup>51</sup>. Этому взгляду держатся и наши исследователи. Так, говоря о его курдской, в конечном счете, принадлежности, известный советский иранист Б. В. Миллер отмечает, что исторически гурани тяготеет, однако, не к курдскому—курманджийскому языку, а к соседним с юго-востока центрально-иранским диалектам<sup>52</sup>. Эти взгляды разделяются и другими нашими специалистами-курдологами<sup>53</sup>.

Но дело не только в языке. «И по языку и по религии,— писал В. Ф. Минорский,—эти юго-восточные курды отличаются от главной массы своих соплеменников»<sup>54</sup>. Так, К. Рич находил, что гураны отличаются от обычного курдского типа «греческим профилем»<sup>55</sup>. Так думали и некоторые, в том числе<sup>56</sup> и русские, авторы: «гураны,—писал один из них,—это чуть ли не греки»<sup>57</sup>. Объясняя это с явно расистских пози-

<sup>48</sup> В. Диттель, — «Библиотека для чтения», т. 95, ч. II, 1849, стр. 198.

<sup>49</sup> В. Ф. Минорский. Курды. Заметки и впечатления. Пг., 1915, стр. 18.

<sup>50</sup> V. Ivanov. The thruth-worshippers of Kurdistan. Ahl-Haqq textes (Lienden), 1953, p. 18.

<sup>51</sup> И. М. Оранский. Введение в критическую филологию. М., 1960, стр. 32.

<sup>52</sup> См. Б. В. Миллер. Курдский язык. «Литературная энциклопедия», 1931.

<sup>53</sup> См. О. Л. Вильчевский. Курды Северо-Западного Ирана. Тбилиси, 1944, стр. 2—3.

<sup>54</sup> В. Ф. Минорский, стр. 3—4.

<sup>55</sup> Cl. I. Rich. Narrative of a recidance in Koordistan v. I, London. 1836, p. 320.

<sup>56</sup> K. Ritter. Erkunde von Asten. T. IX, Berlin, 1840, s. 622.

<sup>57</sup> «Кругозор», № 22, 1877, стр. 352.

ций, М. Вагнер писал вслед за Ричем, что от истинных курдов «эти крестьяне отличаются и лицом и произношением»<sup>58</sup>. Через столетие, распространяя этот вывод на все курдское население Южного Курдистана, иранский историк Б. Керими уверяет, что от других курдов оно отличается как по языку и этнографическим особенностям, так и определенными чертами «нордического типа»<sup>59</sup>.

Намечая далее вернуться к вопросу о «научной» основе этих концепций, отметим, что их ошибочность не отвергает того несомненного факта, что гураны вместе со всем населением Южного Курдистана действительно обладают немалыми как лингвистическими, так и другими особенностями, отличающими их от собственно курдского, курманджийского населения. Это признают и курдские историки. Так, отмечая особенности гуранов, заза и других курдов-некурманджей, Амин Зяки говорит о них как о «некурдском иранском элементе» — «عنصر ایرانی غیر کردی» — «который, вопреки мнениям других, не переварился еще в курдской среде» и сохраняет те или иные свои особенности<sup>60</sup>.

Нужно сказать, что эти взгляды не выдуманы ни Амином Зяки, ни кем-либо другим и находят обоснование в средневековых источниках, в том числе в «Тадж аль-Аруссе» курдского энциклопедиста аль-Курди<sup>61</sup>. Если обратиться к «Шараф-наме», окажется, что население Южного Курдистана в нем выделено в отдельную группу «курдов Ирана»<sup>62</sup>. Чтобы убедиться в том, что речь идет об обособлении не по политическому или географическому признаку, отметим, что Ардалан и Мукр входят в состав Ирана, однако Шараф-хан Бидлиси не относит их курманджийское население к «курдам Ирана». Другое дело, что это их обособление ныне мыслится так, что-де южные курды и в частности гураны—это не курды, а в лингвистическом, например, плане, носители, как говорит Д. Н. Маккензи, «одного из центральных иранских диалектов». В обоснование этого тезиса он ссылается на тот факт, что обычное древнеиранское х в курском звучит как к, например, kigin вместо xgi, — «ни один диалект, в котором нет отмеченных особенностей, не может быть лингвистически определен как курдский». Отсюда вывод: «По этому призна-

<sup>58</sup> M. Wagner. Reise nach dem Persien und dem Lande der Kurden Bd. II, Leipzig, 1852, s. 233.

<sup>59</sup> Керими Бахман. Древние пути..., стр. LVIII.

<sup>60</sup> «Очерк истории курдов и Курдистана», т. I, стр. 49.

<sup>61</sup> Цит. по: «Курды и их этническая и историческая принадлежность», стр. 113.

<sup>62</sup> Шараф-хан Бидлиси. «Шараф-наме». I, М., 1967, стр. 369.

ку ни заза, ни гурани не могут быть отнесены к курдскому языку, несмотря на их языковое соседство». Нет надобности доказывать что этот вывод, основанный на частных явлениях, не может быть принят всерьез. Доказывая некурдскую природу гурани, Маккензи ссылается на то, что курдское «имя» — пау в заза и гурани имеют персидскую форму пап, следовательно, диалекты гурани и заза—это не курдские, а иранские вообще диалекты<sup>63</sup>. Но если следовать этой «методологии» последовательно, нужно идти дальше: гуранийское пап родственно не только персидскому, но и английскому пате, следовательно, гурани—это не курдский, а ...английский диалект.

Нужно сказать, что концепции Маккензи подверглись резкой критике К. К. Курдоева, но случилось так, что не имея что противопоставить им, он решил вместе с этими концепциями выбросить и... гуранов. Он, в частности, уверяет, что никаких гуранов нет и не было, и население Сенендеджа, Керманшаха и Ханекина говорит на наречии, «которое в литературе принято называть сорани»<sup>64</sup>. И это—не случайное заблуждение, а твердое убеждение, в плане которого К. К. Курдоев находит возможным обвинять, например, Б. В. Миллера в том, что-де он «не имеет ясного представления о курдских говорах и диалектах»<sup>65</sup>. Дело в том, что этот крупный советский иранист, отмечая принадлежность гуранийской речи к курдским диалектам, говорил и о ее отличии от курдского-курманджийского языка. В этом несомненном для всех курдологов, в том числе и курдских авторов<sup>66</sup>, факте К. К. Курдоев подозревает стремление «создать впечатление», будто между курдским и персидским языками нет различия, и облегчить тем самым ассимиляцию курдов и их языка персидским<sup>67</sup>.

Не будем останавливаться на том, что К. К. Курдоев, не имея возможности вести научную дискуссию, скатывается на тон обвинений Б. В. Миллера в стремлении «дезориентировать» курдологию, И. И. Цукермана—в пропаганде «антинаучных теорий»<sup>68</sup>, а О. Л. Вильчевского—в том, что-де его

<sup>63</sup> Д. Н. Маккензи. Курманджи, курди и гурани. «Народы Азии и Африки», № 1, 1963, стр. 163—164, 168.

<sup>64</sup> К. К. Курдоев. Сравнительная грамматика курдского языка. Автореферат докторской диссертации, М., 1965, стр. 7.

<sup>65</sup> К. К. Курдоев. Критика ошибочных взглядов на курдский язык. КСИВ, вып. XII, 1955, стр. 58.

<sup>66</sup> См. Т. Вахби. Рукопись, стр. 22, 24.

<sup>67</sup> К. К. Курдоев. Критика ошибочных взглядов..., 58—59.

<sup>68</sup> Там же, стр. 49.

«антинаучные теории... наносили вред делу изучения курдского языка в нашей стране»<sup>69</sup>. Важнее то, что его слова, что-де Б. В. Миллер «не имеет ясного представления о курдских говорах и диалектах», могут быть адресованы самому К. К. Курдоеву. И дело тут не только в том, что он пытается «закрыть» то, что давно открыто и общепризнано, но и в том, что, отвергая взгляды об исторической самобытности гурани, он уверяет, что «юго-восточные курдские говоры» объединяются «в науке под общим названием» «курди»<sup>70</sup>. Чтоб показать ошибочность этого утверждения К. К. Курдоева, достаточно сослаться на... самого К. К. Курдоева. «В научной литературе,—пишет он в своей другой работе,—юго-восточный диалект ошибочно называют «курди»<sup>71</sup>. Итак выясняется, что название «курди» ошибочно. Но если это так, очевидно, что К. К. Курдоев критиковал Б. В. Миллера, находясь на ошибочных позициях. К сожалению, с ним он не сошел и в цитируемой работе. Он уверяет, например, что «на юго-восточном диалекте говорят курды Ирана (районы Мехабада, Секкеза, Бокана, Бане...) и Ирака (районы... Эрбиля, Сулеймании, Ревандуза)», но достаточно обратиться к карте, чтобы убедиться, что эти районы находятся в Центральном Курдистане, и уже поэтому их население не может говорить «на юго-восточном диалекте». Впрочем, Ханекин, который находится чуть ли не на одной параллели с Багдадом, К. К. Курдоев помещает на «северо-востоке Иракского Курдистана», и не удивительно, что, по нему, в Ханекине и во всем Южном Курдистане действует «диалект сорани».

Как, однако, мы видели, речь населения Южного Курдистана принадлежит не к соранийскому, а к гуранийскому диалекту, и исторически это население составляло особую, отличную от курдов-курманджей группу<sup>72</sup>. Другое дело, что концепции К. К. Курдоева отразились и в изданном руководимым им Курдским кабинетом «Шараф-наме». Поскольку допущенные в нем ошибки искажают смысл данных этого источника о гуранах, необходимо остановиться на анализе его текста.

Интересующее нас место «Шараф-наме» в русском переводе звучит так: «Все курды Ирана делятся на три группы: снях-мансур, чагани и зенгене. Родоначальниками их были

---

<sup>69</sup> Там же, стр. 58.

<sup>70</sup> К. К. Курдоев. Курдский язык. М., 1961, стр. 8.

<sup>71</sup> Там же; «Сравнительная грамматика...», стр. 7.

<sup>72</sup> Ихан Нури. История этнического корня курдов, стр. 96; «Китаб-е тарих-е Мардух», I, стр. 23.

три брата, которые происходили из Луристана, а по другой версии—из (племени) гуран или Ардалана. Ради служения государям Ирана оставили они свое отечество и родные места...»<sup>73</sup> На самом же деле в «Шараф-наме» сказано: در اصل ایشان سه برادر بودند که از لرستان بروایتی از گوران و اردلان بعزم ملازمت سلاطین ایران از وطن بیرون آمده...<sup>74</sup>

Достаточно сопоставить этот текст с цитированным выше переводом, чтобы заметить, во-первых, что اصل «происхождение» относится не к трем братьям, а «ко всем курдам Ирана»; во-вторых, в источнике ни о какой «другой версии» речь не идет, в нем сказано, что эти три брата отправились на иранскую службу «путем через Гуран и Ардалан». Отсюда видны еще две ошибки: во-первых, что между Гуран и Ардалан стоит союз «и», а не «или» и, во-вторых, что вопреки переводу «племени гуранов» ни о каком «племени» здесь речи нет,—выражение «Гуран и Ардалан» предполагает, что под этим названием разумеется топоним. Итак, цитированное место «Шараф-наме» на русском должно звучать так: «...все курды Ирана—трех групп: сийах-мансур, чекни и зенгене. Известно предание, и оно имеется в устной традиции, что в их основе были три брата, которые из вилайета Луристан путем через Гуран и Ардалан, отправляясь на службу султанам Ирана, вышли со своей родины».

Этот «текстологический» экскурс показывает, что «гуран» в данном контексте стоит рядом с названиями областей Луристана и Ардалана; это не оставляет сомнений, что под «гуран» в данном случае подразумевается обособленная от Ардалана область. Более того, в том же «Шараф-наме» имеется и такой контекст, где говорится о «правителях Курдистана, Луристана, Гурана и других курдских племен», делами которых поручено было ведать автору цитируемого источника<sup>75</sup>. Вопреки переводу «гуран» как названия племени<sup>76</sup>, и в данном случае под этим названием имеется в виду обособленная от Луристана и Курдистана область. Для ясности напомним, что этот топоним, но в более локальном значении, существует до сих пор, обозначая район на западе Керманшахана<sup>77</sup>.

Из этих фактов видно, что Шараф-хан Бидлиси вместе с Луристаном обособлял от Курдистана и область Гуран, и в таком ее обособлении от «Страны курдов» отразилось созна-

<sup>73</sup> «Шараф-наме», I, М., 1967, стр. 369.

<sup>74</sup> «Шараф-наме», каирск. изд., стр. 423—424.

<sup>75</sup> Там же, стр. 581.

<sup>76</sup> См. «Шараф-наме», I, М., 1967, стр. 488.

<sup>77</sup> См. Али Размара. Керманшахан, стр. 21, 31.

ние обособленности гуранов и «курдов Ирана» от курдского, в курманджийском смысле, населения. Неслучайно в некоторых источниках гураны рассматриваются в отрыве от курдов вообще<sup>78</sup>.

В этой связи, поскольку речь идет об особом элементе в этническом составе курдского народа, в науке не мог не возникнуть вопрос о происхождении гуранов. Вопрос этот имеет долгую историю, и чтобы понять направление поисков его решения, вспомним, что среди курдов бытуют версии, что их предки—выходцы из Восточного Ирана. Так, В. А. Гордлевский отмечает, что курды-мархури веруют в то, что в Курдистан они пришли из Хорасана<sup>79</sup>. Но одно дело, когда курд, наслышавшись легенд о «чудесах Хорасана», именно там хочет видеть свою прародину, и другое—научное решение проблемы. Н. Я. Марр как-то заметил, что в вопросах происхождения курдов легендам восточных авторов хотелось бы противопоставить мнения европейских ученых, но увы,—по части сочинительства легенд они не уступают своим восточным коллегам<sup>80</sup>. Одной из таких легенд является мнение, что иранцы в Иран пришли откуда-то с востока<sup>81</sup>. И хотя оно еще никем и ничем не доказано, это мнение считается классическим. Курды—ираноязычная народность и, естественно, что этот «классицизм» не минул и проблему их происхождения<sup>82</sup>. Несмотря на то, как это отмечает и Мукрияни, что не известны ни конкретные восточноиранские предки курдов, ни время их миграции в Курдистан и ни пути их движения<sup>83</sup>, представители «классического» направления иранистики вслед за Ф. Люшаном ищут их корень в Восточном Иране<sup>84</sup>.

Взгляды восточно-иранского происхождения курдов кажутся тем более реальными, что издревле между Курдистаном и Восточным Ираном существуют тесные связи, сопровождавшиеся переселением населения из одного района в другой. Отсюда—наличие в Афганистане сохранивших, как полагает Амин-Зяки, свою курдскую речь курдов-зенгене и

<sup>78</sup> Например: لاخلف تبریزی محمد حسین برهان قاطع، تهران ۱۳۰۶.

<sup>79</sup> Вл. Гордлевский. У сепандагских курдов. «Мусульманский мир», вып. I, 1917, стр. 30.

<sup>80</sup> Н. Я. Марр. Еще о слове «челеби». ЗВО, т. XX, вып. II—III, 1911, стр. 122.

<sup>81</sup> Например: A. T. Olmstead. History of the Persian empire Chicago. 1960, p. 19.

<sup>82</sup> В том числе: V. Minorsky. Les origines des Kurdes. Actes du XX-e Congrès des orientalistes 1930. Bruxelles 1940, p. 143—152

<sup>83</sup> Хусейн Хузни. Мукринский Курдистан..., стр. 90.

<sup>84</sup> Феликс Люшан. Народы, расы, языки, Л., 1925, стр. 94—95.

чагани<sup>85</sup>, не говоря о хорасанских курдах<sup>86</sup>. В этом плане привлекают внимание такие, например, топонимические совпадения, как Дуки, Ормари и Зхаб в Афганистане и Дхок, Орамар и Зохаб в Курдистане, или название Мукр и известное нам и по Мехди-хану Астарабади Мукур в Хорасане<sup>87</sup>. Особый интерес представляют этнонимические взаимосвязи типа одинакового названия древних пактиев в Афганистане и Курдистане;<sup>88</sup> одна из ветвей афганских гильзаев именуется «гуран», а одна из групп курдов-гуранов имеет типично «афганское» название «вазири»<sup>89</sup>. Если же ко всему этому добавить разделяемые и курдскими авторами взгляды о непосредственной близости курдского и афганского языков, станут понятными причины моды выводить курдов из Восточного Ирана.

Этой моде поддался и В. А. Ромадин: основываясь на одном только факте, что племя в афганском и курдском языках обозначается общим «хель», он уверяет, что-де курдские сказания указывают на то, что гураны в Курдистан «пришли с востока и влились в состав этого народа»<sup>90</sup>. В. А. Ромадин не знает, видимо, что задолго до него турецкий курдолог Ф. Кырзы-оглы «установил», что курдское «хель» происходит от турецкого «эль» и «доказал» таким путем, что курды в Курдистан пришли из «туранийской прародины турок»<sup>91</sup>. Не знает он, видимо, и того, что обитающие на Сахалине гильяки имеют не только «общее» с курдскими гильями название, но и слово «халь» в том же значении<sup>92</sup>, — иначе наука обогатилась бы еще одной теорией курдского этногенеза.

Концепция восточноиранского происхождения гуранов

<sup>85</sup> «Очерк истории курдов и Курдистана», т. I, стр. 38.

<sup>86</sup> См. *J. B. Frezer. Narrative of a Journey into Khorasan. London 1825, p. 249; V. Ivanow. Notes on Khorasani kurdish. „Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal“, № 1, v. XXIII, 1923.*

<sup>87</sup> См. **В. В. Бартольд.** Иран. Исторический обзор. Ташкент, 1926, стр. 42.

<sup>88</sup> Геродот, III, 93 и 102; VII, 67—68. Основанные на его данных взгляды о пактийском происхождении курдов — „Actes du XX-e Congres des orientalistes 1930“, p. 143—152.

<sup>89</sup> «Китаб-е тарих-е Мардух», II, стр. 32; **Али Размара.** Курдистан. стр. 27.

<sup>90</sup> **В. М. Массон, В. А. Ромадин.** История Афганистана, т. I, М., 1964, стр. 273.

<sup>91</sup> **Г. Б. Акопов.** Критический обзор версий туранийско-турецкого происхождения курдов. «Вестник общественных наук», № 4, 1966.

<sup>92</sup> См. **Ф. Энгельс.** Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1947, стр. 206.

основываются на том факте, что в Афганистане некогда обитал народ, имеющий созвучное «гуран» название. Описывая движение войск Александра из района нынешнего Джалалабада на юг, Арриан отмечал, что они вступили на территорию племен аспасиев, гуреев и ассасакиенов<sup>93</sup>. Проходит много столетий, и те же, видимо, гурей под названием гуров появляются в средневековых источниках<sup>94</sup>. При этом из их данных видно, что гуры отличались от окружающего оседлого иранского населения не только «горским» образом жизни, но и некоторыми особенностями своего языка<sup>95</sup>.

Конечно, при желании можно найти немало фактов, способных связать восточноиранских гуров и курдов-гуранов. Так, в «Шараф-наме» сказано: «Из курдов вышел и знаменитый полководец, герой эпохи Бахрам Чубин... Рос он в Туркестане и Хорасане, и к нему восходит генеалогия государей куртской династии и падишахов Гура»<sup>96</sup>. Допустим, что Бахрам Чубин действительно был курдом и от него действительно идет родословная династии гуридов и куртов<sup>97</sup>, но ведь это не предполагает ни движения гуров из Восточного Ирана в Курдистан, ни тем более гурского происхождения курдов и в частности гуранов.

Источники сообщают, что в гуранской среде бытует версия, что они — потомки известного под именем Бахрам Гура<sup>98</sup> сасанидского царя Варахрана V. Она интересна не только созвучием прозвища Гур названию гуранов, но и тем, что этому царю приписывается строительство в области расселения гуранов города Керманшаха<sup>99</sup>. Дело в том, как об этом рассказывает и Лазарь Парпеци, что до воцарения на шахский престол Варахран был правителем восточноиранской области Керман и носил титул «керман-шаха»<sup>100</sup>; предполагается, что, основав этот город, Варахран дал ему в название свой титул керманшах; что придя с востока в Кур-

<sup>93</sup> Арриан. Анабазис. IV, 23, I.

<sup>94</sup> Наиболее полная сводка данных о гурах. — C. E. Bosworth. The early Islamic history of Chur. CAJ. v. VI, n 2, 1961.

<sup>95</sup> См. В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903, стр. 54—55.

<sup>96</sup> «Шараф-наме», I, М., 1967, стр. 85.

<sup>97</sup> О «курдской принадлежности» гуридов и династии куртов. — «Из неизданных «Путевых заметок» 1846 В. Диттеля», — «Библиотека для чтения», т. 119, ч. VII, 1853, стр. 10.

<sup>98</sup> См. E. B. Soane, p. 382.

<sup>99</sup> См. Laurence Lackot. Persian sities, London, 1960, p. 105—106.

<sup>100</sup> К. Патканян. Опыт истории династии сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями. СПб., 1863.

дистан, он привел какую-то группу восточноиранского населения, принявшего себе в название его прозвище—«гуран»<sup>101</sup>.

Все это сколь романтично, столь же неисторично. Начать хотя бы с того, что основание Керманшаха не имеет никакого отношения к Бахрам Гуру,—арабские источники<sup>102</sup> его строительство приписывают Каваду, отмечая, что город этот именовался Кермасин. Что же касается его основания, оно относится к глубокой древности<sup>103</sup>. Интересна в этой связи этиология названия Керманшах, данная Х. Абовяном. Заинтересовавшись этим вопросом в связи с вопросом этногенеза курдов, Х. Абовян в работе «Курды»<sup>104</sup> обратил внимание на то, что в одном из пророчеств Иезекииля упоминается какой-то город Калман в «мидо-ассирийской стране»; анализ этого названия дан в изданном два столетия назад в Венеции армянском ономастическом словаре,—и из него в «Курд и незид» Х. Абовян выводит возможность движения формы Калман в Керман и далее в Керманшах и этого названия—в самоназвание курдов—«курмандж»<sup>105</sup>. Самое оригинальное в этой версии состоит в том, что Калман, точнее город Халван действительно существовал в «мидо-ассирийскую эпоху»<sup>106</sup>. Его отождествляют с Керендом<sup>107</sup>, но Керенд—это древняя Каринда, что же касается Холвана, то это—центр одноименного района в области Керманшахан<sup>108</sup>. Не менее оригинально и то, что «курмандж» от «керманшах» выводят и другие авторы, в том числе Т. Вахби<sup>109</sup>. Другое дело, что Калман—Холван не имеет отношение к Керманшаху, ибо он расположен далеко на запад от этого города, на месте которого в древности стоял известный по ассирийским источникам город Эллипи<sup>110</sup>. Впрочем, и без этого рассмотренная

<sup>101</sup> Г. Б. Акопов. Некоторые аспекты проблемы происхождения курдов в свете данных древнеиранской мифологии. «Востоковедческий сборник», II, Ереван, 1964, стр. 345.

<sup>102</sup> Например. *ياقوت الحموي، معجم البلدان، مجلد ٤، ص ٤٤*

<sup>103</sup> См. Шамим Хамадани. Курдистан. Тавриз, 1312, стр. 23.

<sup>104</sup> Х. Абовян. Курды. «Кавказ», № 46, 47, 49, 50 и 51, 1848.

<sup>105</sup> *И. Курджинъ, 2. VIII, 12 355.*

<sup>106</sup> О нем см., например: И. М. Дьяконов. История Мидии. М., 1956, стр. 126.

<sup>107</sup> См. В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. 1903, стр. 134.

<sup>108</sup> См. «Материалы по изучению Востока», вып. 2, Пг., 1915, стр. 163.

<sup>109</sup> Т. Вахби. Рукопись, стр. 19.

<sup>110</sup> См. «Курды и их историческая и этническая принадлежность», стр. 46, 52.

версия относится к этимологии «курмандж», и ничего не дает решение вопроса о гуранах.

Важно в этой связи подчеркнуть, что источники ничего не сообщают о переселении восточноиранского гурского населения в интересующий нас район. Но тут есть одно обстоятельство, которое нельзя обойти. Связывая «гуран» и «гур» в прозвище Варахрана, Борхан Тебризи пишет, что название «гуран» обозначает «племя из индийских неверных» — *قبيله باشند از كفار هندستان*<sup>111</sup>. Одновременно с этим в „Шахнаме“ приводится рассказ о том, что какой-то индийский царь подарил Бахрам Гуру 12 тысяч музыкантов<sup>112</sup>, которые были им поселены в Луристане и от которых произошли лурь<sup>113</sup>.

Как видно, речь идет о лурях, и версия эта, казалось бы, не имеет отношения к курдам-гуранам. Но тут нельзя не вспомнить, во-первых, лурско-гуранские взаимосвязи и, во-вторых, не обратить внимания на сообщение о гуранах — «индийских неверных», которые могли-де прийти в Курдистан и дать начало курдам-гуранам.

Намечая далее еще вернуться к этим «неверным», отметим, что данное сообщение Борхана Тебризи не единственный намек на индийско-курдские взаимосвязи. Фактов этого типа много, и они породили, как это ни кажется парадоксальным, целую проблему о роли «индийского элемента» в этногенезе курдского народа<sup>114</sup>. Она обусловлена обнаружением и курдскими учеными «индийских слов» в курдском языке<sup>115</sup> и постановкой, например, Абдарразаком Бадр-ханом вопроса о том, что-де язык этот в целом «санскритского корня»<sup>116</sup>.

Взгляды о роли индийского элемента в этногенезе курдов обязаны, во-первых, наличию в их среде «цыганского элемента», который считается индийским по происхождению. В этом плане отождествление Ф. Груме курдского языка с

<sup>111</sup> «Борхан-е кате», стр. 1011.

<sup>112</sup> См. Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы. Избр. работы, т. I, М., 1962, стр. 218; V. Minorsky. Les Tsiganes luri et Lur persans. JA. avril-juin, 1933.

<sup>113</sup> См. Ф. Люшан, стр. 79; об этом см. также в работе Потта „Die Zigganner in Europa and Asien“, s. 90

<sup>114</sup> Например: О. Л. Вильчевский. Курды. Введение в этническую историю курдского народа. М., 1961, стр. 98—99, 159.

<sup>115</sup> См. Ихсан Нури, стр. 42—43.

<sup>116</sup> Изв. Шт. КВО, № 29, 1913, стр. 12.

цыганским<sup>117</sup> исходит не только из его стремления к оригинальничанию, но и из поисков в курдской, в частности, гуранийской среде «цыганских племен». На первое место в их числе выдвигается «чакани» — چکنی<sup>118</sup> — название которого связывается с «цыган»<sup>119</sup>. Близко к ним стоят сиях-мансур и зенгене<sup>120</sup>, а также целый ряд других племен, в том числе и такое крупное, как талабани<sup>121</sup>. Достаточно, таким образом, бросить взгляд на карту Курдистана, чтобы заметить, что «цыганские племена» расселяются на огромном пространстве его южной части, являющейся, как известно, районом расселения курдов-гуранов. Впрочем, отмечая наличие в курдской этнонимике ряда «цыганских» названий, в том числе «зенгене» как среди курдов, так и луров, К. Бодэ предупреждает о рискованности делать отсюда вывод о роли цыганского элемента в этногенезе курдов, ибо эти названия обычны для всего Ирана, а не только для Курдистана<sup>122</sup>.

Как бы то ни было, обнаружение в гуранийской среде «цыганского» и «индийского» элемента объясняется не тем, что гураны действительно являются цыганами, а стремлением найти объяснение тем их особенностям, которые отличают гуранов от других групп курдского, в курманджийском смысле, населения. О том, как иногда далеко заходят эти поиски, легко судить по тому факту, что, пытаясь объяснить причины этой их обособленности, Роулинсон пришел к выводу, что курды-кельхоры являются потомками древних... иудеев<sup>123</sup>, переселенных Новоходонасаром из Иудеи в горы Загроша<sup>124</sup>. Отсюда неудивительно, что основная масса ученых предпочитает не ходить так далеко за предками гуранов и ищет их на территории Ирана.

Наиболее типичны в этом отношении взгляды В. Ф. Минорского. Как известно, в докладе об этногенезе курдов, читанном на XX Международном конгрессе востоковедов, он

<sup>117</sup> F. H. Groome. *Kurdish or Gipsy*. „The Athenaeum“ N 3654, 1897, p. 635.

<sup>118</sup> «Шараф-наме», каирск. изд., 429.

<sup>119</sup> «Курды. Введение в этническую историю...», стр. 98.

<sup>120</sup> См. «Шараф-наме», I, М., 1967, стр. 369—372.

<sup>121</sup> См. В. Никитин. *Курды*. М., 1964.

<sup>122</sup> См. К. Bode. *Travels in Luristan and Arabistan*, v. II, London, 1845, p. 68, 100.

<sup>123</sup> См. H. Rawlinson. *Notes on a march from Zohab to the foot of Zagros*. JRGS, v. IX, pt. 1. 1839; I. L. Bishop. *Journeys in Persia and Kurdistan*, v. I, London, 1891, p. 85—86.

<sup>124</sup> См. Г. Б. Акопов. *Курды и Багистанская надпись*. «Рйа-таза», № 2 (1958), от 6 января 1968.

выступил с тезисом, что курды—народность восточноиранского происхождения<sup>125</sup>. Однако в исследовании о гуранах его взгляды претерпели то изменение, что теперь их происхождение выводится не из Восточного Ирана, а из Прикаспия<sup>126</sup>. Отмечая, что название «гуран» имеет более чем двухтысячелетнюю историю, В. Ф. Минорский находит, однако, что это название, одного корня с названием правившей еще в VII в. в Прикаспии династии «га (в) бара (к)», являющимся архитипом «гуран» и что поэтому курды-гураны—это народность, имеющая прикаспийское происхождение<sup>127</sup>. Эти концепции В. Ф. Минорского имеют в основе его вообще преувеличенные представления о роли прикаспийского элемента в этногенезе курдов<sup>128</sup>, в связи с которыми мы должны остановиться на двух важных для нас вопросах.

Речь идет о том, во-первых, что проблему этногенеза курдов с прикаспийскими районами связывает не один только В. Ф. Минорский. Эту тенденцию мы находим в работах и О. Л. Вильчевского. Так, касаясь родословной шемдинанских шейхов, он видит в их фамилии Гилани «реминисценцию» происхождения от прикаспийских гияляков<sup>129</sup>. Но эти концепции не выдерживают критики, и не только потому, что сам О. Л. Вильчевский в другом месте связывает их с «халдами»<sup>130</sup>, отмечая вслед за В. Ф. Минорским возможные взаимосвязи названия резиденции этих шейхов городка Нехри и наименования древнего Наири<sup>131</sup>. Дело еще и в том, что прикаспийские гияляки не могли дать начало этим курдам по той причине, что названия «гияляк» и «гил(ани)» не имеют ничего общего. В поисках этимологии этого названия нет надобности ходить в прикаспийский Гилан, ибо одноименный городок есть в Южном Курдистане;<sup>132</sup> кстати, именно отсюда происходил известный средневековый мистик, основатель секты кадаритов Шейх Абдул-Кадир Гилани<sup>133</sup>, к которому возводят свою родословную как шемдинанские шейхи, так и

<sup>125</sup> V. Minorsky. *Les origines des Kurdes*. Actes du XX-e Congres des orientalistes 1930. Bruxelles, 1940, p. 143—152.

<sup>126</sup> Коротко об этом,—В. Никитин. *Курды*. М., 1964, стр. 200—201.

<sup>127</sup> В. Минорский. *Гураны*. «Галавеж», № 5, 1944.

<sup>128</sup> См. В. Ф. Минорский. *История Ширвана и Дербенда*. М., 1963, стр. 32—33.

<sup>129</sup> См. «Курды. Введение в этническую историю...», стр. 153.

<sup>130</sup> Там же, стр. 146.

<sup>131</sup> См. «Материалы по изучению Востока», вып. 2, Пг., 1915, стр. 472.

<sup>132</sup> См. А. Размара. *Керманшахан*. Тегеран, 1320, стр. 21, 31.

<sup>133</sup> О нем см., например: „Seyyid Abd-al-Kadir Guilanî, un grand saint de l'Islam, 1076—1168“, — „Grand figures orientales“, VI, Paris, 1938.

крупная феодальная фамилия южноиракских арабов, аль-Джилани<sup>134</sup> во главе с небезызвестным Рашид Али Джилани; что же касается названия этого курдистанского Гилана, не исключено, что в нем мы имеем напоминание об одном из ранних курдских племен—гил<sup>135</sup>; отмечая курдов-гилей в Хорасане, Шараф-хан Бидлиси относит их к числу иранских курдов<sup>136</sup>, и это означает, что движение гилей шло не с востока на запад, а наоборот, из Курдистана в Хорасан.

Речь идет, во-вторых, о давно ведущихся поисках этимологии названия «гуран». Наряду с выведением его от «гур» и «гавбарак» в литературе встречается ряд других расшифровок. Одна из них принадлежит Н. Я. Марру, и она отличается от других той рациональной идеей, что «гуран» ставится в связь с «курд»<sup>137</sup>. Дело в том, что если взять название области, которую нередко называют «колыбелью курдской расы»<sup>138</sup> и которая в армянских, например, источниках фигурирует в форме Кордук<sup>139</sup>, окажется, что в греко-римских источниках она именуется то Кордуэна, то Гордиена<sup>140</sup>; что считающееся одной из ранних форм «курд» название у одних авторов звучит «куртии», у других—«гурдии»<sup>141</sup>. Эти факты показывают возможность варьирования начальных звуков названий «курд» и «гуран»: «к»—«г».

Не менее допустимым представляется и варьирование окончания этих названий: «рд»—«р». Эта закономерность в курдской фонетике описана Ф. Юсти<sup>142</sup>, и нам остается дополнить его тем фактом, что выпадение конечного согласного в курдском—обычное явление, например: «дэст»—«дэс» (рука), «кард»—«кар» (нож), «мэрд»—«мэр» (мужчина) и т. д. Эти факты говорят о том, что «курд» может перейти как в «кур», в названии «курмандж», так и в «пур», в «гуран»<sup>143</sup>. Взаимосвязи «курд»—«гуран» тем более допустимы, что курдский язык имеет две формы множественного числа—«ед» и «ан», и если считать, что основой слов «курд» и «гу-

<sup>134</sup> См. В. Никитин. Курды. М., 1964, стр. 310, 316.

<sup>135</sup> См. Хусейн Хузни. Мукринский Курдистан..., стр. 131.

<sup>136</sup> «Шараф-наме», I, М., 1967, стр. 370.

<sup>137</sup> См. ЗВО, т. XX, вып. II—III, 1911, стр. 137—138.

<sup>138</sup> Hartmann M. *Bohtan*. „Nittelungen der Vorderasatisch Gezellschaft“, N 2, 1896

<sup>139</sup> См. Հ. Արարձի. *Մարտինի Երկան*, 1940, է. 15, 45.

<sup>140</sup> См. „Real Enciclopedie“, II, p. 640—641.

<sup>141</sup> Г. Б. Акопов.—«Востоковедческий сборник, II, 1964, стр. 346.

<sup>142</sup> F. Justi. *Kurdische Grammatik*. S-Pb. 1880, s. 38.

<sup>143</sup> См. «Еще о слове «челеби», стр. 137.

ран» является общий элемент «кур»—«гур», станет очевидным, что оба этих названия отличаются друг от друга формой мн. ч.

Но в связи с этими филологически допустимыми выкладками возникает вопрос: чем объяснить, что одно и то же название на одной и той же почве фигурирует в двух разных формах, обозначая к тому же не одну и ту же категорию: если «курд» служит обозначением курдского народа, «гуран»—это название одной его части. Вопрос этот тем более интересен, что аналогичное явление, но в обратном соотношении мы наблюдаем и на восточноиранской почве; при том же соотношении «курт»—«гур» последнее название обозначает здесь народность, в то время как «курт»—это наименование какой-то ее части<sup>144</sup>.

Несмотря на отсутствие ответа на этот вопрос, сам факт сочетания «курд»—«гуран» на курдистанской почве и «курт»—«гур» на восточноиранской не может не наталкивать на определенные размышления, особенно если иметь в виду взаимосвязи населения Гура и Гарчистана и тот факт, что правители Гарчистана носили титул «горан-шах»<sup>145</sup>. Из него следуют связи «гуран»—«гур»—«горан», особенно интересные на фоне «курд»—«курт»—«гарч».

Эти факты легко объяснить общей иранской принадлежностью рассматриваемых групп населения. Но тут перед нами встает то самое «но», относительно которого иранист В. И. Абаев предупреждает, что, отправляясь в области этимологических исканий, нужно быть готовым ко всяким сюрпризам. Сюрпризом же в данном случае является то, что отмеченное сочетание наблюдается не только на иранской почве, но и на армянской—«корд»—«корч»; не только на индоевропейской почве, но и на грузинской, где «карт(уэли)» сопровождает название грузин-гурийцев, не говоря о том, что основу формы «гурдж» составляет элемент «гур» плюс «дж», при помощи которого, как думает В. Ф. Минорский, в кавказских языках образуются этнические названия<sup>146</sup>. Дело осложняется тем, что аналогичные явления встречаются не только в рассматриваемом ареале. Из множества фактов этого типа напомним, что если отбросить тюркское «баш» в названии башкирского народа, окажется, что его основа в одном случае, например,

---

<sup>144</sup> Наиболее полная сводка данных об этой вышедшей из гуров династии.—В. Spuler. Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955

<sup>145</sup> См. „Hamsae Isphahanis Annalium libere X“. Petropoli-Lepstae. 1844—1848, p. 58.

<sup>146</sup> В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, стр. 32.

у Иби-Фадлана дается в форме «гир»—«башджир»<sup>147</sup>, а в другом—«корт», в том числе в самоназвании «башкорт»<sup>148</sup>.

Индоевропейская лингвистика в ее «правоверном» толковании объявляет факты этого порядка случайностью, а яфетическое направление—наличием общего субстратного пласта в разных языках, когда иранское «курд» и грузинское «карт», например, оказываются разными формами одного и того же «яфетического элемента»<sup>149</sup>. Не разделяя ни той, ни другой точки зрения, факт распространения этих названий в разной этно-лингвистической среде мы рассматриваем как свидетельство их неэтнонимической природы. Представляется несомненным, что даже в иранской среде «гур(ан)ские» названия различных групп населения объясняются не общностью их происхождения от одного племени, а тем, что «гур»—«гуран», имея определенное социальное содержание, обозначало типологически родственные группы населения. Так, курдская народная этимология выводит «гуран» от «гауран»—«пахарь», давая ему, как это будет видно далее, «мужидкий», впрочем, не только «пахарский», но и нередко «чабанский» оттенок.

Этот факт интересен тем, что в нем отразилась тенденция поисков не «этнического корня» гуранов, а тех исторических условий, которые привели к выделению какой-то группы населения в гуранскую общность. Заслуживает в этом плане внимания расшифровка, которую дает слову «гуран» Борхан Тебризи: «Гуранами называют огнепоклонников, которые принадлежат к вере и народу Зороастра»<sup>150</sup>. В этой расшифровке привлекают два важных момента: во-первых, то обстоятельство, что она дает возможность возвести этимологию «гуран» к понятию «огня» в курдском—«гур», ибо типологически близкие к нему курдские этнонимы не редкость. Так, известно, что «шамсик»—от арабского «шамс»—«солнце»; что Шараф-хан Бидлиси выводит название «рожки» от курдского «рож» в том же значении<sup>151</sup>; что, вопреки расшифровке названия «суран» в смысле «красные»<sup>152</sup> от курдского «сор», это близкое по форме к «гуран» название имеет в основе древнекурдское «сур»—«солнце»<sup>153</sup>. Итак, мы имеем опреде-

<sup>147</sup> «Путешествие Иби-Фадлана на Волгу». Л., 1939, стр. 66.

<sup>148</sup> См. Абу-Зейд аль-Балхи, 1878, стр. 178.

<sup>149</sup> «Еще о слове «челеби», стр. 139.

<sup>150</sup> «Борхан-е кате». Тегеран, 1336, стр. 1011.

<sup>151</sup> См. «Шараф-наме», I, М., 1967, стр. 403.

<sup>152</sup> См. там же, стр. 323.

<sup>153</sup> Иная расшифровка этого названия В. Дятеля,—«Библиотека для чтения», т. 95, ч. II, июнь 1849, стр. 197.

ленные основания выводить «гуран» от «гур» в смысле «огонь» и расшифровать его как «огнепоклонник».

Такая расшифровка представляется тем более вероятной, во-вторых, что гураны в основной своей массе исповедуют али-иллахизм<sup>154</sup>—религию, которую отмеченный выше выходец из среды гуранов Шейх Абдул-Кадыр Гилани отождествлял с исмаилизмом и даже карматизмом и писал, что такая религия могла быть воспринята только «дикими курдами» и «потомками магов»<sup>155</sup>. Как ни враждебно его отношение к «потомкам магов», оно ценно намеком на связи али-иллахизма с древнеиранскими верованиями. Касаясь этого, Ф. Кюмон в рецензии на книгу В. Ф. Минорского об али-иллахах отмечал, что в этом веровании сохранились «очень древние языческие ритуалы»<sup>156</sup>. Мусульманство али-иллахов в этом плане, как говорит П. Лерх,—это всего лишь хитрость, имеющая целью прикрыть их язычество<sup>157</sup>. Впрочем, сам факт обожествления Алиа—это язычество самых древних форм, не говоря о том, что Али в действительности для них не бог, а одно из семи его воплощений, и элемент «али» в названии али-иллахов, по мнению В. Иванова,—это не только и не столько имя четвертого халифа, сколько «высокий»<sup>158</sup>.

Не имея цели останавливаться на али-иллахизме<sup>159</sup>, мы хотим обратить внимание на любопытную легенду о том, что еще при жизни Али некий араб Абдалла бин-Саад объявил его богом; в ответ на это Али приказал схватить этого Абдаллу и его последователей и бросить их в огонь; оказавшись в огне, эти «али-иллахи» начали кричать, что теперь-де достоверно известно, что Али—бог, ибо пророк сказал: «Никто, кроме бога, не будет карать огнем»<sup>160</sup>. Отсюда понятны причины того, почему один из али-иллахийских святых говорил: «Али ман-ам»—«Али—это я»<sup>161</sup>. Имя этого святого Хан-

<sup>154</sup> См. В. Ф. Минорский. Материалы для изучения персидской секты «Люди истины или Али-илахи», ч. I, 1911; *V. Minorsky. Notes sur la secte des Ahl-e Naqq.* Paris, 1921.

<sup>155</sup> Цит. по: *V. Ivanow. The truth-worshpers of Kurdistan*, 1953, p. 18.

<sup>156</sup> „Suria“, 1922, p. 262—263.

<sup>157</sup> П. Лерх. Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях, кн. I, Спб., 1856, стр. 53.

<sup>158</sup> *V. Ivanow*, p. 55.

<sup>159</sup> Одно из первых их описаний,—*H. Southgate. Narrative of a tour through Armentia, Kurdistan, Persia and Mesopotamia.* v. I, London, 1840 p. 140—142.

<sup>160</sup> *E. B. Soane*, p. 385.

<sup>161</sup> *V. Ivanow*, p. 205.

Атеш, а «атеш»—это «огонь» в персидском. Отсюда неудивительно отождествление али-иллахизма с армянской сектой аревордиков—«детей солища»<sup>162</sup>, в плане которого вполне определенное звучание получают обращенные к алиаллахскому святому Ибн-Факиху или Кур-и Факиху слова:

Факих, мы не являемся богом, но мы с богом,

Наш корень—это огонь, и от огня мы рождены<sup>163</sup>.

Эти представления объясняют причины расшифровки «гуран» как «огнепоклонник» и заставляют искать корни верований гуранов—али-иллахов, как думал еще Г. Роулинсон, в местной древности<sup>164</sup>, тем более, что основные темы их мифологии привязываются к Луристану и особенно к Южному Курдистану, в том числе Зохабу, долине реки Сирвана и т. д.<sup>165</sup>. Важно в этой связи подчеркнуть, что вместе с элементами древних верований али-иллахи наследовали и их святилища, например, «храм огня» Таг-и Гяра в Зохабе<sup>166</sup> или Дуккан-и Давуд, являющимся древней скульптурой, на которой изображена церемония огнепоклонников<sup>167</sup>.

Все эти факты подводят нас к пониманию того высказанного еще в середине XIX в. К. Боде мнения, что курды-гураны принадлежат к «весьма малому числу тех, кто сохранил несколько следы древнего языка гебров»<sup>168</sup>. В свете этого мнения<sup>169</sup> неудивительно, что, основываясь на данных языка и культуры населения Южного Курдистана, В. Ф. Минорский пришел к тому противоположному рассмотренным его же концепциям выводу, что эти курды—«исконное население, и быть может, занимая западную окраину страны мидийцев, они являются одним из их прямых наследников»<sup>170</sup>.

Возникает вопрос: имеются ли упоминания о гуранах в древности? В поисках ответа на этот вопрос нельзя не обратить внимания на название Гаурания ассирийских текстов—«области между Урарту и страной Гимирра»<sup>171</sup>, тем более, что Гимирра—это Киммерия, которая в VIII в. до н. э. локализовалась в районе на юг от озера Урмия. Но тут мы

<sup>162</sup> Там же, стр. 37, 70.

<sup>163</sup> Там же, стр. 113; персидский текст: «اهل حق، تهران ۱۹۶۰» ص ۳۶.

<sup>164</sup> См. *H. Rawlinson*,—JRS, v. IX, pt. 1, 1839, p. 36.

<sup>165</sup> См. *V. Minorsky*. The Guran. BSOAS. v. XI, pt. 1. 1943.

<sup>166</sup> См. В. Никитин. Курды. М., 1964, стр. 345—346.

<sup>167</sup> См. *E. B. Soane*, p. 384.

<sup>168</sup> К. Боде. Путевые заметки... «Библиотека для чтения», т. 123, ч. 1, отд. II, январь 1854, стр. 18.

<sup>169</sup> О нем см. также: *Cl. Bode*. Travels... v. I, p. 180.

<sup>170</sup> В. Ф. Минорский. Курды. Заметки и впечатления. Пг., 1915, стр. 3.

<sup>171</sup> И. М. Дьяконов. АВИИУ, № 50.

сталкиваемся с тем фактом, что страна Гурнии упоминается в урартских текстах в числе стран, локализуемых в районе озера Севан, следы которой ищут в современном названии Гяри в Армении<sup>172</sup>. Отвергая эти сопоставления, Б. Б. Пиотровский отмечает, что под Гамиррой ассирийских источников в данном случае нужно видеть не приурмийскую Киммерию, а Каппадокию<sup>173</sup>. Но если это так, очевидно, что древняя Гаурания не имеет отношения к курдам-гуранам.

Все это не отвергает, однако, факта связей гуранов и, в частности, али-иллахов с южнокурдистанской древностью. В числе многочисленных фактов—известное святилище<sup>174</sup> Султан Сохак. Несмотря на попытки В. Иванова доказать, что в имени Сохак мы имеем армянскую форму имени Исхак—Саак<sup>175</sup>, у нас нет оснований ходить так далеко за происхождением этого имени, ибо в курдской среде имя Зохака—не исключение<sup>176</sup>. Речь идет об известном и по авестийской мифологии и по «Шах-наме» имени царя Зохака, которого нередко отождествляют с мидийским царем Дейокой<sup>177</sup>. Имея в виду эти факты, нельзя не обратить внимания на то, что святилище Султан Сохака—это такой же древний памятник, как и возводимый к мидийскому царю Астиагу Дожани Давуд<sup>178</sup>, тем более, что на нем изображен «мидиец-огнепоклонник»<sup>179</sup>. Это дает основание видеть в нем унаследованное от далеких предков почитание легендарного царя Зохака, образ которого часто отождествляется с, возможно, историческим «кордан-шахом мидийским»<sup>180</sup>. Стати, это не единственный памятник, связанный с именем Зохака. Основываясь на других, Якут писал, что один из исторических центров Курдистана, Шахрезур, основан этим тираном<sup>181</sup>; недаром «шахрезур» расшифровывается как «город наси-

<sup>172</sup> См. Г. А. Халатян. О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными ванских надписей. «Древности восточные», вып. II, № 2, 1901, стр. 121.

<sup>173</sup> Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 232—233.

<sup>174</sup> См. В. Ф. Минорский, «Материалы по изучению Востока», вып. 2, Пг., 1915, стр. 201.

<sup>175</sup> V. Ivanow, p. 8—9.

<sup>176</sup> Г. Б. Акопов, «Востоковедческий сборник», II, стр. 329—330.

<sup>177</sup> См. G. Rawlinson. The History of Herodotus. London. 1880, p. 395.

<sup>178</sup> См. E. Herzfeld. Archeological history of Iran. London, 1935, p. 30.

<sup>179</sup> فهرست مختصری از آثار و ابنیه تاریخی ایران، رساله ۱، تهران ۱۳۰۳، ص ۳۶

<sup>180</sup> A. Safrastan. Kurds and Kurdistan. London, 1948.

<sup>181</sup> Историю Шахризур см., например: E. B. Soane, p. 212—222.

лия»<sup>182</sup>. Короче, в этих фактах отразились тесные связи алиллахов и гуранов с местной древностью, и не удивительно, что, вопреки своим же утверждениям о происхождении гуранов от дейламитов-гавбарак, в том же исследовании «Гуран» В. Ф. Минорский отмечает двухтысячелетнюю давность их обитания в Южном Курдистане<sup>183</sup>.

Итак, рассмотрев данные об исконности гуранов на территориях их нынешнего обитания, обратимся к вопросу о том, что означает «гуран». Для начала отметим, что «гуран» в «Шараф-наме» трижды прилагается к одному определенному курдскому племени — طایفه گوران — один раз в связи с рассказом о том, что претендент на владение Луристаном, некто Шахверди, в борьбе против Шах-Аббаса собрал вокруг себя «людей из племени гуран»<sup>184</sup>; во второй раз — сообщение о том, что основатель рода правителей Ардалана жил «среди племени гуран»<sup>185</sup> и в третий раз — сообщение, что «корень правителей Брадоста из племени гуран»<sup>186</sup>. Из этих данных видно, что для Шараф-хана Бидлиси «гуран» — это название конкретного племени в том, конечно, значении, что для него обозначало «таифе».

Курдское «племя гуран» давно и подробно описано в научной литературе<sup>187</sup>, в том числе и в специальной статье о них<sup>188</sup>. Не останавливаясь поэтому на его описании, отметим, что еще в «Заметке о гуранах» А. Орлов обратил внимание на то, что в их «племенное устройство», наряду с собственно гуранскими «родами» типа кальхани, туфенги, бибияни, гехвара, симани, наиринеш и другими, входят и джафы —

<sup>182</sup> Шамим Хамадани. Курдистан. Тавриз, 1312, стр. 22. Впрочем, Кытиб Челеби выводит это название от Шари-Фируз, которое означает «Город Фируза» или, как думает О. Л. Вильчевский («Курды. Введение...», стр. 98), «Победа Фируза», — «победа» опосредственно через «война» — «шар». Шахрезур некогда именовался Нимрах — «Половина пути», ибо находился на полпути из Шиз в Мадани (см. В. В. Бартольд. Иран, 1903, стр. 138). По названию города, ныне разрушенного, и его округа именуется Шахризуром или Шаризул по-курдски, — Шамим Хамадани, стр. 22.

<sup>183</sup> Коротко об этом, — В. Никитин. Курды. М., 1964, стр. 200.

<sup>184</sup> «Шараф-наме», каирское изд., стр. 82.

<sup>185</sup> Там же, стр. 118.

<sup>186</sup> Там же, стр. 382.

<sup>187</sup> Кроме цитированных работ Роулинсона, Бодде, Соутгате и др. см. также: К. Ritter. Erkunde, IX. s. 466—473.

<sup>188</sup> А. П. Колпаков. Курды племени гуран. «Советская этнография», № 4, 1949.

таишей, нереджи, кадыр-мир-уэйси и ряд других групп курдов<sup>189</sup>, в том числе суннитов.

Как видно, в гуранах, даже в самом узком понимании этой общности, мы имеем дело не с кровнородственной племенной единицей, а с общностью более широкого порядка, включающей в себя ряд других и негуранских элементов. Этот вывод особенно наглядно иллюстрируется на примере взаимосвязей гуранов и соседних им кельхоров, тем более важно, что речь идет об одном из трех «кысмов» курдского народа. Итак, кто такие кельхоры и какое они имеют отношение к гуранам?

Как известно, под названием «кельхор»,—а не «калхор», как в переводе «Шараф-наме»<sup>190</sup>,—фигурирует крупное объединение курдов, обитающих на юго-западе Керманшахана с центром в местечке Гилян на юг от Касре-Ширин<sup>191</sup>. Отмечая, что основная масса кельхоров—али-иллахи и что они делятся на две группы—шахбази и мансури, К. Риттар добавляет, что первые расселяются в районе от Махидешта до Мендели, а вторые—в Гилане, Эйване и Дерне<sup>192</sup>. Не касаясь намеков на то, что-де «кельхор» происходит от названия одного из их центров Канхар<sup>193</sup>, связываемого с древним Ганхара, отметим этимологию, которую дает «кельхор» Ихсан Нури от древнеиранского имени Лухрасб: оказывается, если прибавить к нему элемент «кей» и отбросить «асб», получится «кей-лухр», а тут недалеко и до «кельхор»<sup>194</sup>. Независимо от этой версии в доказательство древности кельхоров можно сослаться на распространенную среди них версию, что ле-

---

<sup>189</sup> См. А. Орлов, «Материалы по изучению Востока», вып. 2, Пг., 1915, стр. 183—184.

<sup>190</sup> Отметим, что ввиду отсутствия квалифицированной курдоведческой консультации это издание полно этнонимических и топонимических искажений типа того, когда «рожки» превращается в «рожаки», а «модки»—в «мудаки». Приведя этимологию Бидлиси, что «гельбаги» происходит от тюркского «гель бага», означающего «приди в сад», издатели тем не менее транскрибируют это название «гулбаги» (стр. 15), что означает не то «цветок сада» не то «раб сада». Общеизвестно, что носовое тюркское «н», в том числе и в «бин» (тысяча) обозначается буквой «каф», однако, вопреки этому, название Бин-гёль, означающее «тысяча озер», превратилось в Бикгель (стр. 400), а «Армянское ущелье»—Хайоц-дзор—в ничего не означающее «Хайоцсор» и т. д. и т. п.

<sup>191</sup> См. «Китаб-е тарих-е Мардух», I, стр. 105; описание кельхоров Г. Роулинсона, JRGS, v. X, 1841, p. 36—46.

<sup>192</sup> К. Ritter. Erkunde, IX, s. 282.

<sup>193</sup> См. «Курды и их этническая и историческая принадлежность», стр. 33.

<sup>194</sup> Ихсан Нури, стр. 28.

гендарный Фархад, вырубивший ради Ширин родник в скале, был родоначальником кельхоров или даже происходил из этого племени<sup>195</sup>. Рассказывая об этом, Шараф-хан Бидлиси в другом месте пишет, что кельхоры составляют три ветви и свою родословную возводят к Гударзу, сыну Гива: «Во времена кейанидских монархов Гив был правителем Вавилона, который известен (под названием) Куфы. У него родился сын по имени Рухам, который по приказу кейанида Бахмана повел войска на Иерусалим и Египет и учинил многочисленные погромы и убийства... Историки называли его Бахт ан-Насром. Позднее Бахт ан-Наср занял султанский трон и с того времени управление той страной принадлежит их потомкам. Ашират их называют гуран»<sup>196</sup>. Обходя попытки историцизирования этой версии<sup>197</sup>, равно как и знакомые нам, как говорит Сон, «фантастические гипотезы Роулинсона» об иудействе кельхоров, отметим его свидетельство, что кельхоры, «подобно нескольким другим южным племенам, утверждают, что они происходят из Шираза и являются персами из южных провинций»<sup>198</sup>. Впрочем, Сон находит, что нет причин отрицать, что кельхоры—это курды.

В этой связи возникает вопрос об этнической их принадлежности, особенно если иметь в виду мнения некоторых авторов о «чистоте крови этих кельхоров»<sup>199</sup>. Исходя из убеждения в их этнической и языковой самобытности, В. Ф. Минорский доказывает, в частности, что язык кельхоров отличается от гуранийской речи<sup>200</sup>. Но, вопреки мнениям об их самобытности и отличии кельхоров от гуранов, перед нами цитированное свидетельство Шараф-хана Бидлиси: «ашират их называют гуран». Из него следуют гуранско-кельхорские взаимосвязи; другое дело—вопрос о том, гураны происходят от кельхоров или, наоборот, кельхоры принадлежат к гуранам? Отвечая на него, Г. Роулинсон считал, что гурано-кельхорские связи имеют в основе кельхорскую принадлежность гуранов<sup>201</sup>, но это мнение тут же встретило возражение В. Дителя, который доказывал, что кельхоры—это обособившееся от гуранов племя<sup>202</sup>.

<sup>195</sup> См. В. Дитель, «Библиотека для чтения», т. 119, ч. VII, 1853, стр. 10.

<sup>196</sup> «Шараф-наме», I, М., 1964, стр. 364.

<sup>197</sup> См. Ихсан Нури, стр. 28.

<sup>198</sup> E. B. Soane, p. 387.

<sup>199</sup> А. Орлов, «Материалы...», стр. 162.

<sup>200</sup> См. В. Ф. Минорский. Курды. Заметки и впечатления. 1915, стр. 14.

<sup>201</sup> Об этом,—П. Лерх. Исследования об иранских курдах..., кн. I, стр. 99; В. Никитин. Курды. М., 1964, стр. 199.

<sup>202</sup> В. Дитель, там же, стр. 13, 27.

Ответить на вопрос о том, кто от кого произошел—кельхоры от гуранов или наоборот, тем более трудно, что Шарафхан Бидлиси о них говорит как о двух одинаково древних курдских «первоплеменах»; что население полосы от Рабата до Ханекина—это, как отмечает Т. Вахби, «смесь гуранов и кельхоров»<sup>203</sup>. Но тут нам на помощь приходит одно довольно любопытное явление. Описывая последствия вытеснения турками кельхоров из их исконных территорий в Зохабе, А. Орлов обратил внимание на то, что «вскоре после этого кельхоры приняли имя гуранов, которое ранее прилагалось вообще к курдскому крестьянству, и разделились на 3 колена»<sup>204</sup>. Аналогичную картину Сон наблюдал и в отношении джафов, когда, оседая и лишаясь феодально-аширатной структуры, они начинают именоваться джаф-гуранами<sup>205</sup>.

Вопрос о причинах такого «превращения» давно стоит в науке. Пытаясь объяснить их, Сон говорит об «обстоятельствах, когда ряд подразделений племени джаф и кельхор начинает искать защиты племени гуран и принимать его имя»<sup>206</sup>. Как видно, гуранизацию джафов и кельхоров Сон оценивает как простое их «вхождение» в «племенное устройство» гуранов и восприятие их названия<sup>207</sup>. Но в действительности дело здесь значительно сложнее. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить замечание А. Орлова, что название «гуран» прилагалось «вообще к курдскому крестьянству» и что речь у него идет о кельхорах, изгнанных турками с исконных их территорий. Неслучайно и то, что, говоря о вошедших в состав гуранов джафах, источники неизменно добавляют, что это «обедневшие» джафы. Короче, речь идет о том, что в рассмотренных фактах мы имеем дело не с простым вхождением кельхоров и джафов в «племенное устройство» гуранов, а с их гуранизацией в социальном смысле,— тем процессом, который английские авторы именуют «детрайблизацией»<sup>208</sup>, когда в результате распада феодально-аширатной структуры «обедневшие» аширатные курды-скотоводы, оседая, вливаются в состав земледельческого населения<sup>209</sup> и «превращаются» в гуранов. В этой связи возникает вопрос о том, что в данном случае означает «гуран» и обозначением кого он служит?

<sup>203</sup> Т. Вахби, стр. 22.

<sup>204</sup> А. Орлов, стр. 183.

<sup>205</sup> E. B. Soane, p. 380.

<sup>206</sup> Цит. по: В. Никитин, стр. 262.

<sup>207</sup> См. E. B. Soane, p. 381—382.

<sup>208</sup> Например: S. H. Longrigg. Iraq, London, 1956.

<sup>209</sup> См. Г. Б. Акопов,—«Известия АН Арм. ССР», № 5, 1964, стр. 66.

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, что курдское феодальное общество делится на два сословия: входящее в военно-феодальные образования—ашираты<sup>210</sup> сословие «племенных» или аширатных курдов и находящееся в феодальной от нее зависимости сословие «неплеменных» курдов-райатов<sup>211</sup>. Отмечая, что аширатные курды—это в основном скотоводы, голландский востоковед XIX в. Хедин добавлял, что им противостоял «второй класс горанов, занимающихся земледелием»<sup>212</sup>. Некоторые исследователи,—писал один из русских авторов начала XX в.—«усматривают в неплеменных курдах особую народность и называют их гуранами; но это совершенно не справедливо: гуран или горан значит «пастух» и прилагается к простым курдам как презрительное выражение»<sup>213</sup>. Факт этот, известный еще во времена К. Рича и Ф. Шармуа<sup>214</sup>, общепризнан и в современном курдоведении<sup>215</sup>. Исходя из него, В. Никитин пишет, что название «гуран» среди курдов имеет двоякое значение: с одной стороны, в узком смысле, «как название одного из племен» и с другой, в широком смысле,—как обозначение «определенного общественного класса» у курдов<sup>216</sup>.

Отсюда следует, что «гуран», подобно «курмандж» на севере, служит обозначением всего оседлого вообще земледельческого населения Южного Курдистана<sup>217</sup>. Говоря в этом плане о его языке, Сон отмечает, что «эта теория объясняет, почему значительная часть племени гуран—оседлая часть—говорит на этом диалекте. Кочевники же говорят определено на курдском наречии»<sup>218</sup>. Это означает, что в языковом отношении исконно гуранийское население и курды Южного Курдистана исторически принадлежат к двум разным этническим группам<sup>219</sup>.

Нет надобности доказывать, что в такой оценке этниче-

<sup>210</sup> См. Али Галавеж,—«Тр. Ин-та экономики АН Азерб. ССР», т. 4, 1958, стр. 47—65.

<sup>211</sup> См. *Wagner*. М. II, s. 235.

<sup>212</sup> Хедин. Через Персию, Месопотамию и Кавказ. СМА, № 30, 1880, стр. 96.

<sup>213</sup> «Кавказ», № 251 от 23 сентября 1900.

<sup>214</sup> *F. Charney*. Cheref-Nameh, t. I. pt. 2, S-Pb. 1870, p. 27, 209—210.

<sup>215</sup> См. В. Ф. Минорский. Курды. Заметки и впечатления, стр. 14.

<sup>216</sup> В. Никитин. Курды. М., 1964, стр. 199.

<sup>217</sup> См. Д. Н. Маккензи,—«Народы Азии и Африки», № 1, 1963, стр. 164; *V. Stephan*. Kurmanji and the kurds. „Near East and India“, N 692, 1924, p. 169.

<sup>218</sup> *E. B. Soane*. p. 381—382.

<sup>219</sup> См. В. Ф. Минорский,—«Материалы...», стр. 182.

ской принадлежности изучаемого населения есть элементы расистских концепций буржуазной науки, которая считает, в частности, что собственно курды—это представители «высшей» ариа-иранской расы, в то время как гураны являются всего лишь иранизированными потомками древних обитателей страны. Но эти концепции не выдерживают критики, ибо социальная структура курдского, как, впрочем, и любого другого, общества определяется не расовыми факторами, а развитием в нем классовых отношений<sup>220</sup>. Отсюда неудивительно, что Троттер, например, выступая в «теоритическом» плане сторонником этих концепций, когда дело касается конкретных фактов, вынужден признать, что лично он не находит разницы между аширатными и райатными курдами<sup>221</sup>. Не менее типичны в этом отношении взгляды В. Ф. Минорского: утверждая, что-де райат в Курдистане—это «отличная раса», чем аширатные курды, он приводит факты о племени баней<sup>222</sup>, которые отвергают эту «теорию». Вытекающая отсюда «моногомичность» курдского народа—это факт, известный всем свободным от расистских концепций русским<sup>223</sup> и армянским исследователям<sup>224</sup>, не говоря о курдских историках<sup>225</sup>. Она находит подтверждение в данных этнографии населения Южного Курдистана, где, как мы видели, гуранами именуются не только оседлые, но и аширатные курды «племени гуран».

Этот факт показывает, что какая-то группа гуранского населения, обособившись в ашират, продолжает носить исконное название «гуран», в то время как другие его группы, формируясь в ашират, именуются не гуранами, а по названиям главенствующих фамилий или по наименованию районов их расселения<sup>226</sup>. Отсюда—свидетельство В. Никитина, что «гураны—земледельческий народ в Ардалане и несколько кочевых племен к югу от Ардалана и на северо-западе Керманшаха»<sup>227</sup>. Это означает, что кроме «племени гуран» в Южном Курдистане есть еще «несколько кочевых племен», принадлежащих к гуранам, хотя и не именующихся гуранами.

<sup>220</sup> Г. Б. Акопов. Критическая история проблемы происхождения курдов. Ереван, 1969, стр. 28—29.

<sup>221</sup> Троттер. Мало-азиатские курды. ИКОИРГО, кн. VII, 1882, стр. 9.

<sup>222</sup> См. В. Ф. Минорский,—ИШКВО,—20, 1907, стр. 34—55.

<sup>223</sup> Ф. Чернозубов. Ардалан или Персидский Курдистан, ИШКВО, № 30, 1913.

<sup>224</sup> Միւմ Տեր-Մանուկեան, Եզդիի կուրմանի, Ախլցիկ, 1911.

<sup>225</sup> Например,—Ихсан Нури, стр. 91.

<sup>226</sup> См. В. Диттель,—«Библиотека для чтения», т. 119, ч. VII, 1853, стр. 14.

<sup>227</sup> В. Никитин. Курды. М., 1964, стр. 224.

На первый план тут выдвигается вопрос о кельхорах, относящихся, как мы видели, к исконному гуранскому населению Южного Курдистана. Речь при этом идет не только о собственно кельхорах, но и об отдельных их подразделениях. По свидетельству Шараф-хана Бидлиси, они делятся на три ветви, различающиеся по территориям расселения: палангани, дартанги и махидешти<sup>228</sup>. Поэтому, чтобы определить пределы расселения кельхоров, нам надлежит сделать экскурс к вопросу о локализации районов Полангана, Дартанга и Махидашта, тем более необходимый, что в комментариях к русскому переводу «Шараф-наме» допущены такие «открытия», когда паланганская крепость Мур оказывается в районе Сомай на запад от... озера Урмия, а другая крепость—Навдиз, со ссылкой на Мустоуфи Казвини (!),—на восток от... Тавриза. Не лучшая участь постигла кельхоров—дартанги,—определяя месторасположение принадлежащей им крепости Кала-Зенджир, издатели «Шараф-наме», поверив Р. Кер-Портеру, забросили ее в... армянскую область Салмаст<sup>229</sup>. Что же касается другой дартангской крепости Равансар, то ее локализация просто курьезна: дело не только в том, что в тексте она названа Завансар<sup>230</sup>, но и в утверждении в комментариях, что-де «Равансар—в настоящее время округ и город в Иранском Азербайджане, к югу от Сенендеджа,<sup>231</sup>—«Иранский Азербайджан к югу от Сенендеджа»...

Не имея возможности останавливаться на локализации отдельных крепостей, мы должны отметить, что необходимости в таких «плаваниях» в географии нет. Дело в том, что говоря о кельхорах Дартанга, Шараф-хан Бидлиси прямо указывает, что Дартанг «в начале назывался вилайетом Хольван»<sup>232</sup>, речь идет о знакомом нам древнем городе с округой на территории нынешнего Керманшахана; в средневековые источники, а также в современную литературу это название вошло в форме Эльванд<sup>233</sup> и обозначает долину реки под этим названием на западе Керманшахана; возвышающаяся над ней гора известна как один из пунктов высадки Ноя<sup>234</sup>.

Не более трудно локализовать территории кельхоров-

<sup>228</sup> «Шараф-наме», I, М., 1967, стр. 364—367.

<sup>229</sup> Там же, стр. 532.

<sup>230</sup> Там же, стр. 366.

<sup>231</sup> См. там же, стр. 532.

<sup>232</sup> Там же, стр. 366.

<sup>233</sup> См. В. Ф. Минорский, —«Материалы...», стр. 163.

<sup>234</sup> См. В. Диттель, —«Библиотека для чтения», т. 95, ч. I, май 1849, стр. 18.

махидашти. Речь идет о кельхорах, обитающих на обширной равнине Махидашт по обе стороны ирано-иракской границы на север от Ханекина<sup>235</sup>. Сложнее обстоит дело с районом Паланган, ибо название это до нас не дошло. Впрочем, река Эльванд имеет приток Палкана, и если локализовать паланганские территории, окажется, что едва ли не все они находятся в бассейне этой речки. Шараф-хан Бидлиси пишет, что «к крепостям и округам, которые принадлежали тому народу, относятся крепости Див-диз, Нав-диз, Диземан, Гувах-гуз, Мур, Галана, Ношур и Маравидиман». Все эти крепости легко локализируются в полосе, тянувшейся на север от луристанского Поште-куха к дарганским крепостям Паве и Раванеср и далее к крепости Алани<sup>236</sup> в одноименном районе на юге Центрального Курдистана.

Из этих данных видно, что кельхоры обитали в долинных и равнинных районах на западе нынешней области Керманшахан, доходя, если верить Ричу, до Авромана и соседнего Сулеймание<sup>237</sup>. Вопреки мнениям об их «чистоте», кельхоры,—пишет Э. Б. Сон,—это «тесное слияние» различных элементов, которые носят одно общее название<sup>238</sup>. К ним, в частности, принадлежат курды района Эйвана на юг от Гилана, которые «управляются отдельной отраслью курдского племени кельхор»<sup>239</sup>. Интересно, что название Эйван в форме Аван встречается в памятниках шумерской эпохи<sup>240</sup>, а это означает, что в названии «эйвани» мы имеем один из древнейших «этнонимов». Но тут вот что важно: название «эйвани» относится к оседлому райатному населению, что же касается аширата, то оно именуется «кельхор». То же мы наблюдаем в других районах, где независимо от «кельхорского» аширата земледельческое население именуется по названиям районов своего расселения. Так, в Холване оно именуется «холвани», в Гилане—«гилани»; точнее говоря, курды-гилани состоят из «ханского рода» и его райата «ширекия»<sup>241</sup>, название которого, как нам объяснили на месте, происходит от «шарик»,—«общинник» и... «язычник».

Итак, кельхоры—это выделившаяся в ашират часть гуранийского населения Южного Курдистана, которое, как

<sup>235</sup> См. Шамим Хамадани, Курдистан. Тавриз, 1312, стр. 22.

<sup>236</sup> См. «Шараф-наме», I, М., 1967, стр. 364—366.

<sup>237</sup> *Cl. Rich. Narrative...* I, p. 217, 281.

<sup>238</sup> *E. B. Soane*, p. 382.

<sup>239</sup> Об этом ханстве,—«Материалы...», вып. 2, стр. 320.

<sup>240</sup> Речь идет об одном из крупных эламских центров,—*G. G. Cameron. History of Early Iran. Chicago, 1936.*

<sup>241</sup> «Материалы...», вып. 2, стр. 163.

мы видели, по мере разложения феодально-патриархальных отношений и соответствующих им «родо-племенных» институтов вновь «превращается» в гуранов. Этот процесс не менее наглядно прослеживается на истории других групп населения Южного Курдистана, в том числе и обитающих рядом с кельхорами курдах «племени» сенджаби<sup>242</sup>. Их история тем и интересна, что процесс формирования гуранов в это «племя» и «возвращения» сенджабинцев в гураны протекает на наших глазах<sup>243</sup>. Поэтому коротко остановимся на их истории.

История курдов-сенджаби хорошо освещена в литературе<sup>244</sup>. Нам поэтому остается отметить лишь, что сенджаби не упоминаются в «Шараф-наме», и это означает, что такого «племени» в XVI в. не было. Из данных источников известно, что Керим-хан Зенд в XVIII в.<sup>245</sup> отвел какую-то часть населения Южного Курдистана в Фарс и там предки сенджабинцев,—предки, а не они сами,—жили рядом с курдами-зангене около Шираза. Обратное в Курдистан их привел Бахтияр-хан; при его сыне Хасан-хане сенджабинцы «обособились в отдельное племя»<sup>246</sup>. Касаясь их названия, М. Мукри пишет, что оно происходит от «сенджаб»—«белка» и что это имя они получили во время англо-иранской войны из-за Герата, куда явились одетыми в куртки из беличьих шкурок.

Но дело не только в том, что «племя» сенджаби сформировалось недавно. Не менее интересен вопрос о его составе. Отмечая, что число «чистых сенджаби» незначительно, А. Орлов приводит список ряда гуранских и джафских «родов», которые вошли в это «племя»; более того, в его составе мы находим и некоторые лурские «роды». Это означает, что данное «племя» сформировалось из разных как гуранских и курдских вообще элементов, так и лурских; что их консолидация в одно «племя» имела место в период, когда этот феодально-аширатный институт был на подъеме. Когда же начался его кризис, сами сенджабинцы оказались в составе других «племен»<sup>247</sup>. Так, Э. Б. Сон отмечает большую группу сенджаби среди кельхоров, и тут мы имеем дело с их кельхоризацией и, следовательно, гуранизацией. Впрочем, В. Ф. Минорский говорит и об их непосредственной гуранизации, отмечая, что, вернувшись на родину, сенджабинцы

<sup>242</sup> О нем,—Али Размара. Керманшахан, стр. 22—23.

<sup>243</sup> См. Г. М. Петров. Некоторые данные для характеристики курдов сенджаби в Иране. «Советская этнография», № 1, 1952.

<sup>244</sup> Доктор Мукри. Племя сенджаби. Тегеран, 1333.

<sup>245</sup> ۱۹۰۰ خدایهدایت، تاریخ زندیه، تهران

<sup>246</sup> А. Орлов,—«Материалы...», вып. 2, стр. 172—173.

<sup>247</sup> E. B. Soane, p. 381—384.

«соединились с гуранами» и что «этим объясняется, вероятно, и их али-иллахство»<sup>248</sup>.

Имея эти факты гуранской принадлежности двух наиболее крупных групп населения Южного Курдистана, мы не можем не задаться вопросом об этнической принадлежности других его групп. Чтобы ответить на него, перенесемся на другой конец Южного Курдистана, в район Меривана<sup>249</sup>. Касаясь его населения, А. Орлов отмечает, что мериванцы— это «народность, говорящая на особенном каком-то старом персидском наречии»<sup>250</sup>. Опираясь на исследования О. Манна о языке населения этих районов<sup>251</sup>, В. Ф. Минорский так комментирует данный вывод: «в Мериване (и у соседнего на востоке племени Тилякуи) начинается полоса курдского наречия «курдистани», на котором говорят во всем «персидском Курдистане» (генерал-губернаторство Сенне). Севернее (от Бане) господствует другое курдское наречие: мукри, к которому тесно примыкает наречие сулейманийское и другие, к югу от Меривана лежит область наречия «аорами» (авроманского), относящегося, по-видимому, к персидским, а не курдским наречиям»<sup>252</sup>; под «персидским» нужно, очевидно, разуметь «иранские наречия».

Из этого свидетельства видно гуранство не только мериванцев, но и всего населения юга Курдистана. Чтобы убедиться в этом, обратимся к наречию, которое далее он называет «оазисным»—авроми, а Сон, говоря о его носителях-авроманцах, отмечает, что авроманские предания гласят, что они «персидского происхождения» и что сами авроманцы, «не считая себя за курдов, называют себя аорами... обычан и характер их так же обособлены, как их территория»<sup>253</sup>. И далее, отмечая, что «и облик их и манеры—не курдские», Сон свидетельствует, что авроманцы «отрицали за собой курдское происхождение и называли себя «фарсани кохангхи»—«персами в древности»<sup>254</sup>. В свою очередь генерал Размара свидетельствует, что в авроманских летописях приводится версия, что они—народность армянского происхождения»<sup>255</sup>.

Впрочем, все это, конечно, предания, ибо тот же В. Ф.

<sup>248</sup> В. Ф. Минорский, «Материалы...», вып. 2, стр. 172.

<sup>249</sup> Об этом районе,—Али Размара. Курдистан, стр. 1324.

<sup>250</sup> «Материалы...», вып. 2, стр. 172—173.

<sup>251</sup> О. Mann. E. Kurdishch-Persischn Forschungen, Bd. II Berlin, 1930.

<sup>252</sup> «Материалы...», вып. 2, стр. 213.

<sup>253</sup> E. B. Soane, p. 377.

<sup>254</sup> Там же, стр. 172. Об авроманская диалекте см.: D. N. Mackenzie. The dialect of Avroman. Kobenhavn. 1966.

<sup>255</sup> Али Размара. Курдистан, стр. 21.

Минорский свидетельствует, что авроманцы были того мнения, что они—«местного происхождения»<sup>256</sup>. Другое дело вопрос об их «особом языке», говоря о котором, Е. Б. Сон пишет: «Язык их, который я впоследствии изучил и потом прочел ряд рукописей, несомненно не курдский»<sup>257</sup>. Неслучайно, выделяя его из среды других курдских диалектов и наречий, О. Манн и вслед за ним В. Ф. Минорский приходят к тому выводу, что «вряд ли авроманцы по языку и т. д. могут быть причислены к курдам в строгом смысле слова». И далее: «По-видимому, как и гураны, они относятся к остаткам какого-то другого иранского народа»<sup>258</sup>. Через несколько страниц, относя авроманское наречие к числу центральноиранских, В. Ф. Минорский вновь подчеркивает его близость к речи населения соседних районов и в частности «гуранскому диалекту»<sup>259</sup>. Более того, некоторые исследователи полагают, что именно в авроманском диалекте нужно видеть тот «древнекурдский язык», от которого отпочковались все другие курдские диалекты и наречия<sup>260</sup>.

В этих свидетельствах интересно не только то, что, обособляя авроми от курдского, его исследователи приходят к признанию гуранийской принадлежности этого диалекта и даже мнению, что авроми—это основа курдского языка. Не менее важен и тот факт, что, вопреки взглядам, как говорит Д. Н. Маккензи, о его «полной изолированности»<sup>261</sup>, на деле оказывается, что авроми—это не изолированное наречие. Исследовавший его А. М. Бенедиксен находит, в частности, что речь авроманцев не отличается от того языка, на котором говорит население прилегающих к Авраману районов вплоть до знакомой нам кельхоро-дартаганской крепости Паве<sup>262</sup>. Касаясь этого же вопроса, В. Ф. Минорский пишет, что авроманская речь «захватывает округ Паве, на левом берегу р. Силвана и деревни Шахрезура вплоть до Гулипа; ввиду этого можно предположить, что территория Аврамана была больше»<sup>263</sup>. Но дело было не в том, конечно, что «территория Аврамана была больше», а в том, что язык его населения принадлежит к группе гуранийских наречий. Недаром, изу-

<sup>256</sup> «Материалы...», вып. 2, стр. 356.

<sup>257</sup> E. B. Soane, p. 172.

<sup>258</sup> В. Ф. Минорский,—«Материалы...», вып. 2, стр. 351.

<sup>259</sup> Там же, стр. 356.

<sup>260</sup> См. «Китаб-е тарих-е Мардух», I, стр. 41.

<sup>261</sup> Д. Н. Маккензи,—«Народы Азии и Африки», № 1, 1963, стр. 164.

<sup>262</sup> A. M. Benedicson. Les dialectes d'Aovroman et Pave. Copenhagen, 1921.

<sup>263</sup> В. Ф. Минорский,—«Материалы...», вып. 2, стр. 365.

чая гурани, О. Манн ставит вопрос о его *besonders*—«кандульских, авроманских и баджланских разновидностях»<sup>264</sup>.

Интересно в этой связи обратить внимание на одну тенденцию во взглядах Маккензи. Выше мы говорили о его мнении, что авроми—это «полностью изолированный диалект»; касаясь кандулаи, он пишет, что это наречие относится не к гурани, а к какому-то «керманшахи». Однако, вопреки этим своим взглядам, в другом месте Д. Н. Маккензи пишет, что авроми—это один «из диалектов гурани или, по крайней мере, из близко родственных им диалектов». Отсюда неудивительно, что в третьем случае авроми, как и кандулаи, выступают у него уже не как особые диалекты, а в роли «говоров гурани»<sup>265</sup>.

Но дело не только в языке. Не менее важно, что связи авроманцев с обитающими на юго-восточной окраине Керманшахана курдами кандулаи находят подтверждение и в других фактах. Одна из древних легенд гласит, что некогда на горе Демавенд жили два брата—Авраман и Кандул, они не поладили с царем Дарием и тот изгнал их в Курдистан; Авраман пошел в горы на запад и дал начало авроманцам, а Кандул—на юго-восток и дал начало курдам-кандули<sup>266</sup>. Приведя эту легенду, Сон отмечает, что эти курды говорят «на сходном аорами диалекте». Немногим ниже он свидетельствует: «Теперь есть предположение, что эти территории (между Авраманом и Кандовле.—Г. А.) населяло оседлое племя, называвшееся гуран и говорящее на вышеупомянутом диалекте, который до сих пор в ходу среди оседлых племен Авромана, Кандовле и Ризо. Язык этот и сейчас является до некоторой степени классическим языком племени Ардалан и применяется в богатой поэзии. Этот язык называется аорами или же шахрезури»<sup>267</sup>...

В этом свидетельстве обращает на себя внимание тезис, что гурани—это «классический язык племени Ардалан». Речь идет об области, охватывающей почти половину Южного Курдистана, которая еще в XIX в. включала в себя Джаванруд, Авроман, Мериван, Гасанбад, Эсфендабад и Бане<sup>268</sup>. Неслучайно, говоря об Иранском Курдистане, имеют в виду именно Ардалан<sup>269</sup>; иранская административная система

<sup>264</sup> O. Mann. *Kurdishch-Persischen Forschungen*. Bd. II. *Mundarten der Guran, besonders des Kandulal, Aurumani und Badschiani*. Berlin. 1930.

<sup>265</sup> Д. Н. Маккензи, стр. 164—166.

<sup>266</sup> См. E. B. Soane, p. 377.

<sup>267</sup> Там же, стр. 381—382; В. Никитин. *Курды*. М., 1964, стр. 262.

<sup>268</sup> См. Cl. Rich, I, p. 217.

<sup>269</sup> См. Ф. Чернозубов. *Арделян или Персидский Курдистан*. ИШКВО, № 33, 1913.

по традиции эту область именует Курдистаном<sup>270</sup>. Количество населения Ардалана Рич исчислял в 455 тыс. человек, и если учесть, что количество курдов Ирана источники его времени определяли в пределах до 1 млн. человек, станет очевидным, что ардаланцы составляли половину курдского населения Ирана и вообще Южного Курдистана<sup>271</sup>. Отсюда—особый интерес вопроса об этнической их принадлежности.

Начнем с того, что при отсутствии других расшифровок названия Ардалан мы объясняем его как производное от курдского «ард»—«земля» и этнонима алан<sup>272</sup>. Такая расшифровка тем и интересна, что на запад от Ардалана располагается ряд пунктов, имеющих в своей основе элемент «алан», в том числе отмеченная кельхорская крепость Алани, район Алан, гора Алан и т. д.<sup>273</sup> Если к этому добавить наличие «алан» в курдской этнонимике<sup>274</sup>, станет ясным, что моногеничность ардаланов и соседних с ними групп курдского населения имеет глубокие корни, окрепшие в средние века, когда все эти территории оказались объединенными в одно из крупнейших феодальных образований Курдистана, Ардаланское княжество<sup>275</sup>. Отсюда неудивительны тесные исторические связи ардаланцев с их соседями и, в частности, с авроманцами<sup>276</sup>.

Обращаясь к вопросу об этнической принадлежности населения Ардалана, вспомним, что обособляя эту область от Гурана, Шараф-хан Бидлиси тем не менее связывал правящую в ней династию с гуранами<sup>277</sup>, хотя и тут же отмечал, что династия ардаланов имеет курдское, в курманджийском смысле, происхождение. Интересны в этом плане мнения исследователей XIX в., в том числе Кеннейра<sup>278</sup> и Рича, что в то время как династия ардаланов—это курды, основное население Ардалана является гуранийским<sup>279</sup>. Неслучайно, что и Риттер отмечал, что население этой области принадле-

<sup>270</sup> См. Али Размара. Курдистан. Тегеран, 1320, стр. 45—47.

<sup>271</sup> *Cl. Rich*, I, 177. *B. Nikitine*. Les villes d'Ardelan. RMM, v. XLIX, 1922. p. 70.—104.

<sup>272</sup> Г. Б. Акопов. Критическая история проблемы происхождения курдов, стр. 19.

<sup>273</sup> См. «Очерк истории курдов и Курдистана», т. 1, стр. 7.

<sup>274</sup> См. МИВ, вып. 2, 1915, стр. 46.

<sup>275</sup> См. «Шараф-наме», I, М., 1967, стр. 146—152.

<sup>276</sup> См. *Cl. Rich*, I, p. 202.

<sup>277</sup> «Шараф-наме», стр. 146.

<sup>278</sup> *J. M. Kinneir* *Memories geographiques sur l'empire de Perse*, t. 1, S-Pb 1827, p. 209—216.

<sup>279</sup> *Cl. Rich*, I, p. 320; *E. B. Soane*. The southern kurds. JRCAS, v. IX. 1922.

жит «к ветви гуран»<sup>280</sup>. К гуранам его относят и такие курдологи, как Сон, Никитин и ряд других современных исследователей.

Итак, установив гуранскую принадлежность населения Ардалана и таких входящих в его состав районов, как Джаванруд, Мериван и Авромац, равно как обитающих на юге от этой области в Керманшахане кельхоров, в том числе и эйванских, кандулинцев, сенджабинцев и других групп населения Южного Курдистана, мы имеем возможность утверждать, что в целом оно принадлежит к одному, именно гуранскому элементу. Факт этот был осознан давно. Основываясь на данных Ибн Фадл-Аллаха, еще Куатреме писал, что на всем пространстве от Шахрезура до Хамадана, охватывая южные районы современного Иракского Курдистана, области Керманшахан и Ардалан, обитало одно, состоящее из воинов и хлебопашцев племя гуранов—*الگورانیه*<sup>281</sup>. Недаром, отмечая, что на очерченных территориях распространен один гуранийский диалект, Т. Вахби добавляет, что их население одного, именно гуранского происхождения—*كلهم گورانیة الاصل*<sup>282</sup>.

Вопреки мнениям, что «курдские диалекты» ничем не связаны друг с другом<sup>283</sup>, факт их общей гуранийской основы и гуранийской вообще принадлежности населения Южного Курдистана, точнее консолидации различных его групп в одну гуранийскую общность нами был доказан около двух десятилетий назад. При этом мы исходили из того, что несмотря на некоторые особенности, язык этого населения в целом принадлежит к одному диалекту, закрепленному в литературе<sup>284</sup>. Другое дело, что этого не хотят признавать некоторые иранские и западные авторы,—отрицая национальную самобытность курдского народа, они отрицают существование особого, отличного от персидского, курдского языка. Курдского языка нет,—пишет один из иранских авторов по фамилии... Сенджаби,—есть диалекты курдских племен, которые по отношению к персидскому языку находятся в таком же положении, что и другие его диалекты, и которые ассимилируются персидским языком. В числе «персидских диалектов курдских племен» Сенджаби называет такие, как

<sup>280</sup> К. Ritter. *Erkunde*, IX, s. 622.

<sup>281</sup> E.M. Quatremere, *Notice sur les kurdes. Notice et extrait des manuscrits de la Bibliotheque du roi...*, Paris, 1838. p. 300—307.

<sup>282</sup> Т. Вахби. *Рукопись*, стр. 22, 23, 24.

<sup>283</sup> Одно из недавних высказываний этого типа,—«Кейхан» 12 августа 1969 г.

<sup>284</sup> Г. Б. Акопов. К вопросу о национальной консолидации курдов в Иране. М., 1952, стр. 9, 11.

джафский, авроманский, гуранский, кельхорский, ардаланский<sup>285</sup> и т. д.

Не будем изобличать Сенджаби в «нигилистическом» отношении к языку народа, к которому он «имеет честь принадлежать»,—он сам признает, что курд, не обучавшийся персидскому, не понимает этого языка. Отмечая, что население Курдистана обладает своей курдской речью, Б. Керими добавляет, что «язык этот труден и непонятен персу»<sup>286</sup>. Таким образом, отличие курдского языка от персидского—это факт, который известен и иранским авторам. Обращаясь ко второй стороне взглядов Сенджаби, отметим, что «диалектологические увеличения» свойственны не только ему. Именно они привели Д. Н. Маккензи к акцентированию не того, что роднит речь различных групп южно-курдистанского населения, а того, что обособляет их в разные «диалекты». Говоря о разной степени «их ассимиляции персидским языком или диалектом гурани», Маккензи отмечает трудность «классифицировать многочисленные разъединенные диалекты, сгруппировавшиеся под названием «южнокурдских». В числе таких «диалектов» автор выделяет авроми, кандулан и даже какой-то керманшахи<sup>287</sup>, который является к тому же «наиболее значительным из южнокурдских диалектов»<sup>288</sup>. Короче, речь идет о мнении, что в Южном Курдистане действуют «многочисленные разъединенные диалекты» различных курдских племен.

Ошибочность этих концепций проистекает как из неразличения цитируемых автором понятий диалекта, наречия и говора, так и из игнорирования им тех процессов языковой консолидации населения Южного Курдистана<sup>289</sup>, сведения о которых мы находим в трудах ряда европейских исследователей, в том числе Г. Хорнле и цитирующих его Родигера и Потта<sup>290</sup>. Обобщая мнения предшествующих авторов, П. Лерх называл речь этого населения «южным наречием» курдского языка, отмечая, что это «наречие» делится на ряд «отрас-

<sup>285</sup> Доктор Сенджаби. Курдский вопрос. «Бастан», № 7 от 25 шахривара 1324.

<sup>286</sup> Б. Керими. Древние пути..., стр. XV.

<sup>287</sup> Этот «диалект» автором, видимо, заимствован у других, например: E. B. Soane, Southern kurdish folksong in kermanshahi. JRAS, 1909.

<sup>288</sup> Д. Н. Маккензи, стр. 163—164.

<sup>289</sup> См. Г. Б. Акопов. Некоторые замечания к истории курдского языка. «Рйа-таза». № 75 и 78, 1968.

<sup>290</sup> Цит. по: „Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes“ Bd. III, 1840 s. 11—12.

лей»—«леки, кермандж»<sup>291</sup>, келгури, гуран и лори; племена эти живут в горных долинах Загроша, на юге Сенны и в Керманшахе, вниз до Луристана». И далее, отмечая различия северного и южного наречий, Лерх продолжает, что каждый из этих диалектов—«наречий» делится на ряд местных подразделений,—и «их отрасли и ветви имеют более сродства между собою; кажется, что племена, к которым относятся различные отрасли одного наречия, с легкостью друг друга понимают»<sup>292</sup>. Важно, что вопреки своим «диалектологическим увлечениям», Маккензи тоже нередко объединяет различные южнокурдские наречия в понятие «гуранийские диалекты», имея, очевидно, в виду их общую гуранийскую принадлежность. Более того, он отмечает закрепление этого диалекта в гуранийской литературе и ассимиляцию им других местных диалектов<sup>293</sup>.

Итак, вопреки взглядам о существовании в Южном Курдистане «многочисленных разъединенных диалектов», перед нами распространение одного диалекта со всеми его наречиями и местными говорами на огромном пространстве от восточных районов Керманшахана до западных пределов Шахрезура в Месопотамии и от границ Луристана на юге до Меривана и Ардалана и далее Геруса на севере. Другое дело, что если одни называют его гураны, другие именуют его курдистаны, третьи—аврамы, четвертые—шахрезури и т. д.; отмечая, что на пространстве от Луристана, через Керманшахан и Ардалан, до Хамадана распространены один диалект, В. Диттель называет его ляки<sup>294</sup>. Какое из этих названий исторически более обосновано и правомерно? Ответ на этот вопрос может дать та литература, которая развивалась на рассматриваемом диалекте. Вопрос о ней представляет тем больший интерес, что речь идет о закреплении в ней языка населения Южного Курдистана, следовательно, его лингвистической консолидации; что эта литература вошла в историю под названием «гуранийской»<sup>295</sup>; что она вобрала в себя основные тенденции истории ее создавшего

<sup>291</sup> Видимо, под «кермандж» автор имеет в виду отличный от курманджийского какой-то южный диалект.—П. Лерх. Исследования об иранских курдах..., кн. I, стр. 38, 40.

<sup>292</sup> Там же, стр. 38.

<sup>293</sup> См. Д. Н. Маккензи, стр. 163—164. *A. Christensen. Iranische Dialekte... Aufzeichnungen über kurdische Dialekte (Garrusi, Sennal. Kermansahi. Koruni und Kalun Abdul)* Berlin, 1939.

<sup>294</sup> См. В. Диттель,—«Библиотека для чтения», т. 119, ч. VII, 1853, стр. 14.

<sup>295</sup> В. Минорский,—«Галавеж», № 5, 1944.

населения. Все это обязывает нас коротко остановиться на некоторых вопросах истории гуранийской культуры.

В одной из своих работ И. А. Орбели обратил внимание на популярность тем и образов «Шах-наме» в курдской среде<sup>296</sup>. И действительно, Сон был поражен тем, что встретившийся на дорогах Ирака курд-бедняк из Авромана читал наизусть огромные отрывки из этого творения Фердоуси<sup>297</sup>. Собственно, в этом нет ничего удивительного: вспомним его свидетельство, что Южный Курдистан, в частности Ардалан,—это музей памятников сасанидской эпохи<sup>298</sup>; что многие герои «сасанидского» эпоса жили и действовали здесь и с их именами связаны многочисленные памятники Керманшахана<sup>299</sup>, начиная от Таки-Бастама на востоке и кончая развалинами Касре-Ширина на западе<sup>300</sup>. Все это объясняет причины не только популярности «сасанидского» эпоса в курдской среде<sup>301</sup>, но и того, почему его персонажи для курда—это не отвлеченные образы, а «родоначальники» тех или иных групп курдов: Фархад—кельхоров, Бахрам-Гур—гуранов; почему авроманы объявляют себя потомками Ростема<sup>302</sup>, а пираны—Пира; почему ответвление южных курдов в Ларе возводит свою родословную к армянскому богатырю из «Шах наме» Горгину и т. д. и т. п.<sup>303</sup>

Нет надобности говорить о том, что такая «романтическая почва» не могла не породить тот связанный с «сасанидским» эпосом местный фольклор, различные памятники которого дошли до Европы благодаря А. Хотум-Шиндлеру Е. Б. Сону и другим ориенталистам<sup>304</sup>; путешествуя по Южному Курдистану, К. Рич не только слушал изустные легенды курдских дангбежов, но и искал памятники письменной ли-

<sup>296</sup> И. А. Орбели, — «Фердоуси», АН СССР, 1936, стр. 2.

<sup>297</sup> E. B. Soane. *To Mesopotamia and Kurdistan in disguise*. London, 1926, p. 171—172.

<sup>298</sup> Там же, стр. 376.

<sup>299</sup> См. Г. Б. Акопов. Курды и Багистанская надпись. «Риа-таза», № 2. от 6 января 1968.

<sup>300</sup> См. Керими Бахман. Подробная историческая география Западного Ирана. Тегеран, 1318.

<sup>301</sup> См. Хазнадар Маруф. Очерк истории современной курдской литературы. М., 1967, стр. 156—160.

<sup>302</sup> См. E. B. Soane, p. 377.

<sup>303</sup> См. Г. Б. Акопов. Некоторые аспекты проблемы происхождения курдов в свете данных древнеиранской мифологии. «Востоковедческий сборник», II, стр. 345.

<sup>304</sup> E. B. Soane. *A southern kurdish folksong in kermanshahi dialect*, IRAS, pt. I 1909, p. 35—51.

тературы<sup>305</sup>. Собранный им и другими англичанами коллекция этих памятников столь значительна, что ее описание занимает несколько страниц «Каталога персидских рукописей Британского музея»<sup>306</sup>. Некоторое количество рукописей на языке гурани французский ориенталист К. Хьюар обнаружил в фондах стамбульской Айа-Софии<sup>307</sup>. Немалое их количество нашли О. Мани и русские востоковеды В. Диттель, В. А. Жуковский и особенно В. Ф. Минорский. Все эти находки хранятся в различных хранилищах Европы, но значительная их масса, видимо, исчезла бесследно или еще не открыта. Свидетельством тому может служить изданный недавно М. Мукри один из шедевров «древнекурдской легенды на языке гурани»—романтическая легенда о Бижане и Манидже<sup>308</sup>. Темы того же «сасанидского» эпоса легли в основу ряда творений гуранийской поэзии, начиная от поэмы «Шириш и Фархад» поэта XVII в. Ханайа Кобад<sup>309</sup> и кончая современными<sup>310</sup>.

В курдоведческой литературе распространено мнение, что курманджийская поэзия—наиболее древняя в истории курдской литературы. В том, что она самобытна и «составила основное ядро курдской классической литературы»<sup>311</sup>, нет никакого сомнения, но если речь идет об известных памятниках, то тут нужно сказать, что написанные на курманджи творения Мелан Джебзри относятся к XII в., в то время как наиболее ранние из известных памятников на южнокурдском языке имеют более раннюю историю. Напомним об опубликованных нами «Восьми строках седьмого века»<sup>312</sup>, считающихся, по определению известного иранского поэта и филолога Малак аш-Шоара Бахара, наиболее древним из известных истории памятников литературы на иранских вообще языках<sup>313</sup>.

<sup>305</sup> Об этом,—В. Ф. Минорский. Курды, Заметки и впечатления. Пг. 1915.

<sup>306</sup> *Ch. Rieu*. Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum, v. II. London, 1881, p. 728—734.

<sup>307</sup> См. *G. Huart*. Notice d'un manuscrit pehlevi—musulman de la bibliothèque de Sainte-Sophie à Constantinople. JA, t. XIV, 1889, p. 238—270.

<sup>308</sup> دکتر محمد مکرئ، بیژن و منیجه، پاریس ۱۹۶۰

<sup>309</sup> «Денги гити таза», № 1, 1945, стр. 45—60.

<sup>310</sup> М. Хазнадар, стр. 156—160.

<sup>311</sup> Там же, стр. 23.

<sup>312</sup> Г. Б. Акопов. Восемь строк седьмого века. «Рйа-таза», № 58 (1910) от 20 июня 1967.

<sup>313</sup> См. Г. Б. Акопов. Еще о Сулейманийском пергаменте. «Вестник общественных наук», № 8, 1968.

Эти факты свидетельствуют о древности сложения в интересующем нас районе литературных традиций, которые подготовили почву для появления в XI в. одного из величайших представителей «иранской лирики» Баба Тахира Ур-ьяна<sup>314</sup>. До недавнего прошлого его считали персидским поэтом, но это мнение вызывает ныне возражения, основанные не только на том, что Баба Тахир—выходец из района Хамадана,—поэт принадлежит тому народу, который признает его: еще в XIX в. Ростем-хан Донбули с гордостью писал, что Баба Тахир—курдский поэт<sup>315</sup>; его имя стоит первым в «Истории курдской литературы» Ала эд-Дина Седжади<sup>316</sup>. Оно и понятно: отмечая отличие языка творений Баба Тахира от персидского, исследователь его творчества К. Хьюар находит его близость к юго-западным иранским диалектам, в том числе и гуранийскому языку<sup>317</sup>.

Особо следует отметить тот факт, что Баба Тахир считается одним из али-иллахийских святых<sup>318</sup> и основателем того мистического течения в поэзии, которым характеризуется религиозная поэзия али-иллахов. Оно представляет тем больший интерес, что древнейшие образцы гуранийской литературы, как отмечают ее исследователи, дошли до нас в форме али-иллахийской поэзии<sup>319</sup>. Прекрасные ее образцы еще в XIX в. собрали и издали В. А. Жуковский<sup>320</sup> и особенно В. Ф. Минорский. Ему удалось, в частности, приобрести и издать на русском священную книгу али-иллахов «Саранджам» с рядом других памятников али-иллахийской поэзии<sup>321</sup>; одной из особенностей этой литературы является то, что если прозаические части того же «Саранджама» написаны на персидском, то поэтические вставки—на гурани. Имена основной массы создателей этих стихов на гурани остались неизвестными, но зато мы знаем ряд имен создателей особого рода молитв «мунаджат»; одним из первых их начал писать поэт XIV в. Паришан<sup>322</sup>. Огромную работу по изучению али-иллахийской литературы ведет курдский ученый М. Мукри<sup>323</sup>,

<sup>314</sup> См. E. G. Browne. A literary history of Persia, v. I, p. 83.

<sup>315</sup> Фонд персидских рукописей Матенадарана, № 622, л. 55.

<sup>316</sup> علاءالدین سجادی، میثوی شهبوی کوردی، به نغدا ۱۹۵۲ ص ۱۶۹

<sup>317</sup> См. „The Encyclopedie of Islam“, v. IV, London, 1920, p. 611.

<sup>318</sup> См. V. Ivanow, p. 27.

<sup>319</sup> Там же, стр. 29.

<sup>320</sup> В. А. Жуковский. Секта «Людей истины—Ахли-хакк» в Персии. ЗВО, т. II, 1888.

<sup>321</sup> «Труды по востоковедению, изучающиеся в Лазаревском Институте восточных языков», вып. XXXII, ч. I, 1911.

<sup>322</sup> Образцы его творчества,—«Курдистан» (Тегеран), № 51, 1960.

<sup>323</sup> M. Mokri. Kurdish songs. Tehran, 1951.

усилиям которого мы обязаны знакомством с творчеством ряда выдающихся али-иллахийских<sup>324</sup> и вообще гуранийских поэтов, в том числе Сейид Якубом Махидашти<sup>325</sup> и Шейх Амира; кстати, на Московской конференции востоковедов он выступил с докладом о творчестве этого оригинального поэта<sup>326</sup>.

Несмотря на религиозное содержание основной массы произведений али-иллахийской поэзии, она резко отличается от известных по истории иранской литературы творений, цель которых—«единение с богом» в туманностях мистических абстракций и «иносказаний». Вот почему прав М. Хазнадар, когда пишет, что религиозная поэзия на гурани адресована народу и поэтому проста по форме и близка к фольклору<sup>327</sup>. О ее близости к народу можно судить по тому замеченному В. А. Жуковским факту, что даже неграмотные люди, хотя и в форме амулетов, «всегда имеют при себе» листки с текстом тех или иных полюбившихся стихов<sup>328</sup>.

Все это ведет к пониманию одной особенности гуранийской религиозной поэзии—той ее «реалистичности», когда подчас невозможно определить, где кончается «религиозная» поэзия и где начинается «светская». Оно и не удивительно, ибо если взять творчество отмеченного выше Ханайа Қобади, окажется, что в историю гуранийской литературы он вошел не мунаджатами, а лирическими произведениями<sup>329</sup> и романтической поэмой «Ширин и Фархад». Эта же тенденция наблюдается в творчестве едва ли не всех «религиозных» поэтов.

Особенно бурного развития литература на гурани достигла в XVI в. при дворе правителей Ардаланского княжества<sup>330</sup>. Правя независимо огромными владениями, простирающимися временами от Хамадана до Багдада и Мосула, они копировали шахский двор и содержали целый штат придворных поэтов<sup>331</sup>. Образцы их творчества, как и творчества других гуранийских поэтов, широко представлены в

<sup>324</sup> См. *M. Mokri. Les songes et leur interpretation chez les Ahl-e-Naqq du Kurdistan Iranien. Paris, 1959.*

<sup>325</sup> قطعه بزبان كرى از سيد يعقوب ماهيدشتى، بمبئى ۱۳۲۹

<sup>326</sup> *M. Mokri. Cinquante. deux versets da Cheikh Amir en dialecte gurani. „Journal Asiatique“. Aunee, 1959.*

<sup>327</sup> М. Хазнадар, стр. 34.

<sup>328</sup> В. А. Жуковский,—ЗВО, т. II, 1888, стр. 14.

<sup>329</sup> Например: «Галавеж», № 8, 1945, стр. 14.

<sup>330</sup> История этого княжества,—Мухамед Мардух. Курды и Курдистан. «Кухестан», № 1—37, 1323—1324.

<sup>331</sup> См. *E. B. Soane. To Mesopotamia and Kurdistan in disguise, p. 376—379.*

«Истории курдской литературы»—это в основном написанные в духе классической лирики газели. Отличными мастерами газелей были поэт XVII в. Басрани, начавший творить в XVIII в. Джамареzi и поэт XIX в. Мовлана<sup>332</sup>. Одной из интереснейших форм поэтического творчества являются своеобразные лирические баллады, известные курдам под названием «гурани»<sup>333</sup>. Как по содержанию, музыкальному сопровождению и исполнению, так и по популярности в народе «гурани» с легкой руки Рича<sup>334</sup> сравнивают с песнями итальянских гондольеров<sup>335</sup>, но это «романтическое» сравнение нуждается в том уточнении, что «гурани» считается формой устного народного творчества, и несомненно, что многие из них таковыми и являются, но если иметь в виду уровень их художественности и поэтического профессионализма<sup>336</sup>, не останется сомнений, что «гурани», родившись в народе, прошли профессиональную обработку и вновь вернулись к народу, не говоря о том, что часть их, выйдя из-под пера поэта, вошла в фонд «народного творчества».

Впрочем, кажется, мы немного увлеклись—вопросы литературы нас интересуют не сами по себе, а в плане этнографического развития ее создавшего населения. Отсылая поэтому интересующихся к литературе по данному вопросу<sup>337</sup>, отметим, что, вопреки всем этим неоспоримым данным и признаваемому курдскими авторами факту, что курдская литература развивалась на трех диалектах—курманджи, сорани и гурани,—К. К. Курдоев пытается доказать, что она развивалась «на двух диалектах—северо-западном и юго-восточном»<sup>338</sup>; под этим вторым названием имеется в виду сорани. Субъективно этот тезис имеет целью доказать единство курдской литературы, но объективно он льет воду на мельницу тех, кто пытается лишить курдский народ такого древнего и мощного потока его культуры, как гуранийская литература.

<sup>332</sup> Об их творчестве,—«Очерки истории современной курдской литературы», стр. 28—36.

<sup>333</sup> М. Мукри. Гурани или курдские песни. Тегеран, 1329.

<sup>334</sup> *Cl. Rich*, I, p. 138—140.

<sup>335</sup> См. Г. Б. Акопов,—«Востоковедческий сборник», II, стр. 345.

<sup>336</sup> См. В. Никитин. О курдах и их стране. Урмия, 1916.

<sup>337</sup> Например: А. Седжади. История курдской литературы. Т. I, Багдад, 1952.

<sup>338</sup> М. Хазнадар, стр. 23.

<sup>339</sup> К. К. Курдоев. Сравнительная грамматика курдского языка, М., 1965, стр. 7, его же. «Курдский язык», М., 1961, стр. 8.

Итак, перед нами—древняя и богатая культура на языке гурани, следовательно, закрепление этого языка в литературе. Отсюда неудивительно, что о гурани часто говорят не как о диалекте, а именно как о «языке гурани»<sup>340</sup>. Это означает, что «диалекты» отдельных групп населения Южного Курдистана давно уже успели консолидироваться в один язык, сохранив, впрочем, некоторые местные особенности. Гурани с этой точки зрения рассматривается как язык не одного какого-то локального района, а всего его населения<sup>341</sup>.

Нет надобности доказывать, что языковая консолидация Южного Курдистана была следствием его этнической консолидации<sup>342</sup>. В этой связи возникает вопрос о гуранизации отдельных его групп, тем более интересный, что он не только не изучен, но и не ставился в науке. Этот процесс хорошо иллюстрируется историей «курдов Ирана».

Как мы видели, Шараф-хан Бидлиси обособлял этих курдов как от курманджей, так и гуранов. Отмечая, что «все курды Ирана делятся на три группы: сиях-мансур, чагани и зенгене», он продолжает: «Названия других курдских племен Ирана, которые состоят на службе при эмирах и султанах, таковы: лек, зенд, рузбахан, матилидж, хасри, шахразули, маэйар, гилани, аминлу, мамлуй, гедж, гурани, зикти, каладжир, пазуки, баби, чемишкезек, арабгирлу и другие... Остальные двадцать четыре курдских рода проживают в Арранском Карабаге и известны под общим названием игирми дорт»<sup>343</sup>.

В цитированном переводе «Шараф-наме» допущено несколько ошибок, в том числе и та идущая от палиграфических искажений его первой публикации<sup>344</sup> и французского перевода ошибка, что курды игирми-дорт «проживают в Арранском Карабаге»,—в каирском издании «Шараф-наме» стоит «Иранский Карабаг». В ряду различных искажений особо нужно сказать об отмеченной ошибке относительно происхождения «курдов Ирана» из «племени гуран» и помещении в числе «курдов Ирана» гуранов, ибо в «Шараф-наме» стоит не «гуран», а *كرانی* — «керани»<sup>345</sup>, название, которое в курдской этнонимике отмечают многие авторы, начиная от

<sup>340</sup> Д-р М. Мукри. «Бижан и Манидже». Древнекурдская легенда на языке гурани, Париж, 1965.

<sup>341</sup> См. В. Ф. Минорский. Курды. Заметки и впечатления, стр. 18.

<sup>342</sup> См. Г. Б. Акопов. История курдского народа (проспект), М.—Ереван, 1965.

<sup>343</sup> «Шараф-наме», I, М., 1967, стр. 369—370.

<sup>344</sup> V. Vellaminoj-Zernof. Scheref-nameh. t. I, S-Pb. 1860, p. 323.

<sup>345</sup> «Шараф-наме», каирск. изд., стр. 423—424.

Хориле<sup>346</sup> и кончая Г. Леярдом и другими европейскими исследователями курдов<sup>347</sup>.

Короче, речь идет о том, что в «курдах Ирана» мы имеем отдельную от гуранов группу. Но вот что интересно: едва ли не все эти курды ныне говорят на гурани и принадлежат к группе южных курдов-гуранов. Так, если обратиться к известным по истории Керим-хана Зенда<sup>348</sup> зендам, окажется, что они одного корня с зенгене. Отмечая, что «Кермин-хан Зенд был сам зенгене», консул А. Орлов приводит версию, что «зенгене» происходит от «зенгин» в смысле «сильный» или «богатый» и что сами зенгене считают, что они происходят от хиджазских арабов Бени-Асад<sup>349</sup>. Эта родословная представляет тот интерес, что к тем же арабам Бени-Асад возводят свое происхождение али-иллах<sup>350</sup>. В этом факте мы видим намек на общность происхождения курдов зенгене и гуранов, тем более, что на это указывает и то обстоятельство, что оставшаяся в Фарсе их часть продолжала еще недавно именоваться «куруни»,—видимо, искаженная форма названия «гурани»<sup>351</sup>.

Вывод о гуранийской принадлежности зенгене<sup>352</sup> распространяется на все их ветви. Так, А. Орлов отмечает, что турецкие, точнее современные иракские зенгене делятся на пять групп: обитающие в районе Кифри зенгебенды, населяющие область Керкука курды-талабани и снях-мансур, живущие рядом с ними и среди джафов, а также в Луристане чагани и обитающие в районе Сарытепе кайтаваны. И далее—свидетельство, что основная масса зенгене обитает в Иране и частью в Сирии и что живущие в той или иной стране зенгене говорят на языке этих стран. Комментируя этот тезис, В. Ф. Минорский находит нужным уточнить, что его нужно понимать, очевидно, в плане их двуязычия, ибо «зенгене безусловно курдское племя»<sup>353</sup>. Отметим, что основная масса этих курдов исповедует али-иллахизм.

Но дело не только в зенгене и родственных им зендах и даже не в таких их ответвлениях, как талабани, чагани, снях-мансур и других группах, расселяющихся на огромном пространстве от Керкука до Керманшахана и Луристана<sup>354</sup>.

<sup>346</sup> *Hornle*, „Magazin“, 1837, s. 505.

<sup>347</sup> *H. Layard*, p. 259; под названием „куруни“,—*A. Christensen*. *Iranische Dialekte. Aufzeichnungen über kurdische Dialekte*. Berlin. 1939.

<sup>348</sup> Об этом см., например: ۱۳۳ تهران زند، *کردم خان زند*.

<sup>349</sup> А. Орлов,—«Материалы...», вып. 2, стр. 141.

<sup>350</sup> Цит. персидский текст,—*V. Ivanow*, p. 186.

<sup>351</sup> См. *Cl. Rich*, I, p. 271.

<sup>352</sup> См. *V. Ivanow*, p. 29.

<sup>353</sup> «Материалы по изучению Востока», вып. 2, стр. 141—142.

<sup>354</sup> *A. Dupre*. *Voyage en Perse...*, v. II, 1819, p. 467.

Вместе с ними гуранами являются и другие подразделения «курдов Ирана». Так, если обратиться к цитированному их перечню, окажется, что баби—это современные гураны-бабаяни<sup>355</sup> и что в махидашти нужно видеть курдов, обитающих в одном из гуранских центров Махидаште. То же нужно сказать и о гилани—под этим названием ныне известна одна группа кельхоров; среди них мы находим мамен, или мамун, как называет Роулинсон одну из групп равендов<sup>356</sup>, являющихся, видимо, потомками отмеченных в «Шараф-наме» мамлуи. Это относится и к гезам, в которых Эдмондс усматривает потомков известных по тому же источнику курдов-гедж<sup>357</sup>. Отметим и то, что упоминаемые Шараф-ханом Бидлиси рузбахани ныне под названием «рожбаян» составляют одну из крупных групп гуранов<sup>358</sup>.

История рожбаянов, как, впрочем, и ряда других групп «курдов Ирана», интересна тем, что еще в XIX в. Рич<sup>359</sup> и Риттер отмечали их обитание в районе Мосула, население которого является курманджийским<sup>360</sup>. Это означает, что в данном случае речь идет о приходе курманджийского элемента в Южный Курдистан и его гуранизации. Этот процесс виден на примере курдов-ардалани, о которых Шараф-хан Бидлиси пишет, что они были «из рода правителей Диарбекира и внуков Ахмедбин-Марвана» и что, уйдя на юг, они оказались «среди племени гуран»<sup>361</sup>. Начав возвышаться, ардаланы овладели Шахрезуром и Ардаланом, но одновременно, оказавшись в гуранийской среде, они гуранизировались в той мере, что с их именем связан один из важных этапов в истории гуранийской литературы.

Для иллюстрации процесса гуранизации попавших в Южный Курдистан курманджей остановимся на истории обитавших некогда в районе Эрзерума курдов-чемишкезеков. Не касаясь приводимых Шараф-ханом Бидлиси версий их происхождения от арабов и в другом случае—турок, ограничимся его свидетельством, что в 1160 г. основатель этой династии «был схвачен грузинами. Но поскольку его сестра была супруга армянского государя, (тот) направил в Грузию дары и приношения, и освободил его из оков и заточения». И еще—«на весь Курдистан славятся они многочисленностью

<sup>355</sup> См. там же, стр. 184.

<sup>356</sup> H. Rawlinson.—JRGS, v. X, 1841, p. 25.

<sup>357</sup> C. I. Edmonds. Kurds, Turks and Arabs, London, 1957, p. 279.

<sup>358</sup> См. Т. Вахби. Рукопись, стр. 23.

<sup>359</sup> Cl. Rich. Narrative .. v. II, p. 83—84.

<sup>360</sup> K. Ritter, IX, s. 739.

<sup>361</sup> «Шараф-наме», I, М., 1967, стр. 220—221, 369.

аширатов и племен... В Курдистане их вилайет занимает столь обширную (территорию), что знать, простой народ и особенно отмеченные величием хаканы в грамотах и указах называют их страну Курдистаном»<sup>362</sup>. Как видно, перед нами—одно из крупнейших курдских феодальных образований, история которого завершилась тем, что последний его правитель оставил 16 сыновей, те передрались между собой, и Чемишкезек распался, не оставив следа среди северных курдов-курманджей. Но зато название «чемишгезак» мы встречаем в числе «курдов Ирана». Чтобы убедиться, что это не случайное совпадение, вспомним и то замечание Шарафхана Бидлиси, что «их ашират называли малкиши»,—так именуется одно из входящих в объединение маака курдских племен Луристана<sup>363</sup>. Из этих данных можно заключить, что какая-то часть могущественного некогда курманджийского объединения чемишгезек, впад в полосу кризиса, пыталась спастись переселением в Южный Курдистан; что поскольку малкиши не сохранили никаких курманджийских черт, очевидно, что попав в новую среду, они в конце концов растворились в ней; кроме упомянутой незначительной группы малкиши чемишгезеки не оставили каких-либо других следов.

Не менее типична в этом отношении история баджланов<sup>364</sup>, описанная К. Ричем и Е. И. Чириковым<sup>365</sup>. Из нее следует, что баджланы некогда обитали в районе Мосула и были курманджами<sup>366</sup>. Баджланы, отмечает В. Ф. Минорский,—это «чистые курды, явились в начале XVIII столетия в Дернем и Дартенг и заняли Зохабскую равнину, где смешались с гуранским населением, говорящим на особом персидском наречии»<sup>367</sup>. Здесь они стали шиитами<sup>368</sup> и начали гуранизироваться; обособившаяся от курманджи их речь оформилась в отдельный диалект «баджлани»<sup>369</sup>, выделяемый изучавшим его Д. Н. Маккензи в отличную от южного курманджи единицу<sup>370</sup>; одновременно, как мы видели, О. Манн

<sup>362</sup> Там же, стр. 220—231.

<sup>363</sup> См. О. Mann. Die Mundarten der Lur-stamme. Berlin, 1910, s. XXII—XXIV.

<sup>364</sup> См. Cl. Rich, II, p. 83—84.

<sup>365</sup> Е. И. Чириков, Путевой журнал русского комиссара-посредника по персидско-турецкому разграничению 1848—1852 гг. ЗКОРГО, кн. IX, 1875.

<sup>366</sup> См. K. Ritter, IX, s. 739.

<sup>367</sup> В. Ф. Минорский,—«Материалы...», стр. 179.

<sup>368</sup> Там же, стр. 180.

<sup>369</sup> D. N. Mackenzie. Bajdlant. BSOS. v. XVIII, 1956.

<sup>370</sup> D. N. Mackenzie. Kurdish dialect studies. v. I, London 1961.

ставит этот диалект в один ряд с авроми и кандулаи на гуранийской основе. Это означает, что курманджи-баджланы, оказавшись в гуранийской среде, начали гуранизироваться, не говоря о том, что часть их попала в Поштекух в феэлийскую среду<sup>371</sup> и начала луризироваться<sup>372</sup>, приняв, как отмечалось, луризированное название «баджланванд»<sup>373</sup>.

Из этих данных видно, что если какая-то часть населения Южного Курдистана и была негуранийской, с течением времени она подверглась гуранизации; что гуранизации подвергались и проникавшие сюда курды-курманджи. Интересной особенностью этого процесса гуранизации было то, что он охватывал не только курдское население. Так, если обратиться к сенджабинцам, в их среде мы увидим луров аркевази и ваткаванд<sup>374</sup>. Более того, на примере луров-караулус мы имеем возможность воспроизвести картину того, как луры, испытывая гуранийское влияние, начинают постепенно гуранизироваться; ныне их называют «курдским племенем»<sup>375</sup>. Этот процесс, отвергая взгляды Э. Б. Сона о том, что-де гураны—это те же луры, показывает историю формирования тех групп населения, которых именуют «лурскими курдами»<sup>376</sup>. Он же объясняет причины наличия в луристанском Поште-Кухе целой группы «курдских племен»<sup>377</sup>. Конечно, часть их—это курды, но в основном они—курдизировавшиеся луры. Проиллюстрируем этот интересный процесс на примере курдизации такой группы еще недавно лурского населения, каковой являются ляки<sup>378</sup>.

Как известно, ляки расселяются в «нейтральной» полосе между Луристаном и Курдистаном. Говоря о ней, Сон свидетельствует, что вдоль границы Курдистана с Луристаном живет ряд племен, «не относящихся ни к лурам, ни курдам»<sup>379</sup>. В этой полосе,—пишет Б. Керими;—обитают не курды или луры, а «сплав курдов и луров»<sup>380</sup>. Одним из компонентов этого «конгломерата» были ляки, и еще В. Диттель

<sup>371</sup> См. *H. Rawlinson*.—*JRGS*, v. IX, pt. 1, 1839, p. 107.

<sup>372</sup> См. *Cl. Bode. Travels...* v. II, p. 288.

<sup>373</sup> Там же, стр. 77.

<sup>374</sup> См. «Материалы по изучению Востока», вып. 2, Пг., 1915, стр. 147—148, 172.

<sup>375</sup> «Очерк истории курдов и Курдистана», I, стр. 93.

<sup>376</sup> Хусейн Хузни Мукрияни, стр. 52.

<sup>377</sup> Али Размара. Военная география Ирана. Поште-кух, Тегеран, 1320.

<sup>378</sup> См. В. Ф. Минорский,—«Материалы...», стр. 317.

<sup>379</sup> *E. V. Soane*, p. 381.

<sup>380</sup> Б. Керими. Древние пути..., стр. XII.

вместе с лурами и бахтиярами причислял их к курдам<sup>381</sup>. Дело, таким образом, не в том, кем были ляки—курдами или лурами, а в том, чтобы выяснить, в направлении какой народности идет их этническое развитие.

Ответ на этот вопрос дают источники XIX в. Так, еще Е. И. Чириков отмечал, что «луры и лаки говорят на разных диалектах»<sup>382</sup>. Отсюда видно, что этническое развитие лаков шло не в направлении сближения с лурами. Через полстолетия немецкий ориенталист Фрич отождествлял «кельхоров и лаков»<sup>383</sup>, а немногим ранее Ж. де Морган свидетельствовал, что курды-кельхоры говорят на лакском языке<sup>384</sup>. На основе данных этого типа в научной литературе возникло убеждение, что кельхоры являются не курдами, а ответвлением луров<sup>385</sup>, поскольку они, как и гураны и другие группы населения Южного Курдистана, по свидетельству Руссо, носят «общее название лек»<sup>386</sup>, а леки известны как одна из групп луров<sup>387</sup>. Но одно дело, что ляки, обитающие в Луристане, действительно являются, как это заметил еще Дж. М. Кеннейр<sup>388</sup>, лурами, и другое—что ляки фигурируют первыми в списке «курдов Ирана» Шараф-хана Бидлиси. В Луристане обитают курды-зенгене<sup>389</sup> и баджланы, в том числе и под таким луризированным названием, как «баджланвенд», и это говорит об их луризации, но никак не о том, что зенгене и баджланы являются лурами. Что же касается ляков, то еще П. Лерх отмечал, что «многочисленные племена курдов называют себя ляки и говорят языком, который различается от наречия люри»<sup>390</sup>. Отмечая, что курдские и иранские, в том числе и лурские «наречия значительно отличаются друг от друга», В. Ф. Минорский добавлял, что на стыке Курдистана и Луристана есть «целый ряд отдельных племен, которые говорят не по-фейлийски»<sup>391</sup>, а на южнокурдском наречии:

<sup>381</sup> См. В. Диттель,—«Библиотека для чтения», т. 95, ч. II, июль 1849, стр. 127.

<sup>382</sup> Е. И. Чириков,—ЗКОРГО. кн. IX, 1875, стр. 227.

<sup>383</sup> «فتور فرج، كوردلر تاريخي واجتماعي تدقيقات، استانبول 1910 ح 17»

<sup>384</sup> См. J. d' Morgan. Mission scientifique en Perse. t. II, Paris 1895. p. 94—95.

<sup>385</sup> См. R. Ker-Porter. Travels in Georgia, Persia Armenta.. v. II, London, 1822, p. 195—197.

<sup>386</sup> I. Ex. Rousseau.—«Foundgruben des Orients», t. III, Wien, 1813s. 88

<sup>387</sup> МИВ, вып. 2, 1915, стр. 317. V. Minorsky. Lak (p. 10—11), Lur (p. 41—50). The Enclocaedia of Islam, v. III, London, 1936.

<sup>388</sup> J. M. Kinneir. Mem. georg., t. I, p. 206.

<sup>389</sup> См. Cl. Bode, II, p. 77.

<sup>390</sup> П. Лерх. Исследования об иранских курдах..., кн. I, стр. 39.

<sup>391</sup> Об этом диалекте см., например: Б. П. Бадаля. Некоторые особен-

лякки»<sup>392</sup>. Характеризуя особенности этого наречия, Д. Н. Маккензи сопоставляет их с гуранийскими формами, отмечая их тесное родство<sup>393</sup>. Отсюда неудивительно, что отождествляя гуранов и ляков, В. Диттель отмечал, что ляки «постепенно утрачивают этим коренной язык свой и нравы праотцов, и вместе с тем и названия своих племен»<sup>394</sup>. Речь, как видно, идет о курдизации ляков и с ними вместе всего родственного им населения Керманшахана и прилегающих районов Луристана, причисляемого ныне к курдскому народу и, в частности, гуранам<sup>395</sup>.

Вопреки этим фактам гуранизации не только «курдов Ирана», но и луров, в западной литературе о гуранах нередко говорят как о «вымершей народности». Вера в их «вымирание» оказалась до того крепкой, что А. Орлов, найдя среди мериванцев нескольких уродов, сделал отсюда далеко идущий вывод об их деградации и физическом вымирании<sup>396</sup>. Но дело, конечно, не в том, что гураны вымерли, поскольку в составе курдского народа мы имеем не только «племя» гуранов, но и значительную группу юго-восточных курдов, известных под названием гуранов, а в том, что начиная с цитированного Кер-Портера и Кеннейра<sup>397</sup>, едва ли не все западные и вслед за ними иранские авторы, говоря об их «вымирании», имеют в виду процесс луризации и иранизации вообще населения Юго-Восточного Курдистана<sup>398</sup>.

Отвергая эти концепции, мы не можем обойти и обратные тенденции—попытки некоторых курдских авторов доказать, что в лурах и бахтиярах мы имеем курдов<sup>399</sup>. Одно дело, что Шараф-хан Бидлиси относил луров к курдам, и другое, что луры как таковые являются лурами, и в их отличии от курдов немалую роль играет иранское влияние. Более того, иранское влияние сказывается не только на лурах, но и на некоторых группах курдского населения. Неслучайно, что наиболее объективные курдские авторы устами Т. Вахби

---

ности этнического развития луров Ирана. «Страны и народы Ближнего и Среднего Востока». IV, Ереван, 1969, стр. 104.

<sup>392</sup> В. Ф. Миорский, — «Материалы...», стр. 317.

<sup>393</sup> Д. Н. Маккензи, — «Народы Азии и Африки», № 1, 1963, стр. 163.

<sup>394</sup> В. Диттель, — «Библиотека для чтения», т. 95, ч. II, 1849, стр. 127; там же, т. 119, ч. VIII, 1853, стр. 14.

<sup>395</sup> См. V. Minorsky. Lek. „The Enciclopedie of Islam“, v. III London. 1936, p. 10.

<sup>396</sup> См. А. Орлов, — «Материалы...», вып. 2, стр. 213.

<sup>397</sup> J. M. Kinneir, I, p. 203.

<sup>398</sup> В том числе: K. Ritter. IX, s. 369.

<sup>399</sup> См. А. Chasemlou. Kurdistan and the kurds, Pragua, 1965, p. 26.

вынуждены признать огромное влияние персидского языка и культуры на этих курдов<sup>400</sup> и как следствие этого—их тяготение к населению Центрального Ирана, но не к курдскому народу<sup>401</sup>. Эта же тенденция давно начала обнаруживаться и в восточных районах Керманшахана, открытых «естественными условиями» для иранского влияния<sup>402</sup>. Особенно сильно оно начало проникать в эти районы в связи с их вовлечением в сферу действия общеиранского капиталистического рынка<sup>403</sup>. Распространению иранского влияния немало способствовало и то, что часть населения этих районов—шииты. Иранское влияние и, в частности, культурное, простиралось на весь Южный и даже Центральный Курдистан; неслучайно, что в начале XX в. Сон отмечал сильное иранское влияние в таком политическом и культурном центре нынешнего Иракского Курдистана, как Сулеймание<sup>404</sup>. Касаясь этого, Р. Ясеми свидетельствует, что в деловой и политической жизни Сулеймание в обиходе был персидский и что вплоть до 1921 г. обучение в школах этого города велось на персидском; что даже позже, когда этот язык был заменен курдским, курды читали произведения Саади, Хафеза, Низами, Джами и Аттара, а в школах преподавание велось по «Нан-е халвайи» Шейха Бехайи<sup>405</sup>. Это свидетельство послужило одной из причин резкой критики К. К. Курдоевым «панперсидских» концепций Р. Ясеми<sup>406</sup>. Конечно, его концепции нуждаются в критической оценке, но с таким, по крайней мере, условием, как знание того, о чем идет речь. Уровень же иранистской подготовки К. К. Курдоева оказался таким, что Фарид эд-Дин Аттар в цитированном отрывке у него «разделился» на двух поэтов—Фарид эд-Дина и Аттара, а название книги Шейха Бехайи «Хлеб с халвой» превратилось в имя какого-то Шейха Нани Холвана<sup>407</sup>. Но дело не только в том, что «критика» К. К. Курдоевым «персидской буржуазной историографии» обернулась дискредитацией нашего курдоведе-

<sup>400</sup> Т. Вахби. Рукопись, стр. 23.

<sup>401</sup> См. Э. Табари,—«Донйа», № 4, VI год изд., стр. 110—111.

<sup>402</sup> См. «Керманшах»,—ИКОРГО, т. XXII, № 2, 1915, стр. 232—234.

<sup>403</sup> См. Г. Б. Аюпов. К вопросу о национальной консолидации курдов в Иране. М., 1952.

<sup>404</sup> E. B. Soane, p. 171.

<sup>405</sup> «Курды и их этническая и историческая принадлежность», стр. 135.

<sup>406</sup> К. К. Курдоев. Фальсификация истории курдов в персидской буржуазной историографии. Уч. Зап. ЛГУ, № 179, 1955, стр. 134.

<sup>407</sup> Там же, стр. 131.

ния, но и в том, что отвергая иранское влияние на курдскую литературу, он обнаруживает незнание того, например, что такие выдающиеся курдские поэты рассматриваемого времени, как Адаб Мисхаб в Мукре<sup>408</sup> и Шейх Реза Талабани<sup>409</sup> и Ахмед Мухтар Джаф в Иракском Курдистане, наряду с курдским, писали и на персидском языке<sup>410</sup>. Важно подчеркнуть, что в этом не было ничего удивительного: к описываемому времени относится начало младотурецкой политики ассимиляции курдов<sup>411</sup> и, борясь против нее, курды противопоставляли этой политике как свой язык и литературу, так и близкую им «иранскую» культуру и язык.

Такое отношение деятелей курдской культуры к персидской литературе продолжалось до тех пор, пока иранская реакция не стала копировать политику кемалистов в курдском вопросе<sup>412</sup>. Не останавливаясь на деталях этой политики<sup>413</sup>, ограничимся одним документом—рапортом начальника гарнизона иранских войск в г. Сердеште. «Попавшие из Ирака в приграничные районы несколько номеров курдской газеты «Хойбуне Ватан», в которых сообщалось о признании там курдского языка официальным, вызвали здесь много шума,—отмечается в этом рапорте.—Позтому была дана строгая инструкция захватывать всякого, кто ведет пропаганду в этом направлении, и строго их наказывать, чтобы вместо разговоров о своем языке думали о покорности правительству. Я категорически запретил в общественных местах говорить на курдском языке, строго-настрого приказал употреблять только персидский и потребовал переломать все грамофонные пластинки на курдском языке, чтобы слушали только персидские песни...»<sup>414</sup>. В плане этого и аналогичных фактов неудивительно, что такое «иранское влияние» имело пагубные последствия для курдской культуры. Наиболее

<sup>408</sup> ۱۳۰۵، رواندر، حسین حزنی موکریانی پیشهکی دیوان شهدهب،

<sup>409</sup> О его творчестве см., например: C. J. Edmonds. *Kurdish lampo-nist: Shaikh Riza Talabani*. JRCAS. v. 22, 1935.

<sup>410</sup> دیوان احمد مختهرخان سلیمانی، ۱۳۱۰

<sup>411</sup> См. Г. Б. Акопов. Критический обзор версий туранийско-турецкого происхождения курдов. «Вестник общественных наук», № 4, 1966.

<sup>412</sup> См. L. Ramout. *Les kurdes et le droit*, Paris, 1947.

<sup>413</sup> См. О. Л. Вильчевский. Курды Северо-Западного Ирана. Тбилиси, 1944, стр. 55.

<sup>414</sup> Рапорт начальника Сердештского гарнизона № 411 от 20 января 1930 г. Цит. по копии из личного архива премьер-министра Курдской Демократической республики в Иране (1946—1947 гг.) Гази Мухамеда, который, ознакомив меня с этим документом в 1946 г., разрешил скопировать и использовать его в научных целях.

типична в этом отношении деградация гуранийской литературы в таком недавнем ее центре, как Ардалан.

Как отмечалось, развитие здесь гуранийской литературы было обусловлено формированием независимого Ардаланского княжества. Однако вызванный общим кризисом феодализма<sup>415</sup> процесс его упадка уже в XVIII в. привел к тому, что ардаланы оказались в зависимости от сефевидов, а затем и каджаров<sup>416</sup>. Правда, эта зависимость до определенного момента носила своеобразную форму феодального вассалитета, поддерживаемого каджаро-ардаланскими династическими браками, но дело шло к поглощению Ардалана Ираном. Важным шагом на этом пути явилось принятие ардаланами шиизма<sup>417</sup> и их превращение в XIX в. из самостоятельных правителей независимого княжества в наместников—«вали» шахской власти в Курдистане<sup>418</sup>. В результате срастания ардаланов с иранской феодальной аристократией открылся путь для иранского влияния, и их дворец, где звучали недавно курдские «гурани», стал местом состязаний в подражании модным, но не лучшим подражателям Хафеза.

В свете этих фактов неудивительно, что к началу XX в. литература на гурани начала вытесняться персидской, и земляк Баба Тахира Экси-е Хамадани стал основоположником новоперсидской поэзии; что «худородный курд из Динавера» Ахмед Хададе писал, хоть и на корьявом, но тем не менее персидском языке<sup>419</sup>, а его земляк Абулькасем Лахути, хоть и написал статью «Курдистан и курды»<sup>420</sup>, но прославился как персидский, а позже—как таджикский поэт. Отметим, что и Рашид Ясеми, как он сам пишет, «имеет честь принадлежать к этому народу», но считается одним из выдающихся персидских лириков<sup>421</sup>.

Все это не означает, однако, что гуранийская литература и тем более язык гурани исчезли окончательно. Стихи на гурани издаются не только в керманшахских «Бисутун» и «Мад», но и в тегеранском «Кордестан», в том числе и такой

<sup>415</sup> Г. Б. Акопов. К вопросу о национальной консолидации курдов в Иране. М., 1952, стр. 15—17.

<sup>416</sup> См. Ф. Чернозубов. Арделян или Персидский Курдистан. ИШКВО, № 33, 1913.

<sup>417</sup> См. *Cl. Rich*, I, p. 77.

<sup>418</sup> Историю Ардалана см., например: *H. L. Rabino. Report on Kurdistan*, London, 1911.

<sup>419</sup> Его роман издан и на русском: Ахмед Хоададе. «Крестьянская доля». М., 1930.

<sup>420</sup> А. Лахути.—«Новый Восток», № 4, 1924.

<sup>421</sup> *ابرج افشار لثر فارسى معاصر، تهران، ۱۳۲۰ ص ۱۴۹-۱۵۰*

оригинальный «жанр», как стихотворные комментарии к Корану Хаджи Нура Али-Иллахи<sup>422</sup>. Не менее оригинальным являются изданные в Каире на гурани теологические сочинения курда-гурана Саид Абдар-Рахмана аль-Хусейна<sup>423</sup>, не говоря о других изданиях и богатейшем курдском фольклоре на языке гурани.

Короче, речь идет о том, что гуранская литература не исчезла окончательно и что язык гурани продолжает оставаться языком населения Юго-Восточного Курдистана. Другое дело, что в процессе его курдизации гурани превращается из некогда самостоятельного языка в один из диалектов курдского языка<sup>424</sup>; что в то время, когда гуранийское население прилегающих к Центральному Ирану районов вместе с соседним луру-бахтиярским населением испытывает иранское влияние, основная масса гуранийского населения, как это в отношении Ардалана отмечают едва ли не все авторы XIX в., вливается в состав курдского, в курманджийском смысле, народа<sup>425</sup>.

Этот процесс курдизации гуранов начался давно. Поэтому неслучайно, что обособляя их от курманджей, Шарафхан Бидлиси тем не менее включил гуранов в число четырех курдских «первоплемен». Курдами гуранов считали и другие более ранние авторы, в том числе Масуди<sup>426</sup>. Это означает, что гураны, несмотря на их обособление от собственно курдов-курманджей, очень давно начали рассматриваться как часть курдского народа. Отсюда неудивительно, что, локализуя «Страну курдов», иранский историк XIII в. Мустоуфи Казвини<sup>427</sup> включил в ее состав территории расселения курдов-гуранов<sup>428</sup>. Отметим интереснейший в этом плане факт. Как известно, из Динавера происходил один из крупнейших историков IX в. Абу Ханифа ад-Динавери. Он писал на арабском и в науке известен именно как арабский историк<sup>429</sup>. Однако в открытом недавно А. Д. Папазяном в Матенадаране труде курдского историка Ростем-хана Дунбули «Ишарат

<sup>422</sup> «Курдистан» (Тегеран), № 1—5, 1962.

<sup>423</sup> О нем см., например: В. Никитин. Курды. М., 1964, стр. 391.

<sup>424</sup> Г. Б. Акопов. Некоторые замечания к истории курдского языка. «Рйа-таза», № 75 и 78, 1968.

<sup>425</sup> См. H. Rawlinson, JRGS, v. X 1841, p. 26, 36.

<sup>426</sup> «Курды и их этническая историческая принадлежность», стр. 113—114.

<sup>427</sup> Hamd-Allah Mustoufi of Qazvin. The geographical part of the Nizhat al-Qulub. London, 1915, p. 107.

<sup>428</sup> Г. Б. Акопов, — «Известия АН Арм. ССР», № 5, 1964, стр. 92.

<sup>429</sup> Kitab al-ahbar at-tiwal. \*Pabl. par V. Guirgass. Leide. 1888.

аль-мазахеб»<sup>430</sup> имеется сообщение, что ад-Динавери оставил после себя книгу под названием «Генеалогическая история курдов»<sup>431</sup>. Труд этот до нас не дошел, однако сам факт его написания говорит не только о «национальной принадлежности» ад-Динавери, но и об отразившемся в его труде сознании принадлежности населения Керманшахана к курдскому народу<sup>432</sup>.

Как видно, курдизация населения Южного Курдистана началась давно. Особого развития этот процесс достиг в последнее столетие, характерном, несмотря на все препятствующие этому условия, консолидацией курдов в нацию<sup>433</sup>. Интересной его особенностью является то, что ныне речь идет не просто о вхождении гуранов и других некурманджей в состав курдского народа, при сохранении языковых и иных особенностей, а об их сплавлении в один народ,—судя по лингвистическому развитию, на курманджийской основе<sup>434</sup>. Ныне, таким образом, речь идет не о том, являются ли гураны курдами, а о том, в какой мере стерлись грани между ними и основной, курманджийской частью курдского народа.

Как ни интересен этот вопрос, он выходит за рамки целей настоящих очерков, и мы вынуждены не касаться деталей процесса курдизации гуранов. И поскольку нас интересует проблема гуранов как таковых, отметим, что их курдизация еще далеко не завершена. Имея в каждом конкретном случае конкретные особенности, этот процесс в различных районах находится на различном уровне. В то время, когда в Ардалане и особенно в прилегающих к нему районах Иракского Курдистана курманджийская речь вытеснила гуранийскую, на юге Ардалана и в Керманшахане наблюдается «двуязычие»<sup>435</sup>: чем дальше на юг, тем больше население сохраняет родную гуранийскую речь, и здесь «гуран» служит таким же самоназванием курдов, как «курмандж» в Центральном и Северном Курдистане. На юге Керманшахана и в Луристане имеется немало групп населения, причисляемых к курдам, но не знающих курдского и говорящих на тех или иных гуранийских наречиях<sup>436</sup>.

<sup>430</sup> Զ. Դ. Փափազյան. Քուրդ ժողովրդի պատմության մի նոր սկզբնաղբյուր. «Բանբեր մատենագրանի», № 8, Երևան, 1967.

<sup>431</sup> Фонд персидских рукописей Матенадарана, инв. № 622, лл. 21 б, 51.

<sup>432</sup> Г. Б. Акопов. Критическая история проблемы происхождения курдов. Ереван, 1969, стр. 60.

<sup>433</sup> Г. Б. Акопов. К вопросу о национальной консолидации курдов в Иране. М., 1952.

<sup>434</sup> J. Ch. Vanly — „Kurdistan“, № 5, 1959; Rondot P. Le probleme de l'unification de la langue kurde. REI. ch. III, 1936. p. 296—307.

<sup>435</sup> В. Ф. Минорский. Курды. Заметки и впечатления. 1915, стр. 18.

<sup>436</sup> T. Wahbl, — „Kurdistan“, IX—X, 1956.

Итак, рассмотренный материал показывает, во-первых, что население Южного Курдистана являлось исторически самостоятельным «некурдским иранским элементом»; во-вторых, что очень рано оно начало консолидироваться в гуранскую народность с особыми формами верований и культуры и закрепленным в литературе языком; в-третьих, что параллельно этому в ходе формирования курдского народа шла курдизация гуранов, в результате чего уже в эпоху раннего средневековья гураны начали рассматриваться как часть курдского народа, а их язык превратился в диалект курдского языка. Это означает, в-четвертых, что гураны—один из основных компонентов процесса формирования курдского народа. Их история тем и интересна, что, вопреки мнениям о существовании исподволь курдского народа и его последующего дробления на отдельные племена, показывает, в-пятых, что процесс этнического развития этого, как, впрочем, и всех других народов, шел в противоположном направлении: от множества к единству—от формирования различных групп населения Южного Курдистана в гуранийский «союз племен» и его «врастания» в курдский народ<sup>437</sup> с его дальнейшим развитием в курдскую нацию.

Особо нужно сказать о том, в-шестых, что вопреки мнениям, что курдизация населения Южного Курдистана—это процесс «завоевания и поглощения гуранов, живущих на равнине»<sup>438</sup>, дело не в их «поглощении», а в курманджийско-гуранийском взаимодействии в формировании курдского народа. Вливаясь в его состав, гураны не исчезают бесследно, а оказывают известное влияние на этнографическое развитие курдов-курманджей, особенно в полосе их наиболее интенсивного соприкосновения. Так, известно, что именно гуранийское влияние привело к обособлению языка южных курманджей, в собый диалект<sup>439</sup>, нередко неудачно именуемый соранийским<sup>440</sup>. Если же к этому добавить, в-седьмых, что гу-

<sup>437</sup> Г. Б. Акопов. История курдского народа (проспект). М.—Ереван, 1965, стр. 11—12.

<sup>438</sup> Д. Н. Маккензи. Курманджи, курды и гураны. «Народы Азии и Африки», № 1, 1963, стр. 165.

<sup>439</sup> Там же, стр. 170; *D. N. Mackenzie. The origine of the kurdish. Transactions of the Philological Society. Oxford, 1961.*

<sup>440</sup> Обособляя речь южных курманджей в отличный от «курманджийского диалекта» некий «диалект сорани», К. К. Курдоев посвящает сравнительному их изучению целую докторскую диссертацию,— «Сравнительная грамматика курдского языка (на материале курманджи и сорани)», М., 1965. Но как известно, «курмаиджи»—это собственное название курдского языка, и их «сравнительная грамматика» подобна тому, чтобы изучать «сравнительную грамматику» немецкого и... дейчского языка, армянского и хайского, грузинского и картвелского, афганского и пушту.

раны проникли далеко на север и дали начало такой значительной группе населения Северного Курдистана, как курды-заза, не остается сомнений в значении изучения их роли в этнической истории курдского народа. Этот вопрос нами будет рассмотрен в одном из последующих очерков.

Գ. Ք. ԱԿՈՊՈՎ

## ԳՈՒՐԱՆԻ-ՔՈՒՐԴԻՆ

### Ա մ փ ո փ ու մ

Ակնուրդը նվիրված է առավել քիչ ուսումնասիրված Հարավային Քրդստանի բնակչության էթնիկական պատմությանը: Նրանց անվանում են «գուրաներ»: Այդ բնակիչները կուրմանջի-քրդերից տարբերվում են լեզվով ու այլ հատկանիշներով, այդ թվում պաշտամունքով՝ ալի-իլահիզմով: Այդ հիման վրա գիտության մեջ այն համոզմունքն է ծագել, թե գուրաները քրդեր չեն, այլ հատուկ առջրուդ իրանական տարրեր են»: Եղած տվյալների հիման վրա հեղինակը եզրակացնում է, որ Հարավային Քրդստանի բնակչության տարրեր խմբերը շատ վաղուց սկսել են միավորվել որպես «գուրանական ժողովուրդ», որն ունեցել է գրականության մեջ ամրապնդված լեզու: Այդ պրոցեսի հետ տեղի է ունեցել գուրաների քրդացում և արդեն վաղ միջնադարում գուրաները հանդես են եկել որպես այն հիմնական ցեղերից մեկը, որոնցից ձևավորվել է բուրդ ժողովուրդը: Ուսումնասիրելով գուրաների էթնիկական ծագման հարցերը, նրանց ազգագրությունը, լեզուն և կուլտուրան, հեղինակը նպատակ է դնում պարզարանել նրանց տեղն ու դերը բուրդ ժողովրդի ձևավորման պրոցեսում:

«ՌՈՍՏԱՄԵ ՋԱԼԻ» ՔՐԴԱԿԱՆ ՊԱՏՈՒՄՆԵՐԻ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՂՋԸ

«Ռոստամե Ջալ» էպոսի պատումները լայն տարածում են գտել նաև քրդերի մեջ: Դրանք առնչվում են հանճարեղ բանաստեղծ Ֆիրդուսու «Շահնամեի» հետ, ուր մի շարք պոեմներ նվիրված են Ռոստամ Ջալի սխրագործություններին: Սույն հոդվածը, սակայն, նվիրված է հիմնականում «Ռոստամ Ջալի» քրդական պատումների բնութագրմանը, և միայն վերջում թեթևակի կանդորդառնանք դրանց և «Շահնամեի» աղերսակցություններին:

«Ռոստամե Ջալի» նախնական հորինվածքների մասին հետաքրքիր տեսակետ է հայտնում ակադեմիկոս Վ. Վ. Բարտոլդը, ըստ որի մ. թ. ա. III դ. «Արշակունիների էպոխայում Իրանի ազգաբնակչության կազմի մեջ էին մտնում նաև այլ եկվորներ Միջին Ասիայից, այն է՝ սկյութացիներ, որոնցից մնաց Սեյստան (իրականում Սակստան) նահանգի անունը և որոնք աղղեցություն թողին իրանական ժողովուրդների էպոսի վրա. նրանց է պատկանում այդ էպոսի ամենաժողովրդական էպիզոդը՝ Ռոստամ դյուցազնի մասին եղած տարբերակը<sup>1</sup>: Այս նույն տեսակետին է նաև ճանաչված իրանագետ պրոֆեսոր Վ. Ի. Աբաևը<sup>2</sup>:

Սկյութացիների մոստամին (Ռոստամին) վերաբերող այդ «էպիզոդը» իր հետագա զարգացումն է ապրել, նյութ դառնալով բազմաթիվ նոր տարբերակների: Այնուհետև, ժամանակի ընթացքում այդ տարբերակները հետզհետե միահյուսվել և մի ամբողջություն են կազմել, կրելով «Ռոստամե Ջալ» (Ջալի որդի Ռոստամ) և կամ «Ռոստամ Ջալ» ընդհանրացնող անունը, արտահայ-

<sup>1</sup> В. В. Бартольд, Иран, Ташкент, 1926, стр. 19.

<sup>2</sup> В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, стр. 86.

տելով իրանական ժողովուրդների համատեղ պայքարը թուրանական հորդանների դեմ, դառնալով նրանց դարավոր պայքարի՝ ինքնապաշտպանության և հաղթանակի մեծագույն կոթողը:

Նման երևույթ մենք նկատում ենք և այլ ժողովուրդների մոտ: Այսպես, ռուսական բիլինաները նույնպես արտահայտում են սլավոնական ժողովուրդների պայքարը թաթարական հորդանների դեմ<sup>3</sup>: Եվ եթե ժամանակին այդ բիլինաները շամբողջացան գրական մի ծավալուն կոթողի մեջ, ապա նույնը չի կարելի ասել «Ռոստամի Զալի» ժողովրդական ճյուղերի մասին: Ինչպես հայտնի է, մեծ անուն բանաստեղծ Աբուլ Ղասիմ Ֆիրդուսին (934—1020) այդ էպոսի պատումները, ինչպես նաև բազմաթիվ այլ պատմական և առասպելական նյութեր ի մի բերելով և դրանք մշակելով ու շաղկապելով ստեղծեց իր անմահ «Շահնամե» (Մատյան թագավորաց) գրական կոթողը:

Այն, որ Ֆիրդուսին ի թիվս պատմական բազում հարուստ նյութերի, մեծ չափերով օգտվել է նաև բանահյուսական նմուշներից, ժողովրդական ավանդություններից և Ռոստամի մասին եղած հորինվածքներից, Ֆիրդուսագիտության մեջ նորություն չէ, իհարկե<sup>4</sup>, «Պարսկական վեպ իսկական մտքով պետք է համարել փահլեանների առասպելները. թագավորների պատմությունը, որ կցված է դրանց, եկամուտ տարր է վեպի մեջ և նպատակ ունի լրացնել և պատմական միություն ու ամբողջություն մտցնել վիպական նյութի մեջ»<sup>5</sup>:

Այդ հանգամանքը հաստատվում է բանաստեղծի՝ Ֆիրդուսի կողմից ևս: Նա իր մեծահամբավ գործում բազմիցս հիշել է, որ օգտվել է հին պատմություններից, առասպելներից, և այլ բանահյուսական ստեղծագործություններից: Այսպես, «Շահնամեի ծագումը» գլխում կարդում ենք.

Ինչ որ այժմ ես քեզ կասեմ՝ պատմել են դեռ շատ վաղուց  
Հավաքել են ամեն պտուղ իմաստություն ճոխ այգուց<sup>6</sup>:

Այսպիսի խոստովանություն պոետն արել է նաև մի այլ տեղ՝ Ռոստամի հոր՝ «Զալի ծնունդը» գլխում.

<sup>3</sup> «Былины». Вступительная статья, подбор текстов и примечания П. Д. Ухова, М., 1957, стр. 16—17.

<sup>4</sup> Абуль Касим Заррэ, Очерк литературы Ирана, «Восток», сборник второй, М.—Л., 1935, стр. 36. Ավ. Եսիսուպոյան, Շահնամեն և հայկական աղբյուրները, Երևան, 1967, էջ 69.

<sup>5</sup> Ի. Աբրահամյան, Ֆիրդուսին և իր Շահնամեն, Քհհրան, 1934, էջ 122:

<sup>6</sup> Ֆիրդուսի, Զալ և Ռուպրե, Շահնամեից, թարգմ. Ս. Ուսուլյան, Երևան, 1964, էջ 14:

Իսկ հս հիմա ձեզ կպատմեմ մի պատմություն հինավուրց, Ավանդական այս զրույցը մեզ հայտնի է շատ վաղուց<sup>7</sup>։

Ժողովրդական բանահյուսության և «Շահնամեի» այսպիսի փոխադարձ կապերի մասին ականավոր արևելագետ, ակադեմիկոս Հ. Ա. Օրբելին գրել է, որ «...Ֆիրդուսին, ստեղծելով իր էպոսը, այդ գանձարանի մեջ ամփոփեց Իրանի ֆեոդալական միջավայրի պատմական ավանդությունների և հին պատմվածքների ամբողջ հարստությունը, մի միջավայրի, որտեղ ապրել ու աճել է նա, իսկ այդ միջավայրը շատ ավելի լայն է, քան նրա հարազատ Խորասանի մարզի և նույնիսկ ամբողջ Իրանի սահմանները»<sup>8</sup>։

Այս իմաստով բացառված չէ, որ հանձարեղ պոետն օգտված լիներ նաև մյուս իրանական և ոչ իրանական արևելյան հարևան ժողովուրդների բանահյուսական նյութերից։ «Մի՞թե,— գրում է Հ. Ա. Օրբելին,— քրդերի, օսերի, հայերի<sup>9</sup>, վրացիների, տաջիկների մեջ մինչև այսօր էլ չեն հնչում հեռավոր ժամանակներից պահպանված այն ռապսոդիաները, որոնք վեր են ածվել Ֆիրդուսու հստակ, հնչեղ մելոդիկ ոտանավորներին»<sup>10</sup>։

Ռոստամը և նրա մասին հյուսված բազմաթիվ հին ու նոր ստեղծագործությունները, բացի պարսիկներից, տաջիկներից<sup>11</sup> և մյուս հարևան ժողովուրդներից, իրոք, շատ վաղուց հայտնի են իրանական լեզվախմբին պատկանող քրդերին ևս։ Այս ժողովրդի մեջ նշված ստեղծագործության հերոսը և նրա շուրջը ստեղծված բանահյուսական տարբերակները այնքան են մերվել ժողովրդի բանահյուսությանը, որ Ռոստամին հրեմն վերագրվում է քրդական ծագում։ Այսպես, XVI դարի պատմաբան Շարաֆ-խան Բիթլիսին, հիշատակելով քուրդ ժողովրդի նշանավոր հերոսներին՝ Ռոստամի մասին գրել է. «Փղամարմին, քաջասիրտ, անխոցելի Ռոստամ Զալը, որ ապրում էր Քեյ Ղուբաթ թագավորի օրոք, բուրդ է»<sup>12</sup>։

<sup>7</sup> Նույն տեղում, էջ 26։

<sup>8</sup> А. И. Орбели, Шах-намэ, сб. «Фердовси», Л., 1934, стр. 2.

<sup>9</sup> Գեոուս 5-րդ դարում Մ. Խորենացին իր «Պատմություն հայոց» գրքում հիշատակել է Ռոստամին, որ ըստ ավանդության ունեցել է հարյուր ջոտասուն փղի ուժ (տե՛ս Մ Խորենացի «Պատմություն հայոց», Տփղիս, 1913, էջ 114—115)։ Այդ տեղեկությունը գրավոր ամենավաղ հիշատակությունն է Ռոստամի մասին։

<sup>10</sup> И. Орбели, Избранные труды, Ереван, 1963, стр. 540.

<sup>11</sup> В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, стр. 85.

<sup>12</sup> Шараф-хан Бидлиси, Шараф-наме, т. 1, М., 1967, стр. 84.

Ռոստամի Զալը քուրդ ժողովրդի մեջ այնքան հարազատ և հանրաճանաչ է դարձել, որ քրդական որոշ ցեղեր մինչև այսօր էլ իրենց համարում են այդ առասպելական հերոսի հետնորդները<sup>13</sup>:

Հայկական ՍՍՀ Հոկտեմբերյանի շրջանի Ղամշլու (ներկայումս Նդեզնուտ) գյուղի նախկին բնակիչ, Վանի նահանգից գաղթած քուրդ գրող, հանգուցյալ Ահմադե Միրազին մեզ հայտնեց մի ուրիշ տեղեկություն ևս, թե շկակ քրդական ցեղը՝ Ավդոյանց տոհմը (գերդաստանը), որ բնակվում է Իրանական Քրդստանում, նույնպես իրեն համարում է Ռոստամե Զալի զարմի հետնորդ և նրա անունով կոչվում:

Ռոստամե Զալը, նրա զարմի անդամները՝ Զալը, Բեժանը, Գևոն, Գուդարզը և մյուսները, իբրև ժողովրդի հերոսներ հիշվել ու հիշվում են ինչպես միջնադարյան, այնպես էլ ժամանակակից քուրդ գրողների ստեղծագործություններում:

XVII դարի քուրդ պոետ, մեծ հումանիստ Ահմադե Խանին, որին ակադեմիկոս Հ. Ա. Օրբելին դասում է Ֆիրդուսու և Ռուսթավելու շարքին<sup>14</sup>, իր «Մամ ու Զին» հայտնի պոեմում իբրև ուժի, գեղեցկության, ճշմարտության սիմվոլ հաճախ հիշում է Ռոստամին և մեծ սիրով խոսում նրա մյուս զինակիցների սխրագործությունների մասին<sup>15</sup>:

Ռոստամին ներբողներ են նվիրել նաև ժամանակակից պոետները: Այսպես, Սիրիայի քուրդ առաջավոր պոետ Զազարխոնը Ռոստամին դասում է քուրդ առասպելական այն հերոսների շարքը, որոնք պայքարել ու պայքարում են քուրդ ժողովրդի ազատագրման և ինքնուրույնության համար<sup>16</sup>:

Ռոստամի շուրջը ստեղծված դրույցները, ավանդությունները դարերի ընթացքում ամուր հող են գտել քուրդ ժողովրդի մեջ, իսկ Ռոստամը դարձել է ժողովրդի ամենասիրելի հերոսներից մեկը՝ ուժի, համարձակության, ազնվության շափանիչը: Այդ առումով նա հանդես է գալիս նաև բանահյուսական այլ նմուշներում՝ հեքիաթներում, հերոսական և սիրային երգերում, վիպերգերում և այլն: Այսպես, «Դալալ» տարածված երգում քուրդ սիրահարված

<sup>13</sup> E. B. Soane, To Mesopotamia and Kurdistan in disguise, London, 1926, p. 377.

<sup>14</sup> Вводная статья И. А. Орбели к сборнику «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, стр. 1—2.

<sup>15</sup> Ахмед Хани, Мам и Зин. Критический текст, перевод, предисловие и указатели М. Б. Руденко, М., 1962, стр. 52, 64, 70, 139, 158, 164, 177, 182.

<sup>16</sup> Cegerxwin, Sewra azadi, Şam, 1954.

աղջիկը դիմելով իր սիրած երիտասարդին ասում է. «Այ քեզ մատաղ, դու որ կաս ինձ համար Ռախշե Բալաքի հեծյալ Ռոստամն Ջալն ես, որի կուրծքը նման է Քնքո բերդի պարիսպներին»:

Ռոստամն Ջալը որդեգրվելով քուրդ ժողովրդի կողմից, բանահյուսույթյան մեջ հիշվում է իր յոթ նախորդներով կամ ինչպես ասում են՝ իր յոթը պորտով, մի հինավուրց սովորույթ, որ մինչև այսօր էլ պահպանվում է ժողովրդի մեջ: Հիշյալ նախորդներն են՝ Ղարամանը, Նարիմանը, Սամը, Քամը, Դալը, Ջալը և ապա Ռոստամը, այսպես.

Р'остәм көр'е Зал,	Ռոստամ կուռե Ջալ,
Зал көр'е Дал,	Ջալ կուռե Դալ,
Дал көр'е К'ам,	Դալ կուռե Քամ,
К'ам көр'е Сам,	Քամ կուռե Սամ,
Сам көр'е Нәриман,	Սամ կուռե Նարիման,
Нәриман көр'е Қәрәман,	Նարիման կուռե Ղարաման.
կամ՝ Р'остәме Зал,	Ռոստամն Ջալ,
Зале Дал,	Ջալն Դալ,
Дале К'ам,	Դալն Քամ,
К'аме Сам,	Քամն Սամ,
Саме Нәриман,	Սամն Նարիման,
Нәримане Қәрәман.	Նարիմանն Ղարաման:

Թարգմանաբար նշանակում է, թե Ռոստամը Ջալի որդին է, Ջալը՝ Դալի, Դալը՝ Քամի, Քամը՝ Սամի, Սամը՝ Նարիմանի, Նարիմանը՝ Ղարամանի<sup>17</sup>:

Հատկանշական է նաև այն հանգամանքը, որ այդ էպոսի հերոսների անձնանունները քրդերի մեջ ևս շատ են սիրված ու տարածված և շատ քրդեր այժմ էլ կրում են Ռոստամ, Ֆարամազ, Բրզո, Սարզանգազար, Ֆրանգիս, Թուզո, Ալվազ, Բեժան (որ նաև ձիու անունն է), Մանիշա և այլ անուններ:

Այդ հերոսները թե անձնանուններով, թե իրենց շուրջը ստեղծված հերոսապատումների տարբերակներով հարազատ լինելով

<sup>17</sup> Բնականաբար անձնանուններն իրար հետ շաղկապված են քրդերեն լեզվի քերականական կապակցությունների համաձայն—с (հ) և—и —(ի) իդաֆետների միջոցով: Այդպիսի իզաֆետներով են իրար հետ կապված նաև մյուս հերոսների անձնանունները, ինչպես՝ Մեհրաբե Ղարլ, Ղալն Գարգար, Ժիրկե Մլա, Խալոսե Նարազա, Լոշի Ջալըմ, Արուզեթի բըն Ջալեթ, Սալմանի Մընդի, Խաուսարի Շեր և ուրիշներ:

քուրդ ժողովրդին, հաճախ նույնիսկ նրա անվան տակ են հանդես գալիս, օրինակ, «Ռոստամե Զալ և Աֆրասյաբը» քրդական տարբերակում ասվում է.

Աֆրասյաբն հարցնում է Փիրանին.

—Մրանք ուզե՞ր են, որ կու՞վում են մեր դեմ:

—Դրանք,—ասում է Փիրանը,—քրդերի շտերն են (խոսքը վերաբերում է Ռոստամի որդիներին՝ Ջոհրաբին և Ֆարմազին), իսկ եթե դու նրանց հորը հանդիպես, վիճակդ ի՞նչ կլինի:

Բացի դրանից, ըստ մեր ձեռքի տակ եղած պատումների, Ռոստամը երևան է գալիս նաև ուրիշ՝ գողարդյա, զարոյա, նավզարյա և քուրդ այլ տոհմերի ներկայացուցիչների հետ<sup>18</sup>:

Ներկայումս մեր ձեռքի տակ են գտնվում «Ռոստամե Զալ» էպոսի քսանից ավելի քրդական պատումները, որ գրի ենք առել տարիների ընթացքում: Դրանցից են՝ «Զալի հեթաթը», «Ռուդալան», «Ռոստամի և Մըշըրզի կռիվը», «Ռոստամի մանկությունը և կռիվը», «Ռոստամը գնում է Զինաստան», «Ռոստամե Զալը և իր տղա Բրզոն», «Ռոստամը և իր տղա Ֆարամազը», «Սպիտակ դևի և Ռոստամե Զալի կռիվը», «Ռոստամի և Ալֆասյարի կռիվը», «Ռոստամի վախճանը» և ուրիշներ: Այդքան շատ ստեղծագործությունները մեզ հիմք են տալիս ասելու, որ ողջ ժողովուրդն է մասնակցել այդ էպոսի տարբերակների փոխառմանը, հորինմանը, մշակմանը, ճյուղավորմանը<sup>19</sup>, տարածմանը և դարերի խոսքից սերնդե սերունդ ավանդելով հասցրել է մինչև մեր օրերը, դարձրել մի ամբողջական զեղարվեստական ստեղծագործություն՝ իր հետաքրքիր սկզբնավորումով և ողբերգական վախճանով, որ հայտնի է «Ռոստամե Զալ» (Զալի որդի Ռոստամ) խորագրով:

<sup>18</sup> «Սիրավուխ» պատումում, որը ասել է շատախի հայ բանահավաք և բանասաց, հանգուցյալ Շահեն Կուժիկյանը, հանդիպում ենք հետևյալ էպիզոդին. հակառակ թաղավորի այն հրամանի, որ պետք է իր որդի Սիրավուխին սպանել, Գևույի հայրը՝ Գուդարզն ասում է. «Մենք քուրդ ենք, թաղավորի տղային չենք կարող սպանել»: Հետաքրքիր է նաև այն հանգամանքը, որ քրդական նույնանուն սոհմի մասին (գուդարզյա) հիշատակում է նաև 18-րդ դարի քուրդ պոետ Հարիս Բիթլիսին իր «Լեյլի և Մեջնուն» պոեմում.— Харис Битлиси, Лейли и Меджун. Перевод. предисловие и примеч. М. Б. Руденко, М., 1965, стр. 65. Г. Б. Акопов, Некоторые аспекты проблемы происхождения курдов в свете данных древнеиранской мифологии, см. «Востоковедческий сборник», II, Ереван, 1964, стр. 344—345.

<sup>19</sup> В. Ф. Миллер. Отголоски Ростомиады у курдов. «Этнографическое обозрение», 1891, т. 9, стр. 201—202.

Համանուն հերոսի շուրջը ստեղծված այս տարբերակները արտահայտում են քուրդ նահապետական ժողովրդի սոցիալ-տնտեսական կյանքը՝ ապրելակերպը, կենցաղը, ցեղամիջյան կոնվենսերը, դասակարգային հակադրությունները, ժողովրդի առաջավոր գաղափարախոսությունը:

«Ռոստամն Զալի» քրդական պատումների մեջ հիմնական թեման հերոսականությունն է: Ողջ էպոսը խմորված է ասպետական, հերոսական սխրագործություններով: Նրա փահլևանները՝ Զալը, Ռոստամը, Գևոն, Բեժանը, Բրզոն և ուրիշներ վեհանձն են, հպարտ, իրենց ուժերի վրա վստահ: Նրանք ամենուրեք հիշեցնում են, որ «իրանք պատկանում են Զալե զարմի դաստային՝ տոհմին»: Այդ զարմի անունը, պատիվն ավելի բարձր են դասում, քան իրենց անձը: Անօգնականներին պաշտպանելու համար պատրաստ են մենամարտելու նույնիսկ ամենաուժեղների հետ: էպոսում շոշափված մյուս կարևոր հարցը հայրենասիրությունն է, որն արտահայտվում է Իրանը, նրա մեջ մտնող Զաբլ բերդը ու նրա շրջակայքը պաշտպանելու, ավերածություններ առաջ բերող թուրանյան հորդաններին ոչնչացնելու գործում:

Աշխատավոր ժողովրդի նկատմամբ ունեցած նվիրվածությամբ աչքի են ընկնում Զալի գերդաստանի բոլոր անդամները և նրա կողմնակից տոհմերը: Նրանք իրենց գործունեությամբ ու վարվելակերպով արտահայտում են աշխատավոր ժողովրդի ցանկությունները, իղձը և դրանով էլ էպոսը վայելում է մեծ ժողովրդականություն:

«Ռոստամն Զալ» էպոսը ոգևորության անսպառ աղբյուր է եղել, սերունդների դաստիարակման անզուգական հուշարձան: Նրա հերոսները՝ Զալը, Ռոստամը, Գևոն, Զոհրաբը, Սիավուխը, Բեջանը և ուրիշները անմահացիլ են, հար և նման քրդական մյուս վիպերգերի հերոսների՝ Մամիի, Ղարաթազիի, Սիբրանդի, Կառու Քուլուկ եղբայրների, Խանն Ճանկզեռնի և այլնի:

«Ռոստամն Զալի» քրդական պատումների տղամարդ հերոսների հետ, թեև քանակով փոքրաթիվ, հանդես են գալիս նաև կանայք՝ աղջիկներ, մայրեր: Նրանք աչքի են ընկնում ոչ միայն իրենց բարոյականությամբ, իդեալական ասպետական սիրով, նվիրվածությամբ՝ հարազատների հանդեպ, այլև իրենց քաջագործություններով և այդ ասպարեզում շեն զիջում Զալի զարմի ոչ մի տղամարդու, փահլևանի: Ավելին, նրանք նույնիսկ հաղթում են քաջակորով Զալին (Ռուզավան), անխոցելի հսկա, փղամարմին

Ռոստամին (իր աղջիկը) և ուրիշները: Մեր գրառած պատումներից մեկը կրում է «Ռուզավա» խորագիրը: Այստեղ գլխավոր հերոսը Ռուզավան է, իսկ Ջալը և նրա գերդաստանի մյուս փահլանները երկրորդական տեղ են գրավում: Քաջակորով Ռուզավան Ջալի հետ գոտեմարտելիս կարող էր նրան հաղթել, զետին տալու, բայց զգալով ախոյանի ֆիզիկական ահռելի ուժը, համարձակությունը, անվաստությունը, գիտակցաբար անձնատուր է լինում և նոր միայն հայտնում, որ ինքը կին է ու համաձայնվում է նրա հետ ամուսնանալ, որպեսզի նրանից ունենա նույնպիսի քաջատոհմիկ արու ժառանգ: Թվում է, թե սա մի հուշ է այն հեռավոր անցյալից, երբ տիրում էր մայրիշխանությունը և երբ մայրկինն ինքն էր վճռում, թե ով է իրեն արժանի:

Կնոջ խելքի, հնարամտության մասին է խոսում նաև հետևյալ բնորոշ էպիզոդը: Ռոստամը իր որդուն՝ Ջոհրաբին շճանաչելով սպանում է և հիասթափվում է աշխարհից, մատնվում է մեկուսացման և միայն մի պառավ կնոջ՝ կյանքի նկատմամբ ունեցած առողջ դատողության շնորհիվ փրկվում է հոգեկան շփազանց ծանր խանգարումից: Այնտեղ ասվում է, որ մի պառավ կին ամեն առավոտ սև թաղիք է տանում հեռու գտնվող արվակի ջրով լվանում: Տնից խռոված Ռոստամը նկատում է պառավին, խղճում նրան, ու ասում.

— Այ, մայրիկ, բավական չէ՞ էդ թաղիքը լվանաս:

— Թաղիքը սև է, ուզում եմ սպիտակեցնել, — ասում է պառավը:

— Բա սևը սպիտակ կդառնա՞, — զարմացած հարցնում է Ռոստամը:

— Եթե սևը սպիտակ չի դառնա, հապա մեռածը կկենդանանա՞, որ դու քեզ դրել ես այդ վիճակի մեջ, — ասում է պառավը:

Նոր միայն Ռոստամը սթափվում է և վերադառնում հայրական տուն:

«Ռոստամի Ջալի» մեր գրի առած քրդական պատումներում կանայք նման չեն մահմեդական որոշ ժողովուրդների անօգնական կանանց: Սրանք աչքի են ընկնում իրենց ազատասիրտությամբ, համարձակությամբ, սխրանքներով: Նրանք ամենուրեք հաղթանակով են դուրս գալիս, գլխատում նույնիսկ այնպիսի յոթգլխանի դևերի, որոնցից սարսափում է անգամ ինքը՝ հսկաների հսկա Ռոստամը, այդպիսիններից է նրա աղջիկը: Էպոսի կանայք մեծ հարգանք են վայելում իրենց շրջապատում: Իրանի շահից խռոված Ռոստամը եր-

բեք շէր համաձայնվի իրանը թշնամուց փրկել, եթե շահագեր իրեն դիմող կանանց խնդրանքը:

Ակամայից մտաբերում ենք քրդերի մեջ մինչև այժմ գոյություն ունեցող սովորույթը, ըստ որի տղամարդկանց միջև տեղի ունեցող կոիվը դադարեցվում է, երբ որպես հաշտարար հանդես է գալիս կինը:

«Ռոստամն Զալ» էպոսի հերոսները արտահայտելով աշխատավոր ժողովրդի ձգտումներն ու ակնկալությունները, հիշեցնում են հայկական «Սասունցի Դավիթ» էպոսի հերոսներին: Քրդական բանահյուսության մեջ այդ երկու էպոսների հերոսների նույնեցման, հոգեհարազատության մասին, ակադեմիկոս Կ. Մելիք-Օհանջանյանը գրել է. «Քուրդ աշխատավոր մասսան երկար դարեր ապրելով հայ գյուղացու հարևանության մեջ՝ յուրացրել է և հարազատ դարձրել «Սասնա ծռեր» հայ ժողովրդական վեպը: Նա էլ է պատմում ու ասում «Սասնա տունը» և Ֆոլկլորի գոյացման ոգուն համապատասխան միաձուլում տարբեր ծագում ունեցող վեպերը: Քուրդ վերսիայումն էլ տեղի են ունենում նույն տեղայանացման ու ազգայնացման պրոցեսը, ինչ-որ նկատեցինք հայ-իրանական վեպի պատումներում: Այդ վերսիաներում Դավիթը սասունցի լինելով հանդերձ՝ ազգությամբ քուրդ է, նրա հոր՝ Մհեբրի անունը քրդերեն Զալ է. „Р’остэм кӊр’е Зал, Зал кӊр’е Кал. Кал кӊр’е Сасум Кр-ал“ (Ռոստամ՝ որդի Զալի, Զալ՝ որդի Կալի, Կալ՝ որդի Սասուն-Կալի,—ալսպես է պատմում կառկացի Խուզոն, որը, հարկավ, լսած ու սորված պիտի լինի քուրդ ասացողից»<sup>20</sup>:

Իր համամարդկային նպատակադրումներով «Ռոստամն Զալի» քրդական տարբերակները միաժամանակ մեզ հիշեցնում են ագրեջանական «Քյոռուղլի» էպոսի պատումները, որոնք նույնպես լայն տարածում են գտել արևելյան գրեթե բոլոր ժողովուրդների մոտ, դարձել նրանց ամենասիրված ստեղծագործություններից մեկը<sup>21</sup>:

Այդ էպոսներն իրար համալրել և իրենց տարբերակներով դարեր շարունակ քայլել են տարբեր դավանանքների ու կրոնների

<sup>20</sup> Կ. Մելիք-Օհանջանյան, Ֆիրդուսին և Իրանի վիպական մոտիվները «Շահ-Նամեում» ու հայ մատենագրության մեջ, տե՛ս «Ֆիրդուսի» ժողովածու, Երևան, 1934, էջ 115—116:

<sup>21</sup> Զ. Զեղի, Քյոռուղլի էպոսի քրդական պատումները, Երևան, 1953, էջ 10—11:

պատկանող ու տարբեր լեզուներով խոսող ժողովուրդների հետ: արտահայտելով նրանց առաջավոր ձգտումները, ժողովուրդների բարեկամության վսեմ գաղափարը:

«Ռոստամե Զալ» էպոսի քրդական պատումները աչքի են ընկնում գեղարվեստական բարձր արվեստով: էպոսի ճյուղերի հարուստ և գրավիչ բովանդակությունը, գեղարվեստական կուռ կառուցվածքը, գեղեցիկ պատկերները, համեմատությունները, թեալ որ արտահայտությունները, էպիտետները, հարուստ բառապաշարը, պարզ և անպաճույճ ոճը, առածները, ասացվածքները, լեզվական տարբեր դարձվածքները, ժամանակի հետ անընդհատ փոփոխվում են, շիրքնեղով իրենց ազգային ինքնատիպությունը:

Ըստ ձևի «Ռոստամե Զալը», ինչպես և մյուս քրդական էպիկական ստեղծագործությունները, արձակ է, շարժված հատվածներով: Չարիքը, որ հաճախ երգով է ասվում, ունի ազատ կամ խառը տաղաչափություն, որոնց կազմավորման կարևոր հանգամանքը յուրաքանչյուր տողի ինքնուրույն շարահյուսական միավոր լինելն է: Տողերը, ինչպես նաև տները, իրարից անջատվում են մտքի ավարտով և համապատասխան դադարով: Երգվող հատվածները ասերգային բնույթի են, որոնց մեջ առաջին պլանի վրա է գտնվում խոսքը, իսկ մեղեդին հանդես է գալիս որպես ասելու, պատմելու միջոց, որը բնորոշ է քրդական լայնաշունչ երգերին՝ վիպերգերին և սիրային երգերին, ի տարբերություն պարերգերի, աշխատանքային և մանկական երգերի, որոնք մեծ մասամբ ունեն կանոնավոր տաղաչափություն և մեղեդիի պարբերական զարգացում:

«Ռոստամե Զալ» էպոսը, ինչպես նման այլ ստեղծագործությունները, ունեն կատարման յուրահատուկ ոճ: Դրանք անմիջականորեն են ընկալվում, մանավանդ, երբ վարպետ բանասացի կողմից են ասվում: Ունկնդիրը այդպիսի դեպքերում մի պահ իրեն մոռանում է, նայում պատմողի ձեռքերի շարժումներին, կրակ ցայտող աչքերին, դիմազծների անհանգիստ շարժումներին, լսում է նրա մերթ մերձ ու հանգիստ, մերթ դողացող ու արագ, մերթ բարձր ու ահարկու ելևէջներով ձայնը, մտնում է ինչ-որ պատերազմական ասպետական ռազմադաշտ, կարծես տեսնում է փահլեան Ռոստամին՝ Ռախշե Բայաքին հեծած, լսում է ահ ու սարսափ տարածող գուրգերի դղրդյունը, Ռոստամի ահեղադղորդ

ձայնը, որի ուժից անգամ «Օվկիանոսի բնակիչներն էլ դուրս են գալիս ցամաք», լսում է Ռախշի Բալաբի աշխարհասասան դոփյունը, անհամբեր ու սրտատրոփ սպասում հաջորդ հատվածներին և այդպես մինչև վեպի վերջը:

Ժողովրդի վառ երևակայությունը այս էպոսում ստեղծել է բազմաթիվ գեղեցիկ և տպավորիչ համեմատություններ, շափազանցություններ, որոնք պատումների անբաժան և օրգանական մասն են կազմում: Այսպես, «Ռոստամը մի սար է,—ասվում է մի պատումում,—նրա կուրծքն Իրանի պատնեշն է»: Հնանի և Ռոստամի միջև տեղի ունեցած կռիվը նմանեցվում է երկու ահռելի օվկիանոսների բախմանը: Նրանցից յուրաքանչյուրը համեմատվում է յոթ գլխանի կետ ձկների հետ, որոնք իրենց գլուխները հանել են օվկիանոսի խորքից և կռվի բռնվել: Նրանց կռիվն այնքան ահարկու է, որ ոմանք դարմանում են. թե «ինչպես պատահեց, որ նրանց կռվի ժամանակ աշխարհն իր տեղում մնաց, տեղահան չարվեց»: Կամ՝ Իրանի և Թուրանի կռվի ժամանակ «երկիրը պատվեց դարձավ վից շերտ, երկինքը՝ ութ», «թագավորը լաց եղավ, անձրևի երակների շափ նա արցունք թափեց»: Մի այլ տեղում կարդում ենք, թե՛ Ռոստամը դուրս եկավ, սկսեց գողգոռալ, շորս կողմը ձայն տալ: Մեծ ձորը նրա ձայնից թնդաց, ձորի ժայռերը, քարակույտերը գլորվեցին ցած ու մեծ գետը պղտորվեց: Ներքևի գյուղերի բնակիչները, որոնք այդ ջրից խմում էին, միմյանց ասում էին, թե «այս ախպեր, մեր ջուրը միշտ դուլալ է եղել, անձրև էլ չկա, էս ի՞նչ պատահեց, որ էսպես պղտորվեց»:

Կամ՝ Թուրանից փախչող Միավուխշի կինը՝ Ֆրանգիսը, իր հետ եկող Գևոյին ասում է. «Իմ հոր զորքը գալիս է. նրանց ոչ թիվ կա և ոչ էլ վերջ, ավելի շատ են, քան երկնքի աստղերը, ավելի շատ են, քան ծառերի տերևները, եթե դու կրակ դառնաս, նրանք բամբակ, դու նրանց շես կարող վառել, եթե դու լինես գարնան անձրև, դարձյալ շես կարող նրանց թրջել»: Գևոն ասում է. «Ես քո քուրդն եմ, դու ինչո՞ւ ես մտածում, վեր կկենամ նրանց կքշեմ մինչև իրենց քաղաքը»:

էպոսում գործող մի քանի հերոսներ հայտնի են իրենց մականուններով, որոնք փոխարինում են էպիտետներին: Ընդգծելու համար, որ Ռոստամը ուժեղ, ազդու և թշնամիների նկատմամբ սարսափ առաջացնող մորից է ծնվել, որի անունը Գեւափրուզա էր, ժողովրդական բանասացը վերջինիս արտաքինը նմանեցնում է վայրի գաղանի և բացատրում է, թե ինչպես մի օր նա գնացել

է անտառ, ծառեր կտրել, պատրաստի ցախը դրել պարանի վրա, այդ ժամանակ ծառի մի մեծ ճյուղ նրա դեմքին է կպել, երեսի վրա վերք է առաջացել և այդ վերքի տեղն այդպես էլ մնացել է: Դրա համար էլ նրա անունը Ռուդավան (Р'удѣ'вѣ) դրնցին, որը նշանակում է դազանադեմք: Մի ուրիշ օրինակ, Գևոն ունենալով արջի կերպարանք, կոչվում է նաև Тewoe hvpr—Այդ Գևո: Մի պատումում ասվում է. «Գուդարզի տղան՝ Գևոն, իսկական արջի նըման է, մարդ նրան տեսնելիս՝ վախից տրտաճաք է լինում»:

Գեղարվեստական հնարանքներից են երազն ու քունը: Դրանցից թե մեկի, թե մյուսի հետևանքով փոխվում է ստեղծագործության ողջ ընթացքը: Քնելը՝ այն էլ յոթ օր ու յոթ գիշեր, ոչ միայն հանգստի, ուժ հավաքելու, այլև ամենագործող բուժիչ միջոցն է կոչվող և վիրավոր Ռոստամի ու նրա թշնամիների համար: Այդ միջոցին ամոքվում են նրանց նույնիսկ մահացու և խոր վերքերը. և ապա նոր ուժեր հավաքելով նորից նետվում են կովի դաշտ: Իսկ երազի միջոցով, ինչպես կարելի է նկատել նաև ուրիշ ժողովուրդների բանահյուսական նմուշներում, կանխագուշակվում է, թե ինչ է լինելու և կամ իմացվում է, թե հերոսն ինչ վիճակի մեջ է: Հիշենք, օրինակ, Ռոստամի այն երազը, որով իմացվում է, թե Սիավուխի որդին՝ Խոսրովն, ինչպիսի վիճակի մեջ է և թե Սիավուխի հետ ինչ է պատահել Թուրանում: Երազն արագահաս միջոց է, որով հերոսները ղեկավարվում են:

էպոսում կարևոր տեղ են գրավում գուշակութունները և կախարդանքը: Դրանք հաճախ փոխում են հերոսների նպատակագրումները, ծրագրած միջոցառումները, առաջ են բերում հետաքրքիր իրավիճակներ, գեղեցիկ մտապատկերներ և ներշնչում առանձնակի ջերմութուն ու հմայք:

«Ռոստամե Զալ» էպոսում մեծ տեղ են գրավում բնության և Ռախշե Բալաթի հետ առնչվող գեղեցիկ, տպավորիչ համեմատությունները: Այդ պատկերներն ինքնանպատակ չեն, իհարկե, այլ պատումների օրգանական, անբաժանելի մասն են: Ռոստամե Զալը ժողովրդական հերոս է, նա ժողովրդի բարի կամքի համաձայն պիտի հաղթի իր երկիրը ներխուժած ղեկերին, թշնամիներին: Ուպեսզի նա հաղթի «անթիվ ու անհաշիվ պխոյաններին», նրա ուժը պիտի կրկնապատկվի ու եռապատկվի, նրա նիզակը, գուրզը պիտի դիպուկ ու խորտակիչ լինեն, իսկ Ռախշե Բալաթ նժույզը մտածող, խոսող պիտի լինի, ինչպես իր տերը՝ Ռոստամը: Նրա «ականջները» պիտի հասնեն երկինք, որպեսզի ամեն ինչ լսեն,

գլուխը հասնի ամպերին, որպեսզի «ամենուրեք տեսնի», ինքնա-  
թիո՞ր նման օդում սավառնի, որպեսզի ամենակարճ ճանապար-  
հով հասնի իր օգնութեանը սպասող սիրելի տիրոջը:

Արդո՞՞ք «Ռոստամի Զալի» պատումները առանց ջրային ծա-  
գում ունեցող այդ արտակարգ ձիու կարո՞ղ էին ստեղծվել: Այդ  
կենդանին «Ռոստամի Զալի» էպոսի կենտրոնական Ֆիզուրան է.  
նա Ռոստամի հետ է ամենադժվար տեղերում, զգայուն է, բանի-  
մաց, խորհրդատու, հսկայական ուժ ու մեծութուն ունի, կովող է,  
հաղթող:

Եվ այսպես, կարելի է բազմաթիվ օրինակներ բերել, ցույց  
տալու թե «Ռոստամի Զալի» քրդական պատումներում ինչպիսի  
բնական և արտահայտիչ ձևերով են հանդես գալիս գեղարվես-  
տական տարբեր հնարանքները, գեղեցիկ համեմատությունները,  
հիպերբոլիկ նկարագրությունները և այլն:

«Ռոստամի Զալի» տարբերակները դարեր շարունակ ժողո-  
վըրդի հետ են ընթացել, միշտ թարմանալով և նոր ճյուղավորում-  
ներ տալով, մշակվելով և վերափոխվելով: Եվ այժմ ինչպես ա-  
ռանց «Դըմդըմի», «Կառ ու Քուլուկի» և այլ հայտնի հերոսական  
վիպերգերի, այնպես էլ առանց այս էպոսի տարբերակների չի  
կարելի լրիվ պատկերացնել քրդական ժողովրդական հերոսապա-  
տումը:

Էպոսի տարբերակներում պահպանված են հեթանոսական  
շրջանից հկած սովորությունները: Մինչև այժմ էլ, ըստ բնապաշտ  
եզդիի քրդերի հավատալիքների՝ Ռոստամը Դաստան Զալե Զարի  
որդին է, իսկ վերջինիս զարմը, տոհմը համարվում է երկնային՝  
դյուցազնական օջախ՝ գերդաստան, սերելով յոթը միֆական ըն-  
տանիքից: Նրա զարմի անդամները անմահ են, երկնային ուժ ու  
կարողություն ունեն և որպես փահլեաններ մինչև այսօր էլ պայ-  
քարում են շարիքի և անարդարության դեմ, պաշտպանում իրենց  
երկիրը, օգնում թշվառներին, չքավորներին, օտարահայած փա-  
խստականներին, դառնալով նույնիսկ պաշտամունքի առարկա:  
Բնորոշ է եզդիական հետևյալ ասացվածքը, թե «Hfьp'e wan—  
Hfьp'ьh, dōae wan-dōa» (նրանց անեծքները՝ անեծք են, նրանց  
աղոթքները՝ աղոթք), ասել է, թե՛ նրանց անեծքներն ու աղոթք-  
ները կատարվում են: Մինչև այժմ հարատևող որոշ առասպելնե-  
րում, դիցաբանական ստեղծագործություններում անել վիճակում  
գտնվող, հրաշքի սպասող հերոսն իր գիտցած մի շարք երկնա-  
յին դյուցազների հետ թվարկում է նաև Զալի օջախի փահլեաննե-

րին՝ Ռոստամին և այլոց, թե՛ «Йа мала Зале, тō һәwара мә бей» «Йа Р'остәме Зал, тō һәwара мьн бей» — (ով Ջալի օջախ, դու մեզ օգնության հասնես, կամ ով Ռոստամ, դու ինձ (կամ՝ մեզ) օգնության հասնես): Ջալը և մասնավորապես Ռոստամը քրդական հերիաթների գլխավոր հերոսներն են, փրկարարներ, ազատարարներ, բարի դորժ կատարողներ: Ահա թե ինչո՞ւ Ջալի օջախը սրբության և անգամ երդման անխախտ օրենք պիտի համարվի քուրդ ժողովրդի եզիդի հատվածի մեջ:

Սակայն ոչ միայն Ջալի դարմի փահլևաններ են այդպես, այլև նրանց դարմի հետ սերտ կապ ունեցող սրբացած և պաշտամունքի առարկա դարձած հեթանոսական շրջանին պատկանող լեզենդար Թәйре Симьр՝. Տայրե Սիմըռը՝ սիրամարգ և կամ սիրամուրդ թռչունը, հավքը, որը «Շահնամեում» հիշվում է սիմուրդ անունով: Վերջինս Ջալի ընտանիքի խորհրդատուն է, օգնողն ու բուժողը: Նա խոսում է, իր մեջքին նստած Ռոստամին տանում է ցանկացած հեռավոր վայրը, երկիրը, թռիչքներով վարժեցնում Ռոստամի ձիուն՝ Ռախշե Բալաքին և այլն:

Հատկանշական է նաև այն հանգամանքը, որ այդ առասպելական թռչունը մտել է քուրդ ժողովրդի կենցաղի մեջ և հաճախ հիշատակվում է նաև բանահյուսական այլևայլ ստեղծագործություններում: Մինչև այժմ էլ սովորույթ է դարձել խնդրանքի այսպիսի դարձվածք, թե՛ *бьдч хатьре Тәйре Симьр*՝ (ի սեր սիրամարգ թռչունի կամ ի հարգանս սիրամարգ հավքի) այս բանն այսպես արաւ ի դեպ, այս հավքը՝ սիմուրդը — սիմըռը (սիրամարգը) հիշեցնում է առասպելական թառուլ *طاول* թռչունին, որին եզիդիները պաշտում ու հավատում են<sup>22</sup>, նրա ձուլածո արձանի առաջ պարում են, երգում և մոտր եղած ձուլված բաժակից ջուր շաղ տալիս իրար վրա, կատարում են նվիրատվություններ, զոհաբերություններ<sup>23</sup>: (Мәләки Тауьс — Մալաքի Թաուլ) Թաուլի անուն տալը եզիդիների կրոնական մեծագույն երդումներից է: Որևէ եզիդության իսկությունը ցույց տալու համար ասում են Мәләки Тауьс (Մա-

<sup>22</sup> E. B. Soane, To Mesopotamia and Kurdistan in disguise, London, 1926, p. 100; E. Вейденбаум, Путеводитель по Кавказу, Тифлис, 1888, стр. 68, 74, 76—77; Чжисмбә, Сокровища мельк тауза, роман, М. Л., 1928.

<sup>23</sup> Մալաքի Թաուլի արձանն օտարներից ցույց չի տրվում, դա Հարավային Քուրդիստանի Սինջարի շրջանի եզիդի դավանների մոտ է գտնվում: Նրանք եզիդական բնակավայրեր այցելելիս այդ արձանը վերցնում են իրենց հետ, մանածում, հավաքում տարեկան հոգևորական նվիրատվությունները:

լաքի Քաուզ), կամ ուղղակի Тауысе (Քաուզե), դա արդեն բավական է, որ առարկութիւնը վերջ տրվի:

Պաշտամունքի առարկա է դարձել նաև Աշկարի Դեմզարը— Ռախշե Բալաքը՝ դուցազն Ռոստամի հավատարիմ, անմահ և իր մեծութեամբ բերդի նմանվող աներևույթ ձին: Ըստ ավանդութեան նա նույնպես խոսում է, հասկացող է, դիտակից, օգուտ սլացող, գետնի վրա արագավազ (ինչպես Խրզընաբիի՝ սուրբ Սարգսի աներևույթ ձին), մխրճվում է ամպերի և կամ ծովերի խորքերում: Հրաշք ձիու այդպիսի հատկութիւնները հանդես են գալիս նաև ժողովրդական բանահյուսութեան մյուս նմուշներում, հեքիաթներում, ավանդութիւններում և այլն:

Այսպիսով, Мала Зале Զալի գերդաստանը, օջախը, զարմը և նրա հետ կապված սիրամարգ թռչունն ու Ռախշե Բալաք նժույգը «Ռոստամե Զալ» էպոսի մեջ միաժամանակ իրենց իսկ նպատակասլաց գործունեութեամբ բացահայտում են եզիդի քրդերի հնագույն տեղական հավատալիքների ակնհայտ հետքերը<sup>24</sup>:

«Ռոստամե Զալի» քրդական տարբերակներում արտահայտված են նաև բարու և չարի, լույսի և խավարի գաղափարները: Բոլոր նրանք, ովքեր հնագույն ժամանակներում շեն հետևել բնապաշտութեան և երկաստվածութեան, այն է՝ զրադաշտական հավատալիքների, որոնց հետևել են մարերը՝ քրդերը և այժմ էլ հետևում են եզիդի քրդերը, համարվել են անհավատներ, չարեր, դեեր, խավարամուլներ, անգամ քաֆուրներ: Շնտազայում, երբ քրդերի մեծամասնութիւնն ընդունել է մահմեդականութիւն, «քաֆուր» են անվանել այն ցեղերին ու ժողովուրդներին, որոնք շեն ընդունել նոր կրոնը, և Ռոստամը այս անգամ հանդես է եկել մահմեդական կրոն տարածողի անվան տակ, մի բան, որը հանդիպում է մեր որոշ տարբերակներում:

Չնայած դրան, երբ քննութեան ենք առնում էպոսի այս կամ այն տարբերակը, իսկույն երևում է հինը՝ նախամահմեդական կրոնի հնագույն վերապրուկները: Եվ դա բնական է ու հասկանալի, որովհետև, ինչպես ակադեմիկոս Մ. Աբեդյանն է գրում, «Արդարև, հին դուցազնական առասպելները ամենայն ժողովրդի մեջ ևս շատ դժվար են մոռացվում, դրանք երկար դարեր ապրում են ժողովրդի բերանում, այսպես ասած՝ միշտ հին պատմա-

<sup>24</sup> Մտոր գրում է. «Առայժմ պարզ է մի բան,— եզիդիականութեան մեջ մենք ունենք հնագույն տեղական կրոնական ուսմունքի վերապրուկ»: „Еще о славянском челеби“, Пб., 1911, стр. 40—41.

կան հագուստի տեղը նորը հագնելու... Դյուցազնական առասպելները, որոնք հիմք ունեն հին հեթանոսական հավատալիքները, միշտ նորոգվելով հարուստն են առնում»<sup>25</sup>:

«Ռոստամի Զալի» տարբերակները մինչև այժմ էլ մեծ մասամբ պատմում են եղիդի քրդերի ժառանգական և անգրագետ կրոնավորները, որոնք սերնդե-սերունդ ավանդելով այդ տարբերակները՝ դասել են իրենց հնագույն առասպելների և դյուցազներգությունների շարքը: Այսպես, Հայկական ՄՍՀ Աշտարակի շրջանի Շամիրամ գյուղի բնակիչներ՝ հայտնի Փիր Ուուբը և շեյխ Քալաշը գիտեին էպոսի գրեթե բոլոր տարբերակները՝ Ռոստամի մանկությունից սկսած մինչև նրա վախճանը և պատմելով գրանք շաբաթներով զբաղեցրել են իրենց ունկնդիրներին:

Մառը գրում է. «Որ միշավայրում հեթանոսությունն ավելի համառ է դիմանում, այնտեղ էլ ավելի բարձր է կանգնած եղել նրա...»: «Քրդերի երգերն իրենց հիմնական նորմաներով և մոտիվներով (եղանակներով) մի հարստություն է, որ նրանք ժառանգել են հեթանոսությունից, այն հեթանոսական կրոնից, որը մի ժամանակ (երբեմն) ներառում էր իր հետևորդների թվի մեջ նաև բազմաթիվ քրդական ցեղեր...»<sup>26</sup>:

Ահա թե ինչու այդ բանահյուսությունը սիրելի պիտի լիներ «քրիստոնյա հայերի» և «մուսուլման տաճիկների» համար: Նրա «ոչ կրոնական երգերը», որոնք հորինված են «ինչպես սիրային, այնպես էլ հերոսական սյուժեով», հերոսական և սիրային վիպերգերն ու մյուս ստեղծագործությունները, ինչպես հայտնի է, պատվավոր տեղ են գտել թե՛ հայ, թե՛ ասորի և թե՛ մուսուլման ժողովուրդների բանահյուսությունների մեջ: Ընդ թվում է,— շատ նրբին նկատել է Մառը,— որ քրդերի ժողովրդական բանահյուսական հարստությունը սիրտորեն կապված է այն ազգային առավելությունների հետ, որ նրանք ունեն հարևանների՝ մուսուլման տաճիկների ու քրիստոնյա հայերի նկատմամբ: Այս ժողովուրդները հիմնովին դավաճանել են վաղեմի ժողովրդական կրոնական ավանդություններին (հեթանոսությանը— Ն. Զ.): Քանի դեռ նրանք ըստ լեզվի քուրդ էին մնում, պարսիկների նման լիովին չէին կտրվում ժողովրդական կրոնական սովորություններից, անգամ այն ժամանակ, երբ ընդունում էին իսլամը»<sup>27</sup>:

<sup>25</sup> Մ. Արեղյան, Հայ ժողովրդի վեպը, արտատպված «Ազգագրական հանգեսի» 1906—1908 թթ. զրթերից, Քիֆլիս, 1911, էջ 181:

<sup>26</sup> Н. Мара, Еще о слове «челеби», Пб., 1911, стр. 31.

<sup>27</sup> Նույն տեղում, էջ 30:

Դրանով էլ պետք է բացատրել քրդական բանահյուսության հարազատությունը դրացի քրիստոնյա և մահմեդական ժողովուրդներին, ինչպես նաև դրա որոշ նմուշների փոխանցումը նրանց մոտ: Քվում է, թե այդ նմուշներից մեկն էլ պետք է համարել «Ռոստամե Զալի» քրդական տարբերակները, որոնք, ինչպես կտեսնենք, քրդական միջավայրից փոխանցվել են լեզվով և կրոնով տարբեր այդ ժողովուրդների բանահյուսությունների մեջ: Օրինակ, այդ կարգի փոխանցում հետագայում նկատվում է դրացի հայ ժողովրդի բանահյուսության մեջ՝ դասվելով հայ իրականության մեջ գոյություն ունեցող «Ռոստամ Զալին» վերաբերող տարբերակների շարքը: Այդպիսի նյութ մեզ տալիս է «էմինյան ազգագրական ժողովածուի» Ծ հատորը, որը կոչվում է «Հայ-քրդական վեպ»: Այս ժողովածուի մեջ, բացի մի շարք այլ քրդական բանահյուսական նյութերից, տեղ են գտել նաև «Ռոստամե Զալի» շորս պատում՝ «Ռոստամ ու Զալ» (էջ 3—13), «Ռոստամ և Ադամբօթի ու Դյուրո» (էջ 14—24), «Ըոստամի Զալ» (էջ 25—39) և «Բեճան» (էջ 40—53): Աներկա գիրքը,— գրում է Գր. Խալաթյանը խմբագրության կողմից,— «էմինյան ազգագրական ժողովածուի» հինգերորդ հատորն է կազմում ...բացի բուն քրդականից՝ նորա մեջ կան և ընդհանուր իրանական վիպական եղանակներ, որ հետաքրքրական արձագանք են Ֆիրդուսու «Շահնամեի» և կամ գուցե վարիանտներ պարսից վեպի՝ յուր ավելի հնագույն ձևերով» (էջ 6):

Այստեղ քրդակուն և հայկական բանահյուսության փոխհարաբերության մասին<sup>28</sup> չէ խոսքը, որ իր հերթին շատ հետաքրքրական է, այլ խոսքը վերաբերում է «Ռոստամե Զալի» քրդական պատումների փոխանցմանը հայկական ֆոլկլորի մեջ<sup>29</sup>: Այս հարցը հիմնավորվում է նաև հայկական ու քրդական բանահյուսությունը գրի առնող և հրատարակող հանգույցայ Ս. Հայկունու գրառումներով: Նա գրել է, որ «Ըոստամի Զալ» և «Բեճան» պատումները ասվել են՝ քաջբերունյաց Արծկեի Առընձկույս գյուղի բարբառով. «Ասած է Դավո Մուխսի Հարությունյան, լսած է փոքր ժամանակին մի հայե, սակայն ընդհանրապես

<sup>28</sup> Ն. Ջեղի, Հայ և քուրդ ժողովուրդների բարեկամության արտացումը բանահյուսության մեջ, Երևան, 1965 թ.:

<sup>29</sup> Բ. Խալաթյանց, Իրանի հերոսները հայ ժողովրդի մեջ, Պարիս, 1901, էջ 9: Քոռու Ազատյան, Ռոստամ Զալի մասին, տե՛ս Ծ. Զարենցի անվան գրականության և արվեստի թանգարանի Քոռու Ազատյանի արխիվի 3-րդ բաժնի N 89 ձեռագիրը:



տարածվել են նաև հարևան ասորիներին մեջ: Այդ մեզ հայտնել է հանգուցյալ քրդագետ, ծագումով ասորի Իսահակ Մարտոզուվը:

Քրդական միջավայրից «Ռոստամն Զալի» տարբերակները փոխանցվել են նաև արաբների մեջ<sup>35</sup> և այլն:

Այս նկատառումներով բացատված չէ, որ «Ռոստամն Զալի» քրդական տարբերակները կարող էին փոխանցված լինել իրանական ժողովուրդների, այդ թվում պարսիկների բանահյուսության մեջ ևս: Նման հարցադրման կապակցությամբ ուշադրության արժանի է Կ. Մելիք-Օհանջանյանի հետևյալ դիտողությունը, թե «Ռոստամ Զալի» «հայ պատումների մեծ մասի անունները (քրդական արտասանությամբ) կրկնվում են Իրանի էպոսների մեջ»<sup>36</sup>:

Այժմ համառոտակի անդրադառնանք «Ռոստամն Զալի» քրդական պատումների և «Շահնամնի» աղբյուրակցությանը:

Անշուշտ, քրդերը, մասնավորապես, Խորասանի քրդերը, գիտենալով նաև պարսկերեն լեզուն, ժամանակին, ինչպես բխում է նախորդ մեր ողջ շարադրանքից, լավ ծանոթ են եղել Ֆիրդուսու ստեղծագործությանը:

Մեր գրի առած պատումներից մի քանիսի մեջ ուղղակի ասվում է, թե՛ «Շահնամն» է այդպես ասում: Այդ պատումներից են. «Իրանի և Թուրանի կռիվը» (Քամուսի Քեշան և Աշկապուսը սպանվում են), «Ռոստամը և Բեժանը», «Ռոստամի և նրա տղա Ջոհրարի կռիվը» և այլն:

Բնորոշ է նաև այն հանգամանքը, որ այդ տարբերակները հիմնականում շափածո ձևով են մեզ հասել, հիշեցնելով «Շահնամն», որը նույնպես շափածո է գրված:

Բացի այդ, նշված հրեք տարբերակներում Ռոստամի և Զալի անձնանունների հետ հիշատակված անձնանունները Ֆիրդուսու «Շահնամնում» հանդես եկող հերոսների անձնանուններն են, ինչպես՝ Քամուսի Քեշան (Քամուս Քոշանի), Աշկապուս (Աշկաբուս), Թուս, Ֆրիդջան, Աֆրասյար (Ավրասիար, Ալֆասիար), Փիրան, Բահրամ, Հընան, Թաշավի, Բեժան (Բիժան), Օվլադ և ուրիշներ:

Նույնն են նաև տեղանունները՝ Իրան, Թուրան, Մազանդա-

<sup>35</sup> Մեր ձեռքի տակ է Հուզո Մակաշի «Курдские тексты на варечии Курманджи из окрестностей Мардина», Л., 1926, ժողովածուն, նրա մեջ գետնեղված է «Ռոստամն Զալի» մի պատումի բովանդակությունը (էջ 100), բանասաց իմինն այդ պատումը լսել է քրդերից և պատմել է արաբերեն:

<sup>36</sup> «Ֆիրդուսի» (ժողովածու), էջ 163:

րա, Քուրախանի և Շահրուա գետերը և այլն: Նույնպես նման են «Շահնամեում» հանդես եկող տեղանունները:

Այնելով շարագրվածից, առանց երկմտելու հանգում ենք այն նշմարտութիւնը, որ իրոք այդ բոլորը «Շահնամեից» են անցել քրդերի մեջ, քանի որ թե բովանդակութիւնը, թեև շատ համառոտ, թե ձևով, թեև ուրիշմական ոչ կանոնավոր շարժերով, թե անձնանուններով ու տեղանուններով համընկնում և հիշեցնում են միմյանց:

Պետք է ընդգծել, որ քուրդ ժողովրդի բանահյուսութիւն մեջ են անցել այն հատվածները, որոնք հիմնականում կապ ունեն Ռոստամի, նրա պայքարի և սխրագործութիւնների հետ: Իսկ «Շահնամեի» մյուս հատվածները, որոնք մասնավորապես կապված են թագավորների հետ, քուրդ բանասացին, նրա ունկնդրող ժողովրդին հայտնի չեն, օրինակ, թագավորներ «Քայոմարսի», «Քահանուրասի», «Ջեմշիդի», «Իրաշի», «Լահրասպի», «Գոշթասպի» մասին եղած հատվածները, որքան մեզ հայտնի է, չեն փոխանցվել քրդական ժողովրդական բանահյուսութիւն մեջ: Եվ դա հասկանալի է, ժողովուրդը փոխառել է միայն այն, ինչ որ իրեն հարազատ է համահնչուն իր իղձերին ու ձգտումներին:

Սակայն փաստեր կան, որ քրդերը ոչ միայն լավ ծանոթ են եղել «Շահնամեին», այլև ճանաչել են նրա հանճարեղ հեղինակին: Դրացի պարսիկների նման նրանք նույնիսկ զրույցներ, ավանդութիւններ են հորինել Ֆիրդուսու մասին: Այս առթիվ տեղին է նշել «Ռոստամի և Ազրիֆի կռիվը» քրդական տարբերակը, որտեղ ի թիվս «Ռոստամե Զալի» էպոսի հերոսների՝ Զալի, Ռոստամի, Գորգանի, հանդիս է գալիս նաև ինքը՝ Ֆիրդուսին: Վերջինիս գործունեութիւնը, իբրև պալատականի, շարկապվում է իր կերտած ստեղծագործութիւնների զրական հերոսների գործունեութիւն հետ: Վերահիշյալ տարբերակում Ֆիրդուսին ծառայում է Քավկահշա թագավորի պալատում: Քավկահշան ինչ-որ առիթով Ռոստամին հրավիրում է իր մոտ: Այդ նույն ժամանակ Կայսար քաղաքի թագավորի հրամանով զորավար Ազրիֆը մեծ զորքով գալիս է Զալի գերդաստանի վրա կռիվ: Նա պահանջում է, որ իրենց քաղաքից փախած սիրահար զույգին վերադարձնեն: Զալը չի համաձայնվում, իրենից օգնութիւն խնդրող երիտասարդներին չի հանձնում: Սկսվում է կռիվը: Զալը տեսնելով, որ առանց Ռոստամի դժվար է թշնամուն դիմադրել, ստիպված իր սուրհանդակին մի գրութիւն ուղարկում է Քավկահշա թագավորի մոտ, որ

Ռոստամը շտապ վերադառնա: Սուրհանդակը գրուիցունը նախապես տալիս է պալատական Ֆիրդուսուն, իսկ Ֆիրդուսին իր հերթին հանձնում է թագավորին<sup>37</sup>:

Սույն ավանդուիցունը մեզ հիշեցնում է բանաստեղծի կենսագրուիցունը: Հայտնի է, որ Ֆիրդուսին պաշտոնավարել է Մահմուդ շահի պալատում<sup>38</sup>, իսկ այստեղ՝ Քավհահա թագավորի պալատում:

Քրդական սույն ավանդուիցունը մեզ թույլ է տալիս ենթադրել, թե Ֆիրդուսու կենդանուիցյան ժամանակ, քրդերը ևս պետք է նրան ճանաչեին, ծանոթ լինեին նրա ստեղծագործուիցուններին: Եվ դա բացառված չէ: Չէ՞ որ բանաստեղծի կենդանուիցյան օրոք նրա ստեղծագործուիցունները արդեն լայն տարածված են եղել պարսիկ ժողովրդի մեջ<sup>39</sup>, որին հարևան էին նաև լեզվով ցեղակից քրդերը:

Նկատի ունենալով վերոհիշյալ բոլոր հանգամանքները, անկասկած է, որ նրա ստեղծագործուիցունները տարածված են եղել քրդերի մեջ ևս<sup>40</sup>: Քրդերը փոխանցել և տեղայնացրել են պոետի հղկված, մշակված և գեղարվեստորեն կատարելուիցյան հասած ստեղծագործուիցուններն իրենց բանահյուսուիցյան մեջ կամ նրա կենդանուիցյան օրոք և կամ հետագայում<sup>41</sup>:

Սակայն Ռոստամի մասին քրդական պատումները ուսումնասիրելիս, հանդիպում են այնպիսիները, որոնք ոչ միայն չեն հիշատակում Ֆիրդուսուն կամ նրա «Շահնամեն», այլև իրենց ուրույն գծերով բավականին հեռանում են «Շահնամեի» շարադրանքից: Այսպիսի դեպքերում հնարավոր չէ պնդել, թե պատումների այդ տարրերը փոխանցված են Ֆիրդուսու երկից: Հնարավոր է, որ դրանք տարածվել են քրդերի մեջ անկախ «Շահնամեից», իսկ մասամբ էլ՝ թերևս նրա ստեղծումից առաջ:

<sup>37</sup> Տարբերակը մեզ ասել է Ասյարանի շրջանի (ներկայումս՝ Արագածի) Ալազյազ գյուղի բնակիչ, 70-ամյա անգրագետ աշուղ Ա՛մին Չոլոն:

<sup>38</sup> Ավ. Եսեսուվարյան, Շահնամեն և հայկական աղբյուրները, Երևան, 1967, էջ 25—26:

<sup>39</sup> Նույն տեղում, էջ 29:

<sup>40</sup> Բիթլիսի հյուրումեթի իշխող քուրդ Աբդալ խանը, ինչպես գրում է XVII դարի թուրք ուղևոր էվլիյա Չելեբին, իր գրադարանում ունեցել է Ֆիրդուսու «Շահնամեի» 20 հատր., սե՛ն «Թուրքական աղբյուրներ» ժողովածու, հաս. Գ., Երևան, 1967, էջ 255:

<sup>41</sup> Նմանօրինակ երևույթ է քուրդ, միջնադարյան բանաստեղծների ստեղծագործուիցունների տարածվելը և պահպանվելը քրդական բանահյուսուիցյան մեջ:

Իսկ եթե այդպես է, ապա կարելի է մտածել նաև այն մասին, թե զուցե քրդական միջավայրում նախապես տեղ գտած՝ Ռոստամ Զալին վերաբերող որոշ նյութեր մտել են ժողովրդական բանահյուսության այն ընդհանուր զանձարանի մեջ, որից օգտվել է Ֆիրդուսին:

Սա շատ ուշագրավ հարց է և կարող է նյութ դառնալ ավելի լայն ուսումնասիրության: Եվ քանի որ առայժմ հնարավորություն չունենք այդ խնդրին հանգամանորեն անդրադառնալու, մանավանդ պարսիկ ժողովուրդն էլ «...չի պահպանել և սերնդից սերունդ ավանդել նախաֆիրդուսյան Իրանի վեպն ու առասպելը»<sup>42</sup>, մենք միայն կնշենք, որ եթե նույնիսկ էպոսի քրդական տարրերը փոխանցված չլինեին, տվյալ դեպքում պարսկական բանահյուսության մեջ, ապա ինքը՝ հանճարեղ բանաստեղծ Ֆիրդուսին կարող էր նրանից տեղյակ լինել, և իր քերթվածքի համար ի թիվս պարսկական և մյուս իրանական ժողովուրդների Ռոստամի մասին պահպանած տարբերակների՝ առասպելների, ավանդույթների, օգտագործած լիներ նաև «Ռոստամե Զալին» վերաբերող քրդական նյութը, ինչպես նաև այդ ժողովրդի բանահյուսական այս կամ այն ուշագրավ նմուշը, անգամ քրդերենի միջոցով, որը պարսկերենին մոտ է: Իսկ դրա համար կային նպաստավոր պայմաններ: Բանաստեղծի կենդանության օրոք ոչ միայն ներկայիս Իրանական Քրդստանն էր ենթարկվում պարսիկ պետականությանը, այլև ամբողջ Քրդստանը, իսկ նրա ծննդավայր Խորասանում, բացի քրդական զինվորական ստորաբաժանումներից<sup>43</sup>, կային քրդական առանձին գյուղեր, որոնց բնակիչները հիմնականում զբաղվել են խաշնարածությանը և բրդագործությանը<sup>44</sup>: Այդ մասին են վկայում նաև որոշ բանահյուսական ստեղծագործություններ քրդերեն լեզվով<sup>45</sup>:

Որ Ֆիրդուսին ծանոթ է եղել հարևան քրդերին, վկայում է նաև այն, որ նա իր ստեղծագործության մեջ այս կամ այն առիթով հաճախ հիշել է նրանց: Պոետը օգտվել է նաև քրդերի բանահյուսական նմուշներից. օրինակ քրդերի ծագման մասին եղած

<sup>42</sup> «Ֆիրդուսի» (ժողովածու), էջ 101, Чайкин, Фердося, см. „Восток“ сб. второй, М., 1935, стр. 87.

<sup>43</sup> «Материалы по истории туркмен и Туркмени», т. 1, М.—Л., 1939, стр. 256, 259.

<sup>44</sup> Նույն տեղում, էջ 175:

<sup>45</sup> Խ. Արովյան, Երկերի լիակատար ժողովածու, հատ. 8, Երևան, 1958. էջ

քրդական հինավուրց առասպելի<sup>46</sup> արտացոլումը նրա «Շահնամեում»<sup>47</sup>։ Այսպես, «Զոհակ»<sup>48</sup> պոեմում պատմվում է, որ Զոհակի ուսերի վրա սկսում են երկու օձեր աճել, նրանց կերակրում են երկու երիտասարդի ուղեղով։ Խոհարարներ՝ Արմայիլը և Քարմայիլը որոշում են այդ զոհերից մեկին ազատել, իսկ մյուսի ուղեղի հետ ոչխարի ուղեղ զաղտագողի խառնել և տալ օձ-վիշապներին։ Եվ ահա փրկվածները հետզհետե հավաքվում, մի ցեղախումբ են կազմում, որ հայտնի է դառնում քուրդ անունով։ Ֆիրդուսին գրում է.

Իսկ մյուսին ասացին թե. «Մենք կփրկենք կյանքը քո,  
 Բայց դու հեռու պետք է ապրես այս ամրոցից մշտագո:  
 Քո աչքերը կշլանան քաղաքներից ոսկեշող,  
 Ուստի դաշտերն ու լեռները քեզ օթեան լինեն թող»:  
 Ամեն ամիս երեսուն-երեսուն ծածուկ պահած պատանին  
 Ազատեցին, որ սև մահը չգնա նրանց էլ տանի:  
 Գաղտնարանում երբ հավաքվեց ուղիղ երկու հարյուր մարդ,  
 նրանց այնպես ծածուկ տարան, որ չլարեն նոր թակարդ,  
 Ապա նրանց զաղտնիանցքից դուրս բերեցին մի բաց դաշտ,  
 Այժ ու ոչխար բաժանեցին, որ միշտ ապրեն հեզ ու հաշտ:  
 Եվ դրանից առաջացավ քրդական մի ցեղաձյուղ,  
 Որոնց համար երկնքի տակ ոչ քաղաք կար, և ոչ գյուղ:  
 Սև սրտի պես սև վրանի տակ ապրում են քոչե քոչ,  
 Ոչ վախ ունեն իրենց սրտում, և ոչ սարսափ՝ երկնակոչ<sup>49</sup>;  
 (հատված «Զոհակից»)

Հետաքրքիր է նաև այն փաստը, որ, ինչպես բանասեր Մուստաֆա Քելվանին է գրել, մեծ բանաստեղծը իր հանճարեղ ստեղծագործության մեջ զետեղել է նաև քրդական առածներ ու ասացվածքներ։ Գրել է քրդերի քաջագործությունների և միաժամանակ անհեռատես և անհոգ լինելու մասին<sup>50</sup>։

<sup>46</sup> Տե՛ս Շարաֆ-хан Бидлиси, Шараф-наме, т. 1, 1967, стр. 81—82.

<sup>47</sup> Քուրդ ժողովրդին շատ մոտիկից ծանոթ է եղել և նրա հարուստ բանահյուսության հետաքրքրվել և մշակել է նաև մի ուրիշ պարսկերեն գրող՝ ադրբեջանական հանճարեղ պոետ Նիզամի Գյանջևին (*Низами Кенчави*, Влди Ко-вал, Баку, 1941; стр. 214—232).

<sup>48</sup> «Զոհակ թագավորի մասին» վերնագրով քրդական ավանդություն (պատմըվածք) գոյություն ունի, տես՝ М. Б. Руденко, Описание курдских рукописей Ленинградских собраний. М., 1961, стр. 15.

<sup>49</sup> Պարսկերենից թարգմ. Ս. Ումադյանը:

<sup>50</sup> Շահնամակ Ֆիրդուսիի, դրվագ «Արտաշիր Բարականի», թարգմ. Զ. Քիրաբյան, Նյու-Յորք, 1909, էջ 34: ۴۷۷ ص ۹ شاما, ۱۹۷۶, «شاما»

Այս բուրբը խոսում են ի նպաստ այն ենթադրության, որը, սակայն, հետագա ուսումնասիրման ու հիմնավորման կարիք է դրում, որ Ֆիրդուսու «Շահնամեի» մեջ թերևս կա նաև քուրդ բանահյուսության ներդրումը:

Սակայն անկախ այդ մասնավոր խնդրի դրական կամ բացասական լուծումից «Ռոստամե Ղալ» էպոսի քրդական տարբերակները պահպանում են իրենց մեծ և ուրույն գեղարվեստական արժեքը և անբաժանելի են «Շահնամեից» իրրև այդ համաշխարհային կոթողի ուղեկիցներ:

## АДЖИЕ ДЖНДИ

### К ВОПРОСУ О КУРДСКИХ ВАРИАНТАХ ЭПОСА «РОСТАМЕ ЗАЛ»

#### Резюме

Многочисленные варианты эпоса «Ростаме Зал» имеют широкое распространение в фольклоре курдского народа. В настоящем исследовании выявлены идейные и художественные достоинства курдских вариантов данного эпоса и определены их роль и место в курдском фольклоре. Курдские варианты эпоса «Ростаме Зал» рядом своих черт соприкасаются с «Шах-наме» великого поэта Фирдоуси. Не исключено, что Фирдоуси наряду с многочисленными другими материалами использовал также элементы курдских вариантов эпоса, связанные с именем Ростамы.

## ՔՈՒՐԴ ԺՈՂՈՎՐԴԻ ԵՐԱԺԵՏԱԿԱՆ ԿԵՆՏԱՂԸ

Քուրդ ժողովուրդը ունի դարերի խորքից եկող հարուստ բանավոր մշակույթ: Նրանում պարզորոշ ու վառ գույներով արտացոլվել է ժողովրդի դարավոր պատմությունը, նիստուկացը, բնավորությունը ու սովորույթները:

Այդ մշակույթի մեջ իր ուրույն տեղն ունի ժողովրդական երգարվեստը: Այն, ինչպես ժողովրդական բանահյուսությունը, ունի տարբեր ճյուղեր համապատասխան առանձնահատկություններով: Քրդական երգարվեստում պատմական լայն առումով հաջողվել է նկատել հետևյալ ճյուղերը՝ գեղջկական, աշուղական, հոգևոր և քաղաքային: Այդ ճյուղերը ժողովրդի կենցաղում հավասար նշանակություն չունեն: Դրանցից հիմնականը՝ որպես լայն մասաների «սեփականությունը», գեղջկականն է: Մյուս ճյուղերը տարբերվում են գեղջկականից մի շարք առանձնահատկություններով, որոնք պայմանավորված են բովանդակության, ստեղծման պայմանների հետ և այլն:

Հավաքված նյութերի հիման վրա հնարավորության սահմաններում ձգտել ենք ներկայացնել քուրդ ժողովրդի՝ մասնավորապես Սովետական Հայաստանի քրդերի երաժշտական կենցաղը, որպես երգարվեստի տարբեր ճյուղերի կենցաղավարման հիմք: Քանի որ նյութերի հիմնական մասը վերաբերում է գյուղականին, հսկիրճ կխոսենք աշուղական, հոգևոր և քաղաքային երաժշտական կենցաղի մասին և հիմնականում կանգ կառնենք գյուղականի վրա:

Քրդական աշուղական արվեստի մասին առայժմ քիչ տեղեկություններ կան<sup>1</sup> և արված են աշուղական երգերի մի քանի

<sup>1</sup> Տե՛ս Հ. Զնդի, Քուրդ աշուղների մասին, «Գրական թերթ», 1938 թ. 18

ձայնագրություններ միայն: Այնուհանդերձ եղածը հնարավորություն է տալիս որոշակի պատկերացում կազմելու աշուղների արվեստի և երաժշտության կենցաղի մասին:

Քրդական աշուղական արվեստը առանձնահատկությունների ընդհանրություններով արևելքի աշուղական արվեստի բաղկացուցիչ մասն է կազմում:

Հայտնի է, որ քուրդ մեծահարուստ մարդիկ իրենց կալվածքներում պահել են աշուղ-երգիչներ, իրենց մարտական սըխ-բազորժությունները դովերգելու, տոներին, ծեսերին երգելու համար: Նրանք տարբերվել են սովորական երգիչներից իրենց վարպետութամբ, ճաշակով և նվագացանկով:

Քուրդ աշուղները հաճախակի կազմակերպել են մրցույթներ: Աշուղական երգերի խոսքերից<sup>2</sup> կարելի է դատել, որ մրցույթները ընթացել են հարց ու պատասխանի սկզբունքով: Հայտնի են նաև, որ գոյություն են ունեցել աշուղական դպրոցներ: Հավանաբար այդ դպրոցներն է նկատի ունեցել արևելագետ Օսկար Մաննը գրելով, որ «Քրդաստանում եղել են և, հավանաբար, դեռևս գոյություն ունեն դպրոցներ, ուր ուսանում են ապագա ժողովրդական երգիչները: Կավ ձայն ունեցող պատանիները գնում են ուսուցչի մոտ, նրա վարպետութունը ընդօրինակելու համար: Ընդ որում, ուսուցիչը իր երգաշարը հաղորդում է միայն բանավոր, գրել ու կարդալ իմացող երգիչները սակավաթիվ են: Մեծ ընդունակություններով օժտված պատանիները շաղ-ուսակում են իրենց սուսումը այլ ուսուցչի մոտ՝ դառնալով նրա շագրտները (աշակերտները)»:

Հայտնի է նաև, որ քուրդ աշուղները երգել են մի քանի լեզուներով և նվագակցել իրենց լարային գործիքներով: Այդ մասին հետաքրքիր տեղեկություն է տալիս նաև «Փորձ» ամսագիրը: ԵՃաշի ժամանակ մի մեծ երգիչ, որ յուր ցեղի բանաստեղծն ու կախարհն էր միանգամայն երգում էր արդուսահմանլիների երեք

փեսարվարի, նույնի՝ «Սովետական Հայաստանի քրդական գրականութունը», Երևան, 1954, էջ 21—26:

<sup>2</sup> Տե՛ս «Фолклора кӱрманща», Ереван, 1936, էջ 475—489. «Фолклора кӱрманщине», Ереван, 1957, էջ 197.

<sup>3</sup> O. Mann, Kurdisch-Persische Forschungen, Erlebnisse einer von 1901 bis 1903 und 1906 bis 1907 in Persien und der asiatischen Türkei ausgeführten Forschungsreise, Abt. III, Bd. 1, Die Südkurdischen Mundarten, Berlin-Leipzig, 1926, s. XXVIII—XXIX.

լեզուններով՝ քրդերեն, թուրքերեն և պարսկերեն: Հոմերոսի պես նա էլ կույր էր, ձեռքումն ուներ երեք լարանի մի գործիք. լարերը մետաղից էին և պինդ քաշած մի փայտե տախտակի վրա: Հեղինական բանաստեղծության հայր թափառաշրջիկ երգիչների քնարները սրանից ավելի դաշնակավոր եղած պիտի չլինեին»<sup>4</sup>:

Քուրդ աշուղի, նրա գործիքի ու երգի բովանդակության մասին է ակնարկում Բաֆֆին իր «Կայծեր» վեպում: «Ընթրիքից հետո բեկը կամեցավ մեզ զվարճացնել և կանչել տվեց մի երգիչ: Նա մի փոքր մարդ էր, ոտքերով կաղ, որ շատ նմանում էր մեր աշուղներին, որոնք հազիվ ազատ են լինում մի որևիցե մարմնական արատից: Երգիչն ածում էր ջութակի վրա...

Քուրդ աշուղի երգածները հասարակ տաղեր չէին, նա երգում էր մի ամբողջ վեպ, որ ժողովրդական պոետը առել էր կենդանի անցքերից»<sup>5</sup>:

Մեզ հայտնի քուրդ աշուղներից է Ավդալե Զայնեն (19-րդ դար), որի հրգերը գրավոր (միայն խոսքերը), և բանավոր պահպանվել և հասել են մեր օրերը: Նրա երգերից տեղեկանում ենք, որ նա եղել է Մուշի կողմերի Մամադ Ռեզայի աշուղը: Շատ հաճախ մրցույթների է մասնակցել: Երեք օր ու զիշեր մրցել է մեկ այլ քուրդ Շեխ Սլե աշուղի հետ և հայ կին աշուղ խամուրցի Գյուլեի հետ<sup>6</sup>: Ավդալե Զայնեն իր կյանքի վերջին շրջանում կուրանում է: Այդ շրջանի հրգերը հատկապես հետաքրքիր են կյանքի ու մարդկանց սոցիալական հարաբերությունների մասին փիլիսոփայական խոհերով<sup>7</sup>:

Ավդալե Զայնեի երգերի խոսքերը իրենց տաղաչափությամբ, կառուցվածքով մոտ են ժողովրդական լայնաշունչ երգերի խոսքերին: Իսկ մեղեդիները, ի տարբերություն լայնաշունչ երգերի մե-

<sup>4</sup> Արբե Այն, Քուրդի լեռն, «Փորձ», 1876, №2, էջ 324—325:

<sup>5</sup> Բաֆֆի, Երկերի ժողովածու, հ. 4, «Կայծեր», Երևան, 1963, էջ 499—500:

<sup>6</sup> Տե՛ս «Фолклора көрмәнцие», 1957, 197.

<sup>7</sup> Ավդալե Զայնեի կուրության մասին տե՛ս Аһмәде Мирази, корбуна ց'вдале Зәйһьке, «Биранинед мьн», Ереван, 1966, ր. 81—85.

Պատմում են նաև, որ Ավդալե Զայնեն եկել հասել է Ալազաղի լանջերի երկած Միրաք գյուղի Շեխն Ռաշի սուրբ օջախը, բուժել է աչքերը ու նորից վերադարձել տուն: Հետաքրքիր է Աշտարակի շրջանի 38 սովխողի բնակիչ 90-ամյա երգիչ Մորոֆե Մահմուդի տեղեկությունները Ավդալե Զայնեի մասին: Ըստ նրա՝ աշուղը եղել է թուփ, միջահասակ: Երբ նրան հասել է ՏՇար-խան Ալիի աշուղ Շեխ Սլեի համբավը, որոշել է անպայման հանդիպել նրան: Ավդալե Զայնեն մեկնել է Ղալանի, ուր և կայացել է երկու մեծ աշուղների մրցույթը:

դեղինների, ավելի ընդարձակ են, դարգացման մեծ հնարավորություններով, մելիզմատիկ զարգարանքներով:

Աշուղ Շեխ Սլեյխ մասին հայտնի է հետևյալը. ապրել ու գործել է Քուրբիայի Ղալանի գյուղում, եղել է Տահար-խան Ալիի աշուղը<sup>8</sup>: Շեխ Սլեյխի երգերի հետքերը դեռևս շեն գտնվել:

Ներկայումս իրաքյան Քրդստանում մեծ ժողովրդականություն են վայելում աշուղներ Ահմադ Արըֆ Ջզրային և Ռասուլ Բեզար Գյարդին: Վերջինիս երգերի խոսքերը հրատարակվել են 1960 թ. Բաղդադում «Գուլամեկայ Քուրդիստանա» (Մտորումներ Քուրդիստանի մասին) խորագրով, ուր զետեղվել են հեղինակի հայրենասիրական բնույթի ստեղծագործությունները: Իսկ իրանական Քրդստանում լայն ճանաչում է գտել աշուղ Հասան Զիրակը:

Քուրդ աշուղների արվեստը մեծ ուշադրության է արժանացել և լայն ճանաչում գտել հատկապես Սովետական Միությունում:

Սովետական շրջանի մեզ հայտնի քուրդ աշուղներն են Ահմե Զուլոն և Նազուկը (Քամըլե Բաքոն)<sup>9</sup>:

Ահմե Զուլոյի և Նազուկի երգերի խոսքերը լույս են տեսել 1942 թ. Ժողատեղծագործության տան հրատարակած քրդերեն լեզվով «Վաթան» ապակետիպ ժողովածուում (կազմել են Հ. Զնդին և Ս. Գասպարյանը) և 1957 թ. հրատարակված «Քրդական ֆոլկլորում»<sup>10</sup>: Նազուկի կատարողական արվեստի մասին գովեստով է

<sup>8</sup> Տե՛ս «Эвдале Зейне у Сьло крде. Фолклора кӊрманца, 1936թ., էջ 476»

<sup>9</sup> Ահմե Զուլոն ծնվել է 1868 թ. Բայազետի գավառի Այնթարի շրջանի Լոխան գյուղում: 1918 թ. թուրքական վայրագություններից փախչելով իր ընտանիքով բնակություն է հաստատում Ապարանի շրջանի Ալազաղ գյուղում, ուր մնում է մինչև կյանքի վերջը: Երգել է քրդերեն, հայերեն, ադրբեյջաներեն: Նվագել է թառ, փայտյա փողային ժողովրդական գործիքներ: Ահմե Զուլոն ունի երգեր նվիրված կուսակցությանը, հայրենիքին, կոլտնտեսային շինարարությանը և այլն: 1938 թ. քուրդ բանասաց Զալիլե Ռաշոյի հետ ընտրվել է ՀՍՍՀ գրողների միության անդամ: Մահացել է 1946 թ. խոր ծերության հասակում:

Աշուղ Նազուկը (Քամըլե Բաքոն) ծնվել է 1900 թ. Ղարսի նահանգի Ղոզլա գյուղում: 1918 թ. գաղթել և բնակություն է հաստատել Քալինի շրջանի Ղարաղ-թափա գյուղում: Նա եղել է կույր: Նվագել է թառ: Ունի հայրենիքին, հայրենական պատերազմի հերոսներին նվիրված, ինչպես և բազմաթիվ սիրային երգեր: Հայրենական պատերազմի շրջանում աշուղական արվեստի զարգացման սուպարեզում ձեռք բերած հաջողությունների և կատարողական վարպետության համար աշուղ Նազուկը 1944 թ. պարգևատրվել է ՀՍՍՀ Գերագույն սովետի պատվոգրով: Մահացել է 1958 թ.:

<sup>10</sup> Ահմե Զուլոյի, Նազուկի և Նրանց երգերի խոսքերի մասին ավելի հանգա-

խոսել անվանի երաժշտագետ Քր. Քուշնարյովը 1944 թ. հրատարակված իր մի հոդվածում<sup>11</sup>:

Ահմեջ Չուլոյի և Նազուկի երգերը ընդգրկում են տարբեր՝ սիրային, հայրենասիրական, խրատական թեմաներ: Այդ երգերը երաժշտական ոճով ավելի հստակ են ու կենսախինդ<sup>12</sup>:

Քրդական աշուղական արվեստը այժմ ինչպես Սովետական Միությունում, այնպես էլ արտասահմանում շարունակում է մնալ որպես ժողովրդի երաժշտական կենցաղի կարևոր բնագավառ:

Քրդական ժողովրդական երգարվեստի առավել պահպանողական ճյուղը հոգևոր երգարվեստն է՝ հատկապես եզիդի հոգևորականության երգարվեստը:

Ըստ մահմեդականների ավանդության Մարգարեն արգելել է երաժշտությունը՝ դասելով այն «արգելված» զբաղմունքների թվին: Գոյություն իրավունք են ստացել միայն երգ «ազանները» (աղոթքի կանչ), որոնք կատարվում են մզկիթի աշտարակներից և «տիլավանները» (ղորանի այսերգային ընթերցում): Պետք է նշել, որ երաժշտությունը մեծ դեր ունի մահմեդական միստիկների՝ սուֆիստների արարողության ժամանակ, որը «օժանդակում է ճշմարտության, այսինքն՝ աստծուն մոտիկից տեսնելուն, զննելուն»<sup>13</sup>:

Ըստ քրդագետ Քերիմ էյուբիի վկայության, Իրանի քրդերի մոտ մեծ մասսայականություն են վայելում սուֆիական երգերը, որոնց անվանում են «գորանի սուֆիանա»:

Ի տարբերություն մահմեդական քրդերի, եզիդի քրդերի հոգևոր աշխարհում երգն ու նվագը համարվել են իրենց ուսմունքը, գաղափարները ժողովրդի լայն մասսաներին հասցնելու կարևոր միջոց: Եզիդիների հոգևոր երաժշտությունը իր գոյության ընթացքում երբևէ չի հակադրվել ժողովրդական երաժշտության այլ ճյուղերին, ավելին՝ դրանց հետ մշտապես գտնվել է սերտ հարաբերությունների մեջ: Դրա հիմնական պատճառը այդ արվես-

մանորեն տե՛ս Լ. Ջեդի, Սովետական Հայաստանի քրդական գրականությունը, Երևան, 1954, էջ 21—26:

<sup>11</sup> X. C. Кушнарев, Народные таланты, «Коммунист», 1944, 14 мая.

<sup>12</sup> Ահմեջ Չուլոյի և Նազուկի կատարմամբ մի քանի երգերի մեխանիկական ձայնագրություններ պահվում են Հայկ. ՍՍՀ ԳԱ արվեստի ինստիտուտի ժողովրդական երաժշտության բաժնի և ռադիոյի ու հեռուստատեսության պետական կոմիտեի քրդերեն հաղորդումների խմբագրության ևայնպիսիներում:

<sup>13</sup> Տե՛ս «Музыкальная эстетика стран Востока», М., 1967, стр. 245—

տի տեղական, ժողովրդական լինելն է: Այն ձևավորվել և ինքնուրույնություն է ձևաք բերել քրդական միջավայրում՝ հիմնված քրդերի հին հեթանոսական կրոնի վրա: Իսկ «այն միջավայրում, ուր հեթանոսությունը համառ է դիմանում, այնտեղ էլ ավելի քարծր է կանգնած եղել երգը...», քրդերի երգերն իրենց հիմնական նորմաներով և մտաիվներով մի հարստություն է, որ նրանք ժառանգել են հեթանոսական կրոնից, այն հեթանոսական կրոնից, որը միաժամանակ ներառում էր իր մեջ բազմաթիվ քրդական ցեղեր»<sup>14</sup>: Այս արտահայտությունը հավասարապես կարելի է վերագրել և ընդհանուր ժողովրդական և, մասնավորապես, հոգևոր նրգարվեստին:

Հայտնի է, որ եզիդի քուրդ հոգևորականները ունեն իրենց դպրոցները, որոնք ժողովրդական այլ դպրոցներից տարբերվում են իրենց պահպանողական բնույթով: Հոգևոր դպրոցներում իրավունք ունեն սովորելու միայն հոգևորականներին՝ շեխերի և փիրերի ժառանգները: Նրանք շատ հաճախ նաև գեղջկական երգերի հմուտ կատարողներ են:

Մինչև այժմ ժողովրդի մեջ պահպանվում են որոշակի նշանակություն ունեցող բազմաթիվ հոգևոր տոներ ու ծեսեր՝ р'ожие эз-лид (Եզիդիի ծոմ), р'ожие Шехсме (Շեխսմի ծոմ), р'ожие Хьдърнэвие (Պղրնավիի ծոմ), ә'йда чъле мера (տղամարդկանց քաճատնքի տոն), ә'йда Мәләкзәйдине (Մալաք-զալդինի տոն), ә'йда имане (Հավատի տոն), ә'йда Шихале Шәмса (Շիխալե Շամսի տոն), ә'йда Мәме шван (Մամե հովվի տոն), ә'йда пира Фат (Պառավ Փատևի տոն), ә'йда Ләйлақәдъре (Լալլակադրի տոն) և այլն, որոնք ուղեկցվում են համապատասխան արարողություններով և հոգևոր երգերի որոշակի երգացանկով: Այդ երգերը կատարվում են մեծ հանդիսավորությամբ:

Հոգևոր երգերի կատարմանը երաժշտական գործիքներ չեն մասնակցում: Նրգերը կատարում են մեկ կամ երկու հոգևորականներ՝ փոխհաջորդաբար: Այդպիսի երգերի կատարման հազվադեպ օրինակ է գәвле Шәрфәдине (Շարֆադինի դավլի)<sup>15</sup> կատարումը: Ժողովուրդը շրջան է կազմում դեմքով դեպի ներս: Առչեում կանգնած շխիթ սկսում է երգել, բոլորը ծափ են տալիս և քայլում դեպի աջ՝ շրջանի ուղղությամբ: Այս երևույթը մասամբ հիշեցնում է հայ-

<sup>14</sup> Н. Я. Марр, Еще о слове «Челеби», СПб., 1911, стр. 129.

<sup>15</sup> Ղավլը հոգևոր երգի ծանր է:

կական իրականության մեջ կենցաղավարած թաղման հեթանոսական ծեսը, որի ընթացքում ծափ են տվել և գործիքների նվագի տակ պարել:

Բացի հոգևոր տոներից ու ծեսերից, հոգևորականներն իրենց երգերով լրացնում են նաև ժողովրդական տոներն ու ծեսերը: Ամենուրեք նրանց արվեստն արժանանում է խորին հարգանքի:

Սզիդի քրդերի հոգևոր երգերը բացի հոգևոր բովանդակությունից, հաճախ ունեն կիս աշխարհիկ բովանդակություն, որոնք առընչվում են եզիդիների պատմության, ժողովրդի դիցաբանությունից հետ: Երաժշտական առումով դրանք փոքր ծավալի ու դիպազոնի երգեր են, արտահայտչական միջոցների օգտագործման զուսպ հնարավորություններով:

Քրդական երաժշտության առավել նոր բնագավառ է քաղաքային երգարվեստը: Այն Քրդստանում առաջ է եկել քրդական քաղաքների զարգացման, մտավորականության հանդես գալու և հատկապես ժողովրդի ազգային ինքնագիտակցության զարթոնքի հետ:

Քաղաքային երգերը ստեղծվում են ինչպես ժողովրդական, այնպես էլ պրոֆեսիոնալ բանաստեղծների խոսքերով: Դրանցից լավագույնները սիրվում և լայն ժողովրդականություն են ձեռք բերում: Այդ երգերը հնչում են հավաքույթներում, «քաղաքային սրճարաններում, ուր մարդիկ հաճախակի հավաքվում են որևէ երգ լսելու մեծ ձգտումով»<sup>16</sup>, և դառնում են քաղաքային քուրդ հասարակության երաժշտական կենցաղի անհրաժեշտ ու սիրված մասը:

Վերջին տարիներին քաղաքային երգերի աճ նկատվում է նաև Սովետական Միությունում ապրող քրդերի շրջաններում: Քաղաքային քուրդ հասարակության մեջ մեծ սեր են վայելում Մ. Ռաշիդի, Ֆ. Ուլըվի և հատկապես հայրենադարձ քրդախոս երգիչ Արամ Մելիքյանի երգերը: Դրանց երաժշտությունը հաճախ ստեղծում են իրենք՝ խոսքերի հեղինակները:

Քաղաքային երգերի բովանդակությունը հայրենասիրությունն է, անհատի սերը, հոգեվիճակը, որոնք արտահայտվում են երգային, ռոմանսային բնույթի պարզ կառուցվածք ունեցող ստեղծագործություններում:

Այժմ ավելի մեծ թափով, քան երբևէ ստեղծվում ու տարած-

<sup>16</sup> O. Mann, նույն տեղում: էջ XXVIII—XXIX:

վում են քաղաքային՝ հայրենասիրական ու քնարական բնույթի  
երգերը: Անժանում են դրանց հայտնաբերման ու ձայնագրման  
հնարավորությունները:

Նրաժշտական սովորույթներով հատկապես հարուստ է գեղջ-  
կական երաժշտական կենցաղը, որը մշակվել է ավելի լայն մաս-  
սանների կողմից և ունի դարավոր պատմություն:

Գարեբ շարունակ երգն ու նվագը ուղեկցել են բուրդ գեղջու-  
կին, որպես նրա խոհերի ու ձգտումների արտահայտություն:  
Ընրանք (թրդերը—Ն. Զ.) շատ պարզ ու անպաճույճ երգում են  
իրենց հովիտները, լեռները, ջրվեժները, աղբյուրները, ծաղիկ-  
ները, ղենքերը, նժույգները, զինվորական քաջագործությունները,  
իրենց գեղեցկուհիներին և նրանց հրապույրները», դրանք «զար-  
գարում են համեմատություններով և ճգնում են ավելի ևս կենդա-  
նի ներկայացնել այդ բոլորը քաղցրանվազ երգերով»<sup>17</sup>:

Երգն ու նվագը բուրդ գեղջուկի կյանքում ստացել են ինչպես  
անհատական, այնպես էլ կոլեկտիվ կենցաղավարում:

Անհատական երգեցողությամբ ու նվագով են արտահայտվում  
գեղջուկի ամենանվիրական զգացումները, հույզերն ու մտորում-  
ները: Գրանք կատարվում են հիմնականում անկաշկանդ պայման-  
ներում՝ տանը կամ բնության գրկում, ազատ ժամանակ, որևէ  
գործողության և հաճախ աշխատանքի պրոցեսում: Ե՛մ հաճախ  
և՛մ դարմացել բուրդ հովիվների-չորանների արվեստով: Կանգնած  
որևէ տեղ՝ ժայռի վրա կամ զառիթափին նրանք ղեկավարում են  
ցածում սարերի լանջին արածող անասունների հոտը: Ենթարկվելով  
հովիվների ձայնին ոչխարները շարժվում են առաջ, ետ, շարժվում  
են աջ, ձախ, հատուկ ազդանշանով վայրկյանապես հավաքվում  
են հովվի շուրջը և կամ ցրվում են տարբեր ուղղություններով»<sup>18</sup>:  
Անշուշտ, կոլեկտիվ աշխատանքի դեպքում երգն ու նվագը ստա-  
նում են կոլեկտիվ կենցաղավարում կատարվելով աշխատանքի  
տարբեր մասնակիցների կողմից փոխհաշորդաբար:

Ժողովրդի մեջ երգի, նվագի կոլեկտիվ կենցաղավարումը  
արտահայտվում է հատկապես ժողովրդական հավաքույթների,  
տոնախմբությունների և ծեսերի ժամանակ դրանց հանդես գալով:

<sup>17</sup> Խ. Արովյան, Թրդեր և եզիդիներ, Երկերի լիակատար ժողովածու, հ. 8,  
Ժ., 1958, էջ 246:

<sup>18</sup> В. И. Массальский, Очерк пограничной части Карсской области,  
«Известия императорского Русского географического общества, т. XXIII,  
СПб., 1888, стр. 29.

Մինչև այժմ քրդերի կենցաղում պահպանվում են երգ ու նվագով ուղեկցվող ավանդական բազմաթիվ սովորույթներ: Նման սովորույթներից են ձմռան երկար գիշերներին օդաներում հավաքվելը, պատմութուններ պատմելն ու երգելը: Այդ մասին հիշատակում է նաև XVIII դարի քուրդ ազգագիր, գրականագետ Մելա Մահմուդ Բայազիդին: «Քրդերի մոտ կա սովորույթ ձմռանը հավաքվել, կազմակերպել գերելավեժ: Գերելավեժը այն է, որ բոլոր ներկաները փոքրից մինչև մեծ (բոլորը հերթով) պետք է երգեն: Սկսում են առաջին նստածից մինչև վերջինը: Եթե հավաքվածների մեջ կա հյուր, ապա նա էլ պետք է երգի, շերգել ոչ մի կերպ չի կարելի»<sup>19</sup>:

Մեկ այլ տեղ Բայազիդին գրում է, որ «պատանիներն ու աղջիկները, երիտասարդ կանայք ձմռան գիշերներին հավաքվում են տներում և կազմակերպում են յախնախ (երեկույթ—Ն. Ջ.): Նվագում են սազի վրա: Եթե սազ չկա, ապա պատանի դանգբեժները (երգիչները), երիտասարդ կանայք և աղջիկները միասին երգում են պարերգեր (բրիտե), բռնում են շուրջպարեր և պարում մինչև առավոտ... Երկու կամ երեք օրը մեկ անգամ քրդական գյուղերում կազմակերպվում են նման յախնախներ»<sup>20</sup>:

Գարնան գալստյան հետ՝ մարտի 21-ին քրդերը տոնում են նոր տարին՝ Նավրոզը: Այն տոնում են այն ժամանակ, երբ սկսվում է գյուղացիների՝ հովիվների, երկրագործների աշխատանքի եռուն շրջանը:

Նավրոզը իրանական ժողովուրդների ընդհանուր տոնն է: Քրդերը այդ տոնակատարությունը նշում են իրենց սովորույթներով: Ինչպես վկայում է քրդագետ Ք. էյուբին, քրդերի մոտ, ի տարբերություն իրանական մյուս ժողովուրդների, այդ տոնակատարությունը ավելի լավ է պահպանվել և քուրդ ժողովուրդը այդ տոնը համարում է իր ազգային տոնը<sup>21</sup>:

Նավրոզի ժամանակ կատարվում են տարբեր բնույթի պարեր, խաղեր: Զուռնաչիները նվագում են ջիրիդի և նետաձգության եղանակներ<sup>22</sup>: Դհուլն ու զուռնան տոնակատարության ժամանակ

<sup>19</sup> М. М. Баязиди, Нравы и обычаи курдов, перевод, предисловие и примечания М. Б. Руденко, М., 1963, стр. 60.

<sup>20</sup> Նույն տեղում, էջ 21:

<sup>21</sup> К. Р. Эйюби, И. А. Смирнова, Курдский диалект мукри, Л., 1968, стр. 212.

<sup>22</sup> Իրաքյան Քրդստանում Նավրոզի տոնակատարության մասին տե՛ս Խոսրոզ քրդական ամսագրի, «Правда», 23 марта, 1970.

հատկապես ուղեկցում են ընտրյալ «էմիրին», որը «միրմիրեն» ժողովրդական խաղի ներկայացման գլխավոր դերակատարն է<sup>23</sup>։

Ամռանը «պետք է լինել յուրթերում, որպեսզի տեսնել թե ինչպես այդ նահապետական ժողովուրդը սարերում, ազատության մեջ հրճվում է իր յուրատեսակ կյանքով։ Վաղ առավոտից մինչև մթնշաղ շորս կողմից լսվում է հովվական սրնգի դայլայլոցը, լուսնակ գիշերներին երիտասարդները բռնում են շուրջպար և ղուռնայի նվագի տակ պարում մինչև ուշ գիշեր»<sup>24</sup>։

Ամեն գյուղ ամռան ամիսներին ունի ԿУИНА СӘР МӘЭӘЛА (մեռե լոցի) և ԲՕЖА ЗИЯРӘТЕ (ուխտազնացության) որոշակի օրեր։ Մեռելոցի օրը հավաքվում են հարազատների գերեզմաններին ու սկսում լացն ու երգ-ողբերը։ Այս ընթացքում հիմնականում կանայք կատարում են երգեր, որոնք կոչվում են ДИРОК («գիրոկ»), հիշում են իրենց հարազատին, նրա բարեմասնությունները, ժառանգներին և այլն։ Իսկ հոգևորականները գերեզմաններին ղավլեր են կատարում։

Սրբավայրերում կատարվում են ուրախ բնույթի երգեր և հատկապես պարերգեր։ Իսկ հոգևորականները կատարում են զӘУ-ԼԵ զӘРБАНԵ (մատաղի ղավլեր)։

Ամռանը, քրդերի և լեռնաբնակ հայերի մեջ ընդունված է ԴՕԼԻ՛ӘЙРАН (վարդավառի) հեթանոսությունից եկող տոնակատարությունը։ Վույս լեռը, որը գտնվում է Քղիի գավառում, հայ և քուրդ ժողովուրդների ամենանվիրական վայրերից մեկն է։ «Մեծ պատրաստություններով կին ու տղամարդկանց հազարն բազմություն, հայ թե քուրդ վարդավառին ուխտ են գնում այդ լեռը, տոնում են մեծ շուքով վարդավառը, կեր ու խում անում և նույն հանդիսավորությամբ տուն դառնում»<sup>25</sup>։ Ըստ մեծահասակների վկայությունն եղել են և դեռևս կան վարդավառին նվիրված երգեր։

Փարնանը և հատկապես ամռանը քրդական գյուղերի երիտասարդները՝ պատանիներն ու աղջիկները կազմակերպում են БИДАРУК (ծառերի տակ) կոչվող ցերեկույթը<sup>26</sup>։ Նշանակված օրը երիտասարդները հագնում են տոնական շորեր, վերցնում են իրենց հետ ուտելիք, հավաքվում գյուղից հեռու, բնության գեղեցիկ անկյուններից մե-

<sup>23</sup> К. Р. Эйюби, *նույն տեղում*, էջ 218։

<sup>24</sup> С. Егизаров, Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии, записи Кав. отд. русск. геогр. общества, кн. XIII, Тифлис, 1892, стр. 26.

<sup>25</sup> Ա.—Գօ, *Վանի, Բիթլիսի և էրզրումի վիլայիթները*, Երևան, 1912, էջ 189։

<sup>26</sup> ՏԷ՛ս նաև Ա. Շավիթով, *Բախտի հանապարհ*, Ե., 1961, էջ 9։

կում ու սկսում իրենց երգն ու ուրախությունը: Ուրախության, պարի, ծիծաղի ներքո ծնվում են նոր երգեր, նոր պարեր: Մի երգին հաջորդում է մյուսը, ավելի եռանդուն ու կրակոտ և այսպես մինչև մթնշաղ: Ցերեկույթի ժամանակ հատկապես զարգանում է երգերի դիալոգային ձևը, ուր պատանիներն ու աղջիկները հարց ու պատասխանի ձևով կատակում, ծաղրում են իրար, սեր են բացատրում և այլն:

Աշնանը, բերքահավաքից հետո, քրդերի մոտ սկսվում է հարսանիքների ու նշանդրեքների շրջանը: Արդեն ամեն հարսանիքից կամ նշանդրեքից մի քանի օր առաջ, հարսանքավորների տանը սկսվում է երգն ու երաժշտությունը, պարերը, որը մի տեսակ երաժշտական նախապատրաստություն է մեծ ուրախությանը: Քրդական հարսանիքները իրավամբ եղել են յուրատեսակ երաժշտական փառատոներ, որին իրենց արվեստով մասնակցել են նաև տարբեր վայրերից եկած հյուրերը<sup>27</sup>:

Քրդերի մոտ մինչև այժմ էլ մեծ հանդիսավորությամբ է կատարվում թաղման ծեսը, հատկապես երբ մահացածը տղամարդ է: Հանգուցյալի հագուստը դնում են ձիու թամբի վրա, հարազատներից որևէ մեկը բռնում է ձիու սանձը, դանդաղ քայլում տան շուրջը և սկսում իր երգ-ասերգը: Երգի ամեն տան ավարտվելուց հետո հավաքված ամբոխը, որը դանդաղ հետևում է հանգուցյալի հարազատին, բացականշում է մի քանի անգամ брао, брао (եղբայր, եղբայր): Այդ տիպի երգ-ասերգները կոչվում ենк ләме к'отәле (սգո երգ) և կամ сһаро (ձիավոր): Այդ երգերը հիմնականում էպիկական, հերոսական բնույթի են: Իսկ հանգուցյալի շուրջը նստած կանայք երգում են երգ-ողբեր, որոնք կոչվում են һвежок (նվեժոկ): Մեսին ներկա հողևորականները կատարում են դավլեր ու բայթեր<sup>28</sup>: Թաղման ծեսին երաժշտական ոչ մի գործիք չի մասնակցում:

Բացի վերոհիշյալ տոներից ու ծեսերից քրդերը մինչև այժմ պահպանում են նաև անասնապահության հետ կապված բազմաթիվ տոներ՝ «бәро дә'һ» (գառներին մաքիների մոտ բաց թողնելը), «бәран бәрдан» (ոչխարներին և խոյերին իրար հետ խառնելը) և այլն, որոնց ևս լրացնում են ուրախ երաժշտությամբ<sup>29</sup>:

<sup>27</sup> Քրդական հարսանիքի ծիսակատարության մասին և հարսին հազցնելու մեկ երգի խոսքեր տե՛ս В. Никитин, Курды, М., 1964, стр. 178-186.

<sup>28</sup> Բայթը հոգևոր երգի ժանր է:

<sup>29</sup> Այդ մասին տե՛ս В. Никитин, Курды, стр. 99-100, 109.

Այսպիսով, ամբողջ տարվա ընթացքում իրար են հաջորդում հավաքույթներ, տոներ, ծեսեր՝ երգ ու նվագի ուղեկցութիւններ, որոնք միաժամանակ յուրատեսակ ժողովրդական դպրոցներ են երգեցողութեան, երգի ուսուցման, ազգային երաժշտական անասնահատկութիւնների յուրացման համար:

Քուրդ ժողովրդի երաժշտական կենցաղի մասն են կազմում նաև թափառական երաժիշտների՝ մըրտովների արվեստը: Այն՝ սինկրետիկ արվեստ է, իր մեջ միավորում է կատարման պատմելու, երգելու, պարելու, նվագելու տարրեր: Մըրտովների մասին հիշատակել է նաև Մ. Բայազիդին. «Ամեն մի քրդական տոհմում ապրում են թափառաշրջիկ մըրտովների մի քանի ընտանիք...: Այդ մըրտովները աղքատ են: Նրանք երաժիշտներ են, զբաղվում են սազ և դաֆ նվագելով: Նվագում են հարսանիքներին և տոնախմբութիւններին»<sup>30</sup>:

Դատելով նրանց գործունեության շրջանակներից, պետք է ենթադրել, որ մըրտովների արվեստը եղել է գյուղականի և աշուղականի միջին տեսակը:

Քրդական գեղջկական երգերը ունեն կատարման ինչպես անհատական, այնպես էլ անսամբլային մշակված ձևեր:

Անհատական ձևով կատարվում են ընտանեկան և կենցաղի հետ կապված երգերը և «համերգային» նշանակութիւն ունեցող լայնաշունչ երգերը: Հատկապես հետաքրքիր է լայնաշունչ երգերի՝ միպերգերի, պատմական, սիրային երգերի կատարման կերպը: Դրանք սովորաբար կատարվում են նեղ շրջապատում: Երգիչը երգում է, ձախ կամ աջ ձեռքը ականջին դրած: Ձեռքերը ականջին դնելու ժամանակ երգիչները ցուցամատով հաճախ փակում են ականջները՝ լսողութիւնը իրենց իսկ լեռնցու ուժեղ ձայնից պաշտպանելու և երգը ավելի լավ ղեկավարելու նպատակով:

Քրդական լայնաշունչ երգերը սովորաբար ունեն մասերի անհամաչափ հաջորդականութիւն: Երգի միասնական ամբողջականութիւն ստեղծելու նպատակով կատարման ընթացքում երգիչները «հավասարակշռութիւն» են մտցնում մասերի մեջ, շնորհիվ rubato կատարման կերպի: Ինչպես նկատում է Օ. Մաննը, «... երկար տողերի կատարման ժամանակ երգիչը կատարման տեմպը արագացնում է շեշտելով միայն նախավերջին վանկը և, ընդհակառակը, տեմպը դանդաղեցնում է կարճ տողերի դեպքում այն հաշ-

<sup>30</sup> М. М. Баязиди, *նույն տեղում*, էջ 64:

վով, որ ֆերմատոն համընկնի նախավերջին շեշտված վանկի հետ, և մարող արտաշնչման հետ արտաբերվի վերջին վանկը<sup>31</sup>: նման կատարումը երգին մեծ ձևունություն և գունեղություն է հաղորդում:

Անհատական կատարման ընթացքում պատահում է, որ երգիչը անսպասելի ընդհատում է երգը մեկ, երկու բացականչական բառերով կամ նախադասությամբ, ներկաների ուշադրությունը գրավելու և կամ ներկաներից ներողություն խնդրելու՝ երգում անպատեհ խոսքերի օգտագործման համար:

Անսամբլային ձևով կատարվում են փոքր ժավալի ռիթմիկ օրգերը՝ պարերգերը, կատակերգերը և այլն: Այս երգերը սովորաբար կատարվում են լայն շրջապատում շուրջպարի ժամանակ, պարի շարժումների հետ զուգորդված:

Անհատական և անսամբլային կատարումները բնորոշ են և գործիքային երաժշտությանը: Անհատական ձևը կիրառվում է նեղ, իսկ անսամբլային ձևը՝ լայն շրջանում:

Ժողովրդի մեջ անշուշտ կենցաղավարում են կատարման այլ ձևեր ևս:

Քուրդ ժողովրդի երաժշտական կենցաղում զգալի տեղաշարժեր են կատարվել սովետական իշխանության տարիներին: Ինչպես Սովետական Միության այլ ժողովուրդների, այնպես էլ քուրդ ժողովրդի երգարվեստում նկատվում են ավանդական երգարվեստի տարբեր ճյուղերի մերձեցում, թեմաների ու ժանրերի տեղաշարժեր, փոփոխություններ, նոր ժանրերի ծնունդ՝ իրենց կենսախինդ տրամադրությամբ և երաժշտական պարզ ու հստակ արտահայտչամիջոցներով<sup>32</sup>:

Սովետական տարիներին ստեղծվում է ժողովրդական ստեղծագործության նոր օջախ՝ գեղարվեստական ինքնագործունեությունը, որը մեծ թափով զարգանում է ինչպես Սովետական Միության այլ ժողովուրդների, այնպես էլ քրդերի կենցաղում:

1937 թ. էջմիածնի շրջանի Այաուլու գյուղում կազմակերպվում է քրդական երգի-պարի անսամբլ, որը հաճախակի ելույթներ է ունենում հանրապետության շրջաններում: Նույն թվականին Հոկտեմբերյան սոցիալիստական մեծ հեղափոխության տոնակատա-

<sup>31</sup> O. Mann, նույն տեղում, էջ XXIX—XXX:

<sup>32</sup> Քրդական սովետական երգարվեստի մասին տե՛ս II. Շտեարս, К'ы-ламе цмаэ'та к'дрдайэ советие, „Р'яа т'эзэ“, 1970, I-е maille.

րության օրերին անսամբլը հաշոդությամբ ելույթներ է ունենում նաև Մոսկվայում<sup>33</sup>։ Իսկ 1938 թ. քրդական անսամբլ է ստեղծվում Ապարանի շրջանի Ալազյազ գյուղում, որը մինչև 1940 թ. տալիս է մոտ 200 համերգ<sup>34</sup>։ Անսամբլը մինչև այժմ էլ գործում է։

Իր գործունեության մի քանի տարվա ընթացքում լայն ճանաչում է ձեռք բերել Երևանի Նոր Արեշի № 8 կուլտուրայի տան ջրդական երգի-պարի անսամբլը։ Այն մեծ հաշոդությամբ ելույթներ է ունենում նաև պարբերաբար կազմակերպվող գեղարվեստական ինքնագործունեության համաքաղաքային ստուգատեսներում<sup>35</sup>։

Սովետական քրդերի կուլտուրական կյանքում նշանակալից նրևույթ էր քուրդ դպրոցականների համար 30-ական թվականներին հրատարակված երգերի երկու փոքրիկ ժողովածուները։ Այս ժողովածուները հնարավորություն տվեցին քուրդ դպրոցականներին մայրենի լեզվով երգելու ժամանակակից երգեր<sup>36</sup>։

Այսօր քրդական ժողովրդական երաժշտությունը հնչում է նաև հիֆերում Երևանից, Բաղդադից, Քերմանշահից տրվող քրդերեն ռադիոհաղորդումների ընթացքում։

Քրդերի կյանքում հաճելի նորություն է նաև քուրդ պրոֆեսիոնալ երաժիշտների հանդես գալը, ժողովրդական երգերի հրատարակված ժողովածուներով<sup>37</sup>։

Նրաժշտական գործիքներ. Քրդական երգ ու երաժշտության անբաժանելի մասն է ժողովրդական գործիքը։ «Այն, ինչ որ նրա (երգի—Ն. Զ.) լեզուն անկարող է արտահայտել, սրնգի... մերթ

<sup>33</sup> «Курдский ансамбль песни и пляски вернулся из Москвы», «Коммунист», Ереван, 1937, 21 декабря; «Курдский ансамбль», «Коммунист», Ереван, 1938, 4 ноября.

<sup>34</sup> «Курдский ансамбль», «Коммунист», 1940, 13 декабря.

<sup>35</sup> Տե՛ս «Երևանյան փառատոնը շարունակվում է», «Ավանգարդ», Երևան, 1967, 21 մարտի։

<sup>36</sup> Առաջին ժողովածուն՝ «12 երգ քրդական դպրոցների համար» խորագրով (քրդերեն) հրատարակել է Խորհրդային Հայաստանի Պետական հրատարակչությունը 1932 թ.։ Ժողովածուն կազմել է Ս. Գասպարյանը։ Երկրորդ ժողովածուն՝ «Քրդական դպրոցական երգեր» խորագրով (քրդերեն ապակետիպ) հրատարակել է ԼԺԿ Կենտրոնական ծրագրամեթոդական կարիքետը 1936 թ.։ Ժողովածուն կազմել է Մ. Ավետիսյանը։ Ժողովածուներում տեղ են գտել հեղափոխական, ինչպես նաև ռուս, հայ սովետական կոմպոզիտորների մի շարք երգեր, խոսքերի քրդերեն թարգմանությամբ։

<sup>37</sup> Н. Шәвары, К'эламе шьмаэ'так'ордайэ говәнде, Ереван, 1961, к'т. II, Ереван, 1964; Ш. Шәлил, К'эламед шьмаэ'та к'орда, Ереван, 1964; «Курдские народные песни, М., 1965.

կարկաշն ու մեղեդին, մերթ հառաշանքն ու հեկեկանքը, մերթ ոգե-  
վորութիւնը, մերթ կակղութիւնը պարզ պատկերացնում էին, ին  
զգացմանց ինչ սոսկալի հրաբուխ է պատսպարած բուրդ հովվիս  
նիհար ու լերկ կրծքի մեջ»<sup>38</sup>:

Քրդական ժողովրդական գործիքները, ինչպես շատ այլ ժողո-  
վուրդներինը, բաժանվում են երեք խմբի՝ փողային, լարային և  
հարվածային:

Քրդերի ամենասիրելի գործիքներն են փայտյա փողային  
блур-ը (բլուլ), մաինա -ն (դուդուկ), ֆիզա -ն (շվի), Յժր'ուձ -ն  
(զուռնա), որոնցով կատարում են երաժշտական տարբեր բնույթի  
ստեղծագործութիւններ:

Փողային գործիքներ են նաև ԴՅՅԷԼՅ -ն (կրկնակի զուռնա) և  
Դ'ՕԼՕՄ -ը (պարկապզուկ), որոնք կատարման պակաս հնարա-  
վորութիւններ ունենալու և նվագելու անհարմարութիւն պատճա-  
ռով քիչ գործածական են:

Հայտնի են երկու փողային այլ գործիքներ ևս, որոնք տարած-  
ված են արտասահմանի քրդերի մեջ: Դրանք են. իրաքյան Քրդըս-  
տանում տարածված ШИШАЛ (շիմշալ)<sup>39</sup> և իրանական Քրդստա-  
նում՝ ШВИВИ (շվիվի) գործիքները<sup>40</sup>:

Շվիվիի մասին հայտնի է, որ այն թմբուկի հետ հաճախ հան-  
դես է եկել եզիդի հոգևորականների ծեսերի ժամանակ «դաֆ ու  
շվիվի» ընդհանուր անվանումով<sup>41</sup>: Ընթացրվում է, որ այն եղել է  
փոքր ծավալի «հորոյանման» գործիք<sup>42</sup>:

Քրդերի մոտ համեմատաբար քիչ են հանդիպում լարային  
գործիքները: Լարային գործիքներ նվագել ու նվագում են աշուղ-  
ները, հնարավոր է և թափառական երաժիշտները:

Քրդերի մեջ լարային գործիքներից տարածված են ֆնարը<sup>43</sup>,  
չնգուրը<sup>44</sup>, քառը, սազը, ֆամանը և ֆամանչան<sup>45</sup>:

<sup>38</sup> Ա. Երեցյան, Ուղևորութիւն ի Տանկահայաստան, «Արձագանք», 1891 թ.,  
№ 3, էջ 39:

<sup>39</sup> Ихсан Мустафа, Исповедь мертвой, в кн. «Двенадцать всадников  
меривана (новеллы курдских писателей)», М., 1967, стр. 49.

<sup>40</sup> Ըստ քրդագետ Ք. էյուրիի վկայութիւն:

<sup>41</sup> Տե՛ս նաև Յ'. Յ'վալ հալազաթիեդ փշամտիե նաւ կօրձաձ, Երևան,  
1965, ր'յ 144—145.

<sup>42</sup> Т. Аристова, Курды Закавказья, М., 1966, стр. 202.

<sup>43</sup> Տե՛ս Մարաֆ-хан, Шараф-наме, т. I, перевод, предисловие, приме-  
чания Е. И. Васильевой, изд.-во «Наука», М., 1967, էջ 213 և 448.

<sup>44</sup> Քալազիդի, նույն տեղում, էջ 28:

<sup>45</sup> К. Курдоев, Курды (этнографический очерк), «Народы Передней  
Азии», М., 1957, стр. 256.

Լարային գործիք՝ թառ նվագել են նաև մեր ժամանակակից քուրդ աշուղները՝ Ահմե Չոլուն և Նազուկը<sup>46</sup>։

Հարվածային գործիքներից հայտնի են ձՁՓ-ը (դհուլ) ձՁՓԵԿ-ը (ցնծդա) և ԿՄՍԻԾԱԿ՝-ը (դուշրաթ)։ Դաֆը մեծ ծավալի, երկկողմանի թմբուկ է, հարվածում են փայտիկներով։ Այն հանդես է գալիս դուռնալի հետ։

Հայտնի է նաև, որ քրդերը հնագույն ժամանակներից օգտագործել են տարբեր մեծություն թմբուկներ որպես ժողովրդին հավաքելու միջոց՝ օգնություն կանչելու և կամ կուլի նախապատրաստվելու համար<sup>47</sup>։ Դրանք կոչվել են ձՁՓա հօթաթե (օգնության թըմբուկներ)։ Շարաֆ-խանի վկայությամբ քրդական ամեն ցեղ ունեցել է իր թմբուկը<sup>48</sup>։

Դաֆը կը ավելի փոքր ծավալի թմբուկ է, միայն մի կողմից կաշվով պատած։ Թմբուկի ներսի պատերի մեխերից ամրացված են երեքական բոժոժներ, որոնք հարվածի դեպքում հաճելի խշշում են։ Դուշրաթը սովորական թմբուկից տարբերվում է կավից պատրաստված ավելի բարձր՝ բաժակի նման բացվող իրանով։ Վրան նորից կաշի է քաշված։ Հարվածում են մատներով։ Դուշրաթը լայն կիրառում է ստացել իրաքյան Քրդստանում<sup>49</sup>։

Բացի հիշյալ գործիքներից, քրդական գրականության և բանահյուսության մեջ հանդիպում ենք երաժշտական գործիքների այլ անուններ ևս, որոնք տարածված են այլ ժողովուրդների մեջ և կամ դեռևս մեզ հայտնի չեն։ Այսպես, Շարաֆ-խանի մոտ հանդիպում ենք հետևյալ արտահայտությունը. «Չանգի ու ռաբաբի, սրնգի ու քեբաբի ձայնով նա ամեն երիտասարդի ու տարիքով մարդկանց սրտից հեռացնում էր թախիժը»<sup>50</sup>։ Այս գործիքները կիրառվում են հիմնականում ուզբեկների և տաշիկների մոտ։

Իսկ ժողովրդական բայթերից մեկում երգվում է դաֆ ու շվա վ, տի պ ու զ վ ա վ, սազ ու թամբուր, իխնի, մուխնար։

Տիպը, ըստ Դավրեշե Քյալաշի վկայության (Աշտարակի

<sup>46</sup> Լարային գործիքների օգտագործման մասին հիշատակվում է նաև Հարիս Բիթլիսիի «Լեյլի Մեչնուն» պոեմում և «Փորձ» ամսագրի մեր ակնարկած հոդվածում, ուր ծերունի երգիչը նվագում է երեք լարանի գործիքի վրա։

<sup>47</sup> Չ. Չ'Вадл, նույն տեղում, էջ 142—143։

<sup>48</sup> Шараф-хан, նույն տեղում, էջ 330 և 372։

<sup>49</sup> Դուշրաթի մասին տեղեկություններ է մեզ հայտնել իրաքցի նկարիչ Մ. Սիմանուրին։

<sup>50</sup> Շարաֆ-խան, նույն տեղում, էջ 252։

շրջան, Շամիրամ գյուղ) հարմոնանման գործիք է եղել: Շվավը, հնարավոր է, որ լինի նույն շվիվի: Չվավ, իրանի, մուսնար անունները առայժմ մեզ անհայտ են:

Ընդհանուր գծերով ներկայացրեցինք քուրդ ժողովրդի նրա-  
ժըշտական կենցաղը: Շարադրանքից պարզված է, որ քրդերի  
կյանքում հրաժշտութիւնը արվեստի սիրված բնագավառներից է:

Քրդերի հրաժշտական կենցաղը, որպես ժողովրդական երգ-  
արվեստի տարբեր ձյուղերի կենցաղավարման հիմք, բաժանվում  
է համապատասխան բաժինների իրենց առանձնահատկութուն-  
ներով ու սովորույթներով: Ինչպես շատ ժողովուրդներ, այնպես էլ  
քրդերը դարերի ընթացքում ստեղծել են երգերի ու նվագների կա-  
տարման մշակված ձևեր: Քրդերի մոտ երգարվեստին հավասար  
զարգացած է նաև գործիքային հրաժշտութիւնը, հրաժշտական  
տարբեր գործիքների կիրառման լայն հնարավորութիւններով:

Н. А. ДЖАГАРИ

## МУЗЫКАЛЬНЫЙ БЫТ КУРДСКОГО НАРОДА

### Резюме

Статья посвящена изучению некоторых вопросов музыкального быта курдского народа. В ней освещены условия бытования ветвей музыкального творчества, определяется их место и значение в развитии курдской музыки. Она основана на материалах, собранных автором среди курдского населения Советской Армении, а также опубликованных в различных курдоведческих изданиях.

А. Д. ПАПАЗЯН

## НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КУРДСКОГО НАРОДА

Несмотря на возросший в последние годы интерес к историческому прошлому курдского народа, имеющиеся исследования далеко неудовлетворительны. Это объясняется тем, что еще не изучены важные для истории курдского народа первоисточники на арабском, турецком и персидском языках<sup>1</sup>. В нашем курдоведении наметилась тенденция преодоления отмеченной выше узости, и тут важно использование сведений не только известных источников<sup>2</sup>, но и расширение их круга.

Особенно важное значение имеют источники, принадлежащие перу средневековых курдских авторов<sup>3</sup>. Вопреки мнению Крича, что курды не имеют своей историографии<sup>4</sup>, многие выдающиеся представители средневековой науки были курдами по происхождению<sup>5</sup>, а некоторые из них выступали

<sup>1</sup> *E. M. Quatremère: Notice et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi et autres bibliothèques, Paris, 1838.*

<sup>2</sup> Г. Б. Акопов. Арабские источники по этнической истории курдов... «Страны и народы Ближнего и Среднего Востока», вып. III, АН Арм. ССР, 1967, стр. 175—205. Его же. Курды и курдский вопрос в турецкой историографии. «Страны и народы Ближнего и Среднего Востока», вып. V, 1970, стр. 381—407.

<sup>3</sup> Наиболее полное собрание извлечений из них: *F. Charmoy. Chèref nameh ou fastes de la nation kourde par Chèref-ou'ddine, prince de Bidlis dans l'Viâlét d'Arzeroume. l. I-II, s.-Pbg., 1868—1875.*

<sup>4</sup> *J. Creach. Armenians, Koords and Turks, vol. II, 1880, p. 167.*

<sup>5</sup> См. Н. Я. Марр. Еще о слове «челеби». ЗВО, т. XX, вып. II—III, 1911.

именно как курдские историки. Наиболее известны среди них Молла Идрис Битлиси и Шараф-хан Битлиси, а также Махмуд-хан Дунбули и Абд-аль-Раззак-бек Дунбули из хойского племени Дунбули, оставившие достойные внимания исторические труды. Молла Идрисом написана история Османского государства от начала его возникновения до времен султана Селима I. Она озаглавлена «Хашт бехешт» или «Тарих-е ал-е Осман». Двухтомный исторический труд Шараф-хана «Шараф-наме», первый том которого целиком посвящен истории курдских племен, а второй является хроникой политических событий в Иране, Турции и Средней Азии в 1290—1596 гг., широко известен в востоковедении<sup>6</sup>. Известны также, хотя и не так широко, труды Абд-аль-Раззак-бека Дунбули (1762—1827). Его двухтомный «Муасир-е султанийе», охватывающий историю раннего периода Каджаров и изданный в 1826 г. в Тавризе, является первенцем иранского книгопечатания. Из неопубликованных его трудов известны рукопись «Нигаристан-е Дара», посвященная придворным поэтам Фатх-Али-шаха, и содержащая личные воспоминания автора «Таджрибат ал-ахрар ва таслиат-ал-абрар»<sup>7</sup>.

Этими работами исчерпывается, пожалуй, круг известных науке трудов курдских авторов. Как, однако, показало обнаружение М. Б. Руденко в Ленинграде работы курдского историка Молла Махмуда Баязиди<sup>8</sup>, дело не в том, что их нет, а в том, что основная их масса еще не открыта. Типична в этом отношении и история открытия в Матенадаране рукописей трех таких уникальных работ.

Еще в 1937 г. В. Минорский высказал предположение, что перу Абд-аль-Раззака должен принадлежать труд, посвященный истории феодального рода курдского племени Дунбули<sup>9</sup>; позднее по списку библиотеки Иранского медреса выяснилось, что действительно такой труд есть и называется он «Тарих-е данабиле»<sup>10</sup>, хотя, по сообщению Аззари, он именуется также и «Риаз аль-Джанна»<sup>11</sup>. Отмечая значение основного труда Абд-аль-Раззака «Муасир-е султанийе»,

<sup>6</sup> Издан и на русском языке: Шараф-хан Битлиси. «Шараф-наме», т. I, М., 1967.

<sup>7</sup> C. A. Storey. Persian literature. A bio-bibliographical survey. London, 1953, u. I. part 2, p. 334.

<sup>8</sup> Молла Махмуд Баязиди. Нравы и обычаи курдов. М., 1963.

<sup>9</sup> BSOS, IX/1, 1937, p. 254; ср. См. C. A. Storey, v. I, part 2, p. 129.

<sup>10</sup> فهرست کتابخانه مجلس شورای ملی، تالیف یوسف اعتصامی،

تهران ۱۳۱۱ ص ۳۱۵

<sup>11</sup> C. A. Storey. I, part 2, p. 1299.

И. П. Петрушевский упоминает и его «Тарих-е данабиле», сообщая, что, по сведению О. Л. Вильчевского, рукописный экземпляр этого труда хранится в ереванском Матенадаране<sup>12</sup>.

В 1957 г. после тщательной проверки рукописей всего арабского фонда Матенадарана выяснилось, что упомянутая рукопись неверно описана и хранится под совершенно иным заглавием за номером 7938 армянского фонда. Внимательное изучение этой объемистой рукописи, состоящей из 251 листа, показало, что действительно ее последние страницы (2226—2496) содержат экземпляр (написанный красивым почерком насх) работы Абд-аль-Резака, посвященной генеалогии племени Дунбули.

Краткое описание данного текста, а также всей рукописи, хранящейся теперь под номером 622 арабского фонда, мы впервые дали в докладе, прочитанном на I Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте<sup>13</sup>. Хотя и сведения «Тарих-е данабиле» ограничиваются пока лишь библиографическими данными и имеющийся у нас текст не озаглавлен и не имеет указания на рукопись-оригинал, однако то обстоятельство, что в нем изложена история дунбулиев, позволяет сказать, что в данном случае мы имеем дело с уникальным рукописным экземпляром «Тарих-е Данабиле». Между ним и «Таджрибат-аль-ахрар ва таслиат-аль-абрар», содержащим личные воспоминания того же автора, есть некоторое сюжетное сходство. Однако внимательное сличение его с данным Чарльзом Рио описанием рукописи, хранящейся в Британском музее, показало, что структура у них совершенно различна, сведения о событиях и лицах даны в ином распределении материала и изложении.

Наш текст начинается следующими словами:

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ. بَارِئُ مَوْدِنِ أَحْوَالِ قَبِيلِهِ وَاجْدَادِ جَامِعِ نَسْخَتِهِ  
بَدِيعِ بَنِيَادِ يَقُولِ حَاوِي الْأَوْرَاقِ الْمَتَمَسِّكِ بِجَبَلِ النَّبِيِّ وَ الْوَصِيِّ ابْنِ نَجْفَقْلِيِّ  
الدَّنْبَلِيِّ عَبْدِ الرَّزَّاقِ عَفَى اللَّهُ تَعَالَى عَنْهُ...

«Во имя сострадательного и милостивого бога. Это есть начало истории составителя этой новосозданной книги и, как сказано на страницах книги, в связи с поколением пророка, истории рода и предков Абд-аль-Разака—сына Наджафули Дунбули—пусть всемогущий бог простит его» (стр. 2246).

<sup>12</sup> См. И. П. Петрушевский. Очерки по истории феод. отнош. в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949, стр. 43.

<sup>13</sup> См. А. Д. Папазян. Историографическая ценность персидских рукописей Гос. Матенадарана. «Материалы I Всесоюзной конференции востоковедов», Ташкент, 1958.

Эту историю Абд-аль-Раззак начинает кратким описанием принятия одним из крупных племен курдов-курманджий, Дунбули, мусульманской веры шиитского толка в начальный период Сефевидского Ирана<sup>14</sup>. Затем автор переходит к истории своего прадеда—Салман-халифе второго, подчеркивая его роль и отвагу в боях с турками в начале XVII в. (стр. 226а—226б). Далее он говорит о своем деде, Шахбазхане, властвовавшем в Хое до 1724 г. и убитом во время осады и разрушения этого города турками (стр. 226б—227а). Вслед за тем Абд-аль-Раззак переходит к изложению жизни и деятельности своего отца Наджафкули-хана, одного из крупных полководцев Надир-шаха; Наджафкули-хан участвовал во всех походах Надира, а позднее был назначен бекларбеки Тавриза (стр. 228а—237б). Особый интерес представляют страницы, посвященные изложению политических событий периода после Надира до прихода к власти Каджаров. Подробно описаны обстоятельства убийства Муртузакули-хана Надиром, затем вручение Хойского ханства его сыну Шахбазхану, заверение последнего в верности Ага-Мухаммад-хану, его смерть и т. д. Много места уделено также описанию возвращения из Шираза брата Абд-аль-Раззака Фазль-Алибека и в связи с этим—истории войн Наджафкули-хана с занджанским владетелем Зольфегар-ханом. Труд завершается описанием сильного землетрясения 1780 г. в Тавризе и гибели брата. Из заключительной части мы узнаем, что Абд-аль-Раззак отправился в Шираз, по-видимому, с целью распорядиться делами семьи своего брата, которому он намеревался посвятить специальную главу, озаглавленную «Въезд пишущего эти строки в Шираз, история переселения друзей, их скорби и горя, разлуки с родственниками» (стр. 249а). Однако здесь, в начале страницы 249б, наш текст кончается.

Ясно, что труд этот не мог быть завершен таким образом. После заглавия, по традициям персидской средневековой историографии, следует аллегорическое вступительное слово, за которым должен был следовать основной текст. Между тем рукопись обрывается следующим бейтом:

ببال مرغ بستم نامه سردارم سوي يارش  
گرانبار است ميتوسم بگشايد بمنقارش

Трудно сказать, автор ли оставил свой труд незаконченным, или до нас дошла его неполная копия. Ясно одно: перед нами незавершенный текст. Но в данном случае речь не о «Тарих-е Данабиле», точнее, не только о нем. Дело в том, что

<sup>14</sup> До этого дунбулийцы были езидами. См. «Шараф-наме», I, М., 1957, стр. 83.

تمت هذه السجدة المباركة

بإذن مؤيد الأحوال فيكده وأعداد جامع ابن نخعة يدفع بتباد  
يقول ما روي أن رافع الشافعي جعل الله والوصي بن جعفر بن محمد بن عبد الرزاق  
عقابه دعا إلى عشق صاحب القاموس في هذه السجدة وتسل كصفاء بطله  
من الأكل في موالى الموصل وهو جد من نسل الفقيه الشافعي وعليه ابن الأثير  
الحمد والثناء ابن طائفة بطله في كتابه في الموصل وجمعه في زاد المعاد  
تقدمت له أسبغ كرم وأصف عريضا برينه صدقت ودانك مؤسلا ورسلا  
هليل درویشا شافعي في فضيل وبنه محمد بن وهبان القتيبي راب من روايات  
حديثا تبين بكسب من زياد النخعي وهو من أمير المؤمنين وقابل الفقيه ابن  
سليمان صاحب طبقات الله عليه وآله وأولاده أصحاب الإمام الذين أوردوا الحديث  
أبو جعفر محمد بن أبي القاسم الطبري في كتابه في تاريخه في كتابه الأول من كتاب طبقات  
المصطفى في كتابه من كتاب مصنفون الحديث في الأدب حسن أنه أشرف  
ومناهج الأدب لهم في شرح هذا من حقائق العاصرين وبعض العاصرين من العلماء

هذا هو  
صحة  
هذا هو  
صحة

Рис. 1. Первая страница «Тарих-е Данабиле».

в поисках продолжения его текста мы наткнулись на рукопись двух обширных трудов нового автора—Рустам-хана, сына Ахмад-хана Дунбули. Их текст составляет основную часть названной рукописи и занимает страницы 16—2206.

Описание этой рукописи нами дано в специальной статье о ней<sup>15</sup>. Не останавливаясь поэтому на деталях, отметим, что оба труда Дунбули переписаны по заказу автора в Мадраसे Мирза Салеха в Тегеране учеником этого мадраса Али-Акбаром Тафреши в 1266 г. хиджры (1850); текст переписан неискусным почерком насталиг с грубыми орфографическими ошибками. 173 листа начала рукописи занимает историко-догматический труд Рустам-хана «Ишарат-уль-мазахиб»—*اشارات المذاهب* («Очерки о верованиях»). На страницах 174а—178а изображены различные астрологические таблицы, а на следующей 178б дано предсказание судьбы автора книги, сделанное в начале месяца зилхиджа упомянутого 1850 г.: «Это есть копия предсказания рождения Рустам-хан ибн Ахмад-хана Дунбули, автора этой книги и дарующего ее (отдающего в вакф). Божьей волею пусть отец, сын и мать живут долгие годы, и родители да будут довольны и счастливы своими сыновьями».

На страницах 178а—2206 помещен второй, чисто догматический труд Рустам-хана, озаглавленный «Ишарат-уль-адьян»—*اشارات الاديان* («Очерки о религиях»). Страница 221а чиста, на страницах 221б, 222а помещено более обширное предсказание судьбы автора, в начале которого говорится: «Это есть копия предсказания судьбы курда-курманджи, Исабеклу, Шамсеги и Бармаки Рустам-хана ибн-Ахмад-хана Дунбули-Яхья, дарующего эту книгу. Написано в начале месяца раджаб, в понедельник, в благородном и живописном городе Хое в турецком году собаки, что соответствует 1266 г. хиджры и 1219 г. Ездигерди (1850. IV 12). А расположение звезд таково, как описано ниже. Божьей волею пусть удостоится он долгой жизни и да принесет его рождение благополучие и счастье родителям».

Страницы 222б—2496 охватывают знакомый нам труд Абд-аль-Раззака ибн-Наджафули-хан Дунбули. В свободной части страницы 249б есть стихотворные строки о предках Дунбулиев, а на страницах 250а—253б, которыми завершается рукопись, записаны путевые заметки, принадлежащие перу, вероятно, Рустам-хана.

В нескольких местах рукопись скреплена печатью Рустам-хана, в частности, в начале и конце отдельных тек-

<sup>15</sup> 2. Փափազյան. Քուրդ ժողովրդի պատմության մի նոր սկզբնաղբյուր-  
«Բանբեր Մատենադարանի», № 8, Երևան, 1967.

стов. В начале обоих трудов помещены вакуфные протоколы почти одинакового содержания о пожаловании или наследовании книги. Вот один из протоколов, записанный в начале «Ишарат-уль-мазахиба»: «Эту книгу с заглавием «Ишарат-уль-мазахиб» Рустам-хан ибн-Ахмад-хан, проводя через истинное шариатское сиеге, отдал в вакф своим наследникам, с условием, чтобы она всегда оставалась у его сыновей, никому не давалась на хранение, и если кто-нибудь захочет переписать, то ее не следует выносить из дому. Книга должна остаться в доме самого образованного наследника. Благодаря господу-богу в нашей фамилии всегда были и будут образованные люди. Пусть <они> по мере своих сил продолжают <дело> и сделают язык красивым. Если кто будет возражать или станет игнорировать этим вакфом или же сотрет протокол, да удостоится он проклятия господ-бога. Я надеюсь, <наследники мои> постараются ввести в книгу нужные поправки, будут свято хранить мое завещание и поступать согласно этой грамоте. Написано в четверг 5-го числа месяца зикада 1260 г. (1850. XI 12)».

Наши сведения об авторе ограничиваются страницами 60a—62a «Ишарат-уль-мазахиб». Это—данные самого автора, согласно которым он в возрасте двух лет лишился отца и остался на попечении матери. Последняя в свою очередь отдала его в опеку некоему Хасану из Хорасана. В пятилетнем возрасте в течение 40 дней он научился читать по-персидски. В юные годы он с большим рвением читал религиозную литературу, изучая религиозно-этические вопросы.

Небезынтересны раздумья Рустам-хана в религиозных вопросах, которые под конец приводят его к выявлению социальной сущности религии, как идеологического орудия в руках государства:

در طلب مرد حق بودم اوصافشان را در کتابها دیده بودم راه مرد خدا را  
 بی پایان دیدم سراسر تنک و خطرناک در ظاهر رهبری ندیدم در کتب ادیان  
 برهانی نبود که عقل قبول نماید بیا و بمن حرف (ایشان) بی اعتبار  
 بنظر آمد و رفتم ندیدم باز رفتم صلاح در آن دیده که علمای ملل مختلف  
 را بهینمه اختلاف بی پادان احوال اخلاق بی معنی زیاد دیدم بعضی  
 بطریق میراث دست نشاخ ضعف زده طایفه نعت بی روی خاطر و بیم  
 جان پای بر کن لرزان نهاده جماعتی که علمای عریان باشند برای مال  
 دنیا و بلندی مرتبه تکیه باستخوان پوشیده کرده و مردهچند را پیشوای  
 خود ساخته و نام دین داری بر خود بسته و اختلاف در شناختن خالق و  
 ابتدای خلقت و انتهای کار بی نهایت بعضی... بهیچ اکتفا نموده منبع  
 الوجود را نفی کرده بت بزرگ از نیستی ساخته بعضی نیستی را اهریمن  
 گفته هستی را یزدان بعضی که دارند و به آرند (۵) که حضرت نوربخش

عالم را که از هر آن هزاران جلوه دارد ملکطاوس گفته‌اند قومی بعداوت او را شیطان میخوانند دیدم که اول تکلیف که بر جمیع مخلوقات که شده است شناخت خداست اول بنای عداوت را بعد اوت یکدیگر بخدای یکدیگر گذاشته‌اند... بعداوت و ضدیت یکدیگر راهی گرفته که من راه حق را گرفته‌ام و دیگر باطل در آرایش خود و نکوهش دیگران حرف میزنند از دین داری اثری ندیدم در مدت قلیل یکصد و هشتاد شهر از ولایت روم و روس و ایران و هبش و زنک و عرب گردیدم قرار دادم که علمای هر مذهب به‌بیتم دادم که حرف بگویش ایشان نمی‌رود دایم در مشاطگی خود و برهم زدن کیشی دیگران می‌باشند که تخریب کار بی‌قاعده آسان است در همین بلا مبتلا مانده‌اند ثواب یکی و گناه دیگری و حلال آن و حرام این هر دو لغو باطل بنظر آمد اول جمیع مذاهب نظر کردم حیلۀ پادشاهان دیدم...

«Искал я настоящих людей, восхваления которых встречал я лишь в книгах. Увидел я путь божьего человека бесконечным от края до края, узким и опасным и без путеводителя. В религиозных книгах не нашел я слов, убеждающих человеческую мысль и, видишь ли, их слова тоже мне показались ничего не стоящими. Потому я решил встретиться с учеными различных религий и видел большие противоречия и весьма бессмысленные нравы. Некоторые по наследству хватаются за ветвь бессилия, другие, чтобы подчиниться мысли и боясь души, стоят на зыбкой основе, а другая группа—«нагие ученые», которые ради житейских ценностей и высокого положения опираются на гнилые кости, сотворив себе вождей из нескольких мертвецов, и называют себя верующими. И вообще, велики их разногласия в вопросе о творце и творении и конце света. Некоторые же, довольствуясь тщетой, превратили в святыню истоки бытия и сделали себе идолов из ничего, а другие небытие называют Ахриманом, бытие—Язданом<sup>16</sup>.

Некоторые, <что>... имеют осветителя земли, который в каждую секунду сияет разными цветами, называют Малак-Тавусом, а другие по вражде называют их дьяволами. Видел я также, что от всех существ требуется только признание бога, однако люди свою вражду друг к другу проявляют также в отношении богов... идут по враждебному и противоположному друг другу пути и каждый твердит, что он следует по верному пути, а другой—по ложному. Восхваляют себя и порицают противника; итак, не видел я истинного верующего.

<sup>16</sup> Как видно, речь идет о зороастризме. См. В. В. Струве, Родина Зороастризма. «Советское востоковедение», т. V, 1948.



Рис. 2. Первая страница «Ишарат уль-мазахиб».

В течение короткого времени я побывал в 180 городах Рума (Турции), России, Ирана, Абиссинии, Занзибара и арабских стран. Решил я встретиться с вождями всех религий. Однако увидел, что никто из них не хочет слушать ни слова. Они заняты лишь тем, что выдают себя красивыми и стараются очернить противника. И поскольку неправому делу легко помешать, все они подвержены этому бедствию. Мне показались ложными как оправдание одного, так и осуждение другого, как признание одного, так и отклонение другого; и когда я хорошо изучил корни всех религий, увидел в них коварство и ухищрение царей».

Сделав такой вывод, Рустам-хан защищает принцип приверженности к добру, зная, что «сладости жизни всегда должны перемеживаться с горечью». Он наставляет себя не быть пленником желаний и замечает, что «такие раздумья похожи на соленую воду—сколько ни пьешь, жажда все более усиливается». Далее автор пространно говорит о тщете мира и бренности жизни, сообщая в ходе этих раздумий кое-какие сведения из своей биографии: «Пусть никто не будет соучастником пишущего эти строки в его участи. Ибо сорокалетняя служба не дала мне хлеба хоть на день. Я всегда был участником походов во время войн то с турками, то русскими, с афганцами, узбеками или арабами. Я служил четырем следовавшим друг за другом царям и взамен не получил ни дня покоя. И вот однажды в возмещение моей сорокалетней службы двор захватил мои наследственные мульки, и хлеб насущный, который я получал как жалование из суммы арендной платы мульков, прекратился. Итак, из 200000 отцовского наследства я не истратил ни зернышка. Но слава господу, несмотря на это, господь-бог пожаловал мне то, что люди стремятся иметь в жизни. Всю жизнь я провел вместе с честной и верной женой. Бог мне подарил хороших детей; и всех их—сыночек и дочерей—удостоил удачного брака; построил я роскошные палаты, посадил райские сады, плодов которых, однако, не видел и не отвеживал; посещал все святые места в мире и удостоился чести увидеть многих знатных людей».

Упомянутые биографические сведения и другие данные, разбросанные по рукописи, дают возможность заключить, что отцом Рустам-хана был Ахмад-хан Дунбули, правивший после Надира до 1786 г. Хоем и его окрестностями, один из самых влиятельных ханов Азербайджана и глава курдского племени Дунбули. В указанном году в результате заговора соседних азербайджанских ханов Ахмад-хан вместе с братом Салман-ханом и старшим сыном был убит. Однако, говоря о своих близких предках и перечисляя сыночек Ахмад-хана,

Рустам-хан не упоминает своего имени. Согласно нашему источнику, после убийства Ахмад-хана осталось 8 его сыновей (стр. 886), а при их перечислении автор упоминает лишь семерых: Хусейн-кули-хан, Джафар-кули-хан, Али-Мурад-хан, Кялб-Али-хан, Кязим-бек, Хаджи Шейх-Али-хан и Амир-Аслан-хан. Неясно, считает ли он восьмым убитого старшего сына—Хусейн-пашу, имя которого он лишь раз упоминает в связи с его участием в осаде Тавриза, или же здесь следует прибавить имя самого Рустам-хана? Если иметь в виду, что речь идет о сыновьях Ахмад-хана, оставшихся после его убийства, то можно думать, что восьмой—сам автор, поскольку старшего сына в это время уже не было в живых.

Если иметь в виду, что отцом Рустам-хана был Ахмад-хан, который умер, когда Рустаму было два года, окажется, он родился в 1784 г. Тот факт, что о войнах, происходивших в 1216 г. хиджры (1801—1802 гг.), Рустам-хан говорит как очевидец (стр. 92а), подтверждает тот вывод, что датой его рождения следует считать 1784—1785 гг. По другому поводу он сообщает, что с 17 лет был на военной службе и 40 лет служил четырем царям (стр. 62а). Если, таким образом, в начале века он участвовал в войнах, то во время работы над своей книгой за его плечами была сорокалетняя служба при Ага-Мухаммад-хане, Фатх-Али-шахе, Мухаммад-шахе и Наср-эд-дин-шахе.

На странице 516 рукописи Рустам-хан дает в порядке преемственности список имен последних дунбулийских глав, начиная со своих современников до Салмана-халифе, ставшего известным в начале XVI в. при шахе Исмаиле. Первое имя в этом списке вычеркнуто и вместо него вписано «сын Ахмад-хана Рустам-хан», после чего следует одно неразборчивое имя. Эта поправка, вероятно, была сделана одним из сыновей Рустам-хана, но автор «по скромности» не считал себя достойным упоминания,—список дунбулийских вождей он завершил именем сына Хусейн-кули-хана Салман-хана, который в 1842 г. вернулся из России и был назначен хакимом Хоя (стр. 91а).

Изучение обоих трудов Рустам-хана показывает его глубокий интерес к древним иранским верованиям и к религии современных ему гебров-язданпарастов. Сами названия его трудов говорят об их религиозно-догматическом содержании, вторая работа содержит довольно обширные выписки из различных источников и, в частности, из зороастрийской литературы о древнеиранских верованиях. Несомненно, этот труд как исследование, сделанное в Иране в первой половине XIX в., явление, достойное внимания, однако как исторический первоисточник, он не представляет, конечно, особого интереса.

Совершенно иной характер имеет первый, более обширный и содержательный труд. Его начальная и конечная части также посвящены истории древнеиранской религии. После предварительного перечисления, по «Шах-наме», ряда мифических царей Ирана в специальной главе «Описание религии персидских царей, которых называют также Атрхушангом, Ахушангом, Хушангом или Ахуш-Махабадом» (21а) автор пытается дать описание дозораастрийских верований иранцев. Следующая глава — «Начало упоминания религии дунбулиев и персов, которых называют также иранцами» (21б). Интересно замечание автора об источниках: «Как говорит автор книги, никто не может сказать, что такой-то материал взят отсюда-то, потому что автор по одному упоминает названия всех книг» (29а). В этой главе Рустам-хан пытается доказать, что курды-дунбули долгое время сохраняли древнеиранскую религию, и это интересно в плане теорий о зороастрийской основе невидизма, в том числе и среди них.

Эта часть труда Рустам-хана важна еще тем, что, наряду с использованием письменных источников, автор объехал центральные области Курдистана и познакомился с сохранившимися у курдов многочисленными сектами. Так, говоря о секте спасян (سپاسان), он пишет: «Пишущий эти строки долгое время жил с ними, расспрашивал, внимательно изучал книги их вождей, читал и вникал в их тайны и внутреннюю суть», и они «имеют веру язданпарастов». «تاکتنام». «آیین یزدان‌پرستی دارند». Кстати, секта спасян не известна в науке. Кроме нее автор дает описание секты Ахл-е хакк,<sup>17</sup> Бекташи, незидов и ряда других курдских сект<sup>18</sup>.

Интересна даваемая автором история родных ему курдов-дунбули. Отмечая, что курды и после ислама долгое время сохраняли иранскую религию, Рустам-хан пытается на основе многочисленных источников доказать, что когда Муса Бармаки был назначен Мамуном правителем Сирии и Северной Месопотамии, он взял под свое покровительство курдов-незидов и построил в горах Санджара крепость Дунбул, и что по имени этой крепости курдские племена, объединившиеся под властью Мусы Бармаки, а в дальнейшем его сыновей и их преемников, начали называться «Дунбули».

Начав с происхождения курдов-дунбули, автор перехо-

<sup>17</sup> О ней см., например: В. Ф. Минорский, Материалы для изучения персидской секты «Люди Истины» или Али-Илахи, ч. I. Предисловие, тексты и переводы. М., 1911.

<sup>18</sup> О них см., например: G. R. Driver, The religion of the Kurds BSOS, 1922, vol. II, pt. 2, pp. 197—213.

дит затем к описанию всех их ветвей, начиная с эпохи раннего средневековья и кончая своим временем. Согласно его данным, от дунбулиев происходят курдские племена Бармакулу, Дунбули-Яхья, Шамсеги, Исабеклу, Алямшахбеклу, Зафаранлу, Эйубхани, Шахнавазбеклу, Хытырлу, Халилбеклу, Шыкаки и др.; все они до XVI—XVII вв., а некоторые—и во времена написания нашего источника были иезидами (956—96а).

Конечно, дело тут не обошлось без того, что именуют удельным патриотизмом,—как мы видели, большую часть курдов-курманджей автор считает дунбулийцами по происхождению. Но несмотря на это, Рустам-хан сообщает весьма важные сведения о различных областях Курдистана и исторической Армении. Достойны внимания, в частности, строки, посвященные описанию поселений курдов-курманджей, начиная с гор Терзин до западных пределов Азербайджана. Большое место уделил автор описанию своего родного города Хоя, که پایتخت سلاطین ارمن بوده — который был столицей Армении (56б, 68а). С особым восхищением описаны природа и богатства Санджара и Терзина, считающихся колыбелью курдов-дунбули. Так, о Терзине он пишет: «Господь-бог защитил Терзинские горы от глаз дьяволов. Пишущий эти строки обошел большую часть этих гор. Страна эта полна всеми благами мира. Немногие знают, что в этих горах есть большие города. Вершины гор покрыты вечным снегом, а на подножье зреют финики и апельсины. Горы сплошь покрыты виноградниками и тутовниками. На высотах построены укрепления. Реки многоводны, по ним ходят корабли» (стр. 56а).

В самых различных источниках Рустам-хан выискивал данные о порядке преемственности некоторых курдских династий, происшедших от дунбулиев, пытаясь уточнить даты их ханства, бекства или бекларбекства. В соответствии с этим книга подразделяется на главы, соответствующие большей частью именам отдельных правителей. Так, несколько глав последовательно названы: «О Наджаф-кули-хане, сыне Шахбаз-хана Дунбули», «Об Амир Худадад-хане, сыне Наджафкули-хана бекларбеки», «Об Амир Фатх-Али беке, сыне Амир Худадад-хана Дунбули», «О Наджафкули хане, сыне Амир-Фатх-Али бека, сыне Амир Худадад-хана» и т. п. Исторические сведения в основном изложены на фоне биографий отдельных лиц, преимущественно вождей разных курдских племен, в ходе изложения, однако, автор часто отвлекается и излагает различные вопросы, волнующие историка.

Для изложения истории до XVIII в. включительно Рустам-хан использовал несколько десятков историографических сочинений на персидском, турецком и арабском языках,

охватывающих почти 800-летнюю историю. Конечно, эта часть его труда носит компилятивный характер, но большая часть использованных источников не опубликована, а это означает, что ссылки Рустам-хана во многих случаях для нас имеют ценность первоисточника. Нельзя, кроме того, не сказать и о том, что некоторые из его источников вообще не известны в науке, например, «Генеалогическая история курдов и персов» Динвари, в которой можно видеть свидетельство не только курдского происхождения этого выдающегося представителя средневековой историографии, но и формирование в его время «национального самосознания» курдов<sup>19</sup>. Из использованных источников «Ишарат уль-мазахиб», как автор говорит, «без отклонения от буквы», отметим «Ровзат-ус-сафа» Мирхонда, «Хабиб-ус-сийар» Хандамира, «Тарих-е Джаханара» Кази Ахмад Каффари, «Тарих-е Аламара-йе Аббаси» Искандара Мунши, «Низам аль-Таварих» Абу-Абдуллы Бейзави, «Джаме уль-Таварих» Абу-Саида Бейзави, «Тарих-е ансаб-е акрад ва аджам» Абу-Ханифе Динвари, «Тарих-е хафт иклим» Амми Ахмада Рази, «Шараф-наме» Шараф-хана Битлиси, «Тарих-е Алфи», а также «Тарих-е Саяк» Мухаммада ибн-Насрулла, «Джаханнума» Кятиба Челеби. Особое внимание Рустам-хан уделяет трудам Махмуд-хана ибн-Мухаммад-хана Дунбули «Тарих-е ансаб-е салатин-е акрад» и «Муасир-е салтанийе» Абд-аль-Раззака, приводя из них ценные сведения по истории XVII—XVIII вв.

Наряду с ними Рустам-хан искал материал для своего труда и в художественной литературе. Он часто ссылается на произведения Фирдоуси, Саади, Джалал эд-дина Руми, Катрана Табризи, Аттара, Баба Тахера, Хакани и других корифеев иранской классической литературы.

Часть своего труда, относящуюся к истории конца XVIII в. и первой половины XIX в., Рустам-хан пишет как очевидец. Здесь большое место уделено Ахмад-хану Дунбули и описанию происходивших при нем событий. Записаны такие подробности, которые могут пролить свет на историю Ирана докаджаровского периода. Интересно описание событий в Закавказье и Азербайджане при Кярим-хане Зенде, связанных с походом Ахмед-хана сюда. Автор сообщает о заговоре против Ахмед-хана, хотя и его объяснения весьма путаны.

Заслуживает внимания то, что Ахмад-хан поддерживал постоянную связь с курдами-курманджи, проживавшими в областях Северной Месопотамии, в частности, Санджара и Терзина.

---

<sup>19</sup> Г. Б. Акопов. Критическая история проблемы происхождения курдов. Ереван, 1969, стр. 60.



Особенно много страниц посвящает Рустам-хан тем сыновьям Ахмад-хана, которые после 1805 г. перешли в Закавказье и поступили на службу в русскую армию. Первым из них был Джафар-кули-хан, получивший от русских властей ханство Шаки. В 1814 г. его примеру последовал брат Кялб Али-хан, который в 1828 г. после взятия русскими войсками Хоя на короткий срок был назначен его правителем; он участвовал в сражениях против турок и был назначен губернатором Эрзурума. Рустам-хан упоминает и других дунбулиев, находившихся на русской службе и участвовавших в военных действиях в Европе; некоторые из них были отмечены высшими правительственными наградами, а Мухаммед Таги-хан дослужился до звания генерала русской армии. Эти факты показывают, что историк, занимающийся изучением русско-курдских отношений, найдет в «Ишарат уль-мазахиб» немало интересных данных и по этому неизученному в науке вопросу.

Итак, не имея цели осветить текстологические и историко-филологические вопросы рукописи № 622, мы хотели привлечь к ней внимание курдологов как к весьма ценному источнику по истории курдского народа. Речь идет о том, что данная рукопись содержит три труда курдских авторов, один из которых—незавершенная копия 1850 г. уникального сочинения Абд-аль-Раззака Дунбули «Тарих-е Данабиле», известного специалистам лишь по заглавию. Остальные два текста—это труды нового автора Рустам-хана Дунбули, которые до сих пор не были известны иранистам-курдоведам. Несомненно, что публикация этой уникальной рукописи, снабженная надлежащим историко-филологическим введением, комментариями и индексами, дает нашим историкам-курдологам ценнейший источник по истории курдского народа и его духовной культуре.

## 2. Դ. ՓԱՓԱՉՅԱՆ

ՔՈՒՐԴ ԺՈՂՈՎՐԴԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԵՈՐ ՍԿԶԲԱՂԲՅՈՒՐՆԵՐ

Ա մ փ ո փ ու մ

*Մատենադարանի արտատառ ֆոնդի № 622 ձեռագիրը բովանդակում է 3 եղակի բնագրեր, որոնցից առաջինը XIX դարի առաջին կեսի հեղինակ Ահմադ խան Գանբուլիի որդի Ռուստամ խանի գրչին պատկանող «Իշարաթ-ուլմազահիր» (էջ 1բ—173բ),*

իսկ Երկրորդը (էջ 178ա—220բ) նույն հեղինակի «Իշարաթ-ուլ-ադյան» խորագիրը կրող և մինչ այժմ արևելագիտությանն անհայտ բնագրերն են:

Իր երկու աշխատություններն էլ Ռուստամ խան Դունբուլին նվիրել է Դունբուլի քրդերի պատմական անցյալի և նրանց հավատալիքների ուսումնասիրությանը: Առաջին աշխատության մեջ Ռուստամ խանը բազմաթիվ աղբյուրների հիման վրա շարագրում է Կուրմանջի քրդերի պատմությունը ըստ առանձին ֆեոդալական տների, վաղ ժամանակներից մինչև 19-րդ դարը: Հատուկ արժեք են ներկայացնում XVIII դարի վերջի և XIX դարի առաջին կեսի պատմությունը վերաբերող էջերը, որոնք նա շարագրել է որպես սկանստես և բաղաբական կարևոր անցուղարձերի մասնակից:

Երկրորդ բնագիրը արժեքավոր է հատկապես իրանական հին հավատալիքների և «չազդանի» քրդերի մոտ դրանց վերապրուկների հանդամանալից ուսումնասիրությանը:

Ձեռագրի վերջին էջերում գեղեցիկ նասիս գրությամբ կատարված է պարսկալեզու միջնադարյան պատմագրության վերջին ներկայացուցիչներից մեկի՝ Աբդ-ալ-Ռազակ իրն-Նաջաֆկուլի խան Դունբուլիի արևելագիտությանը միայն վերնագրով հայտնի «Քարիխ-ե-Դանարիլե» խորագիրը կրող աշխատության 1850 թ. մի անավարտ ընդօրինակությունը, կնքված Ռուստամ խան Դունբուլիի կնիքով:

Հոգվածում փորձ է արված պարզելու Ռուստամ-խանի ինքնությունը և պատմա-բանասիրական ու տեքստաբանական ուսումնասիրության ենթարկվելով հիշյալ երկերը, ուրվագծել դրանց աղբյուրագիտական արժեքն ու նշանակությունը քրդագիտության համար:

ԱՐԺԵՔԱՎՈՐ ՎԱՎԵՐԱԳՐԵՐ ՀԱՅ-ՔՐԴԱԿԱՆ ԲԱՐԵԿԱՄԱՊԱՆ  
ԿԱՊԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

Հայ և քուրդ ժողովուրդների բարեկամության հարցը ունի բազմաբան և գիտական կարևոր նշանակություն: Այդ բարեկամությունը գալիս է դարերի խորքից, խարսխվում սոցիալ-տնտեսական, պատմական խոր արմատների վրա: Հայ ու քուրդ ժողովուրդների բարեկամության ստեղծման, նրանց փոխադարձ մերձեցման ծիլերը հիմնված են պատմական նույնանման ճակատագրի խորը ընդհանրության վրա և աճել ու ամրապնդվել են առաջին հերթին ներքին և արտաքին թշնամիների դեմ մղված համատեղ ու հերոսական պայքարում:

Հայ քրդական զինակցական դաշինքի, համատեղ պայքարի ու ազատության գաղափարը մտահոգում էր բախտակից երկու ժողովուրդների առավել զարգացած ու լայնախոհ ներկայացուցիչներին, մտավորականներին, գրողներին, հրապարակախոսներից շատերին, Օսմանյան Թուրքիայի անտանելի լծի դեմ ելած ժողովուրդների ազատության գործին բռնորանվեր գործիչներին: Ինչքան ուժեղանում էին աշխարհավեր սուլթանների ճնշումներն ու հպատակների խոշտանգումները, բռնություններն ու կոտորածները, այնքան գործնական գետնի վրա էր դրվում ոչ միայն միևնույն ազգի տարբեր դասերի, այլև օտարի լուծը հավասարաշափ կրող հայերի ու քրդերի բարեկամության, համատեղ պայքարի գաղափարը:

Ինչպես հայ մտավորականության բազմաթիվ ներկայացուցիչներ՝ Հովսեփ Էմինը, Մուշի վանահայր Հովնան եպիսկոպոսը, Խրիմյան հայրիկը, հայ ազատագրական շարժման ղեկավար գա-

դափարախոսներ և՛ Աբովյանը, Գր. Արծրունին, Նորատունկյանը, Պեշիկթաշլյանը, Մ. Մամուրյանը, Գր. Զիլինկիրյանը, Շ. Սվաճյանը, Մ. Տիգրանյանը և շատ ուրիշներ, այնպես էլ քուրդ բազմաթիվ գործիչներ Եզզանշիրը, Աբդուլ Ռազակը, Մոկսի Մուրթլաբեկը, Բեգրխան բեյի որդին, «Քրդստան» թերթի խմբագիր Աբդուլ Ռահանը, քուրդ-եզիզիների կրոնապետ Միր-Իսմայիլ բեկը, շեյխ Սայիդը և շատ ուրիշներ, ամենուր պայքարել են հայ-քրդական բարեկամական մշակութային կապերի, նրանց դինակցական դաշինքի ամրապնդման համար:

XIX դարում և XX դարի սկզբներին հայ-քրդական դաշինքի շատագույնները գործնական քայլերի դիմեցին: Հայերն ու քրդերը հաճախ հանդես էին գալիս օսմանյան բռնակալության դեմ, բազմիցս նրանց միասնական ուժերով կասեցվել են թուրքական բռնակալության ոտնձգությունները: Հայ և քուրդ ժողովուրդների ֆիզիկական բնաջնջման մղձավանջային օրերին բազմաթիվ հայեր ապաստան են գտել քրդերի մոտ և փրկվել թուրքական յաթաղանից: Օրհասական այդ օրերին հայերը ևս բազմիցս իրենց բարեկամական ձեռքն են մեկնել քրդերին: Այդպիսի բարեկամության ցայտուն օրինակներ կան հատկապես Դերսիմի, Շատախի, Վանի, Դիարբեքրի, Մոկսի հայերի ու քրդերի մոտ<sup>1</sup>:

Հայ և քուրդ ժողովուրդների բարեկամության մասին լեռն գրում է. «...Դարավոր մոտիկ հարաբերությունները, անշուշտ, փոխադարձ, ուժեղ ազդեցություն են տարածել երկու ազգությունների միջև, նույնացնելով նրանց կուլտուրական կյանքի շատ երեվույթներ... Դեռ հին ժամանակներից Հայաստանի արևելյան ու հարավային մասերում ստեղծվել էր մի կուլտուրական միջավայր, ուր հայերն ու քրդերը փոխադարձ շփումներով ու ազդեցություններով հարում էին մի ընդհանուր համայնական աշխարհայացքի, մի ընդհանուր կարգի»<sup>2</sup>:

Հայ հեղինակներից մեկ ուրիշը գրում է. «Տաճկական Հայաստանի աշխարհագրական դիրքը և դարավոր հայրենակցությունը հայ և քուրդ տարրերի միջև ստեղծել են հարաբերական այնպիսի գծեր, որոնք այդ երկու տարրերին շատ բանով դարձրել են համանման, միատիպ»<sup>3</sup>:

<sup>1</sup> «Լուսա», 1903, № 1, էջ 99:

<sup>2</sup> Լեռ, Հայոց պատմություն, հատ. 2, 1947, էջ 661:

<sup>3</sup> Մ. Տ. Շվոտ, Քրդերը Տաճկահայաստանում, հատ. Ա, Պետերբուրգ, 1905, էջ 5:

Իսկ քուրդ նշանավոր պատմաբան, ազգագրագետ Մահմուդ Բայազիդի գրում է. «Այն քրդերը, որոնք բնակվում էին հայկական գյուղերում, մոտ հարաբերության մեջ էին հայերի հետ»<sup>4</sup>:

Հայ-քրդական բարեկամական կապերի պատմությունից կարելի է բերել բազմաթիվ և բազմապիսի դրվագներ:

Ծիշտ է, թուրքական կառավարությանը հաջողվեց սեպ խորել հայ-քրդական բարեկամության մեջ և մութ ծայրեր թողնել այդ երկու հարևան ժողովուրդների պատմության մեջ, սակայն ինչպես հայ, այնպես էլ քուրդ մտավորականության առավել առաջադիմական ու լայնախոհ գործիչները միշտ էլ ջանացել են ամրապնդել բախտակից այդ երկու ժողովուրդների բարեկամությունը, մերկացրել են թուրքական մարդակուլ քաղաքականությունը և ցույց տվել, որ այդ երկու ժողովուրդների ազատագրության ուղին պետք է խարսխվի նրանց բարեկամության դաշինքի վրա:

Պետք է նշել, որ հայ-քրդական բարեկամության դրվագների մասին կան բազմաթիվ անտիպ աղբյուրներ, որոնք գալիս են լրացնելու առ այսօր քիչ ուսումնասիրված այս կարևոր հարցը:

Վերջերս Մատենադարանում մեր ուսումնասիրությունների ընթացքում հանդիպեցինք մի շարք փաստաթղթերի՝ գիտնականների, գրողների, ճանապարհորդների ուսումնասիրությունների ու հիշողությունների, որոնք հարուստ նյութ են պարունակում հայ և քուրդ ժողովուրդների տնտեսական, մշակութային, զինակցական կապերի մասին: Հարկ ենք համարում կանգ առնել հատկապես երկու ուշագրավ վավերագրերի վրա, որոնք վերաբերում են քուրդ եզիդիների հոգևոր առաջնորդ Ռեյս-Ամիր Ապտի Բեզ գազն Միր Իսմայիլբեկին, որը եղել է հայ-քրդական բարեկամության ամենափայլուն ջատագովներից մեկը: Նրա աթոռանիստը գտնվում էր Լալեշում (Հյուսիսային Իրաք)<sup>5</sup>, սակայն, նա միշտ էլ կապեր է

<sup>4</sup> Мела Махмуд Баязиди, Нравы и обычаи курдов, М., 1963, стр. 52.

<sup>5</sup> Լալեշ գյուղը գտնվում է Մոսուլից 70 կմ հեռավորության վրա, որտեղ մինչև օրս պահված է եզիդի քրդերի տաճարը և Ենյիս-Աղիյի գերեզմանը: Պատմագրության մեջ հայտնի է, որ վերջինս ապրել է 13-րդ դարում, իսկ որոշ պատմաբանների կարծիքով՝ 7-րդ դարում և համարվել է համայն եզիդիների հոգևոր առաջնորդը: Ներկայումս Ենյիս-Աղիյի գերեզմանը հանդիսանում է ուխտատեղի:

Լալեշ գյուղի եզիդի քրդերի տաճարին կից գոյություն ունի վանական միաբանություն: Այստեղ պահված են եզիդիների սուրբ գրքերը՝ դրված 13-րդ դարում: Նրանցից մեկը կոչվում է «Քտերա Գիվլան» (Գիրք սրբության), ուր շարադրված է եզիդիների պաշտամունքը, իսկ մյուսը՝ «Մախաաֆի ուշն» է (Սև գիրք), որտեղ նկարագրված է եզիդիների կենցաղը: Հայտնի է, որ

պահպանել Օսմանյան կայսրության և Ռուսաստանի եզիդիների հետ, հետաքրքրվել նրանց կյանքով, ջանացել է եզիդիների մեջ տարածել լուսավորություն, նրանց բացահայտել թուրքական կառավարության մարդակույ թաղաքականությունը: Նա Արևելյան Հայաստանում բնակվող եզիդիների նակատագիրը կապում էր ռուս և հայ ժողովուրդների հետ, միաժամանակ ամենուր ջանալով ամրապնդել հայ և քուրդ ժողովուրդների բարեկամությունը: Նրա գործունեությունը շեշտված թշնամանքով էր ընդունվում թուրքական կառավարության կողմից, որի պատճառով էլ ենթարկվում էր հալածանքների, իսկ երիտթուրքերի կառավարման շրջանում նա ձերբակալվել ու բանտարկվել է<sup>6</sup>:

Միր Իսմայիլը մեկն էր նրանցից, որոնք գտնում էին, որ քուրդ ժողովուրդը խավարից և մոլորումներից կարող է դուրս գալ լուսավորվելու, քաղաքակրթվելու միջոցով: Նա մեծ նշանակություն էր տալիս հայ մտավորականության գործունեությանն այդ ուղղությամբ:

Նրա երազանքն էր այցելել Արևմտյան և Արևելյան Հայաստան, մոտիկից ծանոթանալ քուրդ-եզիդիների կյանքին, ուժ ու

---

7-րդ դարում, արարական արշավանքների ժամանակ, քրդերը բռնի կերպով ենթարկվել են մահմեդականացման և այդ նույնը շարունակվել է 16-րդ դարում: Քրդերի այն մասը, որը շեղուկեց մահմեդականությունը, մնաց որպես հեթանոս և հայտնի են եզիդի անունով:

19-րդ դարի առաջին կեսին օսմանյան կառավարող շրջանները եզիդիներին սկսեցին ենթարկել հալածանքի: Այդ առթիվ և. Արովյանը գրում է «...նրանք (եզիդիները—Վ. Չ.) այժմյան Քուրքիայի Կեսարիա և Աղանա նահանգների միջև ընկած հարթավայրում, Ջեյթունի և Մարաշի շրջաններում, մինչև Ռաշիդ փաշայի ներխուժումը, մոտավորապես 10 տարի առաջ կազմել էին ինքնուրույն իշխանություն և շարունակ դիմադրում էին իրենց հարևաններին և իրենց վրա հարձակվողներին: Բայց այդ փաշան, որը քրդական ցեղերի մի մասը ամբողջովին ոչնչացրել էր, որով մասը ցրել, իսկ մնացածներին ստիպել նստակյաց կյանք վարել և հարկ վճարել Բարձրագույն Դռանը, շատ ավելի սարսափելի և դաժան վարվեց եզիդիների հետ, որովհետև բացի այդ ամենից, սրանցից անխղճորեն սահանջում էին հավատն ուրանալու: Եզիդիներն արիաբար դիմադրում էին իրենց զայրակոխների բոլոր փորձերին ու զրոհներին, մասսայաբար զոհվում էին հայրենական կրոնի համար, միայն մի քանի թուլամորթներ թույլ տվին իրենց մահմեդականացնելու, իսկ մյուսները, որոնք զեռ կենդանի էին մնացել, տեղափոխվեցին մեծ մասամբ Հայաստանի ռուսական մասը և այստեղ ամեն տեսակտից հանգիստ ու խաղաղ վաշտում էին կատարյալ ազատություն: (Տե՛ս և. Արովյան, Երկերի լիակատար ժողովածու, հատ. 8, Երևան, 1958, էջ 262):

<sup>6</sup> «Տարազ», 1913, № 1, էջ 18:

եռանդ տալ հայ-քրդական բարեկամական կապերին: Ինչպես «Տարազն» էր նշում, հայ-քրդական բարեկամական կապերի այդ տարիներին շարժման ոգին երիտասարդ Միր Իսմայիլն էր<sup>7</sup>:

Եվ ահա 1908 թ. նա գալիս է Պոլիս, ապա անցնում Մոսկու և կոչ անում քուրդ-եզդիդիներին բարեկամական սերտ կապերի մեջ մտնել հայերի հետ: Եզդիդիները սիրով են ընդունում այդ առաջարկը: Նրու անմիջական գործունեության շնորհիվ հայ հոգևորականության կողմից միջոցառումներ են ձեռնարկվում լուսավորություն տարածելու եզդիդիների շրջանում, նրանց քաղաքակրթելու, ցույց տալու հայ-քրդական միասնության և բարեկամության անհրաժեշտությունը<sup>8</sup>:

Բայց շուտով տեղական իշխանությունները տեղեկանում են այս բոլորի մասին<sup>9</sup> և ամեն կերպ ջանում են խաթարել հայ-քրդական կապերը:

Սակայն Միր Իսմայիլի ջանքերը ապարդյուն չեն անցնում: Նա համաժայնության է գալիս Դիարբեքիրի հայ համայնքի առաջնորդ Զավենի հետ, որպեսզի լայն լուսավորչական աշխատանք տարվի քուրդ-եզդիդիների մեջ: Դրանից հետո հայ հոգևորականության միջոցով սկսվում է այդ պատվարեր ու շնորհակալ աշխատանքը: Այդ մասին «Արարատը» գրում է. «...Եզդիդիների ըստվար թիվը հայոց հետ համերաշխությունը ապահովելը շատ կարեւոր խնդիր մը նէ, մասնավորապես Տիգրանակերտի հայության համար»<sup>10</sup>:

Վերոհիշյալ ուղևորությունից հետո Միր Իսմայիլին հաջողվում է մեկնել Ռուսաստան: 1908 թ. վերջերին գալիս է էջմիածին, ներկայանում Գևորգ արքեպիսկոպոս Սուրենյանին<sup>11</sup>, ջերմ ընդունելություն գտնում ինչպես նրա, այնպես էլ հայ մտավորականության կողմից:

Լինելով կրթված անձնավորություն (ի դեպ մայրենի լեզվից բացի նա տիրապետում էր թուրքերենին ու արաբերենին) և լայն նշանակություն տալով լուսավորչական աշխատանքին, նա ձգտում է էջմիածնի միջոցով մի քանի ուսումնարաններ բացել քրդերի համար: Նրա այդ ձգտումների մասին կարելի է գաղափար կազ-

<sup>7</sup> Նույն տեղում:

<sup>8</sup> «Արարատ», 1910, էջ 513—514:

<sup>9</sup> Նույն տեղում:

<sup>10</sup> «Արարատ», 1910, էջ 513—514:

<sup>11</sup> «Տարազ», 1913, № 1, էջ 18:

մել այն հայատառ քրդերեն նամակի հայերեն թարգմանությունից, որ նա էջմիածնից Կոստանդնուպոլիս մեկնելուց առաջ ներկայացրել է հայոց հայրապետության տեղակալ Գևորգ արքեպիսկոպոս Սուրենյանին: Նամակը տպագրվել է «Տարազում», որը հարկ ենք համարում մեջբերել որոշ կրճատումներով. «Երավատեր է ժողովրդապետ հայրիկի տեղակալ Գևորգ Սուրենյան: Ես կկամենայի, որ ամեն մի եզիզի բո մոտ գալիս դու, առհասարակ, նրան հայ համերիւր և խորութիւն շնորհիւր, թե սա հայ է, նա եզիզի: Ես կցանկանայի եզիզիներին մի պատվեր թողնել, որ չամեն ժամանակ հայոց եկեղեցուն ծառայեն, ինչպես մեր տանը, ինչպես Մարգարեի և ինչպես Աստծո տանը: Խնդրում եմ Աստուծուց, որ այս տունը հաստատ մնա, ինչպես հայերի, այնպես էլ եզիզիների համար:

Հուսով եմ, որ քո օրհնությունը կլինի հայերի և իմ վրա: Տեր աստված տա, որ դու քո ծառայության մեջ պարզերես լինես: Ես շատ շնորհակալ եմ ինձ ցույց տված հյուրասիրության համար: Թող աստված տա, որ մեր նոր հայրիկը՝ Իզմիրլյանը, գա և իր շնորհը տարածե հայերի և բոլոր եզիզիների վրա:

Երբ Հայրիկը գա, դու խնդրի Հայրիկից մի դպրոց բաց անի Մինագում եզիզիների համար, մի դպրոց էլ Թանդուրակում դարձյալ եզիզիների համար...:

Մնամ աղոթարար և երախտապարտ հոգևոր ծառանգ եզիզիների պետի շեյխապետ Միր Իսմայիլ:

Հազար նասրդ չըլսալ Հաժդե ֆառնե Դերիֆլիսե—1940 թվականի ֆառնի 18 էջմիածին, այնե 15 յունվարի 1909 ամիս ս: էջմիածին»<sup>12</sup>:

Ջերմ ընդունելություն գտնելով հայ մտավորականության կողմից և մեծ հույսեր կապելով նրանց հետ, Միր Իսմայիլը 1909 թ. սկզբներին մեկնում է Թիֆլիս և Բաթում, նպատակ ունենալով նախ տեսակցել Կովկասի փոխարքայի հետ, նրանից խնդրել օժանդակություն և աջակցություն քրդերի մեջ լուսավորություն տարածելու համար, ապա և մոտիկից ծանոթանալ Թիֆլիսում և Բաթումում բնակվող բուրդ-եզիզիների կյանքի հետ: Նրան հաջողվում է Թիֆլիսում, Վրաստանի և Իմերեթի հայոց առաջնորդ Գարեգին եպիսկոպոս Սաթունյանցի միջնորդությամբ և ուղեկցությամբ ներկայանալ Կովկասի փոխարքա Վորոնցով-Դաշկովին:

<sup>12</sup> «Տարազ», 1913, №1, էջ 18:

Այդ տեսակցութիւնը դրական ներգործութիւնն է ունենում նրա հետագա խնդիրներէ վրա:

Մատենադարանում պահպանված վավերագրերից է Բաթումից Մեսրոպ ուվազ քահանա Մելլանի նամակը՝ ուղղված կաթողիկոս Իզմիրլյանին: Վավերագիրը գրված է մեկ էջի վրա. նամակի հետ է նաև Միր Իսմայիլի շքեղակազմ հասցեաթերթիկը, որի վերելի ձախ անկյունում նկարված են հրեշտակներ և կիսալուսին, իսկ մեջտեղում ուռաբերն և արարատառ քրդերենով գրված է. «Միր Շելխ Իսմայիլ՝ ամբողջ ելիզինների հոգևոր հովվապետ, Մուսուլից»:

Այս վավերագրից պարզորոշ երևում է, թե Միր Իսմայիլը հայ մտավորականութիւն միջոցով հայ-քրդական բարեկամական կապերը ամրապնդելու ինչպիսի ձգտումներ է ունեցել<sup>13</sup>: Հարկ ենք համարում վավերագիրը փոքր կրճատումներով մեջ բերել:

«Առ Ազգընտիր կաթողիկոսն ամենայն Հայոց Տ. Տ. Մաթեոս Իզմիրլյանի վեհափառ հայրապետ:

Ելիզինների հովվապետ Միր շելխ Իսմայիլը այսօր մեկնում է Բաթումից առ Ձեր վեհափառութիւն: Կես տարուց ավելի է Կովկաս է եկած Մուսուլից այցելութիւն իր ցրված դավակներին: Գյուղեգյուղ, ուվանն-ավան և տնն-տուն մտած տեսած է, ծանոթացած է գրեթե բոլոր ելիզիններին, գումարած է նրանց ժողովի և պատշաճավոր ու օրինական համախոսակցութիւններով ստորագրութիւնն է առած անպայման հնազանդվելու իրենց հովվապետին: Շատ լավ ընդունելութիւն է գտել ս. էջմիածնում, այսպես և Կ. Պոլսում, իջած է եղել առաջնորդարանում, սիրալիր կերպով ընդունվել է Կովկասյան փոխարքայից և սրա ամուսնուց: Երեկ եկավ Բաթում. առանց նախապես իմաց տալու պատիվ արեց նրվաստիս այցելելու. նույն երեկոյան հյուրամեծարեցի թելով. կային մոտս և մեր ազգայիններից: Այսօր կրկին եկավ և նրա թախանձանքով ես համարձակութիւնն առա վրաս սույն ամենախոնարհ տողերը ուղղելու Ձեր վեհափառութիւնը:

Միր շելխ Իսմայիլ 18 ամյա է, ջերմ ցանկութիւնն ունի ուսանելու և իր հոտին լուսավորելու: Նա դիմում է մեր լուսո խորանին՝ ս. էջմիածնին: Իմ պարտքը համարեցի այսօր հեռագրով լուր հասցնել Պատրիարքարանիդ Միր Շելխի Կ. Պոլիս գալու մասին, ինքը խնդրեց այդ. երիտասարդ է, անփորձ, գալիս է ապավինված Իզմիրլյանի մեծ անունը:

<sup>13</sup> Մ. Մաշտոցի անվան Մատենադարան, Մ. Ն. Իզմիրլյանի արխիվ, Քրդ-թապ. № 14, վավ. 476:

Հայկական սոսկալի ջարդերի սև շրջանում Միրի հորեղբայրը (Միրեմիրան Ալի փաշա—Վ. Չ.) ահագին օգնություն է ցույց տվել մեր եղբայրներին: Ինքը հարուստ է, դրամի կարիք չունի, կարոտ է միայն արժանավոր մնտորի (հովանավորության—Վ. Չ.), որ լի հավատով սպասում է գտնել Ձեր փառավորանքի մեջ:

Վերստին հայցելով Ձեր ներողամտությանը, Գամլի անհուն կարոտով և երկյուղած ու սուրբ հարգանքներով մատչիլ ի համբույր աղգախնամ աշույղ:

Վեհափառ հայրապետիդ  
Ամենախոնարհ ծառայ՝  
Մեսրոպ ավագ-բահանա  
Մելիան:

1909 թ. 21 փետրվարի  
Բաթում<sup>14</sup>:

Այս նամակը գտնելով և հիմնվելով «Արարատի» և «Տարադի» տեղեկությունների վրա, սկսեցինք որոնումներ կատարել Մատենադարանի ֆոնդերում, որպեսզի կարողանանք գտնել նոր նյութեր Միր Իսմայիլի և նրա հետագա գործունեության մասին: Այս հարցում մեզ օգնեց Մ. Մաշտոցի անվան Մատենադարանի դիրեկտոր, ՀՍՍՀ ԳԱ ակադեմիկոս, դոկտոր, պրոֆեսոր Լ. Ս. Խաչիկյանը և Մատենադարանի աշխատակից Ա. Հ. Աղամյանը:

Որոնումների ընթացքում արժեքավոր տեղեկությունների հանդիպեցինք մեզ հետաքրքրող հարցի վերաբերյալ, որոնք անմիջապես գալիս են լրացնելու մեջբերված նյութերը և մեկ անգամ ևս հավաստիացնելու, որ հայ-քրդական բարեկամական կապերը ունեն պատմական խորը արմատներ:

Մեզ հաջողվեց գտնել նոր արժեքավոր վավերագրեր, որոնք անմիջապես կապված են Միր Իսմայիլի գործունեության հետ:

Միր Իսմայիլը Անդրկովկասից վերադառնալով Մուսուլ, շարունակում է մտահոգվել ոչ միայն Քուրդիայի տիրապետության տակ գտնվող քուրդ եզիդիների շարքաշ կյանքով, այլև Ռուսաստանի տիրապետության տակ եղած քուրդ-եզիդիների վիճակով, հայ-քրդական բարեկամական կապերով, որի համար նորից բանտարկվում է<sup>15</sup>:

<sup>14</sup> Մ. Մաշտոցի անվան Մատենադարան, Իզմիրլյանի արխիվ, թղթ. № 14, վավ. 476:

<sup>15</sup> «Տարագ», 1913, № 1:

Առաջին համաշխարհային պատերազմը ժամանակավորապես կասեցնում է նրա կապը Անդրկովկասի քրդերի հետ, այնուհանդերձ նա մի քանի նամակներով դիմում է Անդրկովկասի քուր- եզիդիներին: Այդ ձեռագրերը կարևոր փաստաթղթեր են հայ-քրդական հարաբերությունների, թուրքական կառավարության ազգահալած քաղաքականության, հայ-քրդական չկոտորածների մասին: Հետաքրքրական է այն փաստը, որ Միր Իսմայիլը համաշխարհային առաջին պատերազմի ծանր օրերին ամեն կերպ հոգ է տարել ինչպես իր ժողովրդին, այնպես էլ հայ ժողովրդի մի հատվածին օսմանյան բռնակալների Ֆիզիկական բնաջնջումից փրկելու մասին: Նա հաճախակի դիմել է մեծ տերությունների օգնությանը, բայց միշտ էլ նրա խոսքերը մնացել են ռժանյա բարբառո հանապատիւ:

Վավերագրերը գրված են հայերեն՝ 27 սմ լայնություն և 30 սմ երկարություն ունեցող թղթի վրա: Առաջին վավերագիրը պահպանված է խնամքով և գտնվում է Մատենադարանի այլևայլ հեղինակների արխիվում<sup>16</sup>: Ինչպես վավերագրի եզրերին, այնպես էլ վերջում գրված է կնիք՝ սիրամարգի նկարով (ՄՁՆՁԿ ԿԱՎՈՒՄՆԻ Կ. Պ.), արարատառ ու լատինատառ գրով գրված է՝ «Եզիդիների հովվապետ Միր Իսմայիլ»: Մեր ուսումնասիրություններից պարզվեց, որ այս ամբողջը մեկ նամակ չէ ուղղված քուրդ-եզիդիներին, այլ տարբեր վավերագրեր են, գրված են տարբեր ժամանակ՝ 1916 թ., 1917 և 1919 թթ.: Բարեբախտաբար այդ նամակները, ինչպես երևում է, ժամանակին խնամքով պահպանվել են և շնայած այն բանին, որ նրանք դասավորված են խառը, այնուհանդերձ պարզորոշ վկայում են վերը նշված իրողությունները: Ստորև բերում ենք զրեթե բոլոր վավերագրերը մի քանի փոքր կրճատումներով:

«Ամբողջ եզիդիներու ընդհանուր Ամիր Ապտի պեկ զատե Միր Իսմայիլ պեկ, Ազգիս և զավակներուս մեծավորաց:

4—5 տարիներե ի վեր է, որ Ձեզմե որևէ լուր առած չեմ, և շարունակ մտատանջություն մեջ եմ իմ զավակներուս և ազգիս համար: Այս պատերազմի ընթացքին մեջ բոլոր նահատակողներուն համար կամադրեմ բարձրյալն Աստվածմե շնիս ատիի միջնորդությամբ, որ զանոնք դրախտին արժանացնե, և Մալաքե թավուզի պսակովը պսակե ամեն, իսկ կենդանի մնացածներուն եր-

<sup>16</sup> Մ. Մաշտոցի անվան Մատենադարան, այլևայլ հեղինակների արխիվ, թղթ. № 240, վավ. №3:

կար կյանք և երջանիկ օրեր պարգևի: Եղբայրներս և զավակներս խրատս թող ըլլա Ձեզի, որ վայրկյան մը անգամ թուրք կառավարութեան, մուսուլման տարրին կարևորութիւն շտաք, բնավ չթողուք որ անոնք Ձեր մեջ մուտք գործեն, ինչու որ Ձեզի ալ հայտնի է, որ նախնիքներում Հլուսեին պեկի ժամանակ մեր եզիտի ազգը 50,000 տնվոր էինք, Ալի պեկին ժամանակ 70,000 տնվոր էինք, էմիր Հասսան պեկին ժամանակ 80,000 տնվոր էինք, Միր Հուսեին պեկի հոր՝ Միր Պըտաղ պեկի ժամանակ 90,000 տնվոր էինք, Պըտաղ պեկի հոր՝ Իմիր Չոլ փաշայի ժամանակ 130,000 տնվոր էինք, իսկ Չոլ փաշայի հոր՝ էմիր Սուլեյման պեկի ժամանակ մենք 200,000 տնվորի շարք ազգ էինք. 200 տարի առաջ Բևանտուղբուրա քոռ փաշայն և թուրք փաշաներեն էմիր Տավուտ փաշան այն օրուրն սկսյալ մեր ազգը բնաջինջ ըրին, եթե հայերուն մեկ-երկու անգամ ջարդ տվին, մեզի տասնհինգ անգամ ավելի ջարդեր տված են: Բռնի կերպով կիսամացնեին, կկտրեին, կըսպանեին մինչև որ ազգերնիս այս վիճակին հասցուցին. ճիշտ ատոր համար է, որ կըսեմ բնավ երբեք կարևորութիւն շտաք Ձեզ դարերով նեղող, ճնշող, թուրք բռնապետին և չի միանաք... և վստահ եղեք, որ 230.000 տնվորներեն որ 1.150.000 ժողովուրդը կբաղկանար, այսօր թուրք կառավարութեան շնորհիվ 14.000 տուն, 80,000 ժողովուրդե, անձե բաղկացյալ կապրինք, ասիկա թող ալանջնուդ օղ ըլլա, որ անոնց վրեժը լուծեք առանց խնայելու: Բայց ասկից վերջ հույս ունեինք Աստծո և Տիւնի Քրիստոսի շնորհիվ յուրաքանչյուր տեղի տիրող քրիստոնյա կառավարութիւններու հովանիին տակ եզիտի ազգը պիտի ապրի վայելելով պատվո, ինչքի և գուլքի, սպահովութեամբ պիտի դարգանա և առաջադիմի: Հիմա պատմեմ Ձեզ Սինճարի կյանքը ամբողջ պատերազմի տևողութեան ընթացքին:

1915 թ. թուրք կառավարութիւնը զարհուրանքի մատնելով ընդհանուր հայութեանը, տեղահանութիւն հայտարարեց և քջեց թշուառ հայերը դեպի Բեսյուլ Այնի կողմերը և Տեր էլ Զօրի: Սինճար լեռը ապաստանող թուրք յաթաղաններեն հայ և քրիստոնյա 4.000 տարրին, որ վերջը եղավ 6.000, եզիտի ազգը ասոնք ամբողջութեամբ իրենց տուներուն մեջ բաժանեցին, պահեցին զանոնք իրենց ուտելիքով, հագնելիքնին անգամ հոգալով՝ որևէ մեկը թուրքին չհանձնելու պայմանով, իսկ ես մեծ պարտականութիւն մը վրաս առած միշտ կպտտեի մեր ժողովուրդին մեջ հորդորելով անոնց, լուռ խնամեն, աղեկ պահեն, ինչու, որ աշխարհը ասանկ

չպիտի մնա, հնազանդելով պատվերիս մեր Սենճարի աղաներն ու շեյխները, Համոն-Շարոն, Ֆրարայի բեյխը, Տավուս (Մեհրըղան և Մենտըղանի) բեյխը, Խեյրանի աշիրաթի բեյխ, շեյխ Խալըր Իպն շեյխ Աթո, հոքան աշիրաթի բեյխ Խալաֆ շեյխ Նասըր (ամոխի աշիրաթներն), բնյա Մսիխ Իպն Պելլո Ապտուլլահ Նասիմ և Մալա Խալթե Շեմալ, Ճեպա կողմերեն Հյուսիսին Պնի Պիճես Իպն սուրբ Մաթիա, ասոնք ամբողջ հայերուն խնամք տարին, դուրություններ ցույց տվին, որ 6000 թշվառ ապաստանող հայերը կարողանան ապրիլ իրեն ապագա փառքին արժանանալու։ Անդինն թուրք և գերման կառավարություններու, օթոմոպլիններուն և կառքերուն վրա հարձակվելով կկողոպտեին կավրեին և ձեռք անցուցած ավարովը իրենք Ի իրենց բարեպաշտ հյուրերը կապրեցնեին։ 1917 փետր. 15-ին թուրք և գերման ճիվաղ կառավարությանց ներկայացուցիչները միասնաբար խորհրդակցելով մեզ անվանեցին իրենց մեծ թշնամիները, ինչու, որ թե հայերը կպահեն և թե մեր կառավարական նազլիային<sup>17</sup> անհանգստություն կպատճառեն, ասոնք ոչընչացնելու մեկ ճարը կմտածեին քանի երբ անզլիական բանակը չէ մոտեցել, խորհրդակցութենեն երեք օր վերջ գերմանական երկու թուրքիկ (ինքնաթիռ—Վ. Չ.) սկսան տատանել Սինճարի լեռներուն զագաթը, Մսեպինն ճամբայն կառաջանար ան, թուղթեր գրված ձգեց մեր գյուղերուն մեջ, որ այսպես զրված էր՝ մենք թուրք և գերմանացիներս Չեզ եղիդիներիդ մեր ազգեն համարելով լավ կերպով պաշտպանած ենք և Չեզմե զինվոր տնւրք առած շենք ցարդ, իսկ դուք հակառակ մեր բարյացակամության մեր թշնամի և ոճրագործ հայր միջներիդ կպահեք, անզլիացիներու հետ թրղթակցություն կունենաք, մեր նազլիաները կկողոպտեք, եթե դուք վստահելով անզլիացիներու գալստյան կընեք այս բաները, լավ գիտցեք, որ անոնց շեք տեսնիր և այս նպատակով բոլորովին կոշնչանաք, կվերջանաք աշխարհի երեսն։

Մեր պատասխանը գրավոր կերպով արարի մը միջոցով դրկեցինք Մսեպին Գերման և թուրք խառն ժողովին։ Դուք թուրքերդ և գերմանացիներդ մինչև հիմա իբր Աստծոյ հավատարիմ ծառաներ կապրեիք, հիմա որ պարտազանց գտնվեցաք Աստծո դեմ և անոր թշնամի հանդիսացաք, Աստված բարկացավ վրանիդ և կամք չունի որ դուք այլևս շարունակեք Ձեր թագավորությունը, տերություն՝ ըլլալէ պիտի դադարեք, ու մեզ ալ կարող շեք կոտորել այսպիսով։

<sup>17</sup> Տրանսպորտ

Ուրեմն Ձեր թղթերու վրա ըրած, մրոտ հայտարարութիւնները շնք ընդունիր երբեք: Մեր Օրենքի գիրքը գրած է արդեն, որ Դուք այս թվականներուն պիտի կորսվիք և մենք վստահ ենք ատոր վրա: Աստված Ձեզ մեր գլխեն պակաս պիտի ընն:

Իսկ փետրվար 25-րդ օրը Կովկասի ճակատեն դարձող երկու ալայ զորքին միանալով Հճի Իպրայիմ պեկ հրամանատարին, ունենալով իրենց հետ Մուսուլի Կուսակալ Մեմուի փաշան իրեն խորհրդակահաներով, Քերքուքի գայմագամ Միհհետտին էֆ<sup>18</sup>, Քերքուքի ժողովրդեն և Քլաֆարի աշիրաթեն 3000 հեծելազորք, Կերկեսի աշիրաթեն 700 հեծյալ, Ճահեշ աշիրաթեն 500 հեծելազորք, Միթևուտի աշիրաթեն 400, Մուսուլի կողմեն 1000 հեծելազորով, 12 գերմանական հինգանոց թնդանոթով և վեց լեռնային թնդանոթով Սինճարեն 3 1/2 ժամ հեռավորութեան վրա Այն-Ղազալի քով բանակ դրին: Անոնք վեց ոստիկաններով նամակ ղրկեցին մեզի զիտցնելու համար իրենց պաշտոնական հանգամանքը: Մենք ալ՝ Սինճարի ժողովրդակահաներս, հավաքվեցանք քաղաքին մեջ, որ արդեն թուրք բնակչութիւնը օր առաջ գաղթած էր: Թուրք բանակին նամակը այս շորս հողվածը կպարոնակեր. ա) Քշնամիներիս հայ և քրիստոնյա 6000 անձ երեք օրվա պայմանաժամով մեզի պիտի հանձնէր: բ) Ձեր մոտ գտնված բոլոր զենքերը պիտի հանձնէք ուղածին 8000 է: գ) Որչափ որ գերմանական օթոմոպիլներ, կառավարական նազլիաներ գրաված ու թուրք ժողովրդի ապրանքներ կողոպտած եք, փոխարենը 1.000,000 ոսկի պիտի վճարէք: դ) Ձեզմե 22 մեծ աղաներ թող զան մեր քով տեսնվինք իրարու հետ: Այս վեց ոստիկաններու բերած նամակին միջոցին մենք ժողովականներս Համոն-Շարոյին տունը սուրճ կպատրաստեինք խմելու, բերածնուն նամակը անմիջապես պատռելով ոստիկաններու ներկայութեամբ կրակին մեջ այրեցինք, որ օգնե մեր սուրճի շուտ եփելուն: Կարգ մը եզիտի ազգայիններ, ոստիկանները մերկացուցին, ձեռքերը ձիերը առին և կաշխատեն սպանելու, աղաները որոշեցին այդ վիճակին մեջ ղրկել զանոնք: Ոստիկաններուն ըսինք գացեք Ձեր հրամանատարներուն բարև խոսեք ու ըսեք Տիւնի Իսլամին խնդիրը վերջ գտավ. Օսմանյան կառավարութիւնը ոչնչացավ, մեզ նեղելու և բնաջնջելու կարողութիւնը չմնաց վրան, ինչ որ ձեռքերնուդ կուգա ըրեք վաղվեն շուտ լկա, և այդ Ձեր ըսած խոսքերը չպիտի իրագործենք քանի, երբ աշխարհի վրա

<sup>18</sup> էֆ—էֆենդի:

եզիտիի շունչ կա: Ոստիկանները գնացին դեպի բանակ, տանելով հետերնին մեր հրահանգները:

26-րդ օրը թուրք բանակը իրեն կատաղի վայրագությամբ հարձակվեց Սինճարի վրա: որի ժողովուրդը քաղաքը ապաստանած էր:

Երկու օրվա տեղիկութենն վերջ 28-րդ օրը եզիտիներս քիչ մը նեղվեցանք թուրք գոռացող թնդանոթներուն տակ, իսկ եզիտի կրոնականներս (եզտի Պընի Գասլըմն Նևա) անունով մեկը, որ կյանքին մեջ բնավ կույի մասնակցած չէր և կույի ինչ ըլլալը չէր գիտեր, ինչու որ կրոնական է, հիշյալ կղերք մերկ սուրը ձեռքը բռնած 150 մարդով անմիջապես հարձակում գործեց թուրք բանակին և թնդանոթներուն վրա, այս գործողությունը կկատարվի (Դարաթեի), որ Սինճարի Ղասպային 3 1/2 ժամ հեռավորություն ունի, թուրքը այս հարձակումին չը կրնալ տոկալ մեկ թաբուր<sup>19</sup> գինվոր կորցնելն վերջ փախուստ տվավ, Դարաթեի արևելյան կողմը երկու թնդանոթ գրավեցին, իսկ Շեյխ Եղտոն թնդանոթի հարվածով զիտիինս վիրավորվելով նահատակվեցավ: Գրաված թնդանոթները անգործածելի վիճակի մեջ ձգեցինք քաղաքն գուրս, այս երկրորդ հարձակումով 6 թնդանոթածիդ և 12 հեծելազորք սատկան, իսկ մեր կողմեն հիշյալ Շեյխը: Վերջը դարձյալ թուրքը երկրորդ ուժով մը բռնեց Սինճարի շուրջը, 24 ժամ շարունակ կուլեւնն վերջ եզիտիները լքեցին գլուղաքաղաքը և գլուղերը ու լեռ քաշվեցան, թուրք կառավարությունը առիթնն օգտվելով մտավ գլուղերը այրեց, ավերակ դարձուց, հետո լեռան բուրտիքը պաշարեցին, ինչու որ լեռան երկայնքը 12 ժամ, իսկ լայնությունը 4 ժամն, այդ պարագային եզիտի ազգը լեռան գլուխը (Պեյտերլե), և Քերսե հավաքվեցան, ինչու որ այնտեղ լեռներու ներսի կողմը ներքնաբերդի պես ապահով է: Եզիտիներու մեկ մասը Զըլմերա անունով ուխտատեղին հավաքվեցան և յուրաքանչյուր խումբ երկկողմեն կպատերազմեք, անձրևը կհեղեղեր: Ուտելիքի պակասություն զգալի էր 35 օրվան պատերազմի ընթացքին միայն ոչխարի միսով բավականացանք, ճիշտ է այդ նեղության օրեն էր, որ ժողովուրդի կողմեն որոշեցավ Իսմայիլ պեկի անձնավորությունը՝ իրեն հետ ունենալով հայ փրոֆեսոր Նաչատրյան Անզլիական բանակ մեկնելով օգնության համար: Իսմայիլ պեկ մեկնեցավ փրոֆեսորին հետ արաբական ցնցոտի տարազով անապատ-

<sup>19</sup> Զինվորական վաշտ:

ներեն ու ավազուտ տեղերեն անցնելով հանկարծ կհանդիպեն արար Դլիմի ցեղի շելխերեն մեկուն, որ թուրք բանակի և իրենց մեջ ունեցած տարբերությունը 2 ժամ և իրենք ալ օսմանացուն կպատկանին, շելխին անունը Բեշիտ Ապու Ջելիան է, այս մարդը, երբ մեզ տեսավ, կըսե Իսմայել պեկ, ճանչցավ ըսելով դուն եզիտի ես և ընկերդ հայ մեծավորներեն է, ես պարտավոր եմ Ձեզ Օսմ. բանակին հանձնելու, ինչու որ մահմետական օրենքը այդպես կպահանջե, կտոր մը հաց կերցնելի վերջ հազիվ երկու ժամի շափ հանդիստ մը առած էինք մեյմըն ալ զիս կանչեց շելխին գաղտնի տեղ մը ըսելով թե եկուր շիտակը խոստովանիր դուն ո՞վ ես, ես առանց վարանելու խոստովանեցա իրողությունը ու ըսի իրեն, եթե մեզ հանձնելու ըլլաք Օսմ. բանակին կախաղանը պատրաստ է մեզի համար, և ինձմով ոչ եզիտի ազգը կավելանա և ոչ ալ կպակասի, ինչպես նաև այս հայով, որ մեր մարգարեներու կողմեն ամանաթներ են մեր քով առանք: Ես եզիտի ազգին Շելխ Իսմայիլ պեկն եմ թուրք բռնապետության մեզ ճնշելուն համար կերթամ օգնություն որոնելու Անգլ. կառավարութենեն: Շելխը պատասխանեց, ես շատ փախստականներ հանձնած եմ Օսմանցուն և վարձատրված, քանի երբ դուն աշաիրի տեր մարդ ես, կարձակեմ քեզ և երկու ձի հատկացնելով քեզ իմ մարդիկներուս առաջնորդությամբ այս գիշեր ժամը 6-ին կղրկեմ Անգլ. բանակը, պայմանով որ կերդվիս հոս Ձեր մարգարեին անունովն, հասնես հոն, իմ մասին ալ ներում կխնդրես Անգլ. մեծազոր կառավարութենեն, որ մենք ալ դառնանք իրենց կողմը, ինչու որ թուրքեն վնասեն զատ որևէ օգտակարություն չի տեսանք: Գիշերվան ժամը 6-ին, իրեն երկու պահակներովը ճամբա ընկանք փրոֆեսորին հետ դեպի հզոր բանակ, որ շելխի տանեն մինչև հոն 26 ժամվա հեռավորություն ուներ: Երբ անվտանգ հասանք մեր նպատակը իրագործելու տեղը, շմոռացանք հիշել նաև շելխ Բեշիտը, որուն համար հիշեսցիրը կարդացվեցավ, ընտելություն գտան: Սամարայի բանակին հրամանատարին հետ<sup>20</sup> տեսնվելի վերջ, Պաղտատ ուղարկվեցանք, հոն մեր ազգին և մեջերնիս ապաստանող հայության ներքին կյանքը ու անցու դարցը ամբողջությամբ պատմեցինք Մսդ. Մորաշալին, փրոֆեսորը Պաղտատ ձգեցի, ճամբուն հոգնությունը անցնելու համար, ինչու որ ծերուկ էր: Կառավարության հրամանով երկու անգլիացի սպայի հետ արաբական դարձյալ ցնցոտիներով մեկ-

<sup>20</sup> Անգլիական բանակի հրամանատար:

նեցանք դեպի Սինճար, սպաներեն մին էր քարթն Մանրո մյուսը քարթն Ղըտսըն: 14 օրվան ճամփորդութիւն վերջ թշնամիի հողերը կոխտել անցնելն վերջ հասանք Սինճար, կատարեցինք մեր քննութիւնները, գծեցին քարտեզը լսեցին շեյխերու տված տեղեկութիւնները, շմոռանամ ըսելու, որ մեր հոն հասնելու օրերուն թուրքը առ ժամանակյա հաշտութիւն մը գոյացուցած էր եզիտիներու հետ և երկու բաժին ուժը Քերքուկի կողմը ղրկած էր, ինչու որ անգլիացին այդ կողմի ուժը տարած էր ու կնեղեր օսմանացիին: Եզիտիին հաշտութիւն ալ ուրիշ բան չէր եթէ ոչ ուտելիքի պաշարի չբավորութիւններ թողնելով վերջը թուրքերուն հետ կարգադրելիք գործը: Թուրքերեն ալ ճիշտ ասոնց պես մտածած են ըսելով նախ Քերքուկը գրավինք, դուրսին է ասոնց խնդիրը: Երկու սպաներուն հետ, Սինըդ քլուպին այրին մեջ 6 օրվան տևողութիւն մեջ ամեն ինչ կարգադրեցինք, հարցուցին սպաները մեզի թե ի՞նչ բանի պետք ունիք և ի՞նչ կուզեք մեզմէ: Մենք պահանջեցինք՝ կուզենք 6 քնդանոթ, 3000 զինք փամփուշտներով, մեկ թապուր զորք, որ մենք ալ ունեինք 8 թապուր, որով մենք թե մեզ պաշտպանած կըլլանք և թե կարգելենք Իրաքի կողմեն թշնամիին մոտենալու Ձեզի: Երկու սպաներու հետ վերադարձա Պաղտատ, անոնք իրենց բերած տեղեկութիւնները հաղորդեցին վերին հրամանատարին, որը շատ զոհ մնաց եզիտի ազգին և այսպես ըսավ. այժմ, որ Ձեր ազգը հանգիստ է, թուրքին ուժըն ալ չի մնացել քովերնիդ ու չի նեղեր Ձեզ, երկու ամսի սպասումեն վերջ, մեր բանակներն ալ կհասնին Քերքուկ այն տեղեն ամեն միջոց ի գործ դնելով Ձեր պահանջին զոհացում կուտամ: Երկու ամիսը լրացավ Անգ. բանակը քալեց Քերքուկի վրա, Օսմ. բանակի հրամանատարը, Ալիի Հասան փաշան էր նույն պահուն Մուսուլեն լուր ղրկեց եզիտի ազգին շեյխերուն, թե թշնամի բանակը մոտեցավ մեզի վտանգը մոտալուտ է, եկեք մեզի միացեք, օգնեցեք օսմանացի եղբայրներուդ Դուք Ձեր Իսմայիլ պեկին խոսքերուն մի հետևեք, կխոստանամ յուրաքանչյուրիդ 100-ական ոսկի ամսական, պատվանշաններ և փաշայական տիտղոսներ: Եզիտիներու շեյխերուն պատասխանը եղավ, այս պարագաներուն եզիտիներս որևէ տերութիւն օգնելու տրամադրութիւն չունեինք, և հայտնի չէ ինչ դիրք պիտի բռնինք, բայց մեյմը խորհենք, մտածենք ու կպատասխանենք: Քերքուկի վրա քալած ժամանակին զիս հետերնին առին: Քըրներ մոտն լենլմեն ինձ ըսավ պատրաստ եղիր երեք օր վերջ մեկնելու դեպի Սինճար, ունենալով հետդ պատերազմական բոլոր պիտուքները,

ինչ որ խոստացած ենք Ձեզի, ուրախութիանս շափ ու սահման չկար, այս դերը կատարվել է 1918 սեպ. 30 թվականին, իսկ այդ երեք օրվան միջոցին աստվածային նախախնամութիան շնորհիվ Անգլ. բանակը հաջողեցավ գրավել Մուսուլը, այլև պետք չունեցանք ոչ զորքերուն և ոչ ալ պատերազմական մթերքներուն: Օսմանցին հանձնվեցավ, խաղաղությունը տիրապետեց. անգլիական մեծազոր տերութիան շնորհիվ Սինճարին եզիտին և մեջը պատսպարվող 6000 հայ ժողովուրդը գոհունակութիան և փառաբանութիան հանգիստ շունչ քաշեցին, 35 օրվան թուրքերուն հետ ունեցած պատերազմին մեջ 75 եզիտի և 10 հայ նահատակներ ունեցանք, իսկ մեր տեսած թուրք զորքերու անկումեն 285 դիակ, բացի վիրավորներեն, որոնք քաշքուտեխով հետերնին տարան, մեր վնասները եղան 56 գյուղի հրդեհվիլը և 100.000 ոսկիի շափ ապրանքի կողոպուտը: Այժմ Անգլ. կառավարութիան հրամանով և Սինճարի ժողովրդի քվեարկութիամբ Սինճարի Բեյիս կարգվեցավ հագիմ Սեասի տիրոջ սով ֆազիր Համոյի Շարոն, 1000 ուրլի ամսական և փաշայի աստիճանով: Ամբողջ պաշտոնյաներ և ոստիկաններ եզիտի ազգին՝ Մուսուլին և Սինճարի մեջ գտնված ազգերնիս շափազանց հանգիստ ու հարուստ կապրին խաղաղ կյանքով մը, այնքես որ բնավ տեսած չունենր:

Յավալի պարագան մենակ սա էր, որ պատերազմին հինգ տարվան տևողութիան Միգեադի և Մսեպինի մեջտեղ գտնված Չլթի աշիրաթն 85 անձ կորսվեցան իրենց աղան Տոսպո Պընի խալաֆն կառնուս անոնց հետ ըսպանված է: Իսկ Ճիզըն—Պօղան և Սղերտի մեջտեղ գտնված իրեք գյուղ Պասան գյուղերուն Պասան աշիրաթնն եզիտիներն, որոնք 200 տուն և 600 անձն բազկացյալ էին, ասոնք հայերուն՝ քրիստոնյաներուն օգնելու համար թուրքերը շարժած են նաև զանոնք և իրենցմե միայն 32 անձ ազատված է ամբողջութիամբ կին, երեխա, ծեր ու երիտասարդ սպանված են: Օսմանցու ժամանակ մեզի մոտ ապրող կամ ապաստանող հայերը միշտ պահեցինք և անոնց զի հանձնեցինք, արդյոք դուք ալ այնպես, դուք ալ մեզի պես ըրիք, կամ ոչ առաջվանեն մինչև վերջ շարունակ օգտակար եղանք անոնց պաշտպանեցինք, մենք մեզ վնասեցինք և իրանց չի հանձնեցինք թուրք բռնապետներուն: Ինչպես նաև Շեյխ Ատիի մեջ գտնված Սեյիտ Բեկի հովանիին տակ ապրող եզիտիները, որ Մուսուլեն 9 ժամե ասոնք ալ 2000 հայ և քրիստոնյա և կամ զինվորությունն փախչող կամ վտարագիր Օսմ. կառավարութենեն ծածուկ պահեցին, կերակրեցուցին մինչև վերջ առանց որևէ վնաս մը տալու անոնց:

Այս ամբողջ գրութիւններու տեղյակ և հաստատող են նույն պարագաներուն Մուսուլի մեջ գտնվող Տ. Տ. Զավեն պատրիարք, Բիւրանի ազգին փաթրիկը և Սյուրյանիներուն Սթրան Հմդանը:

1918 ղեկտ. 10-րդ օրվա կնիքներն են»:

Այս վավերագրի անողղակի շարունակութիւնն են կազմում ներքոհիշյալ երկու նամակները, որոնք բերվում են հաջորդաբար.

«Հարգելի Տիարք,

Ջահանգիր աղա խաթիպ պեկ ղատե, 1908 տարին երբ Ձեր քով կգտնվեին, Իկտիրի հայ ազգային ժողովականաց նախագահ Տիար Խաչատուր Մելիքյանի հետ միասին էջմիածին գնացինք հայր Իզմիրլյանի քանտիտաններու և Կոմիտաս<sup>21</sup> վարդապետի

<sup>21</sup> Հայտնի է, որ Կոմիտասը մոտ է եղել քրդական մշակութիւն և հենց իրեն քուրդ ժողովրդին, հետևաբար նա չէր կարող անտարբեր լինել քուրդ ժողովրդի բազմահարուստ ստեղծագործութեան հանդէպ: Եվ պատահական չէր, որ, երբ Շեխ Իսմայիլը գալիս է էջմիածին, Կոմիտասը միշտ էլ լինում է նրա հետ, աշակցում նրա գործունեութեանը, հատկապէս քրդական դպրոցներ բաց անելու գործում:

Կոմիտասը մեծ հետաքրքրութիւն է հանդես բերել ղեպի քրդական ժողովրդական երաժշտութիւնը: Նա շրջել է քուրդ-եզիզիների մեջ, օրերով մնացել նրանց մոտ, ծանոթացել նրանց երգերին, հեքիաթներին: Նա մասնակցել է քրդական տոնական հանդեսներին, հարսանիքներին, գրի առել ու մշակել քրդական ժողովրդական երգերը: Կոմիտասը 1899 թ. Բնուլիում հանդես է գալիս քրդական երաժշտութեան մասին իր ուսումնասիրութեամբ և դա համարվում է նրա դիպլոմային աշխատանքը: Կոմիտասից մեզ են հասել նրա ձայնագրած 13 քրդական եղանակները և որոշ արխիվային նյութեր: Գրականութեան և արվեստի թանգարանի Կոմիտասի արխիվի Ձ 50 ծրարում կան 9 քրդական երգ, բոլորն էլ բացի մեկից, գրված են հայկական ձայնանիշներով: Վերը նշված 13 երգերը ղեանդված են «էմիթիյան ազգագրական ժողովածուի» 5-րդ հատորում:

Կոմիտասի կողմից քրդական ժողովրդական երգերի հավաքումն ու ձայնագրումը, նրա ուսումնասիրութիւնները քրդական երաժշտութեան բնագավառում նոր է բացեցին քուրդ ժողովրդի կուլտուրայի, հատկապէս նրա երաժշտութեան զարգացման գործում: Եվ միանգամայն ճիշտ է նշել ՀՍՍՀ արվեստի յաստակավոր գործիչ Ս. Գասպարյանը Կոմիտասի մասին համարելով նրան «Երդական պոլիֆոնիկ՝ բազմաձայն երաժշտութեան պիոները»:

(Տե՛ս ՀՍՍՀ գրականութեան և արվեստի թանգարան, Կոմիտասի արխիվ: «էմիթիյան ազգագրական ժողովածու», հատոր Ե, 1904, Մոսկվա, էջ 7: Ս. Գ. Գասպարյան, «Կոմիտաս», Երևան, 1961, էջ 171: Կոմիտաս, «Հայ ժողովրդական և եկեղեցական երգեր» «Տողովածներ և ուսումնասիրութիւններ», Երևան, 1941, էջ 11: «Ավանգարդ», 1969 թ., № 137):

Ջահանգիր աղան նույնպէս եղել է հայ-քրդական բարեկամութեան ամրապնդման ջատագովներէց մեկը:

ներկայութեան դպրոցի խնդիրը բացվեցաւ, առաջարկեցին մեզի, որ մենք դպրոցներ ունենանք: Մենք ալ ըսինք թե իրավ, որ մեր օրենքին գիրք ու գրականութեան հակառակ է մեղք կհամարենք կարգալը, սակայն ամեն ազգի գրքերուն հետ չէ, միայն իսլամական գրքերն են, որ մեզի մեղք է, ինչու որ անոնք մեր օրենքին հակառակ են և շատ ալ հետու մեր օրենքեն: Բայց ամբողջ քրիստոնյաներու գրքերը, ինչ ազգ ալ կուզեն ըլլան, անոնց գրքերը կարգալը բնավ մեղք չէ, ինչու որ «հանու-մարհաննա» որ քնտանները կըսին. «Մար-ատտա» իսկ եզիտի լեզվով կըսվի «Շեյխ Ատի»:

Այս հին օրերեն ի վեր մինչև հիմա աշխարհիս երեսը դտնված ամբողջ քրիստոնյա ազգերեն բնավ երբք վնաս մը տեսած չենք բացի աղեկութենեն: Ուստի իմ համոզումս անե, որ մեր օրենքը և կենցաղավարութեան իսլամական ավելի քրիստոնյաներուն մոտ է, քան իսլամներուն, ուստի Շեյխ Ատիի և Քավուզի Մելիքի ներկայութեան կաղոթեմ և անոնց շնորհիվ իրավունք կուտամ իմ ժողովրդիս

1918 թ. մայիսի 21-ին, երբ դեռ չէր ավարտվել Սուրմալուի գրավումը, թուրքական բանակը Ալեքսանդրապոլից շարժվում է Արարատյան դաշտ և գրավում Սարգարապատ կայանը և գյուղը: Այդ ժամանակ շրջակա հայ և քուրդ եզիդները նախապարստաստում են դիմադրելու թուրք բաշիրողուկներին: Մայիսի 22-ին հայկական զորքանակի թիվը հասնում է 4 հազարի, իսկ աշխարհազորայինները և Զահանգիր-աղայի քուրդ եզիդները դեռ մայիսի լույս 22-ի գիշերը Մուլաբայազետի մոտ հերոսաբար պայքարում էին թուրքերի դեմ: Եվ հենց այստեղ էլ, ինչպես Քուրչյանն է նշում, «Զահանգիր աղայի, 3 հարյուր եզիդները նախահարձակ եղան Մուլաբայազետի կողմ և նվաճեցին հայ ժողովրդի անկեղծ դաշնակիցների անունը»:

Հայտնի է նաև այն, որ Զահանգիր աղան դեռ առաջին համաշխարհային պատերազմի նախօրեին սերտ բարեկամութուն էր հաստատել հայ ժողովրդի և նրա քաղաքի ղավակ, զորավար Անդրանիկի հետ: Ահա թե ինչ է այդ մասին գրում Անդրանիկի զինվորներից մեկը իր հուշերում. «...հանդիպակած մի սառնորակ աղբյուրի վրա սեղան քաց անելով (Անդրանիկը իր զորախմբով պարտահում է Զահանգիր աղայի մարտիկներին և սեղան քաց անում—Վ. Չ.)՝ լեցուն բաժակներով խմում են հայ և քուրդ-եզիդի ժողովուրդների կենացը և ուխտում են մինչև մահ բարեկամներ մնալ»:

Անդրանիկ փաշան և Զահանգիր աղան աղ ու հացով երգվում են հավատարիմ մնալ իրենց ուխտին և հարկ եղած դեպքում միասին կռվել թուրքական բռնակալութեան դեմ: Հասնել էր բաժանման ժամը: Անդրանիկ փաշան և Զահանգիր աղան հրաժեշտի խոսքեր ասելով բաժանվում են իրարից:

(ՏՆՍ 2. Գ. Քուրչյան, Սարգարապատի հերոսամարտը, Երևան, 1965, էջ 126—127, «Ույա-Քազա» թերթի արխիվ, գործ՝ «պարտիական կյանք» բաժին, 1968 թ.):

դարձնելու, անշուշտ կընդունինք որ մեր նախնիները զիս անարժանաբար իրենց փոխանորդը կարգած ու մեկնած են, ինչպես օր մը ևս ալ պիտի ընիմ Աստծու հրամանով ու առանց մեր նախնիներու գծած օրենքեն շեղվելու, ձեռքս եղած իրավունքն արտոնութուն կուտամ ազգիս զարգանալու, լուսավորելու, բայց պայմանով, որ օրենքնիս չի խախտի և իրեն տեղն անխախտ մնա: Գիտեք արդեն, որ դարեր առաջ ազգերնիս ցիր ու ցան, ոմանք Իսլամ թուրքերու հսկողութեան տակ կապրեինք և կարգ մըն ալ արաբական հովանավորութեան, ազատ կյանք չունեինք, բայց հիմա, որ բարձրալ Աստծո շնորհիվ ամբողջ եզիտի ազգս կապրենք քրիստոնյա տերութուններուն հովանիին ներքե, շունչ կքաշենք, լավ հանգիստ կապրենք խողաղ վիճակի մեջ, պետք է մտածենք մեր առաջադիմութեան համար, ալ բավական է ինչ որ քաշեցինք, ինչ տառապանքներ կրեցինք անուսութեան երեսն և զոնե աշխարհիս վրա գտնված ամբողջ ազգութուններն ալ շայպանին մեզ ըսելով, թե ազգ մը կա եզիտի անունով, որ կարգալը մեղք կհամարե, ամոթ է մեզի:

Միր Շեյխ Իսմայիլ 1919 թ. նոյ. 25  
Բաղդադ»

«1917 թ. մարտի 25-ին գերմանական հրամանատարներն մեկ հազարապետ և մեկ հիսնապետ 80 հեծելազորով, որ Տերզորեն Մուսուլ կերթար Սինճարի գավառին մեջ իմ տունս հյուր եղավ, զիրենք հյուրասիրեցի պատվեցի մեծարեցի, կեր ու խումեն վերջ, հրամանատարը տեսավ, որ Քրիստոսի խաչելութեան պատկերը մեծ կտոր մը կտավի վրա նկարված, որ հայերն մեկը նվիրված էր ինձի, հրամանատարը տեսավ ատիկա ու հարցուց ինձի ըսելով, Դուք այս Քրիստոսը կճանչնա՞ք, կղավանի՞ք, որ հոս պատը կախած եք, ես պատասխանեցի այսպես 5 հայերու և 10 եզիտիներու ներկայութեամբ հայերն էին Ուրֆայի տերտերի տղան Հովհաննես, Ծրզնկացի Արամը, մյուսները ալ չեմ գիտեր ասոնք վկա են, ըսի թե մենք Քրիստոս կճանչնանք, կղավանինք և անոր կամքին համաձայն կգործենք, իսկ Դուք, որ քրիստոնյա չեք գերմաններդ, դուք ասոր ճամբան կորցուցիր եք և Մահըմատի ճամբան բռներ եք: Խնդալով ըսավ, շեյխ է՛ք, ինչո՞ւ այդպես կասես մեր այս օրվան պատերազմը կրոնական չէ, այլ մյուսը, արարչի հողի խնդիր է, և օսմանցու հետը միացանք հող գրավելու համար: Մենք օսման-

ցիւներուն այդպես չհնք ըսած հայերուն համար, ինչ որ ինք ըրավ<sup>22</sup>։

1917 մայիսի 10-րդ օրը, Մինճարեն երկու ձիավոր եզիտի և Աղրականցի Արամը և ես այս շորսս Մինճարեն դեպի Մուսուլ զնացինք Տեր Զավեն պատրիարքին տունը մտանք, այն օրերուն էր որ ամբողջ Թուրքին ուժը Մուսուլ էր։ Գնացինք այցելեցինք Զավեն պատրիարքին ու ըսի, եթե ինձի կընդունիս լսի ես քեզի ծառայութուն մը պիտի ընեմ իբր կրօնական պարտականութուն։ Պատրիարքը պատասխանեց, ես շնորհակալ եմ Քեզմե, բայց դուն ինչպես, ի՞նչ կերպով, ի՞նչ համարձակությամբ Մինճարեն մինչև հոս մեր տունը եկար։ Այց եկա քեզի համար, Քեզ աղատելու, ինչու որ հայերեն 1000-ը գնաց գոնե մեկը թող մնա, եկուր այս գիշեր Քեզ հետս Մինճար տանիմ, պահիմ Քեզ... Օսմանցիներեն ես լսած եմ, որ քեզ պիտի կախեն։ Պատրիարքը պատասխանեց։

—Տղաս ես քեզմե և Ձեր ամբողջ ազգեն շատ-շատ շնորհակալ եմ։ Ես արդեն լմնցած մարդ եմ, ինձի համար կախադան ըլլա կամ ոչ կտրեհորութուն չունի, ինչու որ ես իմ կյանքես ձեռք քաշած եմ, արդեն, թիպետև ամեն մարդու համար կյանքը քաղցր է, բայց ինձմե դատ 10000 հայ գաղթական կան Մուսուլ, եթե ես փախիմ տղատիմ մենակս վերջը ամբողջ հայերը սուրեն կանցնեն, թող որ ես ալ իրենց հետ մաշեցնեմ կյանքս։ Հովիւ քաջ զանձն իւր ղնե ի վերայ ոչխարաց, ոչ թե Մուշեղին պես փախուտ տա ու իր ժողովուրդը կրակի մեջ թողե կիլիկյան շարդին։ Մենակ ես կխընդրեմ քեզմե շեխուս, որ Ձեր քով գտնված հայերուն լավ մտիկ ըրեք, իբրև զիս պահած հղաք, և ողջ մնողին Ձեր լավութունը ու երախտիքը չպիտի մոռանամ։

Նզիտի Միրե Միրան միւր Ալլտի պեկ զատի միւր շեյխ Իսմայիլ պեկ»։

(Վավերագրերի տակ զըված է արարատառ և լատինատառ երկու կնիք—Վ. Չ.)

«Մեծ պատերազմի ընթացքին մեջ շատ մը հայեր եկան Մինճար լեռը և մենք շատ մը հայերու հետ տեսնվեցանք, մեծ քաջու-

<sup>22</sup> Ինչպես վկայում է վավերագրերը, Շեյխ Իսմայիլի և գերմանական հրամանատարի միջև զրույց է տեղի ունեցել նաև իմպերիալիստական Գերմանիայի և Թուրքիայի քաղաքականության, ռազմական, տնտեսական կապերի և հատկապես հայկական կոտորածի մասին։ Շեյխ Իսմայիլը մեղադրել է կայզերական Գերմանիային հայկական կոտորածներին աշակցելու գործում։

թյուն և հայրենասիրություն ու ոգևորություն կպարունակեր Տ. Զավենի սուրբ պատրիարքին և փրոֆեսոր Խաչատրյանին սիրտերուն մեջ. առաջինը հովատարիմ իրեն ազգին ու կրոնքին քաջ հովիվի մը նման բնավ չի զատվեցավ իրեն հոտեն, միշտ քաջալերելով ու խրախուսելով զանոնք ցույց տալու համար անոնց ապագա երջանկությունը ու հանգստությունը, ան չէր ուզեր և չէր ալ մտածեր իր անձին վրա լուկ միշտ կըսեր «Ծն և մանկունք իմ», թող ապաշխարենք, թող ոչնչանանք և կամ թող ապրենք միասին. կեցցե՛ գաղափար, կեցցե՛ անձնուրացություն, կեցցե՛ և միշտ կեցցե՛ Զավեն պատրիարք: Իսկ Խաչատրյան Սինճարի ճիշտ պատերազմին որ մոտեերնիս ապաստանած էր, իրեն ծերուկ վիճակին մեջ մեր բանակին զուխը անցած ուղիներ կցուցաներ, քաջալերական խոսքերով բանակը դեպի առաջ կմղեր: Օսմանյան տերության անկումը և անգլիական կառավարության տիրապետությունը կքարոզեր դարձյալ ինքն էր, որ հերոսաբար ազգին նվիրված ինժի հետ միասին արարական ցնցոտիներով, թրքական արյունարբուն ճեղքելով սլացավ Պաղտատ. դեպի անգլ. բանակ կանչելու օգնության ազգին պաշտպանության: Այժմ որ տեղս Պազուպա ապաստանած են 15,000 հայ և 30,000 ազգ ազատված են, Ուրմիայի Պաղի աշիրաթեն, հին ազնվական ցեղերին որ հնուց ի վեր Ուրմիայի քաղաքը կբնակեին ասորի ազգն Աղա Պետրոս փառայի և հայերն ալ պարոն Ատն Շաղոյան փառայի շնորհիվ ազատված են, ինչու որ հիշյալ երկուքը իրենց առաջնորդներ եղած են: Մեր սահմանը ու ասորիներուն մեկ է իրավ որ իրար լավ գիտենք շատ ժամանակե առաջ մեջերսին Աղա Փթողին նման հրամանատար մը չի եկած դուրս և Իրաքի մեջ գտնված աշիրը և ժողովուրդը ապշած մնացին տեսնելով և լսելով այս երկու անձնվեր ու քաջ առաջնորդներու ըրած ճարպկությունը և հրամանատարությունը, որ կարողացեր են 50.000 անձ ազատելու, Անգ. բանակ ապաստաներ են և վստահ եղեք որ Օսմ. կառավարության մեջ գտնված ոչ մահամեղականները բնավ երբեք ասոնց նման շատ և գույքերով ազատողներ չեն եղած:

Այսչափ երկար գրելնուս ներողամիտ կըլլաք, ինչու որ երկար տարիներ ի վեր է, որ իրարմ տեղեկություն չունեինք և իմ պարտականությունս Զեղի իմացնել ամբողջ եղելությունը ու կխնդրիմ, որ դուք այլ այսպես երկար գրելով մեզի գիտցնեք ամեն ինչ, ինչու որ մենք Զեր եզիտի և հայ ազգին կարոտը կքաշինք:

Գարձյալ կիսնդրեինք, որ այս գրածներս ամբողջ եզրտի և հայ ժողովրդին կարդաք, կամ իրենց տաք որ կարդան:

Գրեց Սարգիս Ֆարշյան պաղտատեն<sup>23</sup>:

1916 հոկտ. 1 -ին, նոյ. 6-ին»:

Վերոհիշյալ ծավալուն վավերագրերը, նրանցից դատ եղած բազում փաստաթղթերը, գրողների ու հրատարակախոսների հոգ-վածներն ու նոթագրությունները աներկբայելի են դարձնում հայ և քուրդ ժողովուրդների տնտեսական-քաղաքական ու մշակութային առնչությունները, որոնք մերթ խաղաղվում էին, մերթ էլ փայլա-տակում զինակցական կապերով՝ ուղղված օսմանյան կայսրու-թյան վարած ազգահալած ու ջարդարարական քաղաքականության դեմ: Միշտ չէ, որ քուրդ վերնախավը հասկացել է հայ-քրդական զինակցական կապերի ժողովրդապաշտպան, անփոխարինելի ան-հրաժեշտությունը: Սակայն ժողովուրդը, նրա լուսավոր, խորի-մաստ առաջնորդներից շատերը անցնելով 1890-ական թվական-ներին Համիդ II-ի կողմից կազմակերպված ջարդարարական քա-ղաքականության բոցով, ճաշակելով երիտթուրքերի խաբեական քաղաքականության դառը պտուղները, առաջին համաշխարհա-յին ծանր ու անմոռաց տարիներին ելքի ուրույն ճանապարհներ էր փնտրում:

Հայ ժողովրդի զանգվածային կոտորածների օրերին, եթե որոշ ռեակցիոն քուրդ բեկեր գործիք դարձած երիտթուրքերի ու գերմա-նացիների ձեռքին, ապա բոլոր եզրդիները, Դերսիմի, Մոկսի, Շատախի, Սինջար լեռնազավառի քուրդ բնակչությունը, սեփական կյանքը վտանգի ենթարկելով պաշտպանեց և արյան ու հրդեհի կրակներից հանելով կենդանի ու ապահով դարձրեց տասնյակ հազարավոր անպաշտպան հայերի կյանքը: Նա ոչ միայն պահում ու պաշտպանում էր հայերին, այլ մտահոգվում էր, իր առաջավոր մտավորականների միջոցով բանակցություններ վարում հայ քա-ղաքական գործիչների հետ, իրենց հետագա նպատակները իրա-կանացնելու համար: Բերված վավերագրերի ուղղությամբ շարու-նակվող պրպտումները նոր ու վառ էջերով կլրացնեն հայ ու քուրդ ժողովուրդների բարեկամության պատմությունը, որն այսօր ունի ոչ միայն գիտական կարևորություն, այլև քաղաքական կենսունա-կություն:

<sup>23</sup> Սարգիս Ֆարշյանը շեխ Իսմայիլի հավատարիմներից էր և հավանական է չելի Իսմայիլի խնդրանքով էլ նա գրել է այս նամակը: Նամակի վերջում կրկին գրված է արաբատառ և լատինատառ գրով գրված շեխ Իսմայիլի կնիքը:

## ЦЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ АРМЯНО-КУРДСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

### Резюме

Армяно-курдские отношения являются одной из интереснейших и в то же время мало изученных областей курдской истории. Особенно неблагоприятно обстояло дело с привлечением документальных данных при освещении этого вопроса. Между тем, подобных документов огромное множество. В частности, в Матенадаране нами обнаружена целая серия документов о дружеских связях армянского и курдского народов. Из этой серии особый интерес представляют три документа о поездке в Закавказье духовного главы всех иезидов Шейх Исаила в 1908 г., его встречах с наместником кавказским, католиком всех армян и представителями армянской общественности, имевших целью укрепить связь курдов-иезидов с Россией и армянами и побудить последних открыть школы для курдов; не меньший интерес представляют относящиеся к 1916—1918 гг. обращения Шейх Исаила к курдам-иезидам и армянам укреплять дружбу и сотрудничество между ними в борьбе против турецких колонизаторов. В них приводятся интересные данные о совместной борьбе этих народов против турецких угнетателей.

**ՔՐԻՂԱԿԱՆ ՀԱՐՑԻ ԱՐՏԱՑՈՒՄԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ  
ՔՈՒՐՔԱԿԱՆ ՄԱՄՈՒՈՒՄ**

Թուրքիայում շարունակվում է այն իրավիճակը, որի պայմաններում մտացածին կերպով խեղաթյուրվում են քուրդ ժողովրդի թվական տվյալները, մերժվում է քրդերի՝ որպես ինքնուրույն ժողովրդի գոյությունը, այդ հիման վրա զանց է առնվում քրդական ազգային հարցի գոյության փաստը: Այն առավելագույն կապված է հետևյալ երկու պատճառների հետ. ա) ազգային ինքնավարության համար իրաքյան Քրդստանում տեղի ունեցող պայքարի հետ, որը միջազգային ճանաչում է գտել և դրա կողքով, ըստ էության, լուծվում անցնել հնարավոր չէր, բ) Թուրքական Քրդըստանում ազգային ինքնագիտակցության որոշակի աճի, քրդերի տնտեսական ու մշակութային զարգացման հարցերի սրման հետ: Եվ ահա քրդերի՝ որպես ինքնուրույն ազգության գոյությունը մերժող Թուրքական մամուլը ստիպված է անդրադառնալ այդ հարցին:

Թուրքական մամուլը քրդերի և քրդական հարցի մասին հաճախ հրապարակում է նյութեր, որոնք հնարավորություն են տալիս պատկերացում կազմելու երկրի կառավարող շրջանների, և հատկապես Թուրքական ազգայնական մտավորականության դիրքորոշման մասին՝ քրդերի պատմական ճակատագրի, մասնավորապես քրդական պրոբլեմի նկատմամբ:

\* \* \*

Թուրքական պաշտոնական վիճակագրությունը ուղղակի տվյալներ չի տալիս բնակչության ազգային կազմի մասին:

Ըստ լեզվախմբերի վերաբերյալ տվյալների, 1965 թ. մարդա-

համարի ժամանակ 2327778 մարդ որպես մայրենի լեզու ճանաչել է քրդերենը<sup>1</sup>:

Փաստեր կան այն մասին, որ զգալի թվով քրդեր մարդահամարից դուրս են մնում: Քուրք առաջադեմ սոցիոլոգ Իամայիլ Բեշիկչին, խոսելով քուրդ քոչվոր աշիրաթների մասին, հայտնում է, որ նրանք նորածիններին երբեք արձանագրել չեն տալիս և բնականաբար մնում են նաև որպես դինժառայութունից խուսափողներ<sup>(2)</sup>: Բացի այդ, նույն Բեշիկչիի վկայությամբ, մարդահամարին զուգահիստող օրերին, քրդերից շատերը գտնվում են քաղաքներից, գյուղերից շատ հեռու՝ սարերում, յայլաներում, դրա հետևանքով նրանք դուրս են մնում մարդահամարից<sup>(3)</sup>:

Քուրքական հանրագիտարանում, «Քրդեր» խորագրով հոդվածում պնդում կա այն մասին, որ իբր քրդալեզու բնակչությունը տարեցտարի նվազում է: Հոդվածում ներկայացված է աղյուսակ, որտեղ տրված են 1927, 1935, 1945, 1955 թ. մարդահամարների տվյալները քրդալեզու բնակչության թվի ու տոկոսների մասին<sup>(4)</sup>:

Մարդահամարի թվականը	քրդալեզու բնակչությունը	քրդալեզու բնակչության տոկոսները
1927	1184446	8,7
1935	1480246	9,1
1945	1476562	7,8
1955	1375739	5,7

Ներկայացված թվական փաստերը, սակայն, հիմք չեն տալիս կատարել նման հետևություն: Ինչպես երևում է աղյուսակից, քրդալեզու բնակչությունը, որի թիվը 1927-ին հասնում էր 1184446-ի 1935-ին բարձրանում է 1480246-ի: 1945-ին այն թեև իջնում է 1476562-ի, այնուամենայնիվ չի կարելի նման հետևություն անել, այն էլ այդպիսի փոքր նվազումով (3684 մարդ): Իսկ ինչ վերաբերում է 1955 թ. տվյալներին (1375739), որի համաձայն

<sup>1</sup> Şevket Süreyya Aydemir, Doğu illeri ve Kürt vatandaşlarımız, „Akis“, 6. XI. 1967, s. III.

<sup>2</sup> İsmail Beşikci, Doğu Anadolu'da göçebe köyler, „Forum“, I. V. 1967 (հոդվածաշարք, որը մեր ենթադրությունները ավելի լրիվ կերպով կարելի է գրտնել հեղինակի հետևյալ գործում. İsmail Beşikci, Doğuda değişim ve yapısal sorunlar, Göçebe Alıkan aşireti, Ankara, 1969.

<sup>3</sup> Նույն տեղում, էջ 16:

<sup>4</sup> „Türkiye Ansiklopedisi“, c. III., Ankara, 1956, s. 513.

քրդալեզու բնակչությունը նորից է նվազում, դա արդեն ճիշտ չէ: Մի շարք հրատարակություններում, այդ թվում նաև նույն հանրագիտարանի Քուրքիայի ընդհանուր ազգաբնակչության մասին հոդվածում այն ցույց է տրվում 1504482<sup>(5)</sup>: Իսկ պաշտոնական վիճակագրական տարեգրքում<sup>(6)</sup> արդեն 1680000 է: Հետևաբար նորից աճել է քրդալեզու բնակչությունը:

Ուղղելով այդ սխալը և ավելացնելով 1965 թ. մարդահամարի տվյալները, կստանանք հետևյալ պատկերը (կլորացված թվերով<sup>7</sup>):

մարդահամարի թվականը	Քուրքիայի բնակչությունը (հազար մարդ)	քրդալեզու բնակչությունը (հազար մարդ)	քրդալեզու բն. %-ները
1927	13648	1184	8,7
1925	16158	1480	9,1
1945	18790	1477	7,8
1955	24065	1680	7,0
1965	31291	2328	7,4

Աղյուսակից երևում է, որ քրդալեզու բնակչությունը, հակառակ 1945 թ. փոքր-ինչ նվազման (որի պատճառներից մեկը, անշուշտ, 30-ական թվականների վերջերին տեղի ունեցած աքսորը և կոտորածներն էին) այնուամենայնիվ, և հակառակ հոդվածում առաջ քաշված պնդումին աճել է:

Եթե խոսքը վերաբերեր հարաբերական իմաստով նվազման, այսինքն այն բանին, որ քրդալեզու բնակչությունը հետզհետե ամբողջ բնակչության ավելի փոքր մասն է կազմում, ապա կարելի է ասել, որ տոկոսային հարաբերությունները վկայում են այդպիսի միայն թեթև տենդենցի գոյությունը: Արդարև, 1927 թ. համեմատությամբ 1965 թ., եթե Քուրքիայի բնակչությունը ամբողջությամբ վերցրած աճել է 120 տոկոսով, ապա այդ աճը քուրդ բնակչության համար եղել է 97:

Կարելի է կարծել, որ քուրդ բնակչությունը սոցիալ-տնտեսական վատթար պայմանների հետևանքով չի աճում այնպիսի տոկոսներով, ինչպես Քուրքիայի բնակչությունը ամբողջությամբ վերցրած: Բայց փաստերը հակառակն են վկայում: Արդարև, 1945—

<sup>5</sup> „Türkiye Ansiklopedisi“, C. IV., Ankara, 1957, 5. 320; Şevket Süreyya Aydemir, նշված հոդվածը „Aktis“, 6. XI. 1967, s. 14.

<sup>6</sup> „İstatistik Yıllığı“, 1960—62, 5. 78.

<sup>7</sup> Աղյուսակի Քուրքիայի բնակչության վերաբերյալ տվյալները վերցված են հետևյալ աղբյուրներից. İstatistik Yıllığı, 1960—62, s. 54; Экономика развивающихся стран Азии в цифрах, 1960—1965гг., М., 1970, стр. 420.

1965 թ., քսան տարվա ընթացքում արևելյան և հարավ-արևելյան 18 վիլայեթների, այսինքն՝ առավելապես քրդաբնակ շրջանների բնակչությունը, հակառակ սոցիալ-տնտեսական ծանր պայմանների աճել է 76 տոկոսով. այդ նույն ժամանակաշրջանում Քուրդիայի բնակչությունը ամբողջությամբ վերցրած աճել է 61 տոկոսով<sup>8</sup>:

Քրդալեզու բնակչության հարաբերական նվազումը կարելի է բացատրել նրանով, որ հայերի բնաջնջումից հետո, կառավարությունը կիրառեց նույն ազգահալած քաղաքականությունը Արևելյան Անատոլիայում արդեն մեծամասնություն կազմող քրդերի նկատմամբ, որի հետևանքով էլ համեմատաբար ավելի մեծ թվով քրդեր, հատկապես թուրքաբնակ վայրերում, կորցնում են իրենց մայրենի լեզուն: Բացի այդ, թուրքաբնակ վայրերում բնակվող քրդերը ազգային ճնշման հետևանքով հաճախ նախընտրում են շրջակայքի իրենց ազգային պատկանելությունը: Սրկու դեպքում էլ նրանք դասվում են թուրքալեզուների շարքը, որի հետևանքով վիճակագրական աղյուսակներում առաջանում է քրդալեզուների հարաբերական նվազումը:

Քրդերի մեծամասնությունը բնակվում է արևելյան, հատկապես հարավ-արևելյան վիլայեթներում: 1960 թ. տվյալների համաձայն քրդերինը որպես մայրենի լեզու օգտագործվում է առավելապես հետևյալ վիլայեթներում<sup>9</sup>:

վիլայեթի անունը	ընդհ. բնակ. (հազար մարդ)	քրդալեզու բնակ. (հազար մարդ)	քրդալեզու բնակ. %-ով
Հաթարի	68	55	80
Սղերդ	232	167	71
Բինդյուլ	131	89	69
Մարդին	353	235	67
Դիարբեքիր	402	265	66
Բիթլիս	129	82	64
Ադրբ	215	130	60
Վան	211	108	51
Մուշ	168	84	50
Սուրբա	402	152	38
Էրզրոնի	243	48	20
Կարս	544	101	19
Ադր յաման	234	34	15
Էրզրում	569	80	14
Մարաշ	390	52	13
Սվադ	670	39	6

<sup>8</sup> İsmail Beşikçi, Doğu Anadolunun düşeni. Ankara Cad, 1969, s. 50—51.

<sup>9</sup> Աղյուսակը կազմված է հիմք ընդունելով հետևյալ հոդվածներում բեր-

Ինչպես երևում է աղյուսակից, որի տվյալները, անկասկած, նվազեցված են, քրդերը 8 վիլայեթում կազմում են բնակչության մեծամասնությունը: Քրդերը մեծամասնություն են կազմում նաև Մուշի վիլայեթում, որտեղ քուրդ բնակչությունը կազմում է 50 տոկոս (կամ<sup>10</sup> տոկոս)<sup>10</sup>: Այստեղ բնակվում են նաև ոչ թուրքախոս ալլ ժողովուրդներ, հիմնականում արաբախոս 2545 մարդ<sup>11</sup>, և թուրքալեզու բնակչությունը կազմում է ամբողջ բնակչության 47 տոկոսը, այսինքն՝ ավելի ցածր, քան քուրդ բնակչության տոկոսը:

\* \* \*

Քրդերը՝ Թուրքիայի ազգային փոքրամասնությունների մեջ ամենից մեծ թիվն են կազմում: Սակայն ոչ մահմեդական փոքրամասնությունները, ճիշտ է խիստ սահմանափակումներով օգտվում են որոշ իրավունքներից՝ ինչպես մայրենի լեզվով ուսուցում, մայրենի լեզվով հրատարակություններ, իսկ քրդերը, որպես մահմեդականներ, չեն օգտվում ազգային փոքրամասնության որևէ իրավունքից:

Մուստաֆա Քեմալը, 1920 թ. մայիսին հանդես գալով մեջլիսում, ասում էր. «Այն մարդիկ, որոնցից կազմված է ձեր մեջլիսը, սոսկ թուրքեր չեն, սոսկ լազեր չեն, ալլ կազմում են բոլորից բաղկացած մահմեդական տարրեր, անկեղծ մի ամբողջություն: Հետևաբար այն ժողովուրդը, որի պահպանությամբ ու պաշտպանությամբն եք զբաղված, բնականաբար մեկ տարրից չի բաղկացած: Այն բաղկացած է զանազան մահմեդական տարրերից: Ցուրաքանչյուր մահմեդական տարր, որը մաս է կազմում այդ ամբողջության, մեր եղբայրն է, և լրիվ կերպով հասարակաց շահեր ունեցող մեր քաղաքացին»<sup>12</sup>: Իսկ 1925 թ. շեյխ Սաիդի գլխավորած քրդական ապստամբության ժամանակ Եւքեթ Սյուրեյյայի ասելով «հետադիմական մի ժողովուրդի պնդումները հերքելու համար» հատուկ պատրաստվում է գրքուկ, որը Աթաթուրքի հրամանով տպագրվում է 20 հազար

ված տվյալները՝ Filiz Babacan, Doğu ve güney-doğu Anadolu'da toprak durumu, „Forum“, 15. I. 1968, s. 20—21; Rakkamların dili, „Cumhuriyet“, I. IV. 1968,

<sup>10</sup> Շատ „Cumhuriyet“, I. IV. 1968-ի տվյալի:

<sup>11</sup> „Cumhuriyet“, նույն աեղում. „Yön“, 18. XII. 1964. s. 9.

<sup>12</sup> A. Halûk Ülman, Ufuktaki tehlike, Kürt sorunu, „Forum“, I. XI. 1967, s. 15; *Şeyh Nâkî Atatürkün söylev ve demeçleri*, C. I., Ankara, 1946.

տպաքանակով և տարածում են ամբողջ երկրում: Շեքեթ Սյուրեյ-  
յայի մեջբերումից իմանում ենք, որ գրքույկի նպատակն էր ան-  
խախտ պահել թուրք-քրդական «միասնությունը»՝ վկայակոչելով  
քրդերի ծառայությունը անկախության պատերազմին: Այնտեղ  
ասվում է. «Ազգային գերիշխանությունը ծնվել է բնական իրա-  
վունքից, գործողությունից, ձեռք է բերվել արյունով և հասել  
հաղթանակի՝ դաշնակից թուրք և քուրդ ժողովուրդների սրբազան  
պայքարով»<sup>13</sup>:

Սրանք բոլորը, ինչպես հետագայում պարզվեց, լուկ հայտա-  
բարություններ են եղել: Թուրքական կառավարող շրջանները  
երբեք մտադիր չեն եղել որևէ կերպ ճանաչել քրդերի ազգային  
իրավունքները:

Լոզանի դաշնագրում առավել հստակ կերպով սահմանվեցին  
ոչ մահմեդական փոքրամասնությունների համար մի շարք իրա-  
վունքներ, որոնց համաձայն էին նաև Թուրքիայի ներկայացուցիչ-  
ները, քանի որ, նախ՝ ոչ մահմեդական փոքրամասնությունները  
վեր էին ածվել լեզվա-կրոնական փոքրաթիվ համայնքների՝ ար-  
մատախիլ եղած իրենց բնօրրանից, երկրորդ՝ այն հնարավորու-  
թյուն էր տալիս պահանջելու փոքրամասնության իրավունքներ  
նաև թուրքերի համար, որոնք բնակվում էին Բալկանյան երկրնե-  
րում:

Թուրք պատգամավորները ուղղակի բացասում էին մահմե-  
դական փոքրամասնությունների գոյության փաստը Թուրքիայում,  
վկայակոչելով վերջին հաշվով կրոնի ընդհանրությունը:

Լոզանի խորհրդածողովում, թուրք պատգամավորները հայտա-  
բարել են, գրում է Ա. Հալլուկ Յուլմանը, որ «...պատմական ա-  
վանդույթները, սովորություններն ու բարքերը կատարյալ միաս-  
նություն են ստեղծել մեր երկրում բնակվող մահմեդականների  
միջև և բացի ոչ մահմեդականներից, ոչ ոքի համար ազգային  
փոքրամասնության հարց առաջ չի եկել: Կոնֆերանսում գտնվող  
թուրք պատգամավորների գլխավոր նպատակն էր, — գրում է նա, —  
ընդունել տալ արևմտյան պետություններին, որ մահմեդական  
ժողովուրդը հանդիսանում է մի ամբողջություն և Թուրքիայում  
կարող են գոյություն ունենալ միայն ոչ մահմեդական փոքրա-  
մասնություններ»<sup>14</sup>:

<sup>13</sup> Şevket Süreyya Aydemir. Նշվ. հոդվածը, „Akis“, 6. XI 1967, s. 14.

<sup>14</sup> A. Halûk Ülman, Նշվ. հոդվածաշարը, „Forum“, 1. X. 1967, s. 13.

Ազգային հարցի այդպիսի դրվածքը սուր ծայրով ուղղված էր մահամեղական ազգային փոքրամասնությունների, հատկապես՝ քրդերի դեմ: Նա ձգտում էր նրանց պահել ազգային փոքրամասնության իրավունքներից զրկված վիճակում, հեշտացնելու համար նրանց ձուլումը, որպես ազգային հարցի «լուծման» և «տերիտորիալ ամբողջությունը» պահպանելու միջոց:

Ա. Հալլուկ Յուլմանը անդրադարձել է այս հարցին այն պատճառով, որ 1967 թ. իրավաբանների միջազգային ասոցիացիան հանդես էր եկել Թուրքիայում բնակվող քրդերի՝ որպես ազգային փոքրամասնության իրավունքների պաշտպանության մասին: Օտարերկրյա գործակալություններից ստացված տեղեկության համաձայն, «Յոթում» հանդեսում գրում է նա, — իրավաբանների միջազգային ասոցիացիան (I.C.I.), որի կենտրոնը գտնվում է Շվեյցարիայում, սեպտեմբերի սկզբին հրապարակած զեկուցագրով պնդում է, որ Թուրքական կառավարությունը ոտնահարում է Թուրքիայում բնակվող քրդերի իրավունքները և ջանում՝ ճնշել քրդական փոքրամասնությանը<sup>15</sup>:

«Իրավաբանների միջազգային ասոցիացիայի կարծիքի համաձայն, — գրում է Յուլմանը, — հակառակ այն բանի, որ Թուրքիան Լոզանի դաշնագրի 38-րդ և 39-րդ հոդվածներով խոստացել է հարգել մեր երկրում բնակվող փոքրամասնությունների իրավունքները, արգելում է քրդերին փոքրամասնության իրավունքներից օգտվելու, որոնց քանակը ներկայումս 2 կամ 3 միլիոն է: Օրինակ, արգելել է քրդերին լեզվի ուսուցումը դպրոցներում, քրդերին հրատարակությունները և արտասահմանում հրատարակված քրդերին գրքերի և քրդերին ձայնապնակների Թուրքիա բերելը: Նույն այդ զեկուցագրից իմանում ենք, որ Թուրքական կառավարությունը մի շարք շրջաններից քրդերին տեղահան է անում, աքսորում և դիմադրողներին էլ ոչնչացնում: Իրավաբանների միջազգային ասոցիացիայի կարծիքով Թուրքիան արարներին և բեզլիններին է տեղավորում քրդերից ազատված սահմանագծի երկայնքով»<sup>16</sup>:

Ա. Հալլուկ Յուլմանի պնդմամբ Լոզանի պայմանագրի հիշյալ հոդվածները իրավական հիմք չեն տալիս պահանջելու քրդերի համար ազգային փոքրամասնության իրավունքներ, և դրանք

<sup>15</sup> Նույն տեղում, էջ 12:

<sup>16</sup> Նույն տեղում, էջ 12:

վերաբերում են ոչ մահմեդական փոքրամասնություններին: Նա նշում է, որ թեև որոշ պարագրաֆներում օգտագործվել են «բոլոր թուրքական քաղաքացիները» կամ «որևէ թուրքական քաղաքացի» բացատրությունները (օրինակ, որևէ թուրքական քաղաքացու համար կրոնի, մամուլի, մայրենի լեզվի ազատության նանաչելը և այլն), բայց նրանց էությունը ևս եղել է նույնը՝ ապահովել ոչ մահմեդական փոքրամասնություններին՝ մահմեդականներին հավասար իրավունքներ: «...Իսկ ինչ վերաբերում է քրդերեն հրատարակությունները արգելելուն, որին դիմում են թուրքական կառավարությունները երկրի ամբողջականությունը և անվտանգությունը վտանգի մեջ տեսնելիս, եթե միջազգային կազմակերպությունները այդ որակում են որպես լողանի պայմանագրի խախտում, ապա նրանց պետք է հիշեցնել, որ երկրի ամբողջականությունը և անվտանգությունը վտանգվելու դեպքում ամեն միջոցառում մտնում է սովյալ պետության ազգային իրավասություն մեջ և այդ իրավասությունը չի կարելի սահմանափակել ոչ մի միջազգային պարտավորությամբ»<sup>17</sup>:

Համաձայն 1924 թ. սահմանադրության 88-րդ հոդվածի բոլոր թուրքական քաղաքացիները համարվում էին թուրք («Թուրքիայի ժողովուրդը առանց կրոնի և ցեղի խտրության քաղաքացիական տեսակետից կոչվում է «թուրք»)<sup>18</sup>:

Սա յուրահատուկ մի նացիոնալիզմ էր, որը դեմոկրատիայի քողի տակ, իբր թե հակադրվելով ռասիզմին («առանց ցեղի և կրոնի խտրության»), ազգային փոքրամասնություններին և էթնիկական խմբերին դիտում էր որպես «միասական թուրք ազգի» կազմավորմանը ծառայող բնական տարրեր:

1961 թ. ընդունված նոր սահմանադրությունը ևս թուրք է համարում բոլոր թուրքական քաղաքացիներին (հոդված 54)<sup>19</sup>, և դատական իշխանությունների կողմից պատժվում են այն քաղաքացիները, ովքեր հանդես են գալիս այդ նացիոնալիստական տեսակետին հակասող հայացքներով:

Այդ մասին է խոսում հետևյալ փաստը. «Ջովհուրիյեթ» թերթը գրում է, որ Մուսա Անթերը 1965 թ. լույս ընծայեց թուրքերեն-

<sup>17</sup> Նույն տեղում, էջ 22:

<sup>18</sup> Սահմանադրության տեքստը տես. «Türkiye Cumhuriyeti Devlet Yılı», Cilt. 4., İstanbul, 1929.

<sup>19</sup> «1962 Türkiye Yılı», s. 28

քրդերեն մի գիրք՝ «Սև ցավ» (Kara Yara-Brina Reş): նա այդ գրքի համար դատապարտվեց՝ մամուլում պառակտիչ գործունեություն ծավալելու մեղադրանքով, սակայն դատավարության վերջում անպարտ ճանաչվեց: Բայց բարձրագույն դատարանը նկատի առնելով դատախազության բողոքը, միաձայն բեկանեց անպարտ ճանաչելու որոշումը, այն պատճառաբանությամբ, որ մեղադրությանը արևելյան վիլայեթներում բնակվող ժողովրդի մեկ մասին որակում է բուրգ, հայտնում է, որ տարբեր ցեղերի են պատկանում, տարբեր լեզվով են խոսում, հետևաբար «մեղադրյալը շոշափելով ցեղի և լեզվի գործոնները, որոնք «ազգություն» հասկացության հիմնական սկզբունքներից են, մեր մի շարք քաղաքացիներին բնութագրելով որպես քրդեր, հետապնդում է անշատողական, պառակտիչ և հետևաբար ազգային զգացումները թուլացնող նպատակ»<sup>20</sup>:

Ներկա հոգվածում ընթերցողը կնկատի բազմաթիվ փաստեր, որոնք ցույց են տալիս, որ այդ տեսակետը երևիցի չի դադարել տիրապետող դառնալուց: Բավարարվում ենք փոխադրելով քրդերին «եղբայրներ», «անխառն թուրքեր» համարող Արզու-հադի Թոփուի հետևյալ տողերը, որտեղ պարզ երևում է այն կապը, որ կա քրդերին թրքություն վերագրող տեսակետի և նրանց ազգային իրավունքներից զրկված պահելու ձգտումի միջև. ահա նա ինչ է գրում՝ «...Ուզում եմ խոսել վերջերս լույս տեսնող քրդերեն պարբերականների աշխատակիցների մտայնության մասին: Այս խեղճերը արդյոք ի՞նչ են ուզում անել, քրդերեն հրատարակություններ կատարելով, ամսագրեր լույս ընծայելով, պահանջելով քրդերեն ուսուցում, ուղի՜հաղորդումների ընթացքում քրդերեն հաղորդումներ, ժողովրդական երգեր: Դա բացահայտ կերպով չի նշանակում, որ իրենք տարբեր ցեղի են պատկանում, տարբեր հավաքականություն ու փոքրամասնություն են, թող տրվեն նրանց այդ իրավունքները, և իրենք շեն ցանկանում անշատվել թուրքական պետությունից, այլ ուզում են տեղ գրավել ֆեդերատիվ մի կազմի մեջ, ինչպիսին է Եվեյցարիան»:

«Այդ դեպքում պետք է ասեմ հետևյալը... հսկա մի կայսրությունից ամփոփվեցինք հայրենիքի մեկ թզանոց կտորին վրա: էլ չենք հանդուրժի առավիլ ևս փոքրանալու»<sup>21</sup>:

<sup>20</sup> Bir kürtcülük sanığının beraet kararını Yargıtay bozdu, „Cumhuriyet“, 13. II. 1968.

<sup>21</sup> Abdülhâdi Toplu, Milliyetçilere açık mektup, „Yeni İstanbul“, 7. III. 1967.

Որոշ հեղինակներ փորձում են համոզել, որ քրդերը ծագումով թուրանական մի ցեղ են՝ թուրք օղուպների մի ճյուղը<sup>22</sup>, քրդերի թուրքական ծագումը հիշեցնելու համար օգտվում են նույնիսկ միջանկյալ նախադասություններից: Ահա ինչ են գրում այդ թուրքամոլ շովինիստ հեղինակները՝ «...մեր արևելյան վիլայիթների բնակչությունը, որը ամբողջությամբ և անխառն կերպով թուրք է»<sup>23</sup> «Արևելյան վիլայիթներում բնակվող մեր մի շարք քաղաքացիները, որոնք արյան, ցեղի, ավանդությունների, սովորույթների տեսակետից թուրքեր են»<sup>24</sup>, «Քրդերը, որոնք ծագումով թուրք են» և այլն<sup>25</sup>: Ուրիշները քաջ զիտենալով, որ քրդերի ծագման վերաբերյալ այդ «տեսակետը» համոզիչ չէ, փորձում են գտնել քրդերի թրքությունը ապացուցելու այլ եղանակներ, ըստ որի քրդերը իբր մեծ մասամբ լեզվափոխ, քրդացած թուրքեր են և քրդերի թրքացումը տեղի է ունեցել մոտ անցյալում: Իսմայիլ Հյուսրեք 1934 թ. անդրադառնալով այդ հարցին, գրում էր. «...ներկայումս ևս այս երևույթը շարունակվում է ամենայն թափով»<sup>26</sup>: Թուրքերի քրդացման մասին իր տեսակետը հիմնավորելու համար նա վկայակոչում է Յուսուֆ Մազհարի 1925 թ. «Ջումհուրիյեթ» թերթում հրատարակած «Ապստամբության շրջանում 1800 կմ» խորագրով հոդվածը և Ալի Քեմալիի 1932-ին հրատարակած «Էրզինջան» վերնագրով գիրքը, որտեղ ասվում է. «Նկատի ունենալով, որ այս երևույթը շարունակվում է վարակիչ կերպով, արժի մտածել այդ վայրերում բնակվող թրքության ապագայի մասին»<sup>27</sup>: Նման պնդումները նպատակ ունեն արդարացնելու կառավարող շրջանների՝ քրդերին ձուլելու, բռնազաղթի ենթարկելու, բնաջնջելու ճանապարհով քրդական հարցը լուծելու քաղաքականությունը: Ինչպես տեսանք՝ թուրքական պաշտոնական վիճակագրական տվյալները չեն հաստատում թուրքերի «ամենայն թափով», «վարակիչ կերպով» քրդանալու վերաբերյալ պնդումները, իսկ 1935 թվականից սկսած

<sup>22</sup> Kirzioğlu M. Fahrettin, Her bakımından Türk olan kürtler, I. Bölüm. Ankara, 1964; Abdülhadî Toplu, *Նշված հոդվածաշարը*, «Yeni İstanbul», 4. III 1967; «Türkiye Ansiklopedisi». C. III, s. 513.

<sup>23</sup> Nureddin Pakyürek, Doğu mitingi, «Yeni İstanbul», 5. X. 1967.

<sup>24</sup> Kıverlioğlu, Komünizm ve kürtçülük faaliyeti, «Yeni İstanbul», 20-VIII. 1967.

<sup>25</sup> Tahsin Ünal, Türk siyasi tarihi, ikinci baskı, Ankara, 1958, s. 267.

<sup>26</sup> İsmail Hüseyin, Türkiye köy iktisadiyatı, Ankara, 1934, s. 182—184.

<sup>27</sup> *Նույն տեղում*, էջ 183:

քրդալեզու բնակչության հարաբերական, երբեմն նույնիսկ բացարձակ նվազումը, խոսում է այն մասին, որ ճիշտ հակառակն է ճշմարտությունը:

Նման պնդման մենք հանդիպում ենք ոչ միայն սոցոլոգիական, քաղաքական, պատմական բնույթի հոդվածներում, այլ անգամ թուրքական լեզվաբանների միության կողմից հրատարակված Մեմեդ Ալի Աղալայի բառարանում<sup>28</sup>, որտեղ «բուրդ» բառի դիմաց տրվում է հետևյալ բացատրությունը. «Քուրդ.— անունը մի հավաքականության և անձ՝ որ պատկանում է այդ հավաքականության, որը բնակվում է Քուրքիայում, Իրաքում և Իրանում, և մեծ մասամբ բաղկացած է լեզվափոխ թուրքերից, և որը խոսում է աղճատված պարսկերենով»: Համեմայնդեպս ոչինչ չի ասվում այն մասին, թե ովքեր են մնացած «փոքր մասը»:

Փորձեր են եղել նաև նենդափոխված ձևով ներկայացնելու քրդերեն լեզուն, որպեսզի «ցույց տան», որ նա չի կրում էթնիկական բնույթ, որպեսզի վերացնեն նաև այն «միակ տարբերությունը», որ կա թուրքերի և քրդերի միջև:

Քուրքական հանրագիտարանում կա համանման պնդում, որ իբր քրդերը չունեն կազմավորված լեզու: Քրդերենը հանդիսանում է զանազան լեզուների խառնուրդ: Այն բաղկացած է 8728 բառից<sup>29</sup>, Հանրագիտարանում կա նաև աղյուսակ, ուր տրված են այն լեզուները, որոնցից, իբր, փոխառություն է կատարվել և յուրաքանչյուրից՝ փոխառության քանակը: Աղյուսակի համաձայն միայն 300 բառ բուն քրդերեն է, և փոխառությունները մեծ մասամբ կատարված են թուրքերենից:

Աղյուսակը կազմել է արևելագետ Ֆրիշը, որպես գաղափարախոսական օժանդակություն երիտթուրքերի պանթուրքիստական քաղաքականության: Աղյուսակը առաջին անգամ լույս է ընծայվել թուրքերեն լեզվով՝ Քուրքիայի գաղթականների զխավոր վարչության կողմից 1915 թ.: Հետագայում հանրապետական Քուրքիայում ևս նույն նպատակով քանիցս օգտագործել են այդ աղյուսակը: Աղյուսակի և նրա մեկնարանների պնդմամբ, քրդերենում կա 3080 թուրքերեն բառ: Ինչ վերաբերում է 2000 արաբերեն և 1030 պարսկերեն բառերին, դրանք արդեն գոյություն ունեն թուր-

<sup>28</sup> „Türkçe Sözlük“, Hazırlayan. Mehmet Ali Ağakay, Dördüncü baskı, Ankara, 1966.

<sup>29</sup> „Türkiye Ansiklopedisi“, c. III, s. 513.

քերհեճում, թուրքական լեզվի կողմից յուրացված, թուրքացած բառեր են, և քրդերենի համար դրանց փոխառութիւնն աղբյուրը եղև է թուրքերենը, թուրքերեն են նաև բուն քրդերեն համարված բառերից 170-ը:

Այսպիսով, քրդերենում թուրքերեն բառերի թիվը հասնում է 6217-ի: Ուրեմն քրդերեն բառերի 74 տոկոսը թուրքերեն են և հիմնականում տարբերութիւններ չկան թուրքերենի և քրդերենի միջև: Գոյութիւն ունեցող ոչ հիմնական տարբերութիւնները կարելի է բացատրել միջավայրի տարբերութիւններով: «Այս բոլորը վկայում են այն մասին, որ քրդերը թուրք են» եզրակացնում են նրանք:

Քուրդ քաղաքական գործիչ և արևելագետ Ջելադեթ Ալի Բեդրիսանը 1933 թ. հրատարակած «նամակ Թուրքիայի հանրապետութիւնն նախագահ հորին վսեմութիւնն Ղադի Մուստաֆա փաշային» վերնագրով (95 էջ) գրքույկի<sup>30</sup> ավելի քան 35 էջում խոսում է լեզվի մասին, որի մեջ նա ցույց է տալիս, թե ինչպես թուրք հեղինակները նենգափոխում են քրդերի և նրանց լեզվի պատմութիւնն հարցերը:

Մենք այստեղ տալիս ենք միայն Բեդրիսանի հետևութիւններից մի քանիսը, որոնք վերաբերում են վերոհիշյալ ազլուսակին.

1. Ձի կարելի խոսել քրդերեն լեզվում բառերի բացարձակ քանակութիւնն մասին, քանի դեռ գոյութիւն չունի քրդերեն բոլոր բառերը բովանդակող ընդհանրական մի բառարան:

2. Արաբերեն բառերի փոխառութիւնները կատարված են ոչ թե թուրքերենից, այլ ուղղակի արաբերենից: Այդ մասին է վկայում այն, որ քրդերենում գոյութիւն ունեցող արաբական բառերը չեն կրում թուրքերենի հնչյունաբանական հետքերը և, որ գլխավորն է, քրդերենը արաբերենից նոր բառեր կազմելիս վերադառնում է արաբերենի երեքտառանի արմատներին և այն յուրացնում հատուկ օրինաչափութիւններով:

3. Պարսկերեն փոխառութիւնների համար առավել ևս չի կարող միջնորդի դեր խաղացած լինել թուրքերենը, քանի որ պարսկերենը և քրդերենը հնդեվրոպական ընտանիքի միևնույն ենթաճյուղին են պատկանում: Այստեղ ընդհանրութիւնները հիմնական

<sup>30</sup> Օգտագործել ենք ՀՍՍՀ ԳԱ արևելագիտութիւնն ինստիտուտում պահվող հայերեն թարգմանութիւնը:

նում արտահայտվում են նրանց ծագումնաբանական ընդհանրություններ և չի կարելի դրանք դիտել որպես փոխառություններ՝ անցած մեկ լեզվից մյուսին: Իհարկե փոխառություններ ևս կարող են լինել այդ լեզուների միջև, այնուամենայնիվ, այստեղ շատ ավելի լուրջ ուսումնասիրություններ են պետք որոշելու համար, թե դրանք իսկապես փոխառություններ են թե՞ ծագումնաբանական ընդհանրություններ, և որն է տվյալ դեպքում փոխառու լեզուն:

4. Թուրքերենի և քրդերենի հնչյունաբանական, ձևաբանական, շարահյուսական օրինաչափությունների համեմատությունը ցույց է տալիս, որ թուրքերենի և քրդերենի միջև ավելի շատ տարբերություններ կան, քան նմանություններ, իհարկե, չհաշված այնպիսի օրինաչափություններ, որոնք ընդհանուր են ամեն մի առանձինի կամ մի շարք առանձինների համար:

Թուրքական բուժուական գաղափարախոսներին առայժմ այնքան էլ չի անհանգստացնում այն, որ աշխարհում բազմաթիվ գիտնականներ ուսումնասիրել և ուսումնասիրում են քրդերենը որպես ինքնուրույն լեզու, որ Ջելադեթ Բեդրխանը բացահայտել է նրանց «գիտական» կեղծարարությունը: Նրանց համար կարևորն այն է, որ երկրի ներսում, օրենքի ուժով, չեն արտոնում գիտական, այն էլ լեզվաբանական ճշմարտությունների բացահայտումը և նորից ու նորից կրկնում են նույն պնդումները:

Նույն տեսակետն է պնդում նաև Աբգուհհադի Թոփուզն: Նա հանդում է այն եզրակացության, որ թուրք-քուրդ առանձին ժողովուրդներ չկան, որ այդ նույն թուրք ժողովուրդն է, որի արևելքում բնակվող հատվածը արևմտյան հատվածի համեմատությամբ, աշխարհագրական դիրքի տարբերության հետևանքով, գուցե մի քիչ ավելի փոխառություններ է կատարել հարևան ժողովուրդների լեզուներից: Նա գրում է. «Հաճախ են խոսում մեր այս եղբայրների, անխառն թուրքերի, լեզվական տարբերության մասին: Որն է աքջ լեզվական տարբերությունը: Քրդերենը վերլուծելիս նկատվում է, որ այն արաբերենի, պարսկերենի, թուրքերենի, հայերենի խառնուրդ է: Այդ խառնուրդի մեջ հարավ արևելյան Անատոլիայում ավելի շատ են արաբերեն, արևելյան Անատոլիայում՝ պարսկերեն բառերը: ...Արևելյան Անատոլիան երեք տարբեր ազգերի հանգուցակետն է: Այս հանգուցակետում բնակվող մարդիկ թե խաղաղություն, թե սպառնալից ժամանակ սերտ կապ են ունեցել այդ շրջանների հետ: Առևտրի համար գնացել են ու եկել Արարիա և Իրան: Սովորել են այդ երկրների լեզուները: Բացի դրանից հայտ-

նի է, որ թուրք սելջուկների պետությունը ճիշտ հարյուր տարի որպես պաշտոնական լեզու ընդունեց և օգտագործեց արաբերենը: Դրանից հետո 400 տարի պարսկերենը հանդիսացել է թուրքերի, մասնավորապես օսմանյան թուրքերի գրական լեզուն»<sup>31</sup>:

Նման «թեորիայի» խիստ անհեթեթությունը ակնհեր է, հակառակ դեպքում ինչով բացատրել, որ թուրք լեզվաբանները թուրքերեն լեզվի բարբառներն ու ենթաբարբառները դասակարգելիս «մոռանում են» քրդերենը մտցնել այդ դասակարգման մեջ:

Այդ մասին է վկայում այն, որ Մեհմեդ Ալի Աղաղայը, որը քսանմեկ տարի վարել է թուրք լեզվաբանների միությունից բառարանագրության հանձնախմբի նախագահությունը, քաջ գիտենալով քրդերենի վերաբերյալ այդ թեորիայի անհեթեթությունը, քրդերենի, որպես ինքնուրույն լեզվի գոյությունը հերքում է այլ կերպ. նկատի առնելով, որ քրդերենը շատ ու շատ ընդհանրություններ ունի պարսկերենի հետ, քան թուրքերենի, և այդ ընդհանրությունները գրչի մեկ հարվածով նենգափոխելով նա քրդերենը համարում է աղճատված պարսկերեն: Իհարկե, չհրաժարվելով քրդերին թուրք համարելուց: Նրա կարծիքով, ինչպես վերևում տեսանք, քրդերը լեզվափոխ թուրքեր են, որոնք խոսում են աղճատված պարսկերենով:

Այսպիսով, Աղաղայը հակասում է մյուս տեսակետներին: Իսկ Օսման Յուկսել Սերդենգեզին, որը նույնպես քրդերին համարում է թուրք, հայտնում է, որ լեզուն ազգերի միակ տարրերիչ հատկանիշը չէ<sup>32</sup>:

Թուրքական նացիոնալիստները նույնիսկ շեն վիճում իրար հետ այս հակասությունների համար: Նրանք իրենց հակասություններով հանդերձ ձգտում են նույն նպատակին. «ապացուցելու», որ Թուրքիայում միայն թուրքեր կան: Այսպիսով առավել բազմազան են դառնում գաղափարախոսական ներգործման եղանակները:

\* \* \*

Ազգային և սոցիալական ճնշումը պատճառ դարձավ մի շարք քրդական ապստամբությունների: Թուրքական մամուլում իր

<sup>31</sup> Աբդուլհալի Քուփուզ, *Նշվ. հոգվածաշարը*, „Yeni İstanbul“, 4. III: 1967.

<sup>32</sup> Osman Yüksel Serdengeçti, Doğru-Bati, „Yeni İstanbul“, 20. VIII. 1967.

պատմական նշանակութիւնն պատճառով, ավելի շատ խոսովում է 1925 թ. ապստամբութեան մասին: Ինչպես միշտ, այս անգամ ևս, թուրքական մամուլը գերազնահատելով ղեկավարներին ու արտաքին ազդեցութեան դերը և լուսթիւնն մատնելով շարժման օրջեկտիվ պատճառները, ցանկանում է ստեղծել այն պատրանքը, որ իբր ոչ թուրք ժողովուրդները երբեք չեն դժգոհել թուրքական լծից: «Անզլիացիներն են զրգոել, կամ շեյխերն ու աղաներն են զրգոռել»<sup>33</sup>, «հայ կոմիդաչիներն են զրգոռել»<sup>34</sup> և այդքան: Եթե նույնիսկ խոսում են շարժման բուն պատճառների մասին, ապա դրանց տալիս են երկրորդական նշանակութիւն, դրանք համարելով ոչ թե պատճառ, այլ առիթ: Օրինակ՝ Ա. Հալլուկ Յուլմանը խոսելով «վերջերս ժողովրդական խավերի մեջ լայն տարածում գրտնող բրդական նացիոնալիզմի» մասին, գրում է. «Եթե աղքատ ժողովուրդը լսում է այդ գրգռութիւնները, դրա պատճառը այն է, որ նրանք ձանձրացիլ են այն մթնոլորտից, որի մեջ գտնվում են, նրանք ձանձրացել են իրենց կյանքից: Եթե նրանք դո՛հ լինեին իրենց սոցիալական և տնտեսական կյանքից, եթե իրենց համար շահավետ գտնեին թուրքական սահմաններում գտնվելը, մի՞թե կընկնեին այն մի բուռ մարդկանց՝ իրենց շահագործողների (աղաների, շեյխերի—Հ. Գ.) հետեից»<sup>35</sup>:

Հետաքրքիր է նաև այն, որ պրեմիեր-մինիստր Ֆեթհի բելը բրդական ապստամբութիւնը իր ժամանակի թուրքական մամուլում ներկայացրել է որպես բանդիտական շարժում<sup>36</sup>: Իսկ Մուստաֆա Բեմալը օգտագործելով այն փաստը, որ ապստամբութեան ղեկավարները բրդական զանգվածներին իրենց հետեից տանելու համար օգտագործում էին կրոնը, ձգտում է երևույթը որակել որպես հակահեղափոխութիւն, երկրում ընդհանրապես գազազած սեպտիկալի մի օղակը<sup>37</sup>: Երկու դեպքում էլ ոչ մի խոսք չկա քրդական ազգային շարժման մասին:

<sup>33</sup> Իսմայիլ Հյուսրի, նշվ. աշխ., էջ 180—182, Կիկեր Սյուրեյյա Այնեմիր, նշվ. հոդվածը: Ա. Հալլուկ Եուլման, նշվ. հոդվածաշարը, «Forum», 15. X. 1967, s. 13 1925; Kürt isyanı ve şeyh Sait, «Akis», 27. XI. 1967, s. 26.

<sup>34</sup> Erdog̃an Arıpinar. Ermeni meselesi ve perde gerisi, «Yeni İstanbul» 16. VII, 1968.

<sup>35</sup> Ա. Հալլուկ Եուլման, նշվ. հոդվածաշարը, «Forum», 1. 11. 1967, s. 14.

<sup>36</sup> 1925 Kürt isyanı ve şeyh Sait, «Akis», 6. XI. 1967, s. 26. հոդվածաշար՝ հետազայում հրատարակված գրքի ձեռն. Meilin Tokar, şeyh Sait ve isyanı Ankara, 1968).

<sup>37</sup> Եւլիս տեղում, էջ 26:

Թուրքական կառավարող շրջանները դրանով լսրբագործում էին ապստամբների և խաղաղ բնակչության դեմ գործադրված բռնությունները, քանի որ արդեն կանխավ նրանք հայտարարված էին «բանդիտներ», «ոսեակցիոն հակահեղափոխականներ», և կառավարական օրգանները առիթը օգտագործեցին արտակարգ միջոցների դիմելու համար. նրանք դատաստան տեսան ոչ միայն ապստամբության ղեկավարների, այլև բոլոր ընդդիմադիր տարրերի և կազմակերպությունների հետ:

\* \* \*

Քրդական ապստամբությունները անխնա ճնշվեցին, բայց ապստամբության օբյեկտիվ պատճառները շարունակում էին գոյատևել:

Նման պայմաններում, հասկանալի է, թուրքական կառավարող շրջանների և նրանց զաղափարախոսների համար խիստ անցանկալի էր քրդական ազատագրական շարժման ծավալումը Իրաքում: Նրանք դրա մեջ տեսան Թուրքիայի համար օրինակ ծառայելու վտանգը:

Իրաքի քրդերի ազատագրական շարժումը թուրքական կառավարող շրջաններին և բուրժուական մտավորականությանը մտահոգություն էր պատճառում ոչ միայն Թուրքիայի քրդերի համար օրինակ լինելու տեսակետից: Նրանք գտնում էին, որ ավտոնոմիայի համար Իրաքի քրդերի մղած պայքարը միայն մի էտապ է և հաջողությամբ պսակվելու դեպքում չի սահմանափակվելու հյուսիսային Իրաքով, շոշափելու է նաև «Թուրքիայի շահերը»:

Հարցին սլոպիսի մտահոգությամբ են մոտենում նույնիսկ թուրքական որոշ «սոցիալիստներ»: Օրինակ՝ Իլհան Մելլուկը, որը ըստ երևույթին մտովի զուգահեռ է անցկացնում պանթուրքիզմի և իրենից անկախ պատճառներով այլ պետությունների քաղաքական սահմաններով մասնատված քուրդ ժողովրդի միավորման բաղձանքի միջև, իր այդ մտահոգությունը արտահայտում է հարցականի տակ ղենելով Բարդանու նպատակը: «Դրանցից (արտասահմանյան քրդական շարժումներից—Ն. Գ.) ամենակարևորն է պանթուրքիզմի, այսինքն՝ քրդալեզուներին մեկ պետության մեջ կենտրոնացնելու հոսանքը: Բարդանին ընկնում է արդյոք նման մի ցանկություն ետևից, թե աշխատում է միայն Իրաքի քրդերի անկախության համար»<sup>35</sup>:

<sup>35</sup> İlhan Selçuk, Kürt meselesi, „Cumhuriyet“, 25. IV. 1966.

Այս մտահոգությունը արտահայտվում է նաև բացահայտ կերպով: Չինվորական մի հրամանատար հայտնում է «Աքթիս» ժուռնալին. «Սրբ Բարդանին ընդունել տա Քրդստանի պետության կորիզը, գործունեության է անցնում որպեսզի նրան կցի նաև Քուրքիայի և Իրանի մի շարք շրջանները»<sup>39</sup>:

Իսկ Կայհան Սաղլամերը, արժարժեցիկ այդ հարցը, որպես տիրապետող դասակարգի գաղափարախոս, ազգերի ինքնորոշման իրավունքի մասին բանավեճի է մտնում իր ձեռքում ունեցած մուրհակներով, պայմանագրերով և ահա թե ինչ է ասում. «Հինգ միլիոն բրդերի, որոնց ավելի քան մեկ միլիոնը Իրաքում է բնակվում, բուն ցանկությունն է անկախությունը, որին երբեք չեն տիրացել պատմության ընթացքում: Քրդստանի հանրապետություն, որը սնվելու է Մուսուլի նավթով: Ավտոնոմիան, անկախության հանգրվաններից մեկն է: Նրանց միակ իրավական հենակետը Սևրի պայմանագիրն է, որ ինքնորոշման իրավունք էր շնորհում քրդերին: Բայց 1923 թ., լոզանի պայմանագրով պատուվեց այդքան կարճատև կյանք ունեցող Սևրի պայմանագիրը, և այն հողերը, որոնց մասին երազում էին քրդերը, մնացին Քուրքիայի, Իրանի և Իրաքի սահմանների միջև: Որևէ զիջում էլ ավելի է պահանջկոտ դարձնելու քրդերին, և նրանց քաշալերելու է իրենց պայքարի մեջ, որի նպատակն է անկախությունը»<sup>40</sup>:

\* \* \*

Քուրքական կառավարող շրջաններին և բուրժուական մտավորականությանը քիչ չի զայրացնում այն, որ արտասահմանյան մի շարք քրդական կամ ոչ-քրդական կազմակերպություններ, թերթեր, ամսագրեր, գրողներ հաճախ անդրադառնում են Քուրքիայի քրդերի իրավազուրկ վիճակին<sup>41</sup>:

«Քրդական վտանգի» պատրվակը օգտագործվեց որպեսզի խիստ վերահսկողություն սահմանվի քրդաբնակ վիլայեթներին

<sup>39</sup> Kürtçülük, „Aktis“, 6. X. 1967, s. 15.

<sup>40</sup> Kayhan Sağlam, Abdürrahman Arif ve Kürtler, „Cumhuriyet“, 23. IV. 1966; Kayhan Sağlam, Kürtler, petrol ve biz, „Yeni İstanbul“, 15—5. 1969.

<sup>41</sup> Iran şahına Yıldırım muhtıra gönderildi, „Yeni İstanbul“, 30. VIII. 1968; Iran basını Türkiye aleyhinde sistemli kampanyaya girişti, „Cumhuriyet“, 3. XI. 1968; Kürt talebe federasyonu Berlinde toplandı, „Cumhuriyet“, 26. VIII. 1968; Kurtul Altug, Tehlikeli arzular, „Yeni İstanbul“, 3. IX. 1968; Görülmemiş rezalet, „Yeni İstanbul“, 3. IX. 1968.

վրա: Թուրքական մամուլի հաղորդումների համաձայն իրադրու-  
թյունը երկրի ներսում միսթարական շէր և քրդական ազգայնա-  
կանների ընդհատակյա գործունեությունը արդեն փաստ էր հա-  
մարվում:

Թուրքական թերթերը հաճախ հաղորդում էին քուրդ նացիո-  
նալիստների հայտնաբերման և ձերբակալման մասին<sup>42</sup>: Ուշագրավ  
է, որ այդ կարգի հակաքրդական միջոցառումները մեծ մասամբ  
արդարացվում էին Իրաքի քրդական շարժման հետ կապ ունենալու  
հանգամանքով:

Հաղորդում էին, օրինակ, մաքսանենգների, բանդիտների և  
այլոց՝ Բարզանու հետ կապ ունենալու, նրան զենք մատակարար-  
ելու, այլ օժանդակութուններ կատարելու, կամավոր կամ բռնու-  
թյամբ Բարզանու համար փող հավաքելու<sup>43</sup>, Բարզանու զինվորնե-  
րի կողմից թուրքական սահմանը խախտելու, թուրքական ժանդար-  
մերիայի հետ ղինված բախումներ ունենալու մասին<sup>44</sup>:

Իհարկե, պետք է խիստ վերապահությամբ ընդունել թուրքա-  
կան մամուլի այս հաղորդումները: Վերապահությունը թելադրվում  
է հենց թուրքական մամուլի նյութերից: Այդ մասին երկար շքանա-  
վիճելու համար նշենք կասկած հարուցող մի քանի փաստերի մա-  
սին:

«Ակշամ» թերթի աշխատակից Հուլուսի Թուրկութը այցելել էր  
Բարզանուն: Հարցը միայն այն չէր, որ Բարզանին հերքեց իր ան-  
վան հետ առընչվող վերը նշված դեպքերը, այլ նաև այն, որ հոդ-

42 Şerephanoglu senatörlükten çıkarıldı, „Akşam“, 23. VII. 1967; Diyar-  
bakırda gerici ve kürtcü 15 kişi ile birçok kitap ele geçti, „Ulus“, 26. I.  
1968; Kürtcülükten sanık 6 kişi tutuklandı, „Ulus“, 26. I. 1968; Kürt dev-  
letinin 3 üyesi daha ele geçti, „Yeni İstanbul“, 1. II. 1968; Aranan kürtcü-  
lük sanıklarından biri daha yakalandı, „Cumhuriyet“, 13. II. 1968; YTP’li  
Karahanın dokunulmazlığı kaldırıldı, „Cumhuriyet“, 22. X. 1968.

43 Barzani adına vergi toplanması olayına hükümet el koydu, „Cumhu-  
riyet“, 14. IV. 1967; Diyarbakırda yakalanan 14 sanık Barzaniye yardım mı  
ediyordu?, „Ulus“, 27. I. 1968; Kaçak silâh ve mermilerin Barzaniye gö-  
türüldüğü tespit edildi, „Cumhuriyet“, 22. X. 1968; Barzaniye vergi toplay-  
an 4 AP’li tevkif edildi, „Cumhuriyet“, 22. III. 1968; Barzaniye silâh kaçırma  
şebekesi ele geçti, „Akşam“, 20. I. 1969; Barzaniye para temin eden 4 kişi-  
tutuklandı, „Vatan“, 5. II. 1969; Mecliste Barzaniye silâh kaçırıldığı ileri  
sürüldü, „Cumhuriyet“, 21. XI. 1968.

44 Bu ne biçim, iş ? „Akşam“, 15. VIII. 1967; Barzani askeri Türkiye-  
de cirit atıyor, „Akşam“, 26. VIII. 1967; Barzani erleri ile çatışan jandarma-  
mız iki şehit verdi, „Yeni İstanbul“, 22. IX. 1968.

վածագիրը հասարակական կարծիքին ներկայացնելով Բարդանու  
բացատրությունները, գոհունակություն էր հայտնում դրա առթիվ<sup>45</sup>։  
Սակայն այդ շխանգարեց նույն «Ակշամ» թերթին, որպեսզի հող-  
վածաշարի հրատարակության ընթացքում լույս աշխարհ հաներ նոր  
մի հաղորդագրություն, որով տեղեկացվում էր, որ իբր մաքսա-  
նենգները զենք են մատակարարում Բարդանուն<sup>46</sup>։

Մեղ վերապահություն մղող պատճառներից մեկն էլ այն է, որ  
ձերբակալությունները կատարվում են հաճախ շհիմնավորված  
փաստերով։ Այդ մասին է վկայում այն, որ 1959 թ. հայտնաբերված  
«ընդհատակյա հսկա ցանցի» անդամները, թեև մինչև դատավա-  
րության սկսվելը ամիսներով շարշարվեցին բանտերում, միանգա-  
մից ազատ արձակվեցին գլխավոր շտաբի զինվորական դատարանի  
կողմից<sup>47</sup>։ Այնուհանդերձ, թուրքական բուրժուական մամուլը այդ  
բոլորը արձանագրելով որպես փաստ, հիմնավորում է իր մտահո-  
գություններն ու դրանից բխող հակազդեցության անհրաժեշտու-  
թյունը։

Այ մամուլը այս բոլորը օգտագործելով որպես առիթ, նպատակ  
ունի ահաբեկել քրդերին, ծավալել նացիոնալիստական, հակակո-  
մունիստական կամպանիա, հայտարարելով, որ «կոմունիստները  
զրգոում են քրդերին, ուզում են մեր երկիրը բաժան-բաժան ա-  
նել»<sup>48</sup>։

Թուրքական աչ մամուլը և պանթուրքիստները նույնիսկ առա-  
ջարկեցին կոնկրետ բռնի միջոցառումներ (զնշուններին ձուլել քրդերի  
հետ)<sup>49</sup>, «Միջին Ասիայից թուրքալեզու զինված ժողովուրդներ բերել  
և բնակեցնել քրդերի մեջ» և այլն<sup>50</sup>։

<sup>45</sup> *Hulusi Turgut*, Kürdistan dosyası, „Akşam“, 16. IX, 1968, 17. IX  
1968, 12. X. 1968, 20. X. 1968.

<sup>46</sup> Barzanlıye giden silâhlara el kondu, „Akşam“ 14. X 1968.

<sup>47</sup> *Ziya Seltika Cevap*, „Yöne“, 13. XI. 1964.

<sup>48</sup> *Nurettin Pakyürek*, Komünistler, çıkarıcılar ve biz, „Yeni İstanbul“,  
28. VI. 1967; կիվերլիօղու. *Նշված հոդվածը*: Օսման Բուկսել Սերդենգեթի,  
*Նշված հոդվածը*: Doguda komünist ve kürtcü işbirliği, „Yeni İstanbul“, 3.  
IX. 1967; Sol doguyu tahrir ediyor, „Yeni İstanbul“ 2. IX. 1967; *Nejdet  
Sancar*, Dogu Anadolu meselesi ml. Kürdistan devletli meselesi mi?, „Yeni  
İstanbul“, 15. IX. 1967; Nihal Atsızın duruşmasında yüzlerce genç tezahür-  
rat yaptı, „Yeni İstanbul“, 21. IX. 1967; *Osman Yüksel, Serdengeçti*, Dogu  
mitingleri, „Yeni İstanbul“, 30. X. 1967; *Nejdet Sancar*, Kürtcülügü sayu-  
nan AP şenatorü, „Yeni İstanbul“, 3. XII, 1967; 40 Milliyetçi teşekkül bil-  
diri yayınladı, „Yeni İstanbul“, 30. X. 1967.

<sup>49</sup> *Sü. Çetin Altan*, Dogu illerimizdeki üzüntü, „Akşam“, 12 IV. 1967.

<sup>50</sup> *Sü. İsmail Hakkı*, *Şeyh İsmail, Şeyh İsmail*, 247, տե՛ս նաև „Milli Yol“, 20.  
IV. 1967.

Քուրք հայտնի ուսիստ-պանթուրքիստ նիհալ Ատսըզը այնտեղ հասավ, որ հայերի նկատմամբ կիրառված գնեոցիդով էր սպառնում Քուրքիայի քրդերին<sup>51</sup>։ «Մենևա թուրք ազգի գլխին փորձանքներ շփաթաթած, իրենք ևս անհետ շկորած, թող հեռանան գնան։ Հարցնելու եք թե ո՞ւր։ Թող գնան ուր որ կուզեն։ Թող գնան Իրան, Պակիստան, Հնդկաստան կամ Բարդանու մոտ։ Այն մտին, թե թուրք ցեղը որքան համբերող է, բայց զայրանալու դեպքում, թե ինչպես չի կարելի կանգնել նրա առաջ ինչպես առյուծի, թող հարցնեն իրենց ցեղակից հայերին, իմանան ու զգաստանան»։

Նիհալ Ատսըզի նման հայտարարությունը տեղի տվեց քննադատության նույնիսկ թուրքական բուրժուական մամուլում։ Սակայն թուրքական մի քանի թերթերի կողմից հիշյալ մարդատյաց հայտարարության քննադատությունը ամենևին կապ չունի որչ քրդերին պաշտպանության տակ առնելու և ոչ էլ հայկական զանգվածային կոտորածների քաղաքականությունը դատապարտելու հետ։ Ատսըզը քննադատվեց առավելապես իր «բերանբացություն» համար, ըստ որի Քուրքիայում ազգային փոքրամասնությունների նկատմամբ գործադրված դաժան քաղաքականությունը նախկինում պատահական երևույթ չի եղել և ժառանգվել է Քուրքիայի նոր կառավարողների կողմից։

Հասկանալի է, որ բուրժուազիայի որոշ ներկայացուցիչներ էլ անպատշաճ են համարում նման ծայրահեղ հակամարդկային ելույթները և, ելնելով «Քուրքիայի շահերից», ձգտում են առանց հարաբերությունները սրելու պահպանել իրավիճակը։

Քուրքիայում քրդերի և քրդական հարցի մասին որոշ հետաքրքիր նյութեր կապված են ընդդիմադիր կուսակցությունների՝ միմյանց դեմ քաղաքական կամպանիա մղելու հետ։ Նման դեպքերում մենք ակնհասես ենք լինում կուսակցությունների փոխադարձ մեղադրանքների միմյանց դեմ մի շարք հարցերում, երբեմն նաև ազգային փոքրամասնությունների նկատմամբ վարած քաղաքականության հարցում։

Դիարբեքիի նախկին դեպուտատ Ադնան Արալը<sup>52</sup>, օրինակ,

<sup>51</sup> Տե՛ս Չերին Ալթան, Նշվ. հոդվածը, *Ilhami Soysal*, 15 mi bu?, „Akşam“, 12. VI. 1967; Խամայիլ Բեշիկզի, Նշվ. աշխ., էջ 246, տե՛ս նաև „Öt ken“, sayı. 28—29.

<sup>52</sup> Անգամ նոր Քուրքիայի կուսակցության, որը քրդերի թվները ձեռք բերելու համար, ամեն առիթ օգտագործում է հավաստիացնելու, որ ինքը պաշտպանում է արևելյան Անատոլիայի բնակչության սոցիալ-տնտեսական շահերը, բայց գործնականում պաշտպանում է մեծ կալվածատերերի շահերը։

խստիվ բննադատեց Արդարութեան կուսակցութեան կառավարութեանը, որ «իր Ֆաշիստ գրչակներին մղում է սպառնալ հայերի նման կոտորել արեւելցիներին, իսկ ինքը, նրանց սովի մատնելով ցտնկանում է մաս-մաս սպանել»։ Ապա նա հայտնում է այն միտքը, որ «մարդկութունը արյան գնով բոլոր բռնակալներին ընդունել է տվել մարդու իրավունքները և մեր դարաշրջանում ոչ ոք ոչ ոքի, նույնիսկ հայերին, (ընդգծումը մերն է—Ն. Գ.) չի կարող խեղդել»։

Ադնան Արալն ինքն էլ ըստ երևույթին զգալով, որ այնքան էլ հիմնավորված չէ իր այդ լավատեսությունը, կոչ է անում Արդարութեան կուսակցութեան արեւելցի դեպուտատներին, կուսակցութեանից հրաժարվելու սպառնալիքով կարգի բերել Արդարութեան կուսակցութեանը, ժողովրդին կոչ անում՝ «դեպուտատ չընտրել նրանց, ովքեր շեն պաշտպանում արեւելքի շահերը»<sup>53</sup>։

Իսկ «առաջադիմական» ժողովուրդի Սոյսալը խստիվ դատապարտեց Նիհալ Ատսըզի ելույթը որպես Ֆաշիզմ, որպես նախկինում Միջին Ասիայից մարդ վերաբնակեցնելու մասին առաջարկություն կատարողների (այսինքն՝ պանթուրքիստների—Ն. Գ.) մի նոր խելացնոր քայլ։ Սակայն հենց ինքը այդ բանավեճի ընթացքում արտահայտեց այնպիսի մտքեր, զորս յուրացրել էր այդ Ֆաշիստներից։ Նյութից շեղվելու համար բավարարվենք նրա պանթուրքիստական բնույթի հետևյալ մտքերով. «Ե՛վ ազգային ոճիր է, մանավանդ ներկայումս, երբ աշխարհի իրադրությունը բավականին բարդ է, ասել՝ սա քուրդ է, սա լազ է, այս մեկը չերթեզ, այն մեկը հրեա, մյուսը հայ, հույն, բոշնակ, ալբանացի, բոմակ, արխազ, վրացի, արար, գնչու և մաս-մաս անել Թուրքիայի հանրապետության 32 միլիոնանոց զանգվածին, ուր հանդիսանում է երկրագնդում միակ քուրդական հասարակությունը, որին հաջողվել է անկախ մնալ» (ընդգծումը մերն է—Ն. Գ.)։

Որ թուրքիայի բնակչությունը բազկացած է առանձին ազգություններից և էթնիկական խմբերից՝ դա օբյեկտիվ իրականություն է և ուրանալ յուրաքանչյուրի էթնիկական ինքնուրույնությունը նույնքան մեղադրելի է, որքան ռասիզմը։

Իզուր չէ, որ ծայրահեղ աջ նացիոնալիստները, հակառակ իրենց ռասիստական պոռթկումներին ազգային փոքրամասնությունների նկատմամբ, հիմնականում պաշտպանում են այն թեզը, ըստ որի Թուրքիայում միայն թուրքեր կան։

<sup>53</sup> Adnan Aral, Dogu ve AP iktidarı, «Akşam», 27. VIII. 1967.

<sup>54</sup> Իլհամի Սոյսալ, էջվ. հոդվածը։

Այդ բացահայտ կերպով երևում է նեժդեթ Սանչարի մեկ քննադատությունից, որը ուղղված է եղել Արդարություն կուսակցության սենատորներից մեկին, որը հանդես գալով աչ նացիոնալիստների ռասիստական պոռթկումների դեմ, հայտնել է, որ «նրանք թրքությունը իրենց մոնոպոլիան են համարում», որ «նրանց կարծիքով արևելքում բնակվողները քուրդ, զազա են, հյուսիսիները լազ, վրացի, հարավիները՝ արաբ, արևմուտքիները՝ չերքեզ, ալբանացի, Միջին Անատոլիայում բնակվողները յուրյուկ, թաթար»։ Նեժդեթ Սանչարը աչ նացիոնալիստների անունից միբժեղով այդ մեղադրանքը, հայտնում է, որ «այդպիսի թուրքիստ (աչ նացիոնալիստ—Հ. Գ.) չկա և չի եղել։ Որովհետև այդպիսի պնդում կատարել նշանակում է ընդունել, որ Թուրքիան լեցուն է ոչ թուրքերով»<sup>55</sup>։

Իզուր չէ, որ բոլոր նրանք, ովքեր ցանկանում են քրդերին պահել ազգային իրավունքներից զրկված վիճակում, յուրացնում են այդ թեզը, և հանդիմանում իրենց նացիոնալիստ գրչեղբայրներին, որ չկարողանալով զսպել իրենց պոռթկումը, այդ «հարազատ թուրքերին», կամ «արևելքի բնակիչներին» հիշեցնում են, որ իրենք քրդեր են և այդպիսով խախտում ազգային միասնության սկզբունքը<sup>56</sup>։

Անշուշտ, ճիշտ չէր լինի պնդել, թե թուրքական կառավարող ռեակցիոն շրջանների և նրանց գաղափարախոսների սուր ճոճելու մոլի շովինիստական քաղաքականությունը անվերապահ պաշտպանություն է գտնում թուրքական ողջ մտավորականության կողմից։ Նույն թուրքական մամուլում, երբեմն «ողջախոհ» կոչելու են արվում քրդերի նկատմամբ կիրառվող քաղաքականության առընչությունը։ Անհետաքրքիր չի լինի հիշատակել մի քանի օրինակներ։ Թուրք սոցիոլոգ Իսմայիլ Բեշիկչիին կոչ է անում «վերջ տալ Արևելյան Անատոլիայում քրդերին խոսող քաղաքացիների նկատմամբ գործադրվող ճնշման»<sup>57</sup>։ Ստամբուլում գտնվող «Արևելյան անատոլիացիների ուսանողների և փոխօգնության» միությունները հրապարակեցին մի հայտարարություն, որով մեղադրանք է հարուցվում իշխանությունների դեմ, որոնք պարբերաբար ոտնա-

<sup>55</sup> Նեժդեթ Սանչար, հատ. նշվ. հոդվածը։

<sup>56</sup> Արդուլհադի Թոփուզ, նշվ. հոդվածաշարը, „Yeni Istanbul“, 6. III. 1967; Ա. Հայրուկ Յուլման, նշվ. հոդվածաշարը, „Forum“, 1. XI. 1967, s. 15.

<sup>57</sup> S.E. Իսմայիլ Բեշիկչի, նշվ. աշխատությունը, էջ 254։

հարում են արևելյան վիլայեթների ժողովուրդների լեզվի և մշակույթի իրավունքները», իսկ արևելյան վիլայեթների դեպուտատները «աստիճիլացիայի և զենոցիդի քաղաքականության հանդեպ հանդես են գալիս լոկ որպես ականատեսներ»<sup>58</sup>։ Քուրք ազգայնականներից ոմանք հանդես են գալիս քրդերեն լեզվի և մշակույթի հարցերում որոշ դիջում կատարելու օգտին, որը «օգտակար կլինի Քուրքիային»։ Նրանք մասնավորապես դեմ չեն քրդերեն ռադիոհաղորդումներ կազմակերպելուն, որպեսզի «Քուրքիայի քրդերին ղերծ պահեն օտարերկրյա քրդերեն ռադիոհաղորդումների ունկընդրումից»<sup>59</sup>։ Այս տեղաշարժերը, իհարկե, որքան էլ աննշան լինեն, դրական երևույթ են քրդերի և քրդական հարցը հախուռն կերպով մերժելու դեռևս հարատևող քաղաքականության պայմաններում։

Ժամանակակից Քուրքիայում քրդերի ազգային իրավունքների ոտնահարման քաղաքականությունը կղզիացած երևույթ չէ։ Այն հանդիսանում է երկրում տիրող հակադեմոկրատական իրադրության արտահայտություններից մեկը։ Ուստի քրդերի դեմ կիրառվող հալածանքի և հետապնդումների քաղաքականությունը վերջ կարող է գտնել այն դեպքում, երբ երկրի քաղաքական կյանքում ճանաչում գտնեն իսկական ժողովրդական դեմոկրատիան և ազատությունը։

А. А. ГАЛСТЯН

## ОТРАЖЕНИЕ КУРДСКОГО ВОПРОСА В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЕЦКОЙ ПЕЧАТИ

### Резюме

В статье, на основе материалов современной турецкой печати, вскрывается антидемократическая политика правящих кругов и националистической интеллигенции Турции в отношении курдского вопроса. В частности, показывается, что, считая курдов горными «турками», эти круги стремятся лишить их элементарных национальных прав.

<sup>58</sup> Նույն տեղում, էջ 254, տե՛ս նաև «Akşam», 11. 3. 1969; «Ant», 18. 3. 1969.

<sup>59</sup> *İlhan Selçuk*, Tehlike nerededir? «Cumhuriyet», 26. IV. 1966; *İlhan Selçuk*; Radyo meselesi, «Cumhuriyet», 15. IV. 1967.

Этот антидемократический подход толкает турецкую националистическую интеллигенцию на то, чтобы искусственно занижать численность курдов в Турции, в превратной форме представлять курдский язык как «несамостоятельный язык», «искаженный турецкий язык», «смесь языков», а также извращать историю курдского народа.

В статье показывается, что эта антидемократическая политика постепенно приобретает весьма реакционный характер. Турецкие националисты, особенно представители их правого крыла, пытаются опорочить курдов Турции и даже не останавливаются перед угрозами их уничтожения.

# МОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

М. У. ХАМОЯН

## ЯЗЫК БАХДИНАНСКИХ КУРДОВ ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА

### ВВЕДЕНИЕ

Всестороннее исследование диалектов и говоров курдского языка имеет научное и большое практическое значение. Однако до настоящего времени говоры зарубежных курдов весьма мало разработаны, не говоря о том, что некоторые из них совершенно не изучены. В существующих по тому или иному говору работах западноевропейских и зарубежных курдских авторов основное внимание уделено морфологии, хотя и их морфологические особенности полностью не освещены, весьма слабо представлена их фонетическая система, а лексические особенности говоров, как правило, не рассмотрены исследователями.

Настоящая работа<sup>1</sup> является первой попыткой исследовать один из крупных диалектов курдского языка—бахдинани (группа южных говоров северного наречия курдского языка), на котором говорят курды-бахдинане, живущие на севере Ирака. Описание бахдинани дается в плане сравнения его с литературным языком курдов СССР и говорами курдов Туркмении и Сирии, а также с говорами южного наречия курдского языка—сорани.

Исследование основано на языковом материале, опубликованном на бахдинани в журнале «Ronahî»<sup>2</sup> («Свет») и на текстах, записанных автором в 1959, 1960, 1961, 1962 и 1963 гг.

---

<sup>1</sup> Редколлегия с благодарностью отмечает, что языковедческое редактирование этой работы принадлежит лингвисту-курдологу, доктору филологических наук Черкесу Худоевичу Бакаеву.

<sup>2</sup> Ronahî, Koveraka edebî, zanıyarî û komeltyê, Bexda, 1960—1961, 1—8.

со слов курдов-бахдиан, приехавших учиться в Советский Союз (Баку, Москва, Ленинград) из двух центральных районов курдов-бахдиан—Бамарни и Атриш:

- 1) Амджад Саадин, из села Бамарни, год рождения 1930;
- 2) Али Абдулла Бамарни, из села Бамарни, год рождения 1932;
- 3) Мухамед Салых, из села Бамарни, год рождения 1928;
- 4) Зухер Тофик, из села Бамарни, год рождения 1938;
- 5) Махмед Тахир, из села Бамарни, год рождения 1928;
- 6) Салым Балата, из села Балата, год рождения 1935;
- 7) Салам Атриш, из села Атриш, год рождения 1930;
- 8) Наджи Брифкани, из села Брифка, год рождения 1934;
- 9) Рашид Туви, из села Бамарни, год рождения 1935.

Курды-бахдиане занимают примерно всю центральную часть территории нынешнего Курдистана, разделенную иракотурецкой границей. Некоторая часть курдов-бахдиан живет в Турции; там они населяют пограничные районы и отделены от курдов района Хаккари горой Тиари<sup>3</sup>. Но основная масса курдов-бахдиан находится в Ираке, где они занимают весь северо-запад Иракского Курдистана и составляют население городов Дыхок, Амедие, Захо, Акра, Шейхан и окружающих их районов. Бахдиане в административном отношении составляет северную часть области Мосул и делится на пять округов<sup>4</sup>, центрами которых являются вышеназванные города.

По сведениям, приведенным в курдской летописи «Шараф-Наме»<sup>5</sup>, бахдиане в район нынешнего своего поселения пришли из Хаккари в VII—VIII вв.

Районы курдов-бахдиан, богатые природными ресурсами и важные в стратегическом отношении, издавна интересовали востоковедов, путешественников и правительственные круги ряда европейских стран. В связи с этим не оставлен без внимания и язык жителей этих районов. В 1787 г. итальянский миссионер М. Гарцони опубликовал в Риме элементарную курдскую грамматику, которая была составлена им на основе речи курдов города Амедие<sup>6</sup>. Хотя и эта работа называется грамматикой, основное внимание обращено в ней на составление списка курдских слов с итальянскими переводами и наоборот. И лишь поверхностно и односторонне приводятся сведения о нескольких преимущественно морфологических фактах исследуемого диалекта.

<sup>3</sup> *Sadik El Demlojt*. Imaret Badinan, стр. 9.

<sup>4</sup> Ronahi, 1960, I, стр. 37.

<sup>5</sup> См. *F. Charmoy*. Cheref-Nâmeh ou Fastes de la nation kurde, Petersbourg, 1868, I, стр. 305.

<sup>6</sup> *M. Garzoni*, Grammatica e Vocabolario della lingua kurda. Roma, 1787.

Некоторые сведения об образовании глагольных форм в речи курдов Мосула приводятся профессором Казанского университета Е. Березиным. Само название работы Е. Березина «Recherches sur les dialectes persans»<sup>7</sup> свидетельствует о том, что описанные автором курдские диалекты—«Dialecte kurde oriental» и «Dialecte kurde occidental»<sup>8</sup> причисляются к числу «персидских» диалектов. Критика ошибочного взгляда Е. Березина на курдский язык впервые встречается в трудах П. Лерха<sup>9</sup>. «По моему мнению,—писал Лерх,—сообщение об исторических взаимоотношениях иранских диалектов можно сделать тогда, когда изучены не только грамматические особенности, но и фонетические отношения каждого из них в отдельности. Такое изучение Березиным не проведено»<sup>10</sup>. Лерх пишет, что транскрипция курдских слов не вполне ясна и что она не может быть удачной для лингвистических целей.

Прежде всего следует отметить, что фактический материал, по которому Е. Березин составил грамматический очерк «Dialecte kurde occidental», вряд ли вполне характеризует говор бахдинани города Амедие; наличие в работе личного местоимения 3 лица множественного числа *işoun* достаточно ясно показывает, что осведомители Березина, о которых он не упоминает в работе, не были носителями бахдина-ни, ибо как в работе Гарцони, так и в последующих, не имеется такой формы местоимения. Поэтому мнение Березина о том, что его очерк посвящен тому же говору, который был описан его предшественником Гарцони, далеко не обосновано. При характеристике грамматических форм курдского диалекта района Мосула он, исходя из грамматических норм персидского языка, писал: «В склонении этого диалекта (т. е. диалект курдов Мосула.—М. Х.), есть только персидский изафет, так как курдские имена не претерпевают никаких изменений»<sup>11</sup>. Дальше Березин смешивает глагольные формы настоящего-будущего времени с формами прошедшего времени. Под заглавием *preterit*<sup>12</sup> он пишет: *ez heboun, tou hebi* и т. д., но эти формы относятся к настояще-будущему

<sup>7</sup> Е. Beresine, *Recherches sur les Dialectes persans*. Casan, 1853.

<sup>8</sup> Там же, стр. 118—158.

<sup>9</sup> P. Lerch, *Forschungen über die Kurden und die iranischen Nordchaldäer*. St. Petersburg. 1858, II, стр. 29—37.

<sup>10</sup> Там же, стр. 35.

<sup>11</sup> Е. Березин, цит. работа, стр. 142; см. также И. И. Цукерман. Очерки грамматики курдского языка. Труды Института языкознания АН СССР, т. VI, 1956, стр. 16.

<sup>12</sup> См. Е. Березин, цит. работа, стр. 149.

времени, а не к прошедшему. Глагольные формы настоящего-длительного времени представляются Березиным как формы будущего времени. Под заглавием *futur*<sup>13</sup> автор пишет: *tsheldebim, tsheldebît* и т. д.

В 1922 г. вышла в свет работа английского капитана Р. Ф. Джардина<sup>14</sup>. Приложением к грамматическому очерку являются тексты бахдинани с переводом на английский язык. Грамматический очерк включает в себя предисловие (стр. I—III), перечисление фонем (стр. IV—V), морфологию (стр. 1—40) и синтаксис (стр. 40—46). Фонетическому разделу отведена одна страница, где автор лишь фиксирует звуки, не давая их описания.

Джардин обратил внимание главным образом на изучение морфологии, однако и здесь имеются недостатки. Так, например, указывая на наличие категории рода в изафетных формах, автор не заметил, что категория рода выявляется и в формах косвенного падежа и т. д. Следует, однако, отметить, что, несмотря на эти недостатки, работа Джардина содержит ряд интересных наблюдений.

Вслед за работой Джардина в 1926 г. вышла в свет практическая грамматика П. Бейдара «*Grammaire kurde*»<sup>15</sup>, которая посвящена говору курдов района Джебзире (в Турции) и района Захо (в Ираке). Эта работа лишена новых наблюдений. Курдские звуки автор характеризует с точки зрения французской фонетики: «В курдском языке,—пишет он,—25 букв французского языка...» и т. д. Слабее представлена вторая часть его работы, где автор отрицает существование категории рода в курдском языке.

Недавно вышла в свет работа английского востоковеда Д. Н. Маккензи «*Kurdish dialect studies*»<sup>16</sup>. Она не является специальным исследованием какого-либо говора или наречия, построена в плане сравнения известных в литературе курдских говоров и представляет собой конспективное изложение фактов их фонетики и грамматики. В работе суммируются известные сведения из работ Сона, К. Бадырхана, Р. Джардина, К. Курдоева и других. При сравнении говоров северного наречия автор берет за основу речь курдов Акра, которую он называет «диалектом». Раздел, посвященный фонемам этого диалекта, состоит из 9 страниц, где приводятся некоторые сведения по качеству звуков, полученных им на

<sup>13</sup> Там же, стр. 199.

<sup>14</sup> R. F. Jardine. *Bahdînan Kurmanjî, a grammar of the Kurds of Mosul division. Baghdad, 1922.*

<sup>15</sup> P. Beidar. *Grammaire kurde. Paris, 1926.*

<sup>16</sup> D. N. Mackenzie. *Kurdish dialect studies, I, London, 1961.*

основе слуховых данных. Говоря о речи курдов Амедие и Захо, автор только фиксирует фонемы на одной странице, не определяя их качество. В разделе, посвященном морфологии говоров северного наречия, перечисляются средства выражения грамматических значений в говорах в плане сравнения их друг с другом. Однако в этом небольшом разделе ряд важных языковых фактов не нашел правильного освещения. Так, например, отмечая синтаксические функции имен в форме прямого падежа, автор не приводит никаких конкретных примеров. Правда, он обращается к отсылкам для иллюстрации, однако указанные примеры подобраны неудачно. Функции прямого падежа приводятся им с отсылкой к существительным в форме косвенного падежа: см. стр. 153, § 261, (а), V, где автор пишет — *hes adverbial sense* и приводит отсылку (V, § 305 (а)). Здесь мы видим пример (553) *hinde goja* 'несколько дней' и т. д. В этом же примере имя существительное *goj* 'день' находится в форме косвенного падежа, о чем свидетельствует окончание косвенного падежа, мн. числа -а.

Дальше автор пишет: (11) *is the Agent of a sentence in the passive construction* и приводит ссылку (V, §296). Здесь же приведенные автором примеры достаточно ясно показывают (например: Am. 703, *se pez kuştin-thee speer were killed*), что слово 'pez', которое находится в форме прямого падежа, исполняет не функцию действующего лица предложения, а функцию прямого дополнения. Впрочем, все примеры, приведенные автором в разделе *Passive construction*, неправильно переведены на английский язык. С грамматической точки зрения они не могут быть представлены в качестве пассивной конструкции, ибо в них действующее лицо, которое в большинстве примеров отсутствует, не затронуто каким-либо действием. Таким образом, в работе явно смешиваются подлежащее с прямым дополнением, пассивная конструкция — с действительным залогом.

Ввиду несоразмерности освещения морфологических фактов и недостаточности наблюдения над частями речи в исследуемом им говоре курдов Акра, изложенный морфологический материал не представляет возможности полностью выделить особенности как этого говора, так и других сравниваемых с ним говоров. Достаточно отметить, что не полны наблюдения над предлогами, послелогоми, союзами, местоимениями и т. д. Говоря о предлогах, например, автор лишь отмечает часть их, не вскрывая их значения, что необходимо для выяснения специфики бахдинанского говора курдов Акра и сравнения его с другими говорами северного наречия.

Не показаны значения послелогов в говорах. Союзы (но не все) приводятся в разделе синтаксиса. Отсутствуют возвратные местоимения, междометия и т. д.

В данной работе автора, как и в предшествующих, не показаны границы распространения бахдинани и точки его соприкосновения с другими говорами курдского языка. Правда, в одной своей статье, опубликованной у нас в журнале «Народы Азии и Африки», Маккензи отмечает, что ныне бахдинани полностью вошел в иракскую провинцию Мосула<sup>17</sup>, однако это мнение не соответствует действительности, так как бахдинани, как уже говорилось, кроме названной провинции, распространяется и в Турецком Курдистане, т. е. за северной границей Ирака.

Анализ перечисленных здесь работ позволяет заметить, что в них отсутствуют исследования по лексике говоров. Между тем основные отличия курдских говоров относятся именно к их лексической стороне. Кроме того, они представляют лишь поверхностное и одностороннее описание фонетики, которая изучена только на основе слуховых данных и часто с точки зрения фонетики других языков. Что же касается морфологии, то здесь наблюдения авторов в большинстве случаев недостаточны.

\* \* \*

Название бахдинани объединяет группу южных говоров северо-западного наречия курдского языка—курманджи, на которых говорит курдское население всей центральной части Курдистана. В отличие от других диалектов, бахдинани представляет наиболее сложную систему языковых явлений. Он чрезвычайно богат лексически, средствами словообразования и грамматическими формами. В нем обнаруживаются исключительно все наиболее распространенные и важнейшие особенности курдской языковой системы. В отличие от значительно больше распространенных диалектов, бахдинани выступает как самая доступная и понятная курдская речь для всех носителей языка.

Сохраняя специфику северо-западного наречия и образуя в составе групп говоров этого наречия отдельную территориальную разновидность, он обнаруживает следующие наиболее важные особенности:

1. Наличие трех веляризованных согласных l, s, z и их фонологического противопоставления невеляризованным согласным t, s, z.

<sup>17</sup> Д. Н. Маккензи. Курманджи, Курди и Гурани. «Народы Азии и Африки», 1963, № 1, стр. 156.

2. Коренное изменение гласных о, û по качеству и развитие (1) гласного „о“ в [û<sup>o</sup>] (в Бамарни) и в [o<sup>h</sup>] (в Атрише) и (2) гласного „û“ в монофтонг „î“ (в Бамарни) и дифтонгоидный гласный û [û<sup>i</sup>] (в Атрише).

3. Отсутствие внутренней и нулевой флексии в образовании косвенного падежа имен существительных мужского рода и в связи с этим наличие двух типов (вместо трех в других говорах северного наречия) склонения: женского, которое характеризуется окончанием косвенного падежа имен существительных женского рода -ê, и мужского, характеризующегося окончанием косвенного падежа имен существительных мужского рода -î.

4. Наличие одной серии изафетных формантов (-а, -ê, -êd/t), употребляющихся в тех случаях, где в говорах северного наречия употребляются изафетные форманты первой серии: -а, -ê, -êd и второй: -î, -е, пе.

5. Наличие модальной частицы da, служащей для образования будущего II времени сослагательного наклонения -ez da k'evim 'я упал бы'.

6. Наличие своеобразной формы будущего I времени -ez dê k'evim 'упаду'.

7. Наличие двух перфектных форм: ezê k'eftime; ezê k'eftim.

8. Наличие предлогов: v, def, nik, lali.

9. Наличие союзов da—чтобы, îna—потому и т. д.

Кроме указанных особенностей бахдинанские говоры отличаются от других говоров северного наречия также тем, что они с юга и юго-востока непосредственно граничат с южным наречием и имеют следующие общие черты:

1. Отсутствие в бахдинанских говорах Акра, Шейхан и Дыхок глухих непридыхательных согласных р, т, к, ç, и в связи с этим отсутствие фонологического противопоставления этих согласных глухим придыхательным р', т', к', ç'.

2. Наличие веляризованного l в говорах Бамарни и Атриш и фонологическое противопоставление этого согласного невеляризованному согласному l;

3. Наличие личного окончания первого лица мн. числа -îp/yîp (em dik'evîp 'мы падаем');

4. Наличие согласного t в составе личного окончания в третьем лице ед. числа -ît/t в бахдинани: ew dik'evît 'он падает', ср. южное наречие: (d) ebît или (d) ebêt 'бывает';

5. Наличие форманта определенности -e/ye (в ед. числе) и -ene/ylene (во мн. числе), присоединяемого к именам существительным, стоящим после указательных местоиме-

ний *ev* 'этот', *ew* 'тот'; например, в бахдинани: *ev bîrayene* (от *bîra* 'брат' и форманта определенности *-yene*), ср. южное наречие: *em bîrayene*.

6. Образование формы звательного падежа имен существительных во мн. числе посредством форманта *-îp/îne*: бахдинани: *babîp* (в Бамарни), *babîne* (в Атрише), ср. южное наречие: *babîne* 'отцы' (от *bab* 'отец' и форманта звательного падежа во мн. числе *-îne*).

7. Наличие суффикса *-tîrîn*, употребляющегося для образования превосходной степени имен прилагательных; в бахдинани: *cantîrîn*, ср. южное наречие *swantîrîn* 'самый красивый' (от *cap/cwan* 'красивый' и суффикса *-tîrîn*).

8. Наличие глагольного суффикса *-eve* (в южном наречии *-ewe*), употребляющегося для выражения возвращения действия к исходному пункту или повторения действия' например: *s'ûme malve* 'я вернулся домой', ср. *sûme mal* 'я ушел домой'.

9. Наличие в говоре курдов Акра суффикса определенности *-eke*.

10. Наличие предлога *gel, d-gel, l-gel*.

11. Наличие противительного союза *bes—no*.

12. Наличие словообразовательного суффикса *-ayatî*, например, *bilindayatî* 'высота' (от *bilind* 'высокий' и суффикса *-ayatî*).

Таким образом, имея много общих с южным наречием особенностей, бахдинани не только выделяется как отдельное языковое подразделение среди говоров северного наречия, но и выступает как связывающий узел между северным и южным наречиями. Этой важной стороны бахдинани не заметили исключительно все исследователи.

В вышеуказанной статье, посвященной классификации курдских диалектов, Д. Н. Маккензи относит бахдинани к группе северокурдских диалектов, без учета и предварительного анализа всех выявляющихся в нем языковых фактов. В частности, по мнению Д. Н. Маккензи, наиболее существенные отличия между северокурдскими и центральнокурдскими диалектами состоят в том, что в последних имеются: 1) суффикс определенности *-eke*, 2) конструкция «открытых комплексов», 3) вторичное пассивное спряжение, образованное от активного глагола, 4) личные местоименные суффиксы и, наконец, 5) конструкция с суффиксом *-e*.

«Все эти явления,—пишет Д. Н. Маккензи,—кроме лич-

ных местоименных суффиксов, очевидно<sup>18</sup>, заимствованы из других иранских диалектов, поскольку пока нет свидетельств о принадлежности их к общекурдскому диалекту на более ранних стадиях развития». Однако, если пока нет свидетельств о принадлежности этих явлений к курдскому языку на более ранних стадиях его развития, то отсюда не следует предполагать, что эти явления заимствованы из других языков. Ведь отсутствие свидетельств еще ничего не говорит об отсутствии этих явлений в курдском языке на ранних стадиях его развития. Думается, что пока история развития курдского языка не исследована и не определены исторические взаимоотношения между курдским и другими иранскими языками, любое положение о заимствованиях типа, скажем, суффикса определенности -еке может казаться чистейшим постулатом. В данном случае сам Д. Н. Маккензи не приводит никаких конкретных исторических доказательств о некурдском характере или же происхождении этих явлений. Очевидно также, что автор преследует несколько иные цели, когда он всячески старается доказать, что так называемые центрально-курдские диалекты якобы развивались на гуранском субстрате, как некурдской языковой среде. Вопрос о принадлежности гурани к числу так называемых центральных иранских диалектов спорен. Он не может решиться, пока сам гурани не станет предметом всестороннего изучения и не будет освещена история его развития. Что касается морфологических фактов, которые якобы относятся к гурани, и их распространения в курдском (в центральных диалектах), то эти факты, как ни странно, в большей или меньшей мере свойственны также северокурдским диалектам. Поэтому они не столько отделяют северокурдские диалекты от центральных и южных диалектов, в том числе и от гурани, сколько объединяют их в единое целое, как исторически сложившуюся языковую общность. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к описанию явлений, которые отмечены Д. Н. Маккензи.

Одной из важнейших особенностей центральных и южных диалектов и гурани Д. Н. Маккензи считает наличие в них суффикса определенности -еке, который, однако, как уже отмечено выше, употребляется также в говоре Акра, при-

---

<sup>18</sup> Слово «очевидно» употребляется автором не очень часто. Говоря о суффиксе определенности -еке, например, он просто утверждает, что этот суффикс «в курдском языке является прямым заимствованием из единственно возможного источника—гурани» (стр. 166). Дальше, говоря о конструкции «открытого комплекса», автор пишет, что она также заимствована из гурани (стр. 167) и т. д. (М. Х.).

надлежащем с остальными бахдинанскими говорами к северной группе курдских диалектов. Суффикс -еке, возможно, в таком виде употребляется также и в других говорах северной группы, которые еще не исследованы. Дальше, по мнению Д. Н. Маккензи, этот суффикс и так называемая конструкция «открытого комплекса» обязательно сопутствуют друг другу. Однако в говоре Акра, где имеется данный суффикс, нет подобного рода комплекса, типа, скажем, şû-e-xas -eke -m (мой хороший (xas) муж (şû), который приводится автором из кандула. Вместе с тем этот пример, если не обратить внимания на употребляющиеся в нем суффикс -еке и местоименный суффикс -m, прямо сопоставим с şev-e -reş («ночной мрак», «тьма», «мрак») в говоре курдов Армении и в бахдинани. В центральных и южных диалектах и в гурани Д. Н. Маккензи обнаруживает, например, два случая проявления этого комплекса: 1) когда сочетание имя+определяющее прилагательное оформлено указательным прилагательным и 2) когда это сочетание оформлено суффиксом определенности -еке. Оба эти случая свидетельствуют о живом характере данного явления, поскольку его выявление и реализация обуславливаются определенными синтаксическими условиями. В северных диалектах, однако, данный комплекс выработался в определенный синтаксический способ словообразования. С точки зрения современного состояния функция этого комплекса в северных диалектах заключается в замене обычного изафета, в основном, в целях образования слов—существительных. Это происходит путем превращения обычного изафета в так называемую конструкцию «открытого комплекса» через ее лексикализацию:

обычный изафет	слово
hîv-a gon	hîv-e-gon
'освещенная луна'	'полнолуние', 'лунные ночи'
E'lo-ê newêrêk	E'l-e-newêrek
'трусливый Ало'	(мужское имя Аланаверак)
şev-a geş	şev-e-geş
'черная ночь'	'ночной мрак', 'тьма', 'мрак'

Дальше Д. Н. Маккензи пишет, что в гурани, керманшахи и ардалани основа прошедшего времени пассивного глагола образуется с помощью морфемы -ya и якобы этим они отличаются от северокурдских диалектов. Не говоря о некоторых весьма неудачных формулировках в этой части изло-

жения<sup>19</sup>, следует отметить, что эта морфема с весьма широкой сферой применения фигурирует также во всех северокурдских диалектах. Достаточно отметить, например, что приведенное Д. Н. Маккензи (для подтверждения своего положения) из ардалани предложение taqet lem bigya («мое терпение истощилось») прямо сопоставимо с taqet li min (lim) bigya («мое терпение истощилось», «я лишился силы», «я больше не в силах») в говоре курдов Армении. Так же обстоит дело с суффиксом -e, проявляющимся после указательного местоимения ev—«этот». По мнению Д. Н. Маккензи, конструкция с суффиксом -e резко отграничивает центральнокурдские диалекты и гурани от северокурдских диалектов. В то же время он не отрицает наличия этого суффикса в бахдинани. Данный суффикс с тем же значением употребляется во всех северных диалектах, только несколько варьируется, например в говорах курдов Армении, Азербайджана<sup>20</sup> и Сирии<sup>21</sup> он встречается в форме: a (редко ha); в говоре курдов Армении: ev jina hat 'эта женщина пришла'. Во всем бахдинани, как и в центральных диалектах и в диалекте гурани, местоимение a/ha 'этот' развилось в суффиксальный показатель -e, ср. ev miğûve 'этот человек' в бахдинани и сорани. Таким образом, суффиксальный показатель определенности -a/-e, исторически восходящий к указательному местоимению ha/haп, свойствен всему курдскому языку.

Нужно сказать, что все перечисленные явления в различных диалектах и даже говорах одного и того же диалекта находятся на различных стадиях развития и обладают различными сферами применения. Это хорошо заметно на примере любого из указанных явлений. Вместе с тем не трудно заметить также, что они в изначальной форме в основном встречаются в северных говорах, где имеют узкую сферу применения и в значительной степени носят архаический характер, а в центральнокурдских, южных диалектах и в

<sup>19</sup> Нам не понятно, например, что означает «вторичный пассивный глагол». Более неприемлемы выражения «основа образуется», «окончание переходной основы» и т. п.

<sup>20</sup> См. К. К. Курдоев. Грамматика курдского языка (курманджи). М.—Л., 1975, стр. 42—43; Ч. Х. Бакаев. Язык азербайджанских курдов. М., «Наука», 1965, стр. 47—48.

<sup>21</sup> *Reşîd Kurd. Rêzman a zimani ê Kurmançî*, 1956, Çarxana ya Kerem. Работа Рашид Курда написана на говоре курдов района Камушлу в Сирии. В 1966 г., в связи с ее переизданием у нас, по поручению сектора востоковедения АН Армянской ССР я редактировал ее и написал к ней обширное предисловие.

гуранн, наоборот, носят живой характер и употребляются значительно больше. Это обстоятельство позволяет думать, что данные явления, по-видимому, первоначально фигурировали в северокурдских диалектах, но в дальнейшем плавно распространялись с севера на юг, подвергаясь на своем пути разным диалектным изменениям и приобретая разные функции и формы проявления. Что касается определения этих явлений в качестве критериев классификации диалектов, то таковыми они не могут быть, поскольку лишены признака категориальности. К сожалению, на это не обращают внимания и некоторые советские курдоведы. В статье «О суффиксе -ewe в курдском языке (диалект сорани)»<sup>22</sup> И. А. Смирнова без всякого основания считает, что данный суффикс характерен для южного наречия и якобы этим оно отличается от северного наречия. Однако этот суффикс в виде -ewe употребляется также во всем бахдинани. Или в работе «Курдский диалект мукри»<sup>23</sup> И. А. Смирнова с К. Р. Эйюби, руководствуясь классификацией Д. Н. Маккензи, высказывают целый ряд подобного рода неверных мнений. Так, они пишут, что в центральных диалектах, в отличие от северных, отсутствуют придыхательные согласные p', t', k'<sup>24</sup>, однако отсутствие фонологического противоположения придыхательных p', t', k' непридыхательным p, t, k характерно и для некоторых бахдинанских говоров (Дыхок, Шейхан, Акра), не входящих в так называемую центральную группу диалектов. Дальше, велиризованный согласный l, по мнению авторов, свойствен только центральному диалектам. Его, однако, мы обнаружили и в говорах Бамарни и Атриша. В Бамарни и Атрише согласные g, k имеют среднеязычную артикуляцию<sup>25</sup>, авторы же пишут, что якобы такая артикуляция g, k характерна только для центральной группы диалектов. Вслед за Д. Н. Маккензи они также без основания считают суффикс определенности -eke особенностью лишь центральных диалектов и т. д.

<sup>22</sup> И. А. Смирнова. О суффиксе -ewe в курдском языке (диалект сорани). «Краткие сообщения Института народов Азии», № 72, М., 1963, стр. 98.

<sup>23</sup> К. Р. Эйюби, И. А. Смирнова. Курдский диалект мукри. Л., «Наука», 1968, стр. 3.

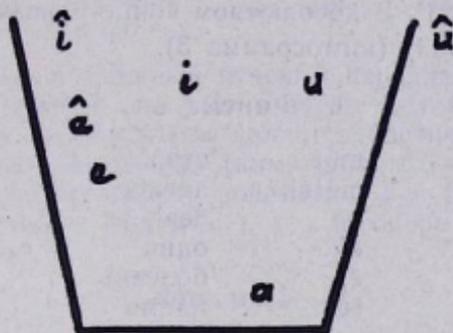
<sup>24</sup> См. там же, стр. 3.

<sup>25</sup> См. М. У. Хамоян (Максиме Хамо). Исследования по фонетике зарубежных говоров курдского языка. «Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР», 1, 1966, стр. 67—70.

ГЛАСНЫЕ<sup>1</sup>

I. Качественная характеристика гласных говора Бамарни<sup>2</sup>.

В говоре Бамарни 7 гласных фонем: а, û, î, е, ê, і, и. Гласные а, û, î, ê, е отличаются от гласных і, и как по качеству, так и по количеству. С точки зрения качества гласные а, û, î, ê, е являются более устойчивыми, чем гласные і, и. С точки зрения количества более устойчивые гласные характеризуются большей абсолютной длительностью, чем качественно не устойчивые гласные. Таким образом, все 7 гласных делятся на две группы: а, û, î, ê, е более устойчивые, долгие и і, и—не устойчивые, краткие. Гласные і, и (главным образом і) отличаются от остальных гласных еще тем, что они, находясь в открытом безударном слоге, редуцируются. Качественная характеристика гласных говора Бамарни может быть представлена следующей схемой:



<sup>1</sup> При исследовании фонетики бахдинанского говора Бамарни применялись как слуховой, так и экспериментальный методы; работа над фонетикой Атриша проводилась только слуховым методом.

<sup>2</sup> При определении качества гласных фонем используется таблица Л. Б. Щербы с ее шестью ступенями подъема, см. Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. Л., 1937.

Перейдем к характеристике каждой из фонем.

### Фонема а

ta	'нитка'
bab	'отец'
map	'дядя'
k'ar	'работа'
ba	'ветер'
ar	'мука'
t'an	'мечь'
paп	'хлеб'

Фонема а—неогубленный, открытый задний гласный, самого нижнего подъема, по качеству устойчивый. Варианты данной фонемы отчетливо проявляются в соседстве с увулярными и веляризованными согласными. В таком положении она отодвигается назад, но незначительно: ta—'нитка', sa—г 'холодный'. Кроме того, после лабиальных согласных она заметно продвигается вперед и вверх. В этом случае диапазон а колеблется от нижнего подъема до эе—второго подъема: m | а 'остался', b | а 'ветер'. В положении между носовыми происходит полная назализация фонемы а (кимограммы 1—2)<sup>3</sup>. В абсолютном конце а назализуется наполовину (с конца) (кимограмма 3).

### Фонема ê

mêz	'стол'
mêlak	'легкие'
bê	'без'
êk	'один'
êş	'болезнь'
řêl	'племя'

Фонема ê—неогубленный, передний, полуширокий гласный 4-го подъема. Качество этой фонемы заметно изменяется в связи с характером слога. В открытом слоге она заметно расширяется, а в закрытом—сужается: mêlak 'легкие' ср. êk 'один', êş 'болезнь'. В соседстве с носовыми m, п она наполовину назализуется (кимограмма 4).

<sup>3</sup> Кимограммы гласных приводятся в конце работы. На кимограммах синхронно зафиксированы четыре линии. Носовая линия (первая сверху) указывает на назализованность звуков при появлении над ней мелких вибраций.

### Фонема *û*

řûj	'день'
sûg	'красный'
kûg	'слепой'
k'ûg	'яма'
gût	'сказал'

Фонема *û*—огубленный, задний, полуширокий гласный верхнего подъема. По своей природе она дифтонгоидная и имеет реализацию от *û* к *o* (*û<sup>o</sup>*): kû<sup>o</sup>g 'слепой', sû<sup>o</sup>g 'красный', gû<sup>o</sup>t 'сказал'. В положении между носовыми *û* полностью назализуется (кимограмма 5.).

В положении перед или после носовых происходит лишь частичная назализация.

Фонема *û* соответствует фонеме *o* в говоре курдов советской Армении и фонемам *û*, *y* (а также и фонеме *u* в ряде слов) в говоре курдов Советской Туркмении<sup>4</sup>.

### Фонема *î*

řivî	'лиса'	dîp	'вера'
řîg	'сабля', 'молоко'	îpî	'пятница'
k'ivî	'дикий'	řîp	'масло'
k'îg	'глубокий'	pîg	'старик'
zî	'скоро'		

Фонема *î*—неогубленный гласный переднего ряда, высокого подъема. Обычно она узка и очень устойчива по качеству. Заметным ее вариантом является частичная назализация (в соседстве с носовыми) (кимограммы 6—7).

Фонема *î* соответствует фонемам *î*, *û* в говоре курдов советской Армении и фонемам *î*, *y*, *u* в говоре курдов Советской Туркмении<sup>5</sup>.

### Фонема *e*

mezîp	'большой'
se	'собака'
geg	'отсевки'
em	'мы'
şeî	'война'

<sup>4</sup> Например: Бам. řûj // г. к. Арм. řoj // г. к. Турк. řû 'день'; Бам. kûg // г. к. Турк. kug 'слепой' и т. д.

<sup>5</sup> Так, например: Бам. řîg // г. к. Арм. řûg // г. к. Турк. řug 'сабля'; Бам. kîg // г. к. Арм. kûg // г. к. Турк. k'ug 'глубокий'.

Фонема е—открытый, неогубленный гласный второго подъема смешанного ряда. В соседстве с губно-губными, веляризованными и увулярными согласными е значительно отодвигается назад, получая «а»-образное звучание: se — 'собака' (звучит как s — a), me — zip 'большой'; me — косвенная форма мест. ет 'мы'. В соседстве со среднеязычными е продвигается вперед: g — el 'с'; k — eg 'половина'. Полная назализация фонемы е происходит в положении между носовыми (кимограмма 8), в соседстве же с носовыми е назализуется примерно на 70% всей длительности (кимограмма 9).

### Фонема і

iç	'мягкий'
sih	'тридцать'
zik	'живот'
kin	'узкий'
gir	'большой', 'высокий'

Фонема і—качественно неустойчивый, неогубленный гласный смешанного ряда верхнего подъема. По степени подъема колеблется от і высокого подъема до ê 4-го и 2-го подъема: «i»-образное звучание і имеет в открытых слогах: biga 'брат'; di 'в'. В закрытых слогах фонема і после смычных согласных произносится близко к открытому и продвинутому вперед е: k — eg 'сделал'; d — el 'сердце'. В этом же положении в соседстве с веляризованными и увулярными согласными і определяется примерно как е, отодвинутое назад: iə — c 'мягкий'; iə — l 'надутый'.

Между носовыми і назализуется по всей длительности (кимограммы 10—11). Фонема і, как правило,—краткий и узкий гласный, в безударном положении значительно сокращается. Полная редукция і встречается обычно в открытом неударном слове: dili'k 'сердце', но dilkê' min 'мое сердце'.

### Фонема и

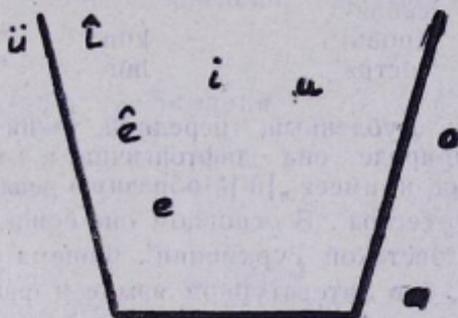
kulav	'головной убор'
gul	'роза'
k'urd	'курд'
kur	'сын'
gund	'село'

Фонема и—слабоогубленный, полуузкий, качественно неустойчивый гласный, образуется в пределах смешанного

ряда с возможным отодвижением назад. Степень подъема языка колеблется от 5-ой (сверху) до 3-й степени. Основной вариант фонемы *u* (слабоогубленный) выв­ляется в ударном закрытом слоге: *kuḡ* 'сын'; *k'ıḡd* 'курд'. В неударном закрытом слоге *u* имеет «*i*»-образное звучание: *kuḡkek* 'некий сын'. В открытых слогах, в зависимости от окружающих согласных, *u* может продвинуться вперед до переднего и отодвинуться назад до заднего ряда, в обоих случаях и произносится очень узким, приобретая «*ü*»-образное звучание: *k | — u* 'чтобы'; *k | — şlav* 'головной убор'. В соседстве с носовыми фонема *u* частично назализуется (кимограмма 12). Фонема *u* не встречается в абсолютном начале и в соседстве с веляризованными согласными. Она не редуцируется полностью, однако, как правило, она кратка и значительно сокращается в открытых неударных слогах.

## II. Качественная характеристика гласных в Атрише.

Говор курдов Атриша по составу фонем и их качеству значительно отличается от говора Бамарни. В Атрише насчитывается 8 гласных фонем: *a*, *ê*, *e*, *î*, *ü*, *o*, *u*, *i*, которые могут быть представлены следующей схемой:



Поскольку фонемы *î*, *ê*, *e*, *i*, *u* по качеству в основном те же самые, что и в Бамарни, то нет надобности давать их характеристику. Фонемы *ü*, *o*, *a* в Атрише ведут себя несколько иначе, поэтому считаем необходимым привести их качественную характеристику в отдельности.

### Фонема *a*

<i>av</i>	'вода'
<i>bab</i>	'отец'
<i>şaş</i>	'неправильно'
<i>ga</i>	'бык'

Фонема а—огубленный, широкий, задний гласный нижего подъема, заметных вариантов не имеет. Только в исходе слова после губно-губных и переднеязычных она несколько продвигается вперед: b |— а 'ветер', d |— а '(он) дал'.

#### Фонема о

kore	'слепой'
şore	'длинный'
borî	'(он) прошел'
gundor	'дыня'

Фонема о—огубленный, узкий, задний гласный. Образуется в пределах 3-го и 4-го подъема. В произношении обычно дифтонгична [o<sup>u</sup>]: [ko<sup>u</sup>re] 'слепой'; [şo<sup>u</sup>re] 'длинный'; встречается во всех фонетических положениях.

Фонема о соответствует фонеме о в говоре курдов Советской Армении; фонемам û и у в говоре курдов Советской Туркмении и фонеме û в Бамарни.

#### Фонема û

gûvi	'лиса'	gûp	'масло'
şûr	'сабля'	kûp	'шатер'
xûp	'кровь'	hûr	'мелкий'
xûşk	'сестра'		

Фонема û—огубленный, передний, узкий гласный 5-го подъема, по природе она дифтонгична, в конце звучания слабо огублена и имеет „[û<sup>1</sup>]“-образную реализацию: [gû<sup>1</sup>vi] 'лиса'; [xû<sup>1</sup>şk] 'сестра'. В основном она совпадает с у в говоре курдов Советской Туркмении<sup>6</sup>. Фонема û соответствует фонемам о, û в литературном языке и фонеме î в говоре курдов Бамарни, например: Атриш—xûp, Бамарни—xîp, лит. язык—xûp 'кровь'; Атриш—k'ûr, Бамарни—k'îr, лит. язык—k'ûr 'глубокий' и т. д.

Качественная характеристика гласных бахдинанского диалекта по материалам Атриша и Бамарни приводит нас к следующему заключению.

1. Все 7 гласных в Бамарни и 8 в Атрише с точки зрения качества делятся на две группы: устойчивые и неустойчивые. Устойчивыми являются: а, û, î, ê, е (в Бамарни), а, о, î, ê, е, û (в Атрише), а неустойчивыми—і, и. Характерной особен-

<sup>6</sup> См. В. В. Соколова. Очерки по фонетике... I, М.—Л., 1953, стр. 84.

ностью неустойчивых гласных является еще то, что они редуцируются, поэтому одним из существенных признаков устойчивых и неустойчивых гласных может быть признак редуцированности и нередуцированности.

2. В диалекте гласные, как правило, изменяются в соседстве с увулярными и веларизованными согласными. В соседстве с носовыми они назализуются.

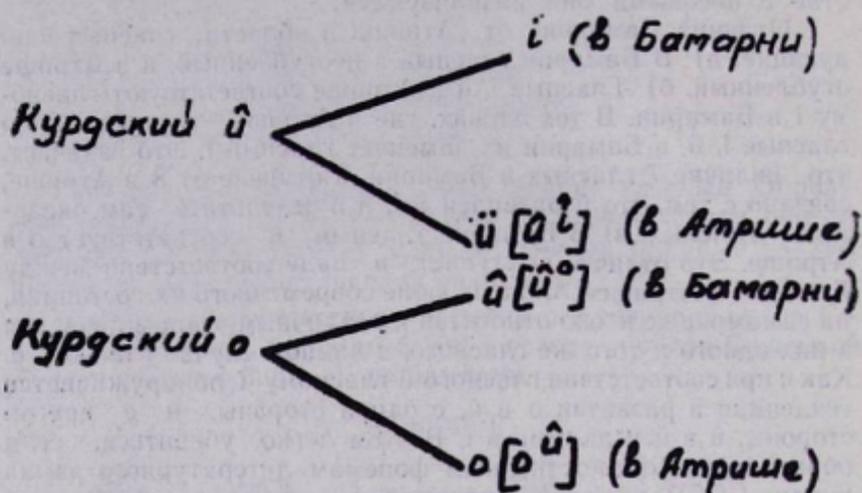
Отличия Бамарни от Атриша в области гласных следующие: а) В Бамарни гласный а неогубленный, а в Атрише огубленный. б) Гласные *î*, *û* в Атрише соответствуют гласному *î* в Бамарни. В тех словах, где в Атрише употребляются гласные *î*, *û*, в Бамарни их заменяет гласный *î*. Это означает, что наличие 7 гласных в Бамарни, в отличие от 8 в Атрише, связано с тем, что *û* развился в *î*, и в результате там оказалось 7 гласных. в) В Бамарни гласный *û* соответствует о в Атрише. Это отличие выступает в виде соответствия между Бамарни и Атришем лишь на фоне современного их состояния, на самом же деле оно относится к различным этапам развития в них одного и того же гласного, в данном случае гласного о. Как и при соответствии гласного *û* гласному *î*, обнаруживается тенденция в развитии о в *û*, с одной стороны, и с другой стороны, *û* в *î* и дальше в *î*. В этом легко убедиться, если обратимся к соответственным фонемам литературного языка курдов СССР, где этой тенденции, т. е. перехода фонем о, *û* в *î*, нет.

#### Лит. язык Атриш Бамарни

dûr	dûr	dîr	далеко
xûn	xûn	xîn	кровь
tûj	tûj	tîj	горький
k'ûvi	k'ûvi	k'ivî	дикий
got	got[goût]	gut[gût]	сказал
k'om	k'om[k'oûm]	k'ûm[k'û'm]	группа
ode	ode[oûde]	ûde[û'de]	комната
sor	sor[sôûr]	sûr[sû'r]	красный и т. д.

Как видно, курдские гласные о, *û*, исторически соответствующие долгим гласным *û*, *ô* среднеиранского вокализма, сохранились в литературном языке. Но в бахдинанском диалекте они подверглись коренному изменению: в Бамарни гласный о развился в дифтонгоидный *û*[*û*<sup>o</sup>], поэтому его там нет; гласный *û* развился в *î*, причем в Бамарни гласный *î* употребляется не только в тех словах, где он обычно имелся, но и в тех, где раньше употреблялся *û*. Расши-

рение сферы *i* за счет *ü* привело к возникновению многочисленных слов—омонимов, так: *pîr* 'ярмо' и *pîr* (от *pûr*) 'огонь'; *şîr* 'молоко' и *şîr* (от *şûr*) 'сабля'; *dîz* 'вид посуды для обеда' и *dîz* от *dûz* 'ровный' и т. д. В целом развитие гласных *o*, *ü* графически можно изобразить так:



Какова будет дальнейшая судьба дифтонгоидных фонем *o*, *ü* (в Атрише) и *û* (в Бамарни) в настоящее время ничего решительного сказать невозможно. Однако судя по тому, что курдский *û* развился в Бамарни в соответственный монофтонг *i*, возможно, что указанные три дифтонгоидные гласные тоже либо переходят в чистые дифтонги: [a̠i̠], [o̠ü], [û°], либо—в монофтонги, т. е. [a̠i̠] в *i*, как это произошло в Бамарни, [o̠ü] в *ü*, [û°] в *o*.

### III. Длительность гласных

Приводимое ниже исследование длительности гласных представляет собой результат обработки кимограмм. Запись гласных производилась у трех дикторов. У Салыма Балата, уроженца села Балата, и Зухейра Тофика Саадин, жителя района Бамарни, длительность гласных измерялась в Лаборатории экспериментальной фонетики имени акад. Л. В. Щербы (ЛГУ), а у Али Абдулла Бамарни—в Лаборатории экспериментальной фонетики Московского института русского языка. В работе цифровые данные Салыма Балата и Зухейра Тофика Саадина, в связи с отсутствием расхождения в их

произношении, объединены и обозначаются буквой З, данные Али Абдулла Бамарни—буквой А. Длительность гласных у всех дикторов измерялась в одних и тех же фонетических положениях. Этими положениями являются:

I. В односложном слове: 1) слог, закрытый двумя согласными; 2) абсолютный конец слова; 3) длительность гласных в положении перед щелевыми, дрожащими и сонантами, исключая п; 4) длительность гласных в положении перед смычными и сонантом п (по цифровым данным, степень влияния фонемы п на длительность гласных та же самая, что и при смычных, поэтому я отношу ее к группе смычных).

II. В двусложном слове: 1) первый открытый ударный слог; 2) первый закрытый ударный слог; 3) первый открытый неударный слог; 4) первый закрытый неударный слог; 5) второй открытый ударный слог; 6) второй закрытый ударный слог; 7) второй открытый неударный слог; 8) второй закрытый неударный слог.

Число слов, записанных на кимографе, в произношении каждого диктора, около 700, из них примерно 150 слов записано дважды, а в некоторых случаях число записей одного и того же слова у дикторов достигает 6. Цифровые данные, характеризующие среднюю длительность гласных, приводятся в сигмах ( $\sigma = 0,01$  сек). Наряду с этими цифрами в работе указано в скобках количество измерений, из которых выведена цифра средней длительности. Для определения границы и измерения гласного в слове мною бралась сонорная длительность и не учитывались переходные моменты между согласными и гласными. Средняя длительность гласных выводилась не менее, чем из 4 измерений и не больше, чем из 35 измерений.

В односложном слове можно выделить следующие фонетические положения, в которых изменяется длительность гласных: 1) в конце слова; 2) перед щелевыми, дрожащими и сонантами, исключая п; 3) перед смычными и сонантом п; 4) длительность гласных в слоге, закрытом двумя согласными.

В табл. 1 приводятся цифровые данные, характеризующие среднюю длительность каждого гласного в отдельности. Поскольку фонема *u* отсутствует в абсолютном конце слова, то по ней нет цифровых данных.

Как видно из приведенных данных, все гласные в этом положении дают большую среднюю длительность. Среди них наибольшую длительность (30  $\sigma$ ) имеет гласный *a*, которому противопоставлен гласный *e*, имеющий наименьшую длительность (22,5  $\sigma$ ) в этом положении. За фонемой *a* по длительности следуют гласные *û*, *ê*, *î*, имеющие почти одинаковую

Длительность гласных в конце слов типа:  
 ta, za, ma, kû, tû, se, şe, rê, kê, çî, k'î, dî, rî

Дикторы	Звуки	a	û	ê	î	e	i
З		30(11)	25(15)	27(19)	27(9)	22(7)	23(9)
А		30(9)	26(11)	26(8)	25(8)	22,5(8)	23(8)

длительность. Они короче гласного а примерно на 3—4 σ. Следует обратить внимание на краткий î, который на конце слов оказывается длиннее гласного е (на 1 σ). Таким образом, в характеризуемом фонетическом положении по длительности различаются следующие группы гласных: а; û, ê, î; e, и

Таблица 2

Средняя длительность гласных в положении перед шелевыми, дрожащими и сонантами, исключая п.

Тип: şaş, zar, pal, dâr, xûş, tûl, kîş, dif, gîz, kêş mêz, nêr, lez, şeş, gul kur, çîl, tîf

Дикторы	Звуки	a	û	ê	î	e	и	i
З		26(17)	26(13)	25(24)	24(19)	22(12)	15(7)	15(5)
А		29(13)	28(13)	29(20)	27(19)	21(16)	16(8)	15(5)

В данном положении гласные а, û, ê имеют наибольшую и почти одинаковую длительность. Гласный î чуть-чуть короче их. Из приведенных данных следует, что для гласных и, î в этом положении характерна наименьшая и одинаковая длительность, гласный е, по длительности, занимает промежуточное место между долгими а, û, ê, î и краткими и, î.

**Примечание:** Следует отметить, что как в этом положении (табл. 2), так и в других (табл. 6, 7, 8, 10, 11) при анализе длительности гласных имеется заметное расхождение в произношении дикторов. Гласные а, û, î, ê у А имеют большую длительность, а у З они имеют сравнительно краткое произношение. Наличие такого долгого звучания гласных у А, по-видимому, объясняется медленным темпом его речи.

Как видно из данных, приведенных в табл. 3, гласные а, û, ê, е имеют наибольшую и почти одинаковую длительность. В этом положении гласный î оказывается близким по длительности к кратким î, и, которые по сравнению с гласными а, û, ê, е обладают меньшей длительностью. Если сопоставить длительность гласных а, û, ê в положении № 1 и № 2 с длительностью этих же гласных в положении № 3, то можно отме-

Средняя длительность гласных в положении  
перед смычными и сонантом п.

Тип: tit, çim, silk, jin, kit, lat, pan, beg, rek, çük, nüt, kun

Звуки	а	û	ê	î	е	і	и
З	23(19)	22(18)	22(11)	18(7)	22(17)	16(5)	16(8)
А	23(20)	23(12)	23(13)	18(9)	22(14)	15(7)	15(5)

тить, что в последнем случае она значительно сокращена, правда, имеется некоторая разница в произношении дикторов: в произношении диктора З она сокращена на 3—4 σ, в произношении А—на 5—6 σ, а расхождение длительности гласного î в положении № 3 с длительностью этого же гласного в положениях № 1 и 2 составляет у А 5—6 σ, у З—3 σ. Гласный ê показывает большую устойчивость и имеет одинаковую длительность во всех трех положениях. Гласные і, и в положениях № 2 и 3 имеют почти одинаковую длительность. Однако длительность і в положениях № 2, 3 на 7 σ у З и на 8 σ у А меньше его длительности в положении № 1.

Таблица 4

Средняя длительность гласных в слове,  
закрытом двумя согласными.

Тип: bang, rast, dñst, şest, şerm, xelk, keft, silk, tişt, kuşt, gurz, bñst, dñc

Звуки	а	û	ê	î	е	и	і
З	20(13)	20(7)	17(15)	20(11)	15(12)	15(7)	12(8)
А	20(10)	20(12)	17(13)	20(8)	15(10)	15(8)	12(8)

Из приведенных цифровых данных видно, что гласные а, û, î имеют одинаковую и наибольшую длительность в этом положении. Гласный ê короче их на 3 σ. По длительности гласные е и и совпадают, но короче гласных а, û, î на 5 σ. Гласный і имеет наименьшую длительность (12 σ) в этом положении.

Анализ полученных экспериментальных данных, характеризующих количественные взаимоотношения между гласными в односложном слове, позволяет сделать следующие выводы:

1. По длительности все гласные делятся на три группы: а, û, î, ê; і, и; е.

Фонемы а, û, ê, î характеризуются во всех положениях наибольшей длительностью. Однако среди них наибольшую, абсолютную длительность показывает гласный а. За гласным а ступенчато идут гласные û, ê, î. В положении № 4 гласные а, û, î совпадают по длительности. А в положении № 3 по длительности совпадают гласные а, û, ê.

2. Гласный э по длительности занимает промежуточное место между гласными а, û, î, ê и и, у. Во всех положениях он показывает наименьшую изменчивость. Следует отметить, что гласный е по абсолютной длительности больше примыкает к гласным а, û, ê, î, чем к и, у, а по постоянству длительности стоит близко к у, и.

3. Гласные у, и в рассмотренных положениях имеют самую меньшую длительность, что и отличает их от остальных наиболее долгих гласных. Отсюда следует вывод о том, что в говоре Бамарни гласные по длительности делятся на три группы: долгие а, û, î, ê; промежуточное е и краткие у, и.

Наряду с определением длительности гласных посредством сравнения их в системе вокализма можно выяснить и изменение количественных взаимоотношений между их вариантами по длительности в зависимости от различных фонетических положений. С этой целью ниже приводится сводная таблица цифровых данных, характеризующих варианты фонем по длительности в зависимости от различных фонетических положений.

Таблица 5

Звуки	Положение			
	№ 1, в конце слова	№ 2, перед щелев., дрож. и сон., исключая п	№ 3, перед смьч. и п	№ 4, слог, закрытый двумя согласными
а	30	27,5	23	20
û	25,5	27	22,5	20
ê	26,5	27	22,5	17
î	26	25,5	18,5	20
е	22	21,5	22	15
у	—	15,5	15,5	15
и	23	15	15,5	12

Как видно из табл. 5, в абсолютном конце все гласные, за исключением фонемы у, которая не встречается в этом положении, имеют наибольшую длительность, которая (за исключением î) близка к длительности этих же гласных в положении перед щелевыми, дрожащими и сонантами, кроме п. Разница в длительности между вариантами каждого гласного в этих двух положениях (№1, 2) составляет 2,5σ для гласного а; 1,5σ для û; 0,5σ для ê, е, î; 8σ для и.

При анализе средних длительностей гласных выяснилось, что наименьшей длительностью гласный обладает в слоге, закрытом двумя согласными. Так, длительность гласных в этом положении (а на 10 σ, ъ на 5,5 σ, ё на 9,5 σ, і на 6 σ, е на 7 σ, і на 11 σ) меньше их длительности в положении абсолютного конца слова.

Цифровые данные положений № 2, 3 показывают, что смычные согласные и п в отличие от щелевых, дрожащих и сонантов (т, л, л) заметно сокращают длительность гласных. В этих положениях разница между вариантами длительности фонем достигает: 4,5 σ у фонем а, ъ, ё, 6 σ у фонемы і; фонемы е, і, и в этих же условиях имеют одинаковые по длительности варианты.

Результаты рассмотрения всех приведенных измерений позволяют выделить следующие основные моменты (см. сводную табл. 5). В односложном слове все гласные сокращаются в зависимости от фонетического положения. Диапазон сокращения длительности долгих и кратких вариантов фонем колеблется в пределах 30—20 σ у фонемы а, 27—20 σ у фонемы ъ, 27—17 σ у фонемы ё, 26—18,5 σ у фонемы і, 22—15 σ у фонемы е, и 23—12 σ у фонемы і. Самый краткий вариант фонемы и имеет длительность в 15 σ; эта же цифра является пределом ее сокращаемости в односложном слове.

Таким образом, в односложном слове гласные показывают большую изменчивость, при этом максимально долгие варианты выявляются в абсолютном конце слова, самые же краткие варианты—в положении перед двумя согласными. Исключение составляет гласный е, который в трех положениях (№ 1, 2, 3) имеет одинаковую длительность (22 σ).

В зависимости от характера последующих согласных выявляются два количественно различных варианта фонем, а именно: сравнительно долгие варианты выявляются перед щелевыми, дрожащими и сонантами (т, л, г), а краткие—в положении перед смычными и п.

В двусложном слове, кроме фонетического окружения гласного, приходится учитывать также характер слога (закрытый, открытый) и место ударения в слове. Кроме того, надо принять во внимание и порядок слогов в слове, который важен для длительности гласных.

Степень влияния ударения, порядка слогов и их характера на длительность гласных весьма неодинакова. Закрытость и открытость слога, а также наличие или отсутствие

на нем ударения в одних случаях заметно влияют на длительность слогаобразующих гласных, в других—при равных прочих условиях этого влияния вовсе нет. Кроме того, наблюдаются случаи, в которых ударные гласные и гласные открытого слога, т. е. гласные, находящиеся в благоприятных для удлинения фонетических положениях, оказываются заметно короче неударных или короче, чем в закрытом слоге.

В отличие от ударения и характера слога, на длительность гласных оказывает большое влияние порядок слогов в слове. Это хорошо видно из сводной табл. 6 длительности гласных в двусложных словах (данные обоих дикторов соединены).

Таблица 6

Звуки	Положение							
	Первый слог				Второй слог			
	ударный		неударный		ударный		неударный	
	открыт.	закрыт.	открыт.	закрыт.	открыт.	закрыт.	открыт.	закрыт.
а	18	14,5	17,5	14	24,5	21	—	—
â	16	14,5	17	14	22	21	22	—
ê	17,5	12,5	17	13	24	21,5	22	—
î	14	12,5	13,5	14	22,5	19,5	17	—
е	12	12,5	14	12	22	18	17	15
и	8,5	8	6,5	10	—	—	—	—
і	8,5	8	7	9	—	13	—	—

1. В двусложном слове по длительности все гласные делятся на долгие а, â, ê, î, е и краткие і, и. Краткие гласные совпадают по длительности. Долгие гласные по длительности совпадают только в 4 положениях (из 6), гласные â, ê в 2 положениях (из 7), гласные î, е совпадают в 3 положениях (из 7) и т. д.

2. В двусложном слове самыми долгими гласными являются а, ê, имеющие во втором ударном открытом слоге длительность в 24 σ. Чуть-чуть короче их в этом положении (примерно на 2 σ) гласные â, î, е. Значит, в двусложном слове могут быть представлены две группы долгих гласных: а, ê; â, î, е. Однако гласный е, как в односложном слове, так и двусложном, является самым кратким среди долгих и по длительности стоит несколько ближе к кратким і, и, чем к наиболее долгим а, ê. Данное обстоятельство позволяет сделать предположение о промежуточном месте этого гласного (между долгими и краткими гласными).

3. Длительность долгих и кратких вариантов фонем в двусложном слове колеблется в пределах 24,5—14  $\sigma$  у фонемы а, 22—14  $\sigma$  у фонемы ъ, 24—12,5  $\sigma$  у фонемы ё, 22,5—12,5  $\sigma$  у фонемы і, 22—12  $\sigma$  у фонемы е, 10—6,5  $\sigma$  у фонемы и, 13—8  $\sigma$  у фонемы і.

Таким образом, как в односложном слове, так и двусложном, все гласные показывают довольно большую неустойчивость (сокращаясь наполовину и больше).

4. В двусложном слове характер слога имеет значительное влияние на длительность долгих гласных. В открытых слогах длительность гласного а на 3,5  $\sigma$  больше его длительности в закрытых слогах. Это различие при ё достигает 5  $\sigma$ ; при і, и — 3  $\sigma$ ; при е — 4  $\sigma$ .

5. В отличие от долгих гласных, краткие і, и не подвергаются влиянию характера слога, так как они в закрытых слогах могут быть длиннее, чем в открытых. Например, гласный и при равных прочих условиях в закрытом слоге на 3,5  $\sigma$  длиннее, чем в открытом; при і это различие составляет 2  $\sigma$ .

6. В бахдинани ударение и его место в слове почти не влияют на длительность гласных. Различие в длительности между ударными и неударными вариантами одних фонем (например, а, ъ) не превышает 0,5  $\sigma$ . Другие гласные (е, и, і) в одних случаях в неударном положении длиннее, чем в ударном, в других, наоборот, в ударном слоге чуть-чуть длиннее (на 0,5—1  $\sigma$ ), чем неударном. В ряде случаев варианты фонемы ударных и неударных слогов совпадают по длительности, например, гласный ъ (во втором слоге) в ударном и неударном положениях имеет одинаковую длительность, равную 22  $\sigma$ . Таким образом, ударение не дает особого изменения длительности гласных, а если это изменение и имеет место, то во всяком случае оно не носит закономерного характера.

7. Полученные цифровые данные средней длительности гласных двусложного слова показывают, что гласные во втором слоге по сравнению с первым слогом, как правило, удлиняются. Благодаря такому фонетическому явлению различаются два количественно противопоставленных по длительности варианта каждой фонемы. Эти варианты, хотя не имеют фонематической значимости, проявляются в определенных пределах. В случаях нарушения этих пределов (т. е. при чрезмерном удлинении гласных в первом слоге или при чрезмерном сокращении их во втором) слово изменяется и становится почти непонятным. Отсюда вытекает, что закон удлинения гласных во втором слоге представляет собой

ведущую силу (в нормальном) произношении двусложных слов.

Закон удлинения гласных во втором слоге неодинаково распространяется на все гласные. Краткие гласные удлиняются значительно больше, чем долгие.

В сводной табл. 7 приводятся цифровые данные, характеризующие количественные взаимоотношения вариантов фонем по длительности в зависимости от порядка слогов в слове.

Таблица 7

Слог	Первый ударный слог		Второй ударный слог		Первый ударный слог		Второй ударный слог	
	открытый	закрытый	открытый	закрытый	открытый	закрытый	открытый	закрытый
а	18	14,5	24,5	21	17,5	14	—	—
ê	17,5	12,5	24	21,5	17	13	22	—
û	16	14,5	22	21	17	14	22	—
î	14	12,5	22,5	19,5	13,5	14	17	—
е	12	12,5	22	18	14	12	17	15
и	8,5	8	—	—	6,5	10	—	—
і	8,5	8	—	13	7	9	—	—

Приведенные данные показывают, что во втором слоге все гласные, как долгие, так и краткие, при равных и подобных условиях значительно удлинены. Это удлинение, как видно из таблицы, характеризуется местом гласных во втором слоге двусложного слова. По степени удлинения все гласные делятся на группы: а, ê, û; î, е; і.

Во втором открытом ударном слоге гласные а, ê удлиняются на 6,5 σ, гласный û-на 6 σ. Гласные î, е удлиняются значительно больше, чем гласные а, ê, û. Гласный і в этом положении удлиняется на 8,5 σ, а ê-на 10 σ.

Во втором закрытом ударном слоге, наоборот, наиболее долгие гласные а, ê удлиняются больше, чем гласные û, î, е, а также и і. В этом положении а удлинен на 7,5 σ, е-на 9 σ, û, е на 6,5 σ, î-на 7 σ, і-на 5 σ.

Таким образом, гласные а, ê, û в закрытом ударном слоге больше удлиняются, чем в открытом ударном слоге, и, наоборот, гласные î, е во втором закрытом ударном слоге удлинены меньше, чем во втором открытом ударном слоге.

Во втором открытом неударном слоге гласный ê удлиняется на 6 σ, û-на 5 σ, і-на 3,5 σ, е-на 3 σ.

Состав фонем в Бамарии и Атрише насчитывает 33 согласных фонем: b, p, p', m, w, f, v, d, t, t', l, n, l, r, r', s, z, s, z, s, j, c, c', g, k, k', x, q, y, h', h.

В зависимости от участия шума и голоса эти согласные звуки делятся на сонорные и шумные. Сонорными являются звуки m, n, l, l, r, r, w, y.

Шумные согласные могут быть глухими и звонкими. Шумными звонкими являются b, g, d, v, z, z, j, c; шумными глухими p, p', k, k', t, t', t, c, c', s, s, s, x, q, h', h, f.

Для системы бахдинанских согласных характерна соотносительность пар звуков по придыхательности—непридыхательности, по звонкости—глухости и по веляризованности—невеляризованности.

1. В бахдинани веляризованными согласными являются l, s, t, z. В системе консонантизма им противопоставляют-ся согласные l, s, t, z, которые не имеют признака веляризованности и вместе с ними составляют коррелятивные пары: l—l, s—s, t—t, z—z. Ниже приводятся примеры на противопоставление веляризованных и невеляризованных согласных.

l		l	
çil	'скупой'	dil	'сердце'
liç	'мягкий'	ling	'нога'
zelat	'чистый'	lal	'немой'
mela	'духовное лицо'	kela	'крепость'
zil	'сообразительный'	zil	'стебель'
lat	'часть'	law	'красивый'

<sup>7</sup> В настоящей работе при описании согласных основной упор делается на кинмографические кривые, дающие очень ценные сведения о природе согласных с точки зрения способа их образования. На кинмограмме синхронно зафиксированы три линии, а в некоторых случаях 4: ротовая линия, характеризующая звуки с точки зрения способа их образования; гортанная линия, обозначающая действие голосовых связок при произношении того или иного звука; линия, отмечающая продолжительность звука во времени; носовая линия, указывающая на назализованность согласных при появлении над ней мелких вибраций.

z		z	
zik	'живот'	zlr	'самодовольный'
bezī	'убежал(он)'	kezī	'коса'
zava	'зять'	zax	'линия'
pez	'овца'	gez	'укус'
s		s	
se	'собака'	ser	'голова'
sar	'холодный'	sax	'живой'
sabīn	'мыло'	salim	'имя собственное'
t		t	
meta	'щит'	beta	'незанятый'
tenī	'сажа'	terī	'влажность'
term	'труп'	telīzek	'потягивание'

Согласные l, s, z, t значительно ограничены в своем употреблении и, по нашим наблюдениям, они встречаются только в соседстве с гласными а, е, і.

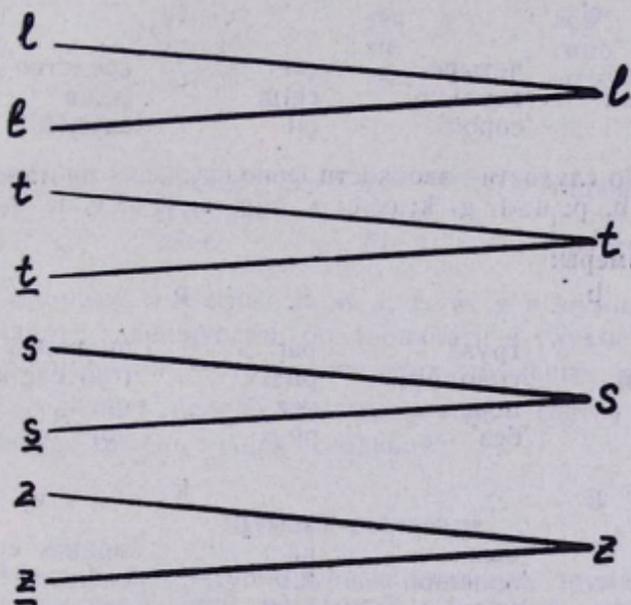
Можно предполагать, что узкое употребление веляризованных согласных обусловлено отсутствием нужды в них и что постепенно происходит исчезновение веляризации вообще. А возможно, узкое распространение веляризованных согласных связано с тем, что они находятся только в стадии становления.

При перечислении фонем в речи курдов Акра Д. Н. Маккензи пытался характеризовать веляризованные согласные с точки зрения фонетики арабского языка. Он сравнивает их с некоторыми фонемами арабского языка (حز، ص، ط), однако его наблюдение весьма скудно и основано лишь на слуховых данных.

Трудно установить время возникновения или в связи с внешними языковыми обстоятельствами появления веляризации как таковой в говорах. Однако факт отсутствия веляризованных согласных в других говорах курдского языка, как в настоящее время, так и исторически (мы не имеем основания думать о том, что они когда-то были в курдском языке), а также наличие узкого распространения веляризованных согласных в говорах позволяют предполагать, что веляризация есть явление новое, она имеет жизненные силы и, несмотря на свою слабость, распространяется все шире. Носители говора часто в нормальной речи путают невеляризованные и веляризованные согласные, произнося вместо

первых последние. В таких случаях исследователь затрудняется часто правильно решить, является ли данный звук веляризованным или невеляризованным, или веляризация невеляризованных согласных представляет собой лишь фонетический оттенок. Полезно в таких случаях обратить внимание на фонетические формы других говоров северного наречия. Так, например, в тех словах, где в бахдинани употребляются веляризованные и невеляризованные согласные, в других говорах северного наречия, в которых отсутствует веляризация вообще, используются только невеляризованные. Это говорит о том, что веляризация развивается за счет невеляризованных согласных и занимает в словах те места, в которых употребляются обычные невеляризованные звуки. Различие между говорами по веляризованным и невеляризованным согласным схематически можно изобразить так:

бахдинани литературный язык  
и другие говоры  
северного наречия



2. По придыхательности—непридыхательности фонологически противопоставляются фонемы р, р'; к, к'; т, т'; ç, ç'.

Ниже приводятся примеры на противопоставление этих согласных.

p'		p	
p'ar	'доля'	paɾ	'прошлый год'
p'êrt	'волос'	pênc	'пять'
p'êl	'волна'	pêş	'вперед'
p'ira	'мост'	pirsî	'он спросил'
k'		k	
k'urd	'курд'	kurk	'сын', 'мальчик'
k'ar	'работа'	kar	'коза'
k'êr	'нож'	kêr	'полезный'
k'er	'осел'	ker	'половина'
t'		t	
t'ile	'собачка'	tij	'горький'
t'ibil	'палец'	tirî	'виноград'
ket'	'(он) упал'		
ç'		ç	
ç'ar	'четыре'	çar	'средство'
ç'end	'сколько'	çern	'кожа'
ç'ıl	'сорок'	çil	'скупой'

3. По глухости—звонкости фонологически противопоставляются b, p; d, t; g, k; c, ç; z, s; ẓ, ṣ; j, ş; v, f.

Примеры:

b		p	
baɾ	'груз'	paɾ	'прошлый год'
birsî	'голодный'	pirsî	'(он) спросил'
ber	'перед'	pez	'овца'
bê	'без'	pê	'нога'
g		k	
ga	'бык'	ka	'мелкая солома'
gir	'большой'	kir	'сделала'
gûşt	'мясо'	kuşt	'(он) убил'
c		ç	
caɾ	'раз'	çar	'средство'
cil	'одежда'	çil	'скупой'
cî	'место'	çiv	'палка'

	d		t
dír	'далеко'	tír	'стрела'
dî	'другой'	tî	'тутовая ягода'
dú	'два'	tú	'ты'
	z		s
zar	'язык'	sal	'год'
zer	'желтый'	ser	'на', 'голова'
zîv	'серебро'	sîr	'чеснок'
	z		s
mez n	'большой'	'mesî	'рыба'
zik	'живот'	sîh	'тридцать'
	j		ş
jér	'внизу'	şêr	'лев'
jîn	'жизнь'	şîn	'горе'
jar	'худой'	şar	'неусыпный'
	v		f
vala	'пустой'	fal	'гадание'
zivîr	'жесткий'	difîn	'нос'
vêrê	'здесь'	fire	'просторный;

Сonorные согласные m, n, r, f, w, v и шумные x, h', h, ç являются внепарными по звонкости и глухости. Приводим примеры на употребление этих согласных: tath 'дядя'; pap 'хлеб'; ber 'перед'; ber 'ковер'; xîşk 'сестра'; heke 'если'; helan 'камень'; çiqas 'сколько?'.  
 Шумные согласные

### Шумные согласные

Звуки b, p, p'—губно-губные, смычные, шумные согласные. Звук b—звонкий, p—глухой, p'—глухой придыхательный. По нашим наблюдениям, эти три звука отчетливо отличаются друг от друга в абсолютном начале слова и в интервокальном положении. В этих положениях звук b полностью звонкий, p—глухой со звонким взрывом, p'—глухой с глухим взрывом. В абсолютном конце слова нами не обнаружено никаких противопологающих признаков между согласными

b, p, p'. На кимограмме они имеют почти одинаковое изображение—слабосмычные, глухие со звонким началом (примерно на 3 σ) (кимограммы 1—5).

В Бамарни и Атрише полное оглушение звонкого b происходит в положении перед глухими p, t, k: barîg 'дедушка'.

Звуки d, t, t', t—переднеязычные, смычные, шумные согласные. Звук d—звонкий, t—глухой, t'—глухой придыхательный, t—глухой веляризованный. Фонемы d, t, t' встречаются во всех положениях. Фонема t, по нашим материалам, употребляется только в соседстве с гласными a, e, i. Звук d является полностью звонким согласным во всех положениях, кроме абсолютного конца слова, где он оглушается, сохраняя лишь звонкое начало (кимограммы 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12). В этом положении на кимограмме нами не обнаружено никаких противопологающих признаков между d, t, t', t, однако фонема t на слух отличается от остальных своей веляризованностью. Глухие смычные t и t' хорошо отличаются друг от друга в абсолютном начале и в интервокальном положении. В этих положениях t имеет звонкий взрыв, а t'—глухой (кимограммы 5, 11, 12). На кимограмме веляризованный t отличается от t невеляризованного тем, что при нем нет звонкого взрыва, однако этим он не совпадает с t', так как в этом положении противопологающим признаком (на кимограмме) между t' и t является придыхательность при t' и непридыхательность при t.

Звуки g, k, k'—среднеязычные, смычные, шумные согласные. Звук g—звонкий, k—глухой, k'—глухой придыхательный. При образовании этих согласных средняя часть языка смыкается с твердым небом и благодаря этому звуки в произношении получают окраску мягкости. В говоре курдов Советской Армении и Туркмении звуки g, k, k' являются заднеязычными. По нашим наблюдениям, g, k, k' отличаются друг от друга во всех фонетических положениях, кроме абсолютного конца слова, где, как это показывают кимограммы (4, 13, 14, 15, 16, 17, 18), они имеют почти одинаковое изображение. Звук q—смычный, невзрывной увулярный, шумный, глухой согласный, имеет очень узкое употребление в говорах (кимограмма 20).

Звуки c, ç, c' смычные, шумные переднеязычные аффрикаты. c—звонкий, ç—глухой, c'—глухой придыхательный. Наши наблюдения показывают, что звуки c, ç, c' отчетливо отличаются друг от друга в абсолютном начале слова и в интервокальном положении. В этих положениях звук c является полностью звонким, ç—глухой со звонкой щелью, c'—глухой придыхательный с глухой щелью (кимограммы 21, 22, 23). В абсолютном конце нами (на слух и на кимограмме) не об-

наружено никаких противопологающих признаков между *c, ʕ, c'*.

Звуки *v, i*—щелевые, шумные, однофокусные, губно-губные согласные. *v*—звонкий, *i*—глухой. В абсолютном конце *v* оглушается почти всей длительностью. В этом положении он на слух произносится как *i*. Полное оглушение *v* происходит также в положении перед глухим смычным *t* (кимограммы 17, 24, 25, 26, 27).

Звуки *z, z, s, s*— щелевые, шумные однофокусные переднеязычные согласные. *s*—глухой невелиризованный, *s*—глухой велиризованный, *z*—звонкий невелиризованный, *z*—звонкий велиризованный. Фонемы *s, z* встречаются во всех фонетических положениях, однако *s, z* употребляются только в соседстве с гласными *a, e, i*. Фонемы *s, s* глухие во всех случаях. Фонемы *z, z* звонкие в абсолютном начале слова и в интервокальном положении. В абсолютном конце фонемы *z, z* оглушаются примерно на 65—70% всей длительности (кимограммы 28, 29, 30, 31, 32, 18, 7). Согласные *z, z* полностью оглушаются в положении перед глухим смычным *t*, при этом *z* становится как *s*; *z*—как *s*, например: *mezin* 'большой', но *mestir* 'наибольший', *digeze* 'он кусает', но *gest* 'он кусал'.

Звук *x*—увулярный щелевой, шумный однофокусный согласный. Звук *x*—в абсолютном начале имеет звонкий конец, а в других положениях, например, интервокальном положении, чуть-чуть озвончается по всей длительности (кимограмма 33).

Звуки *h, h'*—щелевые, шумные, однофокусные согласные. *h'*—верхнефариагальный, *h*—нижнефариагальный. Они ничем не отличаются от соответственных звуков в говоре курдов Советской Армении (кимограммы 34, 35).

Звуки *j, ʃ*—щелевые, шумные, двухфокусные согласные, переднеязычные. *ʃ*—глухой, *j*—звонкий. Полное оглушение согласного *j* происходит в положении перед глухим смычным *t* (кимограммы 35, 36, 37, 38). В абсолютном конце слова звук *j* оглушается, сохраняя лишь звонкое начало в 3 σ.

### Сонанты

В Бамарни и Атрише имеются 6 сонантов—*m, n, w, y, l, l*. Звук *m*—смычный, губно-губной, носовой сонант; *n*—смычный, переднеязычный, носовой сонант (кимограммы 39, 40, 34, 9, 20, 21, 11). Звуки *w, y*—щелевые, средние согласные. *w*—губно-губной, *y*—среднеязычный. Щелевые звуки *l, l*

являются переднеязычными боковыми сонантами. 1—веляризованный, 1—невеляризованный (кимограммы 41, 31, 24, 13).

### Дрожание

В говорах два дрожащих согласных: г, ġ. Они на слух ничем не отличаются от аналогичных в говоре курдов Советской Армении. Звук ġ—раскатистый, дрожащий, звонкий согласный. Встречается во всех положениях (в абсолютном конце, в интервокальном положении и в абсолютном начале слова). Он сильно ударный, имеет 3—4 удара и является полностью звонким во всех положениях (кимограммы 37, 28, 18). Звук г—нераскатистый, дрожащий, звонкий согласный, обычно он является сонантным, о чем свидетельствуют записанные мелкие вибрации на самих его колебаниях. В начале слова он не встречается, в интервокальном положении полностью звонкий и имеет один удар (кимограммы 11, 14, 18). В абсолютном конце г имеет глухой конец, примерно 30% всей длительности (кимограммы 36, 37, 6, 21, 33).

На основе приведенной выше характеристики можно представить согласные Бамарни и Атриша в табл. 8.

Таблица 8

		Губные		Переднеязычные	Среднеязычные	Увелярные	Фарингальные		
		губные	губнозубные				верхние	нижние	
Смычные	Шумные	чистые смычные аффрикаты	b, p, p'		d, t, t', l c, ç, c'	g, k, k'	q		
	Сонанты		m		n				
Щелевые	Шумные щелевые	однофокусные двухфокусные		v, f	z, s, z, s j, ʃ		x	h'	h
	Шумные сонанты	Средние боковые	w		l ɫ	y			
Дрожание					г, ġ				

## Длительность согласных фонем

Работа над длительностью согласных и гласных фонем проводилась одновременно в одних и тех же условиях, с одними и теми же дикторами. Она имела целью во-первых, определить длительность согласных и их изменение в наиболее важных фонетических положениях; во-вторых, выяснить количественные соотношения между отдельными группами согласных, в частности, между соотносительными фонетическими парами в говоре. Длительность согласных измерялась в пределах односложных, двусложных и в некоторых случаях трехсложных слов. Слова были записаны на кинограмме как отдельно, так и в сочетаниях слов.

В пределах односложного слова длительность согласных измерялась в основном в двух положениях: а) в абсолютном начале слова, б) в абсолютном конце слов. В пределах двусложного слова длительность согласных измерялась: а) в абсолютном начале слов, б) в интервокальном положении, в) в абсолютном конце слов.

Для некоторых согласных в работе отсутствуют измерения. Это объясняется тем, что границы этих согласных на кинографических кривых невозможно определить. В группу таких согласных входят смычные глухие  $p, p', k, k', t, t', t, q$ , для которых в абсолютном начале слов нет измерений, сонанты  $v, w$  и фарингальные  $h, h'$ .

Наряду с цифровыми данными, характеризующими среднюю длительность согласных, в работе указывается также на количество измерений, которое отмечается в скобках после цифры средней длительности. Цифровые данные трех дикторов соединены.

В односложном слове выявляются, в основном, два варианта согласных фонем по длительности: а) вариант, выявляемый в абсолютном начале слов типа: *ber, bîk, mak, mêz, min, fêl, fer, vî, van, dûr, oll, rît, rêk, nan, nût, nêr, law, lez, car, cil, sê, sih sîm, sed, zar, zî, zik, şîr, şaş, jûr, jêr, jin, ga gul, xar, xêr*; б) вариант, выявляемый в абсолютном конце слов типа: *bab, cab, t'up, dep, mam, av, tif, dif, dad, k'et, lat, nût, dîr, t'êr, kun, dil, çil, dînc, bîc', nas, pêş, diz, aş, tij, beg, mak, delk, ax, beq*.

В табл. 9 приводятся цифровые данные, характеризующие среднюю длительность согласных в этих двух положениях.

Приведенные данные показывают, что указанные фонетические положения представляют разные варианты фонем

Таблица 9

Согласные	Абсолютное начало	Абсолютный конец	Различие в длительности между вариантами
b	7(20)	15(13)	8
p	—	16(8)	—
p'	—	17(14)	—
m	6(13)	9(18)	3
v	15(6)	16,5(5)	1,5
f	17(12)	18(11)	1
d	11(9)	14(7)	3
t	—	15(8)	—
t'	—	16(7)	—
l	—	15,5(13)	—
n	9(18)	10(15)	1
l	10(7)	12(13)	2
ɫ	7(4)	10(4)	3
r	—	8(22)	—
ɾ	10(28)	11(19)	1
c	11(8)	13(5)	2
c'	13(4)	14(3)	1
c̣	12(6)	13,5(4)	1,5
s	17(17)	19(9)	2
s'	15(5)	18(4)	3
z	14(29)	17(32)	3
z'	12(4)	15(6)	3
ʃ	15(13)	18(19)	3
j	12(33)	16(28)	4
g	12(19)	13(8)	1
k	—	14(15)	—
k'	—	15(8)	—
x	14(3)	15(12)	1
q	—	13(4)	—

по длительности. В абсолютном начале длительность всех согласных значительно короче их длительности в абсолютном конце слов. Звонкий согласный b в абсолютном начале слова имеет длительность в 7 σ, в абсолютном конце слова—в 15 σ, согласный г в абсолютном начале слова имеет длительность в 10 σ, в абсолютном конце слова его длительность равна 11 σ. Щелевой согласный j в абсолютном начале имеет длительность в 12 σ, а в абсолютном конце слова—в 16 σ. Как видно из таблицы, таким же образом ведут себя и остальные согласные. Следовательно, в зависимости от места в слове длительность согласных, как правило, изменяется. В данном случае благоприятным положением для удлинения согласных является абсолютный конец слова, где все согласные удлиняются, и неблагоприятным для удлинения (иначе говоря благоприятным положением для сокращения длительности согласных) является абсолютное начало слов.

Правило сокращения длительности согласных в начале слова и увеличение их длительности в конце слова имеет большое теоретическое значение. Как известно из предыдущих разделов, гласные фонемы в абсолютном конце односложного слова значительно длиннее, чем в положении перед двумя согласными. Кроме того, в открытом первом слоге двусложного слова длительности гласных больше их длительности в первом закрытом слоге (табл. 6). Наконец, на основе анализа большого материала в настоящей работе установилось правило удлинения гласных во втором слоге двусложного слова (табл. 7).

Из приведенных выше цифровых данных видно, что правило об удлинении звуков в конце и их сокращении в начале слов распространяется не только на гласные, но и на согласные, поэтому его следует рассматривать как наиболее общий фонетический закон, охватывающий всю систему фонем. Возможно, этот закон действует и в других говорах курдского языка. Его существование не может быть объяснено с чисто лингвистической точки зрения, хотя он представляет собой фонетическое явление. В тех положениях, где происходит удлинение или сокращение фонем, не имеют места какие-либо причины позиционного характера, которые могли бы вызвать это явление. Сокращение или удлинение звуков, как определенное фонетическое явление, не связано с характером слога или местом ударения. Оно не связано также с природой сильных звуков. Наши наблюдения показывают, что в курдском языке звуки обладают более сильным произношением в начале слова, а в конце они произносятся слабо. Поскольку сильное произношение звуков сопровождается их сокращением и, соответственно, их ослабление—удлинением, то это явление есть результат сильного произношения звуков в начале и слабого произношения их в конце слова.

В абсолютном начале двусложных слов длительность согласных измерялась в ударном и неударном положениях. В табл. 10 приводятся цифровые данные, характеризующие длительность вариантов согласных фонем в этих двух положениях, в словах типа: banká, bélkû, mêlák, mişé, mámek, mêşék, fişék, fê'lek, vêrê', vâné, dersúk, dérsek, narî'n, nânek, leşî', léşek, lat'î', lát'ek, rêbâr, rê'lek, sîsîn, sî'sek, zîndân, zî'nke, sebés, séek, zíkek, şaş'ík, şáxek, jûrî', jû'rek, canû, cárek, çardést, cánkû, çiçék, cé'lek, gélek, xéwnék, xesî'.

Приведенные цифровые данные показывают, что длительность согласных в обоих положениях в общем такая же, как и в начале односложного слова. Имеющееся различие в

Согласные	Начало авусложного слова		Количественное различие между вариантами
	в ударном положении	в неударном положении	
b	5,5(17)	6,5(15)	1
m	6(9)	6(4)	—
f	16,5(13)	16,5(22)	—
v	13,5(9)	14,5(13)	1
d	6(6)	7(25)	1
n	5(14)	6(18)	1
l	9,5(5)	9(3)	0,5
t	6,5(4)	7(4)	0,5
r	9,5(13)	8,5(9)	1
s	16(7)	14(16)	2
z	10,5(12)	11(23)	0,5
ẓ	14(4)	15(4)	1
ẓ̄	10(7)	10(6)	—
ʃ	15,5(13)	14(22)	1,5
j	10(8)	11,5(19)	1,5
c	10(21)	11(13)	1
c̣	11(4)	13(5)	2
c̣̄	11(4)	10(8)	1
g	9(19)	9(23)	—
ẓ̄	16(8)	14(13)	2

длительности между вариантами фонем в абсолютном начале односложных и двусложных слов (в ударном положении) в основном (у большинства фонем) не превышает 1,5 σ. У некоторых фонем, например, z, ẓ, g, j, x, это различие достигает 2–3 σ. У фонем d, n оно достигает примерно 5σ. Единственно у фонемы m этого различия нет.

Говоря об указанном различии, следует отметить также то, что именно в начале односложного слова все согласные, за исключением x, p, как правило, длиннее, чем в абсолютном начале двусложных слов. Противоречивость цифровых данных по согласному x объясняется, по-видимому, тем, что в абсолютном начале двусложных слов этот согласный имеет всего три измерения, что, возможно, недостаточно для определения его средней длительности в указанном положении.

Что касается n, то он показывает большую количественную устойчивость в сравниваемых положениях.

Данные, приведенные в табл. 10, дают возможность определить связь длительности согласных с положением относительно ударения. Основываясь на этих данных, можно сказать, что в связи с переходом ударения на первый или второй слог двусложного слова особые варианты согласных фонем по длительности не проявляются. Правда, у одних согласных, главным образом щелевых ʃ, x, s, а также раскатистого ʃ̄, есть заметное различие между вариантами ударными и не-

ударными по длительности, однако оно практически незначительно. Судить по ним о связи длительности с ударением, по-видимому, нет никакого основания, тем более, что есть случаи, когда именно у щелевых согласных неударный вариант длиннее ударного. Так, например, в ударном положении звонкий щелевой *j* имеет длительность в 10  $\sigma$ , а в неударном — в 11,5  $\sigma$ , т. е. на 1,5  $\sigma$  больше. Щелевой *v* в ударном положении имеет длительность в 13,5  $\sigma$ , а в неударном — на 1  $\sigma$  больше. Различия между ударными и неударными вариантами фонем практически незначительны или не существуют совсем; об этом говорит тот факт, что ударные и неударные варианты ряда фонем, таких как *g, f, m*, имеют одинаковую длительность. Таким образом, ударение не оказывает регулярного действия на длительность согласных, наоборот, его отсутствие часто способствует удлинению. Примером могут служить ударные варианты фонем *b, d, c, v*, которые на 1  $\sigma$  короче неударных вариантов.

Средняя длительность согласных (неударных) в абсолютном конце измерялась в словах типа: *rikéb, kurap, miqam, pélav, deref, qasid, xelat, birmít', díkan, guzel, cizír, bajér, kulinc, çakúc, rawíz, casís, dengbêj, xilbîş, giring, têjik, niheq, qûnah*.

Таблица 11

Согласные	Длительность
b	15(17)
p	15(15)
p'	15(13)
m	7(13)
v	16(18)
f	18(23)
d	14(18)
t	15(7)
t'	15(9)
n	9.5(30)
l	10(27)
r	9.5(37)
r'	11(19)
c	11(8)
c'	12(7)
z	17(27)
s	18(18)
j	11(27)
ş	17(28)
g	13(14)
k	17(12)
k'	17(4)
x	18(4)
q	17(6)

В табл. 11 приводятся цифровые данные, характеризующие среднюю длительность согласных в этом положении. Поскольку фонемы *l, l', s, z*, не встречаются в этом положении, то по ним цифровых данных нет.

В этом положении выявляются самостоятельные в количественном отношении варианты фонем. По своей длительности они отличаются как от вариантов в положении в пределах односложного слова (табл. 1), так и от вариантов абсолютного начала двусложных слов (табл. 2). В сравнении с вариантом абсолютного начала двусложных слов варианты этого положения, как правило, значительно длиннее. Если сравнить данные табл. 11 с данными табл. 10, то увидим, что, например, согласный в в абсолютном начале двусложного слова (в ударном положении) име-

ет длительность в 5,5 σ, а в абсолютном конце слова при прочих равных условиях он имеет длительность в 15 σ, т. е. на 9,5 σ больше.

В абсолютном конце двусложного слова, в ударном положении, длительность согласных l, r на 0,5, m, j, c, ç на 1, f, ş на 1,5, s, x на 2, v на 2,5, n на 5, z на 6,5, g на 4, d на 8 σ больше их длительности в ударном абсолютном начале двусложного слова. Таким образом, правило удлинения согласных в конце и их сокращение в начале слов распространяется и на согласные в пределах двусложного слова.

Цифровые данные показывают, что в абсолютном конце двусложных слов в сравнении с абсолютным концом односложных слов некоторые согласные (b, d, g, z, r, f, t, t') не изменяются по длительности, т. е. варианты указанных фонем в этих двух положениях имеют одинаковую длительность. Другие согласные, такие как p, p', m, v, n, l, c, c', s, ş, j, в абсолютном конце односложных слов заметно длиннее, чем в абсолютном конце двусложных слов.

В интервокальном положении длительность согласных измеряется в словах типа: *gabûn, rapûr, dapîr, camêr, êvar, k'ulfik, adar, k'itêb, meţal, canû, mêlak, bałam, barik, serat bêcar, biçirk, biçik, nezîk, mezin, casis, masî, bajêr, îşek, agir, çakûç, dîk'êl, axîr, miqam*. В табл. 12 приводятся цифровые данные, характеризующие среднюю длительность согласных в этом положении.

Как видно из этих данных, представленный в интервокальном положении вариант каждой фонемы отличается от ее остальных вариантов по длительности. Как правило, варианты большинства фонем в этом положении занимают по своей длительности среднее место между вариантами, выявленными в абсолютном начале и абсолютном конце двусложных слов, например, в интервокальном положении согласный b имеет длительность в 9,5 σ, в абсолютном начале слова он имеет длительность в 5,5/5,6 σ, в абсолютном конце слова в 15 σ. Подобно фонеме b, согласные фонемы v, f, d, t, t', n, x, ç, r, f, c, z, s, ş, g, k, k' в интервокальном положении, как правило, значительно короче, чем в абсолютном конце слова. Однако есть согласные (j, ç), которые не изменяются в этих положениях. Кроме того, следует отметить, что длительность согласных l, m в интервокальном положении заметно больше, чем в абсолютном конце слова.

Наряду с рассмотренными положениями, внутри двусложного слова имеются еще два положения, в которых

выявляются варианты согласных фонем по длительности. Этими положениями являются конец первого и начало второго слога двусложного слова. Ниже приводится пример, где указано на эти два положения и употребляющиеся в них согласные: *barzan* 'собственное имя'. В этом слове из согласных *gz* первый—*g* составляет конец первого слога, а второй—*z*—начало второго слога: *bar-zan*. Согласные *gz*, находясь в середине слова между гласными, составляют фонетическую группу. В курдском языке таких групп довольно много, но тесная группировка двух самостоятельных согласных в языке имеет место в конце слов: *kuşt* 'убил', *keft* 'упал', *billnd* 'высокий', *piing* 'тигр' и т. д. Попадая в середину слова, указанные группы согласных *st*, *ft*, *nd*, *ng* теряют свою прежнюю тесную связь, потому что именно в середине слова они выступают в пределах отдельных слогов: (*k'eftin* (*k'eftin* 'падать'), *kuş-tin* (*kuştin* 'убить') и т. д. Связь между согласными, находящимися, например, в конце слова, может быть обеспечена, если они в середине слова

Таблица 12

Согласные	Длительность
b	9.5(34)
p	12(26)
p'	10(18)
m	10(27)
v	9(35)
f	10.5(38)
d	11(37)
t	12(38)
t'	12(19)
l	—
n	7(27)
l	12(23)
g	—
r	6.5(14)
r	8(17)
c	10(9)
ç	12(7)
c'	15(11)
z	12(23)
z	10(11)
s	14.5(23)
s	16.5(18)
j	11(34)
ş	14(37)
k	11(29)
k'	12(19)
x	15.5(11)
q	10.5(13)
	14(13)

выступят между гласным и согласным (например, в сложных словах), а также на стыке морфем, имеющих в начале согласный звук: *k'urd-nas* (*k'urdnas* 'курдовед', *perm-ti* 'легкость') и т. д.

Таким образом, наиболее тесную связь представляют согласные (в группе) в конце слова и между гласным и согласным внутри слова. Простое же группирование согласных, соседних друг с другом, но выступающих в пределах разных слогов слов, имеет место между двумя гласными внутри слов. В говорах наиболее часто употребляющимися группами согласных в середине двусложного слова являются следующие: *fn*, *rs*, *rp*, *řş*, *rd*, *rk*, *rv*, *rg*, *rm*, *rt*, *nş*, *nk*, *ng*, *nd*, *şb*, *şx*, *şt*, *şk*, *xç*, *xs*, *xl*, *kb*, *ks*, *kv*, *kl*, *kr*, *sp*, *vr*, *vç*, *mt*, *mk*, *ld*, *lb*, *lk*, *lx*, *zg*, *ft*, *st*.

Согласные каждой группы отличаются друг от друга своей средней длительностью, при этом первый согласный у одних групп длиннее следующего, а у других групп, наоборот, второй согласный длиннее первого. Имеются также группы, в которых различие в длительности между согласными не превышает 1 σ.

В табл. 13 приводятся цифровые данные, характеризующие среднюю длительность согласных каждой группы.

Таблица 13

№ группы	Группа согласных	Средняя длительность первого согласного	Средняя длительность второго согласного	Количество измерений
1	ft	9	11	18
2	kb	13	9	19
3	k's	21	20	16
4	kv	10	9	7
5	kl	11,5	8,5	12
6	k'r	12	10	4
7	lb	10	10,5	17
8	ld	5,5	10,5	23
9	lk	10	13,5	27
10	lx	12	14	30
11	mt	8	12,5	13
12	mk	9	10	18
13	ng	12	8	(14)
14	nd	15	12	
15	nk	7	11	16
16	nş	10,5	11,5	
17	fn	9	11	17
18	rp	11	25	14
19	rs	6	18	
20	rd	6,5	9	12
21	rg	7	10	14
22	rz	6,5	10,5	15
23	rş	7	11	14
24	rm	7	10	(4)
25	rt	7	12	(2)
26	rv	7	10	(7)
27	rk	6	13	15
28	st	11	13	(7)
29	sk	10	11	(7)
30	şb	8	10	(4)
31	şk	10	11	
32	şt	7	10	
33	şx	9,5	10	(4)
34	xl	7,5	9,5	(7)
35	xç	9	12	9
36	xs	9,5	14,5	(4)
37	vr	6	9	4
38	vç	7	9	13
39	zg	8	11	8

Из приведенных данных, указывающих на среднюю длительность согласных в 39 группах, видно, что в 32 группах первый согласный длиннее второго, в 7 группах, наоборот, второй согласный длиннее первого. В группах № 2—6 первые согласные смычные глухие к и к' длиннее последующих смычных, щелевых и дрожащих, представленных в качестве второго согласного этих групп. В группах № 13 и 14 первый согласный п значительно длиннее последующих за ним g, d. В остальных группах, представляющих собой различные модели, первый согласный длиннее второго.

Таким образом, в конце первого и в начале второго слога двусложных слов выявляются в зависимости от характера согласных различные варианты фонем по длительности. Цифровые данные показывают, что степень различия в длительности между вариантами согласных каждой группы обусловлена способом образования этих согласных. С целью определения средней длительности согласных близких или одинаковых по способу образования в табл. 14 приводятся модели групп согласных и цифровые данные, характеризующие длительность согласных по этим моделям.

Таблица 14

Образец модели	Модель	Длительность согласных по модели		Примеры
		первая часть модели	вторая часть модели	
rs	дрожащий+щелевой шумный	7	10,5	bırsı
rp'	дрожащий+смычный сонант	8	10,5	zurıe
rp	дрожащий+смычный шумный	7,5	14	derpē
lx	щелевой боковой сонант+щелевой шумный	12	14	dılxaś
lb	щелевой боковой сонант+смычный шумный	8	11,5	xılbıř
řx	щелевой шумный+щелевой шумный	9,5	12	kařxank
řk	щелевой шумный+смычный шумный	9	11	xıřkük
xl	щелевой шумный+щелевой боковой сонант	7,5	9,5	saxlem
př	смычный сонант+щелевой шумный	10,5	11,5	meňřır
pk	смычный сонант+смычный шумный	10	10,5	banka
kb	смычный шумный+смычный шумный	13	9	bıkbır
ks	смычный шумный+щелевой шумный	15	14,5	ēksen
kl	смычный шумный+щелевой боковой сонант	12	9	teklıř
kr	смычный шумный+дрожащий	12	10	sıkrın

Как уже говорилось выше, наиболее тесная связь существует между согласными в группе в конце слова, где они непосредственно произносятся друг за другом и употребляются в пределах одного слога. Наряду с этим, в конце одно-

сложного слова встречаются следующие группы согласных: fk, şk, şt, st, sp, ng, nd, nc, nk, rm, rz, rd, rk, lm, lk, а в конце двусложных—fk, şk, şt, st, nk, nd, rk, zk.

В табл. 15 приводятся цифровые данные, характеризующие длительность согласных в этих положениях.

Таблица 15

Группа согласных	Длительность первого согласного	Длительность второго согласного	Число измерений	Примеры
------------------	---------------------------------	---------------------------------	-----------------	---------

а) в конце односложного слова

fk	12	15	4	sifk
şk	11	14	9	peşk
şt	10,5	13	22	deşt
st	8	15,5	14	dest
sp	7	14	17	hesp
ng	9,5	12	8	ling
nd	9	11	12	gund
nc	7,5	13	8	dınc
nk	5,5	11,5	8	bınk
rm	10	16	13	germ
rz	8	16	21	derz
rd	8	18	27	k'urd
rk	7	10	14	bırk
lm	4	6	18	k'elm
lk	11	15	8	silk

б) в конце двусложного слова

fk	13	16	14	balıfk
şk	9	12	12	talışk
şt	12	14	8	benişt
st	12	21	8	serbest
nk	9	12	13	tezınk
nd	11,5	15	10	kulınd
rk	10,5	12	4	k'umk'urk
zk	9	11,5	6	tevizk

Из приведенных данных видно, что в конце односложного и двусложного слова первый согласный значительно короче второго согласного группы. Конечный согласный, как правило, произносится долго. Сравнение показывает, что как первый, так и второй согласный групп в конце двусложного слова длиннее, чем в конце односложного. На это указывает длительность согласных тех групп, которые употребляются как в конце односложного, так и в конце двусложного слова. Например, согласные st в конце односложного слова имеют длительность в 8—15,5 σ, в конце двусложного слова они имеют длительность в 12—21 σ, т. е. на 4—5,5 σ.

Говоря о длительности согласных, об их количественном изменении, необходимо обратить внимание также на количественные соотношения между отдельными согласными. Этот вопрос важен тем, что до настоящего времени неизвестно, в каких количественных отношениях находятся согласные в курдском языке.

В сводной табл. 16 приводятся данные, характеризующие среднюю длительность согласных в пределах односложных и двусложных слов.

Таблица 16

Положение Фонемы	Односложное слово		Двусложное слово		
	абсолютное начало	абсолютный конец	абсолютное начало*	интервальный	абсолютный конец
b	7	15	(6)	8,5	15
p	—	16	(—)	12	15
p'	—	17	(—)	10	16
m	6	9	(6)	10	7
v	15	16,5	(14)	9	16
f	17	18	(16,5)	10	18
d	11	14	(6,5)	11	14
t	—	15	(—)	12	15
t'	—	(16)	(—)	12	15
l	—	15,5	(—)	—	—
n	9	10	(5,5)	7	9,5
l	10	12	(9)	12	10
i	7	10	(6,5)	—	—
r	—	8	(—)	6,25	9,5
r	10	11	(9)	8	11
c	11	13	(10,5)	10	11
c	13	14	(12)	15	—
c'	12	13,5	(10,5)	12	12
z	14	17	(10,5)	12	17
z	12	15	(10)	10	—
s	17	19	(15)	14,5	18
s	15	18	(14,5)	16,5	—
ŷ	12	16	(10,5)	11	11
ŷ	15	18	(14,5)	14	17
k	12	13	(9)	11	13
k'	—	14	(—)	12	17
x	—	15	(—)	15,5	17
q	14	15	(15)	10,5	18
—	—	13	(—)	14	17

Как видно из приведенных данных, глухие согласные длиннее звонких: в абсолютном начале односложного слова (в словах типа ŷîr, jîr) глухой ŷ имеет длительность в 15 с,

\* Цифровые данные, характеризующие длительность ударных и неударных звуков, в этом положении объединены.

а звонкий j—в 12  $\sigma$ , т. е. на 3  $\sigma$  меньше. Это различие между s и z равно 3  $\sigma$ ; между v и f—2  $\sigma$ ; между s и z—3  $\sigma$ ; между c и ç—2  $\sigma$ . Таким образом, в абсолютном начале односложного слова звонкие согласные c и v на 2  $\sigma$ , z, z и j на 3  $\sigma$  короче соответственных глухих пар ç, f, s, ç, s.

В интервокальном положении глухой согласный ç имеет длительность в 14  $\sigma$ , а j—в 11  $\sigma$ , т. е. на 3  $\sigma$  меньше. Различие в длительности между v и f—1,5  $\sigma$ ; между g и k—1  $\sigma$ ; между z и s—2,5  $\sigma$ ; между d и t—1  $\sigma$  и т. д.

В абсолютном конце односложного слова различие в длительности между b и p равно 1  $\sigma$ ; между d и t—1  $\sigma$ ; между g и k—1  $\sigma$ ; z и s—3  $\sigma$ ; между j и ç—2  $\sigma$ ; между v и f—1,5  $\sigma$ .

В этих положениях, как и в абсолютном начале и абсолютном конце двусложного слова, некоторые глухие согласные оказываются несколько длиннее соответственных звонких. Другие глухие согласные либо лишены этой способности, либо их длительность не превышает длительности соответственных звонких больше, чем на одну сигму, что, по всей вероятности, не имеет практического значения. Так, в абсолютном начале односложного слова глухой согласный f имеет длительность в 17  $\sigma$ , а звонкий v—в 15  $\sigma$ . В этом же положении глухой согласный ç имеет длительность в 13  $\sigma$ , а звонкий c—в 11  $\sigma$ .

Как видим, степень различия в длительности между глухими и звонкими указанных двух пар (f—v; ç—c) в абсолютном начале односложного слова одинакова. Как у f, v, так и у ç и c это различие равно 2  $\sigma$ . Однако у других пар, таких как s—z, s—z, ç—j, в этом же положении различие чуть-чуть больше и равно 3  $\sigma$ .

В абсолютном конце односложного слова p, t, k на 1  $\sigma$  длиннее звонких b, d, g; глухой ç на 2  $\sigma$  длиннее звонкого j; глухой s на 3  $\sigma$  длиннее z и, наконец, глухой f на 1,5  $\sigma$  длиннее звонкого v.

Приведенные данные показывают, что различие в длительности между глухими непридыхательными и глухими придыхательными незначительное, а в некоторых случаях его вовсе нет. Так, например, глухой непридыхательный p в конце односложного слова имеет длительность в 16  $\sigma$ , в конце двусложного слова—в 15  $\sigma$ , а глухой придыхательный p' в

обоих положениях—на 1 σ больше; можно думать, что р и р' практически совпадают по длительности. То же самое можно сказать о согласных t и t'; k и k'. У них это различие в конце односложного слова равно 1 σ, а в конце двусложных слов его нет.

Исходя из данных, приведенных в табл. 16, можно сказать, что невелиризованные согласные чуть-чуть длиннее велиризованных. Это хорошо видно из длительности, например, согласных l и l̄. Длительность l в начале слова на 3 σ и в конце односложного слова на 2 σ больше длительности l̄ в соответственных положениях. Примерно таковы же отношения между другими велиризованными и невелиризованными согласными, за исключением одного положения, где s, наоборот, на 2σ оказывается длиннее согласного s̄.

В количественном отношении смычные и щелевые согласные, как две группы разных по способу образования согласных, значительно отличаются друг от друга. Из приведенных в сводной табл. 16 цифровых данных видно следующее: 1) глухие щелевые шумные согласные длиннее глухих шумных смычных согласных; 2) шумные щелевые сонанты длиннее смычных сонант; 3) среди щелевых согласных шумные щелевые длиннее шумных боковых сонант; 4) среди смычных согласных шумные согласные длиннее сонант. Таким образом, как среди смычных, так и среди щелевых согласных сонант значительно короче щелевых и смычных шумных согласных.

## УДАРЕНИЕ

Во время эксперимента выяснилось, что длительность звука в зависимости от места ударения не изменяется. Таким образом, вопрос о количественном характере ударения отпадает. В диалекте ударение может быть названо силовым и музыкальным (тоническим), так как ударный слог на слух выделяется среди других как силой произношения, так и значительным повышением высоты тона<sup>8</sup>. В нем правила употребления ударения и его отсутствия такие же, как и в других говорах северного наречия<sup>9</sup>. Ударение обычно бывает на последнем слове. Например: bagzáp—иня собственное, bírá 'брат', písmám 'родственник' и т. д.

<sup>8</sup> Такой тип ударения, т. е. смешанное ударение, встречается в современном персидском языке. Об этом см. Ч. У. Ышривақияв, *Персишқдер шрққі штрққерініні бнзундшршніл. Ф. ж. б. 1981 р.*

<sup>9</sup> См. наиболее развернутое описание ударения в работе: Ч. Х. Бакаева, *Говор курдов Туркмении*, М., 1961, стр. 20—27

Имеется небольшое количество слов, в которых ударение падает на первый слог. Это в основном слова, образованные путем простого соединения служебных слов. Например: *pé'kvê* 'вместо', *pávga* 'через', *s'í'ga* 'почему', *hí'ngé* 'тогда', *s'ánkú* 'потому что', *gélek* 'много' и т. д.

В бахдинанском диалекте ударение выступает как очень важное морфологическое средство различения форм. Каждая грамматическая форма имеет свое обязательное ударение. Отсутствие ударения или нарушение его места приводит к нарушению семантического и грамматического значения форм. Различие форм по ударению наблюдается в именах существительных, глаголах и т. д.

<i>k'iri'n</i>	'делать' (имя действия—инфинитив)
<i>k'irín</i>	'делали' (глагольная форма прош. времени в 3-ем лице мн. числа)
<i>k'efti'n</i>	'падать' (имя действия—инфинитив)
<i>k'éftín</i>	'падали' (глагольная форма прош. времени в 3-ем лице мн. числа)
<i>zíné'</i>	собственное имя в прямом падеже
<i>z'íně</i>	собственное имя в звательном падеже
<i>şíré</i>	'сок'
<i>şí'ge</i>	'это молоко'
<i>pasí'</i>	'знакомство'
<i>pási</i>	'ты знаком'
<i>ciwani'</i>	'красота'
<i>ci'wani</i>	'ты красив'
<i>ji'nek</i>	'одна женщина' или 'какая-то женщина'
<i>ji'nek</i>	'мужчина с женским характером'
<i>çávek</i>	'один глаз'
<i>çavék</i>	'человек, способный сглазить'
<i>bi'rek</i>	'одна группа'
<i>bi'rek</i>	'пилка'

### Фонетические явления в диалекте

1. *Оглушение звонких согласных в конце слов.* Слуховые и экспериментальные наблюдения показывают, что в диалекте, как правило, все звонкие согласные *j, v, z, ẓ, d, g, b* в конце слов оглушаются, т. е. произносятся как соответствующие им парные глухие *ş, f, s, ṣ, t, k, p*. В результате такого явления возникли омофоны, например: *tij* — *tíš* (горький—полоса), *dev* — *def* (рот—барабан), *nik* — *nig* (нога—предлог „к“) и т. д.

2. *Ассимиляция звонких согласных.* Звонкие согласные в положении перед глухими полностью оглушаются, т. е.

происходит их ассимиляция глухими согласными. Так, например: *barrîr* 'дедушка' (от *bab* 'отец' и *rîr* 'старик'), *bilintîr* 'выше' (от *billnd* 'высокий', суффикс *tîr*), *mestîr* 'старший' (от *mezîn* 'большой', суффикс *tîr*) и т. д.

Наблюдается ассимиляция носового переднеязычного п носовым губно-губным согласным *b*, например: *zembîlfiroş* от *zenbîlfiroş* 'торговец корзинами', *ambar* от *anbar* 'склад' и т. д.

3. В диалекте, как правило, веларизованные согласные *t*, *l*, *s*, *z* проявляются только в соседстве с гласными *a*, *e*, *i*. При этом эти гласные значительно изменяются. В этих положениях гласный *i* определяется примерно как *e*; *e* — как *a*; *a* — как *a<sup>o</sup>*: *sar* (*sa<sup>o</sup>* — | *r*) 'холодный'; *se* (*sa<sup>o</sup>* — |) 'собака'; *liç* (*iə* — | *ç*) 'мягкий' и т. д.

4. *Выпадение звуков в конце слов.* В потоке речи звонкие согласные *z*, *g*, *p* в конце слова обычно выпадают, когда последующее слово начинается с согласных звуков *m*, *b*: *nîsa mî bîde* 'покажи мне' (вместо *nîşan/mîn bîde*) и т. д. Наблюдается выпадение звонкого согласного *z* в слове *ez* 'я': *e dibêjm* 'я говорю' (вместо *ez dibêjm*).

5. В диалекте, как правило, не допускается стечение двух гласных, обычно между ними появляется вставочный согласный *y*. Это явление особенно ярко проявляется, когда к словам или грамматическим формам, оканчивающимся на гласный, присоединяются изафетные показатели, окончание падежей, личные окончания глагольных форм, словообразующие суффиксы и т. д., начинающиеся на гласный. Например: *bîrayê mîn* 'мой брат' из *bîra* 'брат' + вставочный *y* + изафетный показатель мужского рода *ê*; *gêya rast* 'прямая дорога' из *gê* 'дорога' + вставочный *y* + изафетный показатель женского рода *a*; *Mamiyî gutî* 'Маму сказал' из *Mamî* — собственное имя + вставочный *y* + окончание косвенного падежа имен существительных мужского рода в единственном числе *î*; *bîrayînî* 'братство' из *bîra* 'брат' + вставочный *y* + словообразующий суффикс *înî*; *tû hatîye vêrê* 'ты пришел сюда' из *hatî* — причастная форма от глагола *hatin* 'приходить' + вставочный *y* + окончание перфектной формы во втором лице единственного числа и т. д.

В диалекте широко распространена тенденция энклитики и проклитики. В потоке речи местоимение, предлоги, союзы и частицы обычно примыкают к последующему или предше-

ствующему слову, носителю смыслового ударения и составляют с ним одно фонетическое целое. Например: c'il teye 'что с тобой?' (c'il: из местоимения c'i 'что' и предлога li); şber 'из-за' (из предлога ji и предлога ber); lmalê 'дома' (из предлога li и формы косвенного падежа от имени mal 'дом'); Tacidîn yêl kûc'ka mîrî 'Таджин находится во дворце эмира' (yêl: из местоимения yê и предлога li) и т. д.

Слитное произношение служебных слов с знаменательными приводит к возникновению новых слов. Такие слова, как pêk've-(bi+êk'+ve) 'вместо'; k'ive (k'î+ve) 'куда', şêk (ji+êk) 'друг от друга', gelik (gel+êk) 'целиком, вместе' и многие другие образованы таким путем.

7. В заимствованных из арабского языка словах типа: hebs, sebah и т. д. фонема h' в диалекте смягчается и произносится как h: hebs 'тюрьма', subah 'утро' и т. д.

8. В диалекте, как правило, все гласные звуки в соседстве с носовыми согласными п и m назализуются, как это видно из кимограммы гласных.

## МОРФОЛОГИЯ

### ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

*Неопределенный артикль.* Единичность (неопределенность) имен существительных выражается в бахдинани, как и в других говорах северного наречия, суффиксом -ek, который реализуется в двух фонетических вариантах: согласный—ek и гласный—yek. Последний вариант характерен для бахдинани, в отличие от литературного языка, например:

I. a) mîrûvek (mîrûv+ek)	'какой-то человек'
gundek (gund+ek))	'какая-то деревня'
jînek (jîn+ek)	'какая-то женщина'
б) axayek (axa+yek)	'какой-то ага'
sakûyek (sakû+yek)	'какой-то пиджак'
seyek (se+yek)	'какая-то собака'

II. Carekê ij gundekî îş gundêd K'urdistanê axayek hebo 'Некогда в одной из деревень Курдистана жил какой-то ага'; seyek dû bêhna hevîrê tirşî têt 'Какая-то собака бежала (бежит) на запах кислого теста' и т. д.

Показателю неопределенности *ek/-yek* во множественном числе соответствует неопределенное местоимение *hinde*.(k) 'некоторые' в прямом падеже: *Her êkê hinde kulînd yêd rêve heyîn batmaneke û dara gîzê ya mezîn hinde gîz yêd biçkûk yêd rêve* '(Он увидел стебли тыквы) на каждом из которых висят такие тыквы, которые весят (каждая) по батману, и большое ореховое дерево, на котором немного маленьких орехов; *Paq ez mam def Barzanî sê-çar careka* 'В прошлом году я три-четыре раза бывал у Барзани'.

Во множественном числе в говорах северного наречия имеется специальный показатель неопределенности имен существительных в виде *-pe*<sup>1</sup> (в литературном языке и в говоре курдов Туркмении) и *-in*<sup>2</sup> (в говоре курдов Сирии). В бахдинани этого показателя нет.

**Определенный артикль.** В северном наречии неопределенному артиклю противостоят указательные местоимения *ev* 'этот', *ew* 'тот' в значении определенности.

Свообразными в бахдинани являются обязательные форманты определенности *-e/ye* (в единственном числе), *-ene/ylene* (во множественном числе), присоединяемые к именам существительным, стоящим после указательных местоимений *ev*, *ew*: *ev xîşke* 'эта сестра', *ew îcahe* 'то племя'; *ev xîş-kepe* 'эти сестры', *ev îcahepe* 'те племена'.

Если имя существительное оканчивается гласным звуком, то форманты *-e* и *-ene* присоединяются к нему посредством вставочного *y*, например: *ev çaqûye* 'этот нож' и *ev çaqûylene* 'эти ножи'.

Примеры: *bît bêjît ev yê mine* 'Может быть, скажешь, что и этот головной убор мой?'; *Nûke dê bêjît, kû ev sakûyejî yê mine*. 'Сейчас скажет, что этот пиджак и брюки мои'; *Ev derwêşe min carekê yê dîfî*. 'Этого дервиша я однажды уже видел', *Kûrê min, xûdê ev rûke ev rêke da min û ez hatimnîk hewe* 'Сын мой, бог дал мне сегодня эту дорогу и я пришел к вам'. Форманты *-e/ye* (в ед. числе), *-ene/ylene* (во мн. числе) присоединяются также к указательным местоимениям с анафорическим значением, например: *Hîvua min ewe, il nîva rê Ferhan axa il-gel xulamêd xo min bibî-*

<sup>1</sup> См. К. К. Курдоев. Курдский язык. М., 1961, стр. 21; Ч. Х. Бакаев. Говор курдов Туркмении. М., 1962, стр. 43.

<sup>2</sup> См. К. А. *Bedir-xan*. *Langue Kurde*. т. 1, 1959, стр. 3.

nît, da xencerekê il qulınca mîn bişîdînît da eve/ev jîne/vê-  
k'eyûfê îp çevêd хонebînît. 'Я хочу (у меня просьба), чтобы  
фархан ага со своими слугами на полпути увидел меня и  
ударил меня в спину мечом, чтобы (лишь) она (эта жен-  
щина) не увидела своими глазами этого веселья'.

Форманты определенности -e/ye, -ene/yepe не употреб-  
ляются с именами существительными в косвенном падеже.  
Формант -e/ye соответствует форманту -а в литературном  
языке и говоре курдов Туркмении, а формант -ene/yepe—  
форманту -апа. Эта черта сближает бахдинанский диалект  
с южным наречием. Ср.: бахдинани ev jîne, южное наречие  
ev jîne, литературный язык ev jîna, говор курдов Туркмении  
ev jîna' эта женщина'.

### Падеж

*Прямой падеж* имен существительных совпадает с осно-  
вой и не имеет специального грамматического показателя  
числа, рода и падежа. Все же следует отметить, что имя в  
прямом падеже воспринимается в значении единственного  
числа. Для множественного числа необходимы дополнительные  
указания в виде глагольных окончаний и изафетных  
показателей.

*Косвенный падеж.* В бахдинани формант косвенного па-  
дежа зависит от числа и рода имени, различая, как и в дру-  
гих случаях, согласный и гласный варианты: ед. ч. ж. р.  
-ê/yê, м. р. -î/yî; мн. ч. -а/ya, например: а) косв. пад. имен  
существительных женского рода: jîn+ê 'женщина', xîşk+ê  
'сестра', deyk+ê 'мать', ûde+yê 'комната', с'а+yê 'чай',  
xû+yê 'соль', gê+yê 'дорога'; б) косв. пад. имен существительных  
мужского рода: ber+î 'камень', dîfn+î 'нос',  
пап+î 'хлеб', аха+yî 'ага', bîşe+yî 'лес', Heso+yî (соб-  
ственное имя); исключение из этого правила составляет  
только исходный î, который при стыке с формантом кос-  
венного падежа лишь чуть-чуть удлиняется: сî 'еврей', gî  
'лицо', mî 'волос' и т. д.; в) косв. пад. имен существительных  
обоих родов во множественном числе: ûde+ya 'комна-  
ты', gê+ya 'дороги', givî+ya 'лисы', kûre+ya 'слепые'; sîy-  
ag+а 'всадники', tam+а 'дядя', barîr+а 'деды' и т. д. На-  
пример: wî axayî gelek xîlmetk'ar hebon o gelek axayekê îp  
gûbo il wî axê lê dijî 'У этого ага было много слуг и он  
был очень знаменит в этом месте, где он жил'; zîkê hespî

'брюхо лошади'; Mîrî rêlavêd xû k'êşand. 'Эмир одел свою обувь'; axaуî pîşyar jê kir. 'Ага спросил его'; xatîn il Hesouî aşiq bû. 'госпожа влюбилась в Хасо'; van berê xo dane çîyaуî. 'они отправились в горы'; cî bû hespekê zînkîrî ina. 'Еврей привел ему оседланную лошадь'; Melayî cîllik kirne ber xû û gûtî: 'Ez neşêtm rêya bihêtm'. 'Мулла оделся и сказал: „Я не могу идти пешком“, и т. д.

Различие в образовании форм косвенного падежа имен существительных между бахдинани и литературным языком курдов СССР сводится к тому, что в последнем имеются три способа образования косвенного падежа имен существительных мужского рода (без артикля в единственном числе): а) нулевая флексия, б) внутренняя флексия и в) образование косвенного падежа некоторых имен существительных мужского рода по женскому типу, т. е. при помощи форманта -ê. Указанные способы образования косвенного падежа отсутствуют в бахдинани, и косвенный падеж имен существительных мужского рода в нем образуется формантом -î, ср.:

бахдинани	литературный язык	
babî nan xar	bavê nan xar	'отец съел хлеб'
ew kefte aşî	ew kete êş	'он вошел в мельницу'
Tacîdînî gûte mîrî	Tajdîn gote mîr	'Таджин сказал эмиру'

Эта черта бахдинани сближает его с мукри, входящим в южное наречие, например: «я ем хлеб» в бахдинани ez panî dixûm и в мукри emîn panî exwîm.

**Звательный падеж.** Формы звательного падежа дифференцируются по грамматическому роду и числу. Формант звательного падежа: ед. ч. ж. р. -ê, м. р. в Бамарни -a/û, в Атрише -o; мн. ч. в Бамарни -îp; в Атрише -îpe. В звательном падеже, как правило, употребляются имена родства. В отношении других разрядов слов форма звательного падежа носит факультативный характер: Baba, şivê dî min dît kiç-ikeka geleka can. 'Отец, в прошлую ночь я увидел очень красивую девушку'; Mamû, bu me cêgûkê bêje. 'Дядя, расскажи-ка нам сказку'; Camêrê, dê bû dewrêşê me cigara bînê. 'Благородная, принеси-ка нашему дервишу трубку'; kiçê, k'içê, k'ive dê çit? 'Девушка, девушка, куда (ты) идешь?' Babîn u birayîn xû çêken bû azadyê. 'Отцы и братья, готовь-

тесь бороться за свободу!'; xîşkîne, av dikîşît? 'Сестры, те-чет вода?'

Форма звательного падежа обладает особенностями, сближающими бахдинани с южным наречием: формант -îp/îpe является общим показателем, при помощи которого как в бахдинани, так и в южном наречии образуется форма звательного падежа во множественном числе. Что касается говоров северного наречия, то между ними и бахдинани в этом отношении расхождение большое: форманты -a/â/o; -îp/îpe соответствуют формантам -o; -po в литературном языке и говорах курдов Туркмении и Сирии, например:

ba <sup>ba</sup> , ma <sup>mâ</sup>	в бахдинани	и ba <sup>vo</sup> , a <sup>po</sup>	'отец', 'дядя'
			в литературном языке
ba <sup>bîne</sup> , ma <sup>mîne</sup>	в бахдинани	и ba <sup>vno</sup> , a <sup>rpo</sup>	'отцы', 'дяди'
			в литературном языке.

### Типы склонения в бахдинани

По типам склонения имен существительных бахдинани резко отличается от литературного языка и говоров курдов Туркмении и Сирии. В бахдинани, в связи с отсутствием в нем внутренней и нулевой флексии, различаются два типа склонения вместо трех. К первому типу относятся все имена существительные женского рода, ко второму—все существительные мужского рода. В отношении первого склонения следует применять термин «женское», а в отношении второго—«мужское». Женское склонение характеризуется внешней флексией -ê/yê для имен существительных в косвенном падеже единственного числа, например: rû<sup>ha</sup> de<sup>yk</sup>+ê 'душа матери', na<sup>vê</sup> xîşk+ê 'имя сестры', l-û<sup>de</sup>+yê 'в комнате' и т. д.

Мужское склонение характеризуется внешней флексией -î/yî для имен существительных в косвенном падеже единственного числа, например: xîşk<sup>a</sup> mîr+î 'сестра эмира', ba<sup>b</sup>+î gû<sup>t</sup> 'отец сказал', ma<sup>m</sup>+î l-gel wî gû<sup>t</sup> 'дядя беседовал с ним' и т. д.

### Род

В бахдинани, в отличие от говора курдов Туркмении, различение имен существительных по роду представляет собой весьма устойчивое грамматическое явление. Как и в литературном языке, существительные по роду различаются

в единственном числе в формах косвенного и звательного падежей (см. косвенный и звательный падежи), в изафетных формах (см. изафетные формы) и в относительных и указательных местоимениях (см. относительные и указательные местоимения).

В бахдинани нет строгого правила в отношении родовой дифференциации иностранных имен существительных. Из слов, заимствованных из арабского языка, некоторые относятся к мужскому роду, другие—к женскому, например: *zîné xû xemiland, gelek cilkêd taze kirne ber xû û c'û serê cîsrî l-hîvya Memê*. 'Зине нарядилась, надела очень красивое платье и пошла на мост ждать Маме'; *gûha wî t'emam bû*. 'Душа покинула его тело'.

В первом предложении заимствованное из арабского языка слово *cîsrî* 'мост' в бахдинани относится к мужскому роду и в косвенном падеже оформлено формантом косвенного падежа имен существительных мужского рода -î. Во втором предложении заимствованное слово *gûh* 'душа' в изафетном сочетании оформлено формантом женского рода в единственном числе -ê. В литературном языке слово *cîsrî* отсутствует, а *gûh* употребляется очень часто, но относится к мужскому роду, например: *gûh-ê min* 'моя душа' (-ê—изафетный формант мужского рода единственного числа). Следует отметить, что в литературном языке тоже одни заимствованные слова относятся к женскому роду, а другие—к мужскому, так, например: *tiraktor* 'трактор' относится к женскому роду, а *motor* 'мотор'—к мужскому и т. д.

### Число

В диалекте различаются два числа: единственное и множественное. Множественное число имен существительных выражается окончанием косвенного падежа -a, окончаниями звательного падежа -îne (в Атрише), -îp (в Бамарни) (см. зват. падеж) и изафетным формантом -êd/t (см. изафет. формы).

В бахдинани, как и в других говорах северного наречия, наряду с морфологическими способами выражения числа, дифференциация числа происходит также при помощи глагольных личных окончаний, ср. *kurik dixîn+ît* 'мальчик читает' и *kurik dixîn+îp* 'мальчики читают'. При выражении множественного числа имен существительных употребляются глагольные формы множественного числа, и, соответственно, при выражении единственного числа имен существительных употребляются глагольные формы единственного числа.

## Изафетные формы

В бахдинани имеется одна серия изафетных формантов (вместо двух серий в литературном языке и говоре курдов Туркмении): -а (для женского рода в единственном числе), -ê (для мужского рода в единственном числе) и -êd/t (для обоих родов во множественном числе). Форманты -а, -ê, -êd/t употребляются в двух вариантах: согласный -а, -ê, êd/t и гласный -уа, уê, -уêd/t, например: se +уê gundî 'деревенская собака', рê+уêd min 'мои ноги', ба+уê sag 'холодный ветер', гê+уа gast 'прямая дорога', de+уа wî 'его мама', sî+уа çîуауî 'тень горы', şev+а геş 'темная ночь', zîk+ê hespî 'брюхо лошади'; kiçêd bajêgî 'городские девушки'.

Данная серия изафетных формантов употребляется в бахдинани во всех тех случаях, где в литературном языке употребляются изафетные форманты первой серии -ê, -а, ê/d/ и второй -î, -е, -пе, например:

в бахдинани	в литературном языке	
1. xîşk+а te	xûşk+а te	'твоя сестра'
birа+уê wî	bir(a)+ê wî	'его брат'
mam+êd min	ap+ê(d) min	'мой дяди'
2. xîşk+ek+а	xuşk+ek+е min+е	'одна моя красивая
min+а can	bedew	сестра'
birа+k+ê min	birа+k+î min+î be-	'один мой красивый
+ê xîşkûk	dew	брат'
mam+êd min+	ap+êd min+е qosaх	'мои смелые дяди'
+êd zîrek		

Функции и значения изафетных форм в бахдинани те же самые, что и в литературном языке и говоре курдов Туркмении.

## ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Сравнительная степень имен прилагательных в диалекте образуется с помощью суффикса -tir: qalim 'толстый'—qallm-tir 'толще'; şîrîn 'сладкий', — şîrîn-tir 'слаще'; gîran 'тяжелый'—gîran-tir 'тяжелее'. Если имена прилагательные имеют в исходе звонкие согласные z, ẓ, j, d, v, то при осложнении суффиксом -tir указанные согласные оглушают-

ся и переходят в соответственные глухие согласные s, s̄, ş, t, f: tîj 'горький'—tîş-tîr 'горше'; bilînd 'высокий'—bilîntîr 'выше'; mezîn 'большой'—mestîr 'больше'; lez 'скорый'—lestîr 'скорее' и т. д.

Превосходная степень прилагательных в бахдинани, как и в южном наречии, образуется при помощи суффикса -tîrîn, например: mezîn 'большой'—mezîntîrîn 'самый большой'; can 'красивый'—cantîrîn 'самый красивый'. В бахдинани, кроме суффикса -tîrîn, превосходная степень может быть образована и описательно, при помощи сочетаний her yê, her ya, her yêd и сравнительной степени прилагательного: her ya şîrîn+tîr 'самый сладкий' (от şîrîn 'сладкий'), her ya bilîn+tîr 'самый высокий' (от bilînd 'высокий') и т. д.

## МЕСТОИМЕНИЕ

### Личные местоимения

В бахдинани личные местоимения те же, что и в других говорах северного наречия. Однако в составе этих местоимений существует ряд фонетических изменений, которые отличают один говор от другого. Различие между говорами бахдинани, с одной стороны, и между другими говорами северного наречия и бахдинанскими, с другой стороны, в основном заключается в формах 2-го лица единственного и множественного числа.

#### Личные местоимения в говорах:

Число	Лицо	Бахдинани					Литературный язык
		Бамарни	Атриш	Шейхан	Амедие	Акра	
Ед.	1-е	ez	ez	ez	ez	ez	ez
Ед.	2-е	tû	to	tu	to	(e)to	tu
Ед.	3-е	ew	ew	ew	ew	ew	ew
Мн.	1-е	em	em	em	em	em	em
Мн.	2-е	hîn	hunk	hûn	hing	hûng	hûn
Мн.	3-е	ew(an)	ew(an)	ew(an)	ew(an)	ew(an)	ew(an)

#### Прямые формы

Ед.	1-е	ez	ez	ez	ez	ez	ez
Ед.	2-е	tû	to	tu	to	(e)to	tu
Ед.	3-е	ew	ew	ew	ew	ew	ew
Мн.	1-е	em	em	em	em	em	em
Мн.	2-е	hîn	hunk	hûn	hing	hûng	hûn
Мн.	3-е	ew(an)	ew(an)	ew(an)	ew(an)	ew(an)	ew(an)

### Косвенные формы

Ед.	1-е	min	min	min	min	min	min
Ед.	2-е	te	te	te	te	te	te
Ед.	3-е	(e)wI	(e)wI	(e)wI	(e)wI	(e)wI	(e)wI
Мн.	1-е	me	me	me	me	me	me
Мн.	2-е	hewe	hunke	we	we/hewe	huinge	we
Мн.	3-е	(e)wan	(e)wan	(e)wan	ewan	ewan	ewan

Из сравнения видно, что прямой формой личного местоимения 2-го лица множественного числа в Бамарни является hîp, в Атрише—hunke; косвенной формой личного местоимения 2-го лица множественного числа в Бамарни является hewe, в Атрише—hunke.

В отличие от Бамарни и Атриша в сравниваемых говорах прямые и косвенные формы личного местоимения во втором лице множественного числа представлены в виде hîp, we в литературном языке и в говоре курдов Шейхана (в Иракском Курдистане), hing, we—в речи курдов Амедие, huing, huingo в речи курдов Акра.

Кроме того, в единственном числе форма второго лица в Бамарни совпадает с аналогичной формой в Шейханае. В Атрише эта форма совпадает с аналогичной в Амедие. В остальных случаях личные местоимения в говорах совпадают.

### Указательные местоимения

Общезвестные указательные местоимения северного наречия ev 'этот', 'эта', 'это', ew 'тот', 'та', 'то'—в единственном числе; van 'эти' и wap 'те' во множественном числе употребляются и в бахдинанском диалекте.

Местоимения ev, van, ew, wap употребляются обычно в качестве личных местоимений 3-го лица. При этом местоимения ev, van указывают на близкие предметы, лица, явления, ew, wap—на удаленные. Однако в Бамарни и Атрише в связи с тем, что ew, wap часто используются в значении ev, van, указывая на близкие предметы, это формальное различие между обеими группами местоимений стирается. Вместе с тем, для указания на удаленные предметы, лица и т. д. употребляются сочетания uê he, ya he 'тот', 'та', 'то'—в единственном числе и ued/t he 'те'—во множественном числе, которые способствуют сохранению в говорах различения понятий в указании на удаленные и близкие предметы, лица и т. д., например: ev u uê he s'ûne silal 'тот и другой поднимались наверх (досл. этот и тот)', ev mirûve û uêd he pismamêd hevalê minin 'этот человек и те люди родствен-

ники моего товарища'; *ev sitrane û ya he ml Amêdyê gûl bûy 'tu и другую песню (досл. эту и другую песню) я слышал в Амадие'*.

В говорах указательные местоимения *ev* и *ew* в косвенном падеже различаются по родам: форма косвенного падежа от *ev* будет *vî*—для мужского рода, *vê*—для женского рода. А от местоимения *ew* форма косвенного падежа *wî*—для мужского рода и *wê*—для женского, например: *vî nîçîrvanî û yê he teving ş-milêd xû îna xarê 'Этот охотник и тот сняли винтовки с плеч'; Vê jînê cilkêd mêrê xû şîştin 'Эта женщина стирала одежды своего мужа'; Vî xelkî nekujîne, xuda dê te kujît. 'Не убивай этот народ, бог тебя убьет' и т. д.*

### Взаимные местоимения

В качестве взаимных местоимений в говорах используются слова *lêk, vêk, şêk, têk, pêk*, которые образованы путем осложнения количественного числительного *êk* 'один' предлогами *l, v, ş, p, t, /l+êk, v+êk, ş+êk, t+êk*. Образованные таким образом слова имеются и в южном наречии.

Кроме них в качестве взаимно-возвратного местоимения употребляется и количественное числительное *êk*, которое соответствует *hev* 'друг другу' в литературном языке и в говоре курдов Туркмении. Различные значения взаимно-возвратных местоимений в бахдинани выявляются в контексте, например: *gûjekê dû mirûv gehîştne êk 'Однажды встретились два человека' (букв. присоединились), Ew pêk hatin (ср. лит. язык: ew hev hatin) 'Они помирились (букв. они согласились друг с другом); Were da ş-êk bikeyîn 'давай разделим пополам' и т. д.*

### Вопросительные местоимения

Вопросительные местоимения в говорах следующие: *k'î, k'ê, k'îşk* 'кто', *s'î* 'что', например: *te bû k'ê çêrûk gût? 'Кому ты рассказал сказку?'; k'î ş-hewe gîro bû? 'Кто из вас опоздал?'; babo s'il te? 'отец, что с тобой?'; k'îş bû te gût? 'Кто тебе сказал' и т. д.*

## Возвратно-притяжательное местоимение

В курдском языке существует одна форма возвратно-притяжательного местоимения, которая в разных говорах имеет разные по фонетическому составу варианты. В Бамарни эта форма представлена в виде хû, а в Атрише—хо, в литературном языке—говоре курдов Армении -xwe/хо, а в южном наречии -хо.

Местоимение хû/хо в бахдинани имеет ряд значений, которые выявляются в контексте, например: ew c'ô mala хо. 'он ушел к себе домой', Zînê gêna gemlika хо 'Зин заглянула в свою Рам'; wê p-xû gût. 'она сама сказала' и т. д.

## ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

### Количественные числительные

Единицы		Десятки	
êk	'один'	de	'десять'
dû/o	'два'	bîst	'двадцать'
sê	'три'	sih	'тридцать'
c'ar	'четыре'	c'il	'сорок'
pênc	'пять'	pênce	'пятьдесят'
şeş	'шесть'	şêst	'шестьдесят'
heft	'семь'	heftê	'семьдесят'
heşt	'восемь'	heştê	'восемьдесят'
neh	'девять'	nût/pot	'девяносто'
Сотни		Тысячи	
sad	'сто'	hîzar	'тысяча'
dûsed	'двести'	dû hîzar	'две тысячи'
sêsad	'триста'		
c'arsad	'четыреста'		
pênsad	'пятьсот'		
şesed	'шестьсот'		
hefsed	'семьсот'		
hassed	'восемьсот'		
nehsed	'девятьсот'		

Порядковые числительные образуются от количественных числительных с помощью суффикса -ê, при этом образованная форма употребляется всегда в сочетании с относитель-

ными местоимениями *ya, yê* (в единственном числе) и *yêd/t* (во множественном числе), например: *ya êkê* — 'первая', *yê êkê* — 'первый', *yê dûê* — 'второй', *ya sêyê* — 'третья', *ya c'agê* — 'четвертая', *yêd sêyê* — 'третьи'.

*Дробные числительные* в Бамарни и Атрише образуются описательно, с помощью предлога *l-ser*, например: *êk l-ser dûya* 'одна вторая', *sê l-ser c'aga* 'три четвертых', *car l-ser hefta* 'четыре седьмых' и т. д.

В бахдинанских говорах отсутствует суффикс *-anî*, с помощью которого образуются дробные числительные в других говорах северного наречия.

*Разделительные числительные* в бахдинанских говорах образуются путем повторения количественных числительных: *êk-êk* «по одному», *dû-dû* «по два», *sê-sê* «по три» и т. д.

## ГЛАГОЛ

Бахдинани имеет богатую систему глагольных форм. Он отличается от других говоров северного наречия как наличием и отсутствием в нем той или иной глагольной формы, так и рядом особенностей образования глагольных основ и глагольных форм. В его составе выделяются две основы: настоящая и прошедшая.

Настоящая основа выступает в составе глагольных форм настоящего (*ez dik'evim, ezê dik'evim*) и будущего первого (*ez dê k'evim*) изъявительного наклонения, в формах настоящего аориста (*ez bik'evim*) и будущего второго (*ez da k'evim*) сослагательного наклонения и в форме повелительного наклонения (*bik'ève*), например: *Hindî plsyar kir, pezani kû dik'evîte k'îrê* 'Сколько (он) спрашивал, (так) и не узнал, в каком месте находится'; *Heke mi zanîba, kû tû dê c'î, ma ez da wekem kû c'ûbahî* 'Если бы я знал, что ты возвратишься обратно, то разве я позволил бы тебе уйти?'; *Mi zîn divêt û ez p-k'esê dî gazî nabîm û ez p-xû dê c'im bû xû lê gerîm* 'Я люблю Зине, и больше никого не хочу, (и) я сам пойду ее искать'; *Qeda mi bik'evît!* 'Пусть несчастье случится со мной!'; *Vêt kurê xû virêkene mek'tebê, da bixînit* 'Вы должны послать своего сына в школу, чтобы учиться' и т. д.

Основа прошедшего времени выделяется в составе глагольных форм простого прошедшего (*ez k'eftim*), прошедшего длительного (*ez dik'eftim*), давнопрошедшего времени

(плюсquamперфект) (ez k'eftbûm) изъявительного наклонения, в формах прошедшего аориста (ez k'eftblm; ez k'eftbam) сослагательного наклонения, в инфинитиве (k'eftin 'падать') и в форме причастия прошедшего времени (ezê k'eftim; ezê k'eftime), например: dilê wî gelek k'eftê 'Он очень (сильно) влюбился в нее'; plştî xarinê, yarya û galtê û maça herdû nehîş bûn û k'eftne ser t'extî û t-xew c'ûn 'После еды, шутки, веселья и поцелуев оба устали, легли на постель и заснули'; rûja hevte hesp p-ezman hat gûti: „Memê dê qeydêd min ş-rêyêd mi veke, ez neşem p-rêve bic'im ş-ber wê hajûtinê, eva te ez pê hajûtim“ 'На следующий день лошадь по-человечьи сказала: „Маме,ними с моих ног путы и оковы, я не могу скакать (с той скоростью), с которой ты меня гнал“; Hekû xelkê qesrê dîtin, hemî pêk've gabûn û gûtin: „Tû ser çava hatî mêhvanê law“. Hekû çavê xişka Zinê v-Memê k'eftin gelek dilê wê bêhnfireh bû û gûti... 'Когда люди во дворце увидели (его), то все вместе стали и сказали: „Добро пожаловать, красивый гость!“ Когда сестра Зине увидела гостя, ей стало очень весело и она сказала... и т. д.

В бахдинани инфинитивная форма глагола состоит из основы прошедшего времени инфинитивного суффикса -n, выявляемого в зависимости от характера исхода основы в двух вариантах: гласный -n и согласный -in, например: da-n (dan) 'давать с'û-n (cup) 'идти', но k'eft-in (k'eftin) 'падать', hat-in (hatin) 'приехать' и т. д.

Между основами настоящего и прошедшего времени имеются несколько различий, которые относятся к их морфологическому составу. По этим различиям глаголы в бахдинани могут быть объединены в некоторые группы:

1. У глаголов первой группы основы отличаются друг от друга, во-первых, чередованием их исходных гласных: a/ê

основа прош. вр.      основа наст. вр.      глагол

geŷya	geŷyê	geŷyan	'гулять'
diŷya	diŷyê	diŷyan	'рвать'
westya	westyê	westyan	'устать'
xişya	xişyê	xişyan	'волочиться'

Во-вторых, наличием гласного а в исходе основы прошедшего времени и отсутствием этого гласного в исходе основы настоящего времени:

основа прош. вр.      основа наст. вр.      глагол

îna	în	înan	'принести'
k'êşa	k'êş	k'êşan	'курить'
k'îla	k'îl	k'îlan	'пахтать'
quta	qut	qutan	'бить'

2. У глаголов второй группы основы отличаются друг от друга наличием конечного гласного у основы прошедшего времени -î и отсутствием этого гласного в исходе основы настоящего времени:

основа прош. вр.      основа наст. вр.      глагол

revî	rev	revîn	'бегать'
rizî	riz	rizîn	'гнить'
fiřî	fiř	fiřîn	'летать'
k'îrî	k'îř	k'îřîn	'купить'

3. У глаголов этой группы отличительным признаком основы прошедшего времени от основы настоящего времени является исход на t, при этом отсутствие t в исходе основы настоящего времени способствует иногда (не у всех глаголов) озвончению предшествующих согласному t щелевых ř, s, f.

основа прош. вр.      основа наст. вр.      глагол

girt	gir	girtin	'держат'
havêt	havê	havêtin	'бросать'
xast	xaz	xastin	'желать'
kuşt	kuj	kuştin	'убивать'
k'eft	k'ev	k'eftin	'падать'
alîst	alîs	alîstin	'лизать'
heřift	heřif	heřiftin	'расковыривать'
k'ellişt	k'elliş	k'elliştin	'варить'

4. У глаголов этой группы основы противопоставляются друг другу чередованием корневых гласных a/ê и наличием согласного t в исходе основы прошедшего времени, при этом если согласному t предшествуют щелевые î, s, ř, то они озвончаются в исходе основы настоящего времени:

основа прош. вр.      основа наст. вр.      глагол

bizaft	bizêv	bizaftin	'шевелиться'
biřaşt	biřêj	biřaştin	'жарить'
hiart	hinêr	hiartin	'послать'
nixamt	nixêm	nixamtin	'покрывать'

5. У глаголов с суффиксом *-andin* основы отличаются друг от друга чередованием их корневых гласных *a/i* и наличием согласного *d* в исходе основы прошедшего времени:

основа прош. вр.	основ наст. вр.	глагол
werand	werîn	werandin 'разбросать'
weşand	weşîn	weşandin 'страхивать'
heband	hebîn	hebandin 'одобрять'

6. В бахдинани, как и в других говорах северного наречия, имеется незначительное количество так называемых двукорневых глаголов, у которых основы представлены не в виде вариантов одного и того же корня, а образованы от двух совершенно различных по составу корней. В группу этих глаголов входят такие, как, например: *gûtin* 'сказать', *dîtin* 'видеть' и т. д., у которых основа прошедшего времени—*gût, dît*; основа настоящего времени—*bêj, bîn*.

Здесь приведены некоторые наиболее распространенные различия, отличающие основу настоящего времени от прошедшего. При подробном анализе состава основ обнаруживаются и другие различия, имеющие сравнительно ограниченное распространение. Так, наряду с глаголами, употребляющимися в говоре курдов Армении, бахдинани имеет и другие глаголы, например: *vîyan* 'любить', 'желать', *şîyan* 'мочь', *hinartin* 'послать', *rawastin* 'стоять', *biraştin* 'жарить', *bizaf-tin* 'шевелиться', *axaftin, axiftin* 'беседовать', *nivistin* 'спать' и т. д. Основы этих глаголов следующие:

основа прош. вр.	основа наст. вр.
<i>vîya</i>	<i>vê</i>
<i>şîya</i>	<i>şê</i>
<i>hinart</i>	<i>hinêr</i>
<i>rawastya</i>	<i>rawest</i>
<i>bîfaşt</i>	<i>bîrêj</i>
<i>bizaft</i>	<i>bizêv</i>
<i>axaft/axift</i>	<i>axêv/axiv</i>
<i>nivist</i>	<i>nivê</i>

Примеры: *Zîrek hindî hatê neşya bixînit* 'Зирак как ни старался, не мог прочесть (книгу)'; *Pa tû neşeyî nûke mi şê xilazkey?* 'Можешь ли ты спасти меня от него?'; *Mi nevêt te bibînim* 'Я не хочу тебя видеть'; *Mîn Zîn divêt* 'Я люблю Зин'; *Wî nevêt bicîte malve* 'Он не хочет поехать домой';

Mamê min bû min k'îtêb dihînantîn, belê êsta nahînerît 'Дядя мой прислал мне книги, но сейчас не пришлет'; Derwêşek yê rawastyaye l-ber dergehî 'За дверью стоит какой-то дервиш'; Dû pêya davêt sehetekî radiwastît 'Сделает два шага и на час останавливается'; Axiftina xû gehade dîmahyê 'довели свой разговор до конца'; L-gelik dîaxivin 'беседуют друг с другом'; bic'îk dibizêvît 'ребенок шевелится' и т. д.

Для бахдинани характерен ряд особенностей образования основ многих глаголов, которые употребляются и в литературном языке курдов СССР. Эти особенности обнаруживаются как в составе основы настоящего времени, так и в составе основы прошедшего времени.

I. Глаголы, у которых основа настоящего времени в бахдинани и литературном языке курдов СССР имеет различные составы, например, kirin 'делать', birin 'нести', 'вести', dan 'дать'. У этих глаголов основа настоящего времени будет:

**в бахдинани**                      **в литературном языке**

ke	k
be	b
de	d

II. Различный состав в бахдинани и в литературном языке имеет основа настоящего времени глаголов ge'fyan, difyan, westyan, xişyan.

**бахдинани**                      **литературн. язык**

ge'fyê	ge'f
dif'fyê	dif
westyê	west
xişyê	xiş

Примеры: Nemê berê xû detê pêyêt wî il-ser erdî dixişyên 'Таме почувствовал, что ноги его волочатся по земле': Ewê ne-p hîzîr zor dige'fyêt heta êvarê diwastyêt û piştî têt malve 'Он не такой уж умный, много гуляет до вечера, устает и потом приходит домой'; ez dê rawastyêm heta ew têt 'Я буду ждать пока он придет' и т. д.

III. Различный состав имеют в бахдинани и в литературном языке основы прошедшего времени следующих глаголов:

в бахдинани			в литературном языке	
перевод	глагол	основа прош. вр.	глагол	основа прош. вр.
падать	k'eftin	k'eft	k'etin	k'et
положить	danan	dana	danin	dani
принести	inan	ina	anin	ani
писать	nivêsin	nivêst	nivîsin	nivîsi
бросать	havêtin	havêt	avîtin	avî
оставлять	hiştin	hişt	hiştin	hişt

Примеры: Rûjekê ş-rûja mele derk'efte ş-deve 'Однажды мулла вышел во двор'; L-gel hindê gîzek hat p-silka serê wî k'eft 'В это время на голову ему упал один орех'; pê xû havête rik'êba hespekî û da rê. 'Он вставил ноги в стремя, сел на лошадь и поскакал'; Derwêsî hizra xû kir, k'itêba xû ina ber xand, destê xû yê dî kiret berike xûda ina der sêveka sûr. 'Дервиш задумался, вынул из своего кармана книгу, прочел, другую свою руку сунул в карман, достал красное яблоко'; P'erya helgirt û ina dana ser t'extê kurê mirê cizirê 'Фей взяли ее, понесли и положили на постель сына Эмира из Джезире' и т. д.

IV. Бахдинани отличается от литературного языка также соответствием гласных *i/û*, *û/o* в составе основ нескольких глаголов, которые в обоих языковых подразделениях имеют широкое употребление. Эти глаголы следующие:

	глагол	перевод	прош. основа	наст. основа
бахдинани	rîniştin	сесть	rînişi	rîne
лит. язык	rûniştin		rûnişt	rûnê
бахдинани	şîştin	мыть	şîşt	şti
лит. язык	şûştin		şûşt	şû
бахдинани	hajûtin	скакать	hajût	hajû
лит. язык	ajotin		ajot	ajo
бахдинани	sûtin	жечь	sût	sûj
лит. язык	sotin		sot	sot
бахдинани	xandin	читать	xand	xîn
лит. язык	xandin		xand	xûn

Примеры; Wan gûte êk û dû 'Они сказали друг другу'; Dilê wî disût 'Сердце у него горело'; te ez hajûtim 'ты меня гнал'; Derweşi k'urkê xu ş-ber xu kir... hêdî riniste xarê 'Дер-

виш снял с себя верхнюю одежду.., медленно присел', Zirek neşya bixînit 'Зирак не мог прочесть'; destê xû şîşt 'помыл руки' и т. д.

### Личные окончания

В области личных окончаний бахдинани несколько отличается от литературного языка и говоров курдов Туркмении и Сирии. Глагольные формы, образованные в бахдинани от основы настоящего времени в 3-ем лице ед. числа, имеют окончание -it/t. Это окончание отсутствует в указанных говорах северного наречия. Для бахдинани характерно еще наличие личного окончания первого лица мн. числа -îp/yîp, которое соответствует окончанию -in/p в литературном языке и говорах курдов Сирии и Туркмении. Окончание -îp/yîp характерно и для южного наречия, что, следовательно, указывает на непосредственную близость бахдинани к южному наречию.

В бахдинани имеется несколько типов личных окончаний:

1. Личные окончания, употребляемые для образования форм переходных и непереходных глаголов в настоящем времени. Личные окончания этого типа в зависимости от характера исхода основы выявляются в двух вариантах—согласном и гласном.

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	согласный вариант	гласный вариант	согласный вариант	гласный вариант
1-е	im	m	îp	yîa/yîp
2-е	î	y/yî	in	p
3-е	it	t	in	p

2. Личные окончания, употребляемые для образования форм непереходных глаголов в прошедшем времени. Окончания этого типа имеют два варианта—согласный и гласный.

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	согласный вариант	гласный вариант	согласный вариант	гласный вариант
1-е	im	m	îp	yîp
2-е	î	y/î	in	p
3-е	—	—	in	p

Примеры: *tu ser çevê me hatî* 'Мы рады твоему приходу'; *ez nedîhatim* 'Я бы не ехал'; *ez cûm malve* 'я пошел домой'; *em s'upemalve* 'мы пошли домой'; *em hatin lêrê* 'мы приехали сюда'; *Tu s'uy def hakimî* 'ты пришел к правителю'; *Mîr û Bekrûk mane p-t'inê* 'Эмир и Бакрук остались одни'; *Herdû mirin û neşyan bigehne êk* 'Оба умерли и не могли соединиться' и т. д.

3. Личные окончания, образующие перфектные формы:  
а) Перфект I

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	m	p
2-е л.	—	p
3-е л.	—	p

б) Перфект II

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	me	pe
2-е л.	y/e	pe
3-е л.	ye	pe

Примеры: *Te ez hajûtîm* 'Ты меня гнал'; *ewa te dîtî* 'которую ты выдел'; *Hekû dîtî kû wesa, hizra xû kir, gutî* 'Когда он это увидел, задумался и сказал'; *ez hatîme* 'я приехал'; *mêhvan hatîne* 'приехали гости' и т. д.

### Частицы и префиксы

В бахдинани для образования различных глагольных форм используются модальные частицы *dê*, *da* и префиксы *bî* и *dî*. Отрицательные глагольные формы образуются при помощи частиц *pa* и *pe*.

Частицы *dê*, *da* не носят ударения и, как правило, предшествуют тем глагольным формам, с которыми они употребляются. В литературном языке курдов СССР и говоре курдов Туркмении этих частиц нет. В говоре курдов Сирии имеется только частица *dê*, которая используется там при префиксе *bî*. В бахдинани частица *dê* употребляется для образования будущего I времени изъявительного наклонения, например, *ez dê k'evîm* 'я упаду'.

Частица *da* используется для образования будущего II сослагательного наклонения, например: *ew da k'evît* 'он упадет'.

Префиксы *bi* и *di* в зависимости от характера начала основы (гласного или согласного) выявляются в двух вариантах: согласный *bi*, *di*, гласный *b*, *d*, например: *bikim?* 'мне делать?'; *dikim* 'я делаю', но *bêxim?* 'мне сбросить?'; *dêxim* 'я сбрасываю'; *ez neşem baxivim* 'я не могу говорить', *ez daxivim l-gel seydayi* 'я разговариваю с учителем'.

При помощи префикса *bi* образуются глагольные формы настоящего аориста и формы повелительного наклонения. Префикс *di* употребляется для образования форм настоящего и прошедшего длительного времени.

Частицы *pa* и *pe* произносятся слитно с глагольными формами и носят ударение. Частица *pe* используется с глагольными формами в прошедших временах, при формах настоящего и прошедшего аориста, перфекта первого и второго, при инфинитиве и при форме повелительного наклонения. Частица *pa* употребляется для образования отрицательных форм настоящего и будущего первого. В бахдинани частицы отрицания всегда ставятся перед глагольной формой независимо от того, является ли глагол префиксальным или непрефиксальным. В литературном языке курдов СССР, как известно, при образовании отрицательных форм префиксальных глаголов частицы отрицания выступают между префиксом и глаголом, например: *Wî hizir dikir kû mirna wî nêzik hûyi û pistî wî û jina wî dê mala wan minîte bê xûdan, dikêl ştenîrê na-rabî, c'ankû k'es nîne pistî wî cihê wî bigrît l-mele* 'Он думал, что смерть его близка и после него и жены их дом останется без хозяина, дым не будет подниматься из очага, потому что некому будет занимать его место в доме'; *K'esê cab l-hewaryêd wê ne-vedan* 'Никто не ответил на ее зов'; *Hekû tû nerabî, ez dê rabim* 'Если ты не встанешь, я встану'; *Neke nutuneh derhem bin ez na-helgerem*. 'Если девяносто девять драхм получит, то я не возьму'; *tû bû c'î bû min sed derhema na-havêyi* 'Почему ты не кинешь мне сто драхм'; *ez ne-şem bêhêm* 'Я не могу приехать'.

В бахдинани частицы отрицания могут находиться при любом члене предложения (в отрицательных предложениях), например: *Na xêg, eve k'erê mine* 'Нет, пожалуйста, это мой осел'. В литературном языке курдов СССР в отрицательных предложениях употребляется частица *na*: *na xêg, eva k'erê mine* и т. д.

## Время и наклонение

По способу образования глагольные формы подразделяются на три группы: 1) глагольные формы, образованные от основы настоящего времени, 2) глагольные формы, образованные от основы прошедшего времени, 3) глагольные формы, образованные от причастия прошедшего времени.

### 1) ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ОСНОВЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

#### Настоящее время

Существуют две формы настоящего времени: настоящее определенное и настоящее неопределенное. Для образования этих форм необходимо наличие основы настоящего времени с прибавлением к ней префикса di/d/t и личных окончаний первого типа. Формальным различием между формами настоящего времени является то, что при образовании формы настоящего определенного времени субъект действия выступает в сочетании с показателями уê или уа (в единственном числе) и (у)êd/t (во множественном числе). Ниже приводится парадигма спряжения глагола k'eftin 'падать' в формах настоящего времени:

		настоящее определенное	настоящее неопре- деленное
един. число	1-е л.	ezê dik'evim	ez dik'evim
	2-е л.	tûyê dik'evî	tû dik'evî
	3-е л.	ewê dik'evît	ew dik'evît
мн. число	1-е л.	emêd dik'evîn	em dik'evîn
	2-е, 3-е л.	hîn, ewêd dik'evîn	hîn, ew dik'evîn

Форма настоящего определенного времени служит для выражения видимого действия, осуществляемого в данный конкретный момент и требующего незначительной длительности, например: Derwêşî gût: 'Ezê dibînîm, kû tûyê damayî, dîlnexûşî '(Вот) я вижу, что ты недовольный, невеселый'; Were gûyê xû bide melaê dîn yê cî dibêjît 'Иди послушай, что говорит глупый мулла'; Seyê difewît, c'ankû karwanê dic'ît 'Вот собака лает, потому что караван идет' и т. д.

Форма настоящего неопределенного времени выражает действие, протекающее вообще безотносительно к конкретному времени, например: Xûdê, tû rast dibêjît? 'Бог, ты говоришь правду?'; Ew dizanît, k'anê ez k'engê tengavîm 'Он

знает, когда я в бедности'; Hemî havîna dû gûlêd sûr l-ser qebrêd wan c'indîbîn 'Каждое лето на их могилах вырастают красивые розы'; Eva serê hevî salaye ez xilmeta Ferhan paşayî dikem 'Уже семь лет, как я служу Фархану паше'; Dîbêjîn l-nav cîyayêd 'Kurdistanêra gundek hebû 'Говорят, в горах Курдистана была некая деревня', Se difewît, karwman gêka xû dic'it 'Собака лает—караван продолжает путь'.

Форма настоящего неопределенного времени может обозначать действие, осуществлявшееся в определенный момент в прошлом. В таком значении форма настоящего неопределенного времени употребляется обычно у рассказчиков в повествовании, например: Ew dic'it şeva tarî heywanekî dibî-nît, hîzîr diket k'erê wîye o xo dihavête ser piştê o zemt guhêt wî ldirgît 'Пошел он темной ночью, увидел животное, подумал, что это его осел, сел ему на спину и стал крепко держаться за его уши'; Seyek il du bêhna hevîrê tîrşî têt 'Какая-то собака бежала на запах кислого теста'; Pirtek hevîr îş Hemê dik'evît, ew se dixût 'Кусок теста упал с Гаме, и собака съела его' и т. д. Форма настоящего неопределенного времени может обозначать также действие, которое осуществится в будущем, например: Wextê hîn satrincê diken bila Zîn miqabilî wî rawastît 'Когда вы будете играть в шахматы, пусть Зине встанет против него' Ez dic'im sûbe-hî, dê gel mi bêhî? 'Я завтра уезжаю, приедешь ты со мной?' и т. д.

### Будущее I

Форма будущего I времени состоит из частицы dê, основы настоящего времени и прибавляемых к ней личных окончаний. В составе формы будущего I частица dê указывает на модальность и время действия, а само действие выражается спрягаемыми формами глагола. Проиллюстрируем это на парадигме спряжения глагола k'effîn 'падать':

	единственное число	множественное число
1-е л.	ez dê k'evim	em dê k'evîn
2-е л.	tû dê k'evî	hîn dê k'evîn
3-е л.	ew dê k'evît	ew dê k'evîn

Отрицательные формы будущего I образуются путем замены частицы *dê* частицей *pa:ez* на *k'evim* 'Я не буду падать' ср. *ez dê k'evim* 'я упаду'. Отрицательная форма будущего совпадает с аналогичной формой настоящего времени: *ez dik'evim* 'я падаю' ср. *ez na k'evim* 'я не упаду'.

Форма будущего I времени обозначает действие, которое будет происходить в будущем после момента речи, например: *Heke tû wê bû min neynî heta c'il rûja, dê mirim* 'Если ты ее не приведешь для меня за сорок дней, то я умру'; *ez dê dem* 'я дам'; *Ew k'işk k'içike, kû dê min hez ket?* 'Какая девушка может полюбить меня—(бедняка)?'; *Wê gavê tû c'end hejkeyî, dê şê beyî* 'Тогда ты выиграешь у него сколько хочешь'; *Ez dê te gehînme mala Tacidinî* 'Я тебя доведу до дома Таджина'; *Heke te ez divêm, dê dif mi rah-eyî* 'Если ты любишь меня, за мной придешь' и т. д.

## Будущее II

Будущее II образуется при помощи частицы *da* и личных окончаний, прибавляемых к основе настоящего времени. Образованная таким образом форма соответствует форме *ezê bik'etama* в литературном языке курдов СССР и форме *ez dê bik'etama* в говоре курдов Сирии. Привожу парадигму спряжения глагола *k'eftin* 'падать' в формах будущего II:

	единственное число	множественное число
1-е л.	<i>ez da k'evim</i>	<i>em da k'evîn</i>
2-е л.	<i>tû da k'vî</i>	<i>hîn da k'evîn</i>
3-е л.	<i>ew da k'evît</i>	<i>ew da k'evîn</i>

Отрицательная форма будущего II образуется путем замены частицы *da* частицей *ne: ez ne k'evim* 'я не упал бы' ср. *ez da k'avim* 'я упал бы (если бы...)'. Она совпадает с отрицательной формой прошедшего длительного времени.

Форма будущего II употребляется в бахдинани весьма редко. Она служит для выражения прошедшего обусловленного действия, указывая, что речь идет о действии, которое являлось обусловленным предшествующим действием, возможным, осуществившемся бы в прошлом при определенных обстоятельствах. Действие имело бы место, могло бы произойти, если были бы соответственные условия, возможности и т. д.: *Heke çavê mirî p-kezyêd xişka wî k'eftban, da wê*

gavê serê Memê fîfînî 'Если бы эмир увидел косы своей сестры, он отрубил бы Маме голову в то же мгновение', Memê hizra xû kir û gût: 'Ûh, heke mi zanî ba, kû tû dê c'î, ma ez da wekem, kû tû c'ûbahî 'Маме задумался и сказал: 'О, если бы я знал, что ты возвратишься (обратно), то разве я позволил бы тебе уйти?'; Eve hemî ya ş-Bek'rûkî c'êbûyî, ma ez da hême vêrê, hekû mi zanîba kû Bek'rûk yê l-dîf mi radîhêt? 'Все это устроил Бакрук, разве я пришел бы сюда, если бы знал, что он следит за мной?'; Heke dîtna Zînê p-hizar zêra ba, ew da gehfê 'Если встреча с Зине стоила бы ему тысячу золотых, то он все равно пошел бы на это' (букв. 'он добился бы ее').

### Форма настоящего аориста

(Аорист I)<sup>3</sup>

В бахдинани, как и в других говорах северного наречия, форма настоящего аориста образуется от основы настоящего времени прибавлением к ней личных окончаний и префикса bi/b. При образовании личных форм настоящего аориста от префиксальных глаголов<sup>4</sup> префикс bi/b опускается. Ниже приводится парадигма спряжения глагола kieftin 'падать':

	единственное число	множественное число
1-е л.	ez bik'evim	em bik'evîn
2-е л.	tû bik'evî	hîn bik'evîn
3-е л.	ew bik'evit	ew bik'evîn

Отрицательные формы настоящего аориста у непрефиксальных глаголов образуются путем замены префикса bi/b

<sup>3</sup> В работах К. К. Курдоева эта глагольная форма называется будущее время сослагательного наклонения (см. К. К. Курдоев. Курдский язык. М., 1961, стр. 56—57). В работе И. И. Цукермана она носит название конъюнктив I (см. И. И. Цукерман. Очерки курдской грамматики. ИВЛ, М., 1962, стр. 128); в работе Д. Н. Маккензи в отношении этой формы употребляется название present Subjunctive.

<sup>4</sup> За исключением глагола helgirtin «взять», который иногда употребляется с префиксом bi/b, например, da tû bû xû pehilgirt/bi-hil-gir 'чтобы ты их взял себе'.

частицей *na*: *ez ne k'evim 'мне не падать' ср. ez bik'evim 'Мне падать'*.

Форма настоящего аориста употребляется как в простых, так и сложных предложениях. Она может образовать сказуемое отдельного предложения и выступать в сочетании с другими глагольными формами, образуя вместе с ними единый член предложения, например: *Em bic'in mal 'Нам пора поехать домой'*; ср. *Jinë kir gabit 'женщина старалась встать'*.

В бахдинани форма настоящего аориста очень часто употребляется в сочетании с модальными глаголами: *vıyaп 'хотеть', 'желать', řıyaп 'мочь', 'быть в состоянии', kirin 'делать', употребляющимися в модальном значении, а также в сочетании с глаголами движения, например: hatin 'приходить', s'ın 'идти', revin 'бегать', geıyaп 'гулять' и т. д.*

Модальные глаголы и глагол *kirin* образуют вместе с формой настоящего аориста сложное сказуемое, при этом форма настоящего аориста обочначает действие, а сами модальные глаголы и *kirin* выражают отношение лица к этому действию, т. е. лицо может считать действие желательным, необходимым или возможным, например: *Duhı pamısa tebo to dıřyaу mın bikujı 'Вчера она была твоей честью (и) ты мог убить меня'; Tu dıřeuı il vêrê bıjı 'Ты можешь здесь жить'; ez vêrê neřem bıjım 'Я здесь не могу жить'; Vêt kurê ho virêkene mek'tebê 'Вы должны послать своего сына в школу'; Vêt tı lingêd hespı qeyd keyı 'Ты должен спутать ноги лошади'; Mamı il-gel bıçikêd xı dıvaу bic'in sınemaê, 'Дядя со своими детьми хотел пойти в кино'; Hesoyı kir bêt, bes newêrıt 'Гасо хотел (старался) прийти, но боялся'*.

В сочетании с глаголами движения форма настоящего аориста образует отдельное сказуемое, однако вместе с тем она выступает в качестве подчиненной глагольной формы, например: *Bêje Hemê bila gabit bic'ıt vê mêranuê biket 'Скажи Гаме, пусть встанет идти (чтобы) совершить подвиг'; Me-layı c'i cilkêd dı nebın, wı cilkêd xı êxistin da v-jına xı û hate l-ber kuçikı xı germ biket 'Другой одежды у муллы не было, он снял свою одежду, отдал своей жене и подошел к очагу согреться'*.

Из приведенных примеров видно, что модальные глаголы и глаголы движения, с которыми употребляется форма настоящего аориста, могут быть в настоящем или прошедшем времени. В связи с этим и настоящий аорист выражает дей-

ствии, относящееся либо к настоящему, либо к прошедшему времени.

## 2) ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ОСНОВЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

### Прошедшее время

Существуют две формы прошедшего времени: простое прошедшее и прошедшее длительное. Простое прошедшее время образуется от основы прошедшего времени прибавлением к ней личных окончаний второго типа. Формы прошедшего длительного времени образуются таким же образом, как формы простого прошедшего времени, за исключением того, что при формах прошедшего длительного времени употребляется частица длительности, многократности *di/d*. Парадигма спряжения глагола *k'eftin* в формах прошедшего времени:

	простое прошедшее	прошедшее длительное
един. число. 1-е л.	<i>ez k'eftim</i>	<i>ez dik'eftim</i>
2-е л.	<i>tû k'eftî</i>	<i>tû dik'eftî</i>
3-е л.	<i>ew k'eft</i>	<i>ew dik'eft</i>
множ. число 1-е л.	<i>em k'eftîn</i>	<i>em dik'eftîn</i>
2-е л.	<i>hîn k'eftin</i>	<i>hîn dik'eftin</i>
3-е л.	<i>ew k'eftin</i>	<i>ew dik'eftin</i>

Отрицательные формы обоих времен образуются при помощи частицы *ne*: *ez ne k'eftim* 'я не упал' и *ez ne dik'eftim* 'я не падал', ср. *ez k'eftim* 'я упал' и *ez dik'eftim* 'я падал'.

Форма простого прошедшего времени обозначает действие, совершившееся в прошлом, и выражает однократность, законченность действия, например: *Ew gabû, c'û nêzikî, dergehî, dergeh vekir dît, kû derwêşek yê rawastya l-ber dergehî* 'Он встал, подошел к двери, открыл ее и увидел, что стоит за ней (за дверью) дервиш'; *Hespî xû t-ser şîrhêra havêt* 'Лошадь перешагнула через стену'; *Memê destê xû havête xurcîkê, tijî lepê xû zêf kirin û t-xelkê werkirin* 'Маме опустил свою руку в переметную сумку, наполнил руку золотом и рассыпал людям'.

В отличие от простого прошедшего времени, прошедшее

длительное время употребляется при выражении повторности, постоянности и продолжительности действия, например: *Zinê herû dikire girî t-rex û dûrêd zîndanera dihat û dic'û* 'Каждый день Зине плакала и ходила вокруг темницы'; *Herû hîvî ş-xûdê dikirin da kurekî bîdetê* 'Каждый день умоляли они бога, чтобы дал им сына'; *Jina wî hemî gava dikire girî û her yê rîniştibû l-ûdê cigarê p-dif cigare vena û axînk radihêlan* 'Жена его все время плакала, а он сидел в доме, курил трубку за трубкой и вздыхал' и т. д.

### Преждепрошедшее время

Формы преждепрошедшего времени образуются от основы прошедшего времени и спрягаемых форм предикативной связки в прошедшем времени:

	единственное число	множественное число
1-е л.	<i>ez k'eftbûm</i>	<i>em k'eftbûyn</i>
2-е л.	<i>tû k'eftbûy</i>	<i>hîn k'eftbûn</i>
3-е л.	<i>ew k'eftbû</i>	<i>ew k'eftbûn</i>

Отрицательные формы преждепрошедшего времени образуются от утвердительных форм прибавлением к ним частицы отрицания *-le*.

Преждепрошедшее время указывает на такое завершённое в прошлом действие, которое предшествовало всем действиям в прошлом, например: *Derwêş c'û, Zîrek hindî hatê neşya bixînit, c'ankû berî hîngê c'îca elîfbêt nedîtûn* 'Дервиш ушел; как ни старался Зирак, он не мог чигать, потому что до этого он не видел никаких алфавитов'; *Emek k'eftbû malê, hekû babê wî hat* 'Амар был дома (уже), когда пришел его отец'.

### Прошедший аорист I и II

Прошедший аорист I сослагательного наклонения образуется прибавлением к основе прошедшего времени спрягаемых форм связки в настоящем аористе. Прошедший аорист II образуется таким же образом, как аорист первый, за исключением того, что при формах прошедшего аориста второго предикативная связка употребляется в форме прошедшего аориста:

		аорист I	аорист II
един. число	1-е л.	ez k'eftbim	ez k'eftbam
	2-е л.	tû k'eftbî	tû k'eftbayî
	3-е л.	ew k'eftbit	ew k'eftba
множ. число	1-е л.	em k'eftbin	em k'eftbayin
	2-е л.	hin k'eftbin	hin k'eftban
	3-е л.	ew ke'itbin	ew k'eftban

Отрицательные формы аориста I и II образуются присоединением частицы *ne* к основе: *hekû tû ne k'eftbayî* 'если бы ты не упал'; ср. *heke tû k'eftbayî* 'если бы ты упал'; *h:ke Memê nehâtbit* 'если бы Гаме не пришел', ср. *heke Memê hatbit* 'если Гаме пришел'.

Прошедший аорист I и II употребляются при выражении действий с оттенком возможности, предполагаемости, желания, условного допущения и т. д., например: *Memê, heke ewe ez Zin bûya, ewa te difî, te ez kuşbam min tû netinaye vêrê* 'Маме, если это была бы та Зине, которую ты (когда-то) увидел, то я бы тебя не привел сюда, если бы (даже) ты захотел убить меня'; *Heke çavê mîrî p-kezyêd xîşka wî k'eftban, da wê gavê serê Memê fişînit* 'Если бы эмир увидел косы своей сестры, он отрубил бы Маме голову в то же мгновение'; *Heke ew geryaba il k'itêbê, da binît*; 'Если бы он искал книгу, то он нашел бы (ее)' и т. д.

### 3) ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ПРИЧАСТИЯ

#### ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

От причастия прошедшего времени образуются две так называемые формы перфекта: перфект I и II.

*Перфект I* образуется путем прибавления личных окончаний *-m* (для 1-го лица), нулевого окончания (для 2-го и 3-го лица) и *-n* (для всех лиц во множественном числе) к причастной форме. При этом личное местоимение (субъект) принимает показатели *(y)ê* или *(y)a* (в единственном числе) и *(y)êd* (во множественном числе):

	единственное число	множественное число
1-е л.	ezê k'eftim	emêd k'eftin
2-е л.	tûyê k'eftî	hinêd k'eftin
3-е л.	ewê k'eftî	ewêd k'eftin

Перфект I употребляется главным образом в сообщениях. По своему значению он совпадает с простым прошедшим временем. Он обозначает действие, совершившееся в прошлом, перед моментом речи. Формы перфекта I очень часто употребляются вместо форм простого прошедшего времени, т. е. заменяют их, например: *Belê hekû çavê wî r-hungustîrkê k'eftî, berê xû dayê, kû ya nivêstîye l-ser* 'Он тут взглянул на кольцо и увидел, что на нем написано'; *Hekû mîr dîtî bêyî Mem, gûti: „K'anê Mem?“* 'Когда он увидел Эмира без Мам, сказал: „Где Мам?“'; *Hekû ne heyvêd me sîyûn jînkê kurek bû* 'Когда прошли наши девять месяцев, у жены родился сын'; *Memê eza hatîme te jî vêrê der-bêxîm* 'Маме, я пришла тебя вывести отсюда'; *Hekû xelkê qesrê dîtîn hemî rêk've gabûn;* 'Когда люди в дворце увидели, (то) все вместе встали'; *ezê hatîm* 'я пришел' и т.д.

*Перфект II* образуется путем прибавления личных окончаний -*me, -ye, -yê* (в единственном числе) и -*ne* (для всех лиц во множественном числе) к форме причастия. При этом субъект действия приобретает показатели -*ê/yê* или -*a/ya* в единственном числе и -*(ed)yêd*—во множественном числе:

	единственное число	множественное число
1-е л.	<i>ezê k'eftîme</i>	<i>emêd k'eftîne</i>
2-е л.	<i>tûyê k'eftîye</i>	<i>hînêd k'eftîne</i>
3-е л.	<i>ewdê k'eftîye</i>	<i>ewêd k'eftîye</i>

Перфект II употребляется в повествованиях, например: *Ezê hatîme da xû-l te bidem* '(Вот) я пришел' чтобы бороться с тобой', *Zuhêrê hatîye, da harîk'arîyê biket* 'Вот Зухер пришел, чтобы помочь'.

Перфект II в сравнении с перфектом I встречается меньше. Он указывает на завершенность действия в прошлом, при этом выражает наличие результата этого действия в настоящем. В сущности перфект II совпадает с прошедшим результативным временем в литературном языке и говоре курдов Туркмении. Примеры: *Mêhvan bo me hatîne* 'К нам пришли гости'; *Ez hatîme def te* 'я пришел к тебе'; *Zuhêrê hatîye, da harîk'arîyê biket* '(Вот) Зухер пришел, чтобы помочь' и т. д.

### Суффикс (e)ve

Выше, при рассмотрении средств и системы образования глагольных форм, основное внимание обращалось на черты,

характеризующие диалект и отличающие его от литературного языка и говора курдов Туркмении. Отличительной особенностью бахдинанского диалекта является также наличие в нем глагольного суффикса *eve*, который в других говорах северного наречия не встречается. Он употребляется энклитически с глаголами переходными и непереходными во всех временах; используется при выражении повторного действия и возвращения действия к исходному пункту. Приведем образцы употребления суффикса (*e*)*ve* с глагольными формами:

а) Простое прошедшее время изъявительного наклонения:

	единственное число	множественное число
1-е л.	<i>ez hatmeve</i>	<i>em hatîneve</i>
2-е л.	<i>tû hatyeve</i>	<i>hîn hatneve</i>
3-е л.	<i>ew hatyeva</i>	<i>ew hatnevve</i>

б) Настоящий аорист сослагательного наклонения:

	единственное число	множественное число
1-е л.	<i>ez bêhêmeve</i>	<i>em bêhêneve</i>
2-е л.	<i>tû bêhive</i>	<i>hîn bêhneve</i>
3-е л.	<i>ew bêteve</i>	<i>ew bêteve</i>

*Ez dê c'îm û piştî neh heyvêd dî dê zivîrmeve* 'Я пойду и через 9 месяцев вернусь'; *Mem hate xarê, qeydêd hespî jê vekirîn û zivîrî sîyar bûve* 'Мам слез с коня, распутал ему ноги и снова вскочил на него'; *Dihî ez c'ûme dik'anê, ev lûke ez c'ûmeve* 'Вчера я ходил в магазин, сегодня я снова пошел (туда)'.

Фонетический вариант суффикса (*e*)*ve* в виде (*e*)*we* употребляется в южном наречии курдского языка и, по мнению некоторых авторов<sup>5</sup>, считается особенностью одного лишь этого наречия. Исходя из употребления суффикса (*e*)*ve* в бахдинани, необходимо отметить что в плане курдской диалектологии он вправе больше называться общим, чем отличающим признаком наречий. С другой стороны, отсутствие этого суффикса в некоторых говорах северного наречия позволяет думать о тесной связи южного наречия с бахдинанским диалектом.

<sup>5</sup> См. И. А. Смирнова. О суффиксе *-ewe* в курдском языке (диалект сорани). «Краткие сообщения Института народов Азии», № 72, М., 1963, стр. 98.

Для выражения падежных отношений в бахдинани послелогои -га, ve, -da играют большую роль. Обычно они не несут ударения и произносятся слитно с предшествующими словами—существительными, местоимениями и числительными, находящимися в форме косвенного падежа. Послелогои присоединяются также к предлогам и наречиям. В бахдинани послелогои употребляются в большинстве случаев в сочетании с предлогами; последние конкретизируют многообразные значения послелогов. Их анализ дает возможность установить специфические особенности выражения падежных отношений в бахдинани в отличие от литературного языка и говора курдов Туркмении.

Послелог -га в сочетании с предлогами t/it, l-nav, nav указывает:

1) На местонахождение лица или предмета, их положение по отношению к другому предмету. В этом значении послелог -га не употребляется в говорах курдов Армении и Туркмении, например: c'end wextek pê c'o rojekê gundya gote axaxî: „Аха, şerek yê it bişeyîra il-nlk gundî rê o bar girtye, bêje Hemê bila rabît bic'it vê mêranyê biket, vî gundî iş vê belaê xilaz biket 'Прошло некоторое время, однажды жители деревни сообщили ага: 'Ага, в лесу около деревни какой-то лев нападает на людей (в тексте 'закрывает дорогу'), скажи Гапе, пусть встанет поедет, чтобы совершить подвиг и спасти жителей от этого несчастья'; Dibêjin l-nav çiyayêd Kurdistanêra, l-nav bişuyêd mezînrâ gundek hebû 'Говорят, в горах Курлистана, покрытых лесом, была какая-то деревня'; Bab-kalêd me yêd k'urd dijyan l-gundêd nav c'iyara 'Наши курдские деды и прадеды жили в горных деревнях' и т.д.

2) На направление действия. В этом значении послелог употребляется в сочетании с предлогами b, l, nav, например: Dapîrê gûte nebîyê xû: „Hêstîra me k'urtanke, da birevîne nav çiyara 'Бабушка сказала своему внуку: „Оседлай нашего мула, чтобы ехать в горы“; Ez da c'îme nav bişeyîra 'Я ушел бы в лес'; Deyka kurikî nan bû kîre ser hevîrkê û kîre l-deste kurikîra, gute: „Ya xudê tû zî b-serferazî bizivî-gueve“. 'Мать мальчика положила хлеб в салфетку, дала мальчику в руки и сказала: „Дай бог, чтобы ты благополучно вернулся“.

3) Послелог -га в сочетании с предлогом dif выражает цель, назначение, например: Wê qasidek virê kîre dif Tacîdînîra 'Она послала слугу за Таждином'; Bekrûkî gûti: Bila

Zin bic'ite dif Memêra 'Бакрук сказал: „Пусть Зине сходит за Маме“; Nazdarê xidama xû hinarte dif pîrêra 'Наздар послала свою служанку за старухой'.

4) Послелог -га употребляется в диалекте также для обозначения движения через что-либо. В этом значении он используется в сочетании с предлогами l-bin, t-nav, например: Bek'iûkî l-bin tanîra berê xû da Mem û Zînê 'Байрук через забор наблюдал за Мам и Зин'; Hespê wî t-nav cadêd Muxgezemîpêra c'û 'Его лошадь прошла по (через) улицам Мух-разамена' и т. д. В этом значении послелог -га употребляется также в говорах курдов Армении и Туркмении.

Послелог -ve в сочетании с предлогами ber, bin ti, обозначает направление движения в конечный пункт, например: Zîrek û dervêš c'ûne t-xanîve 'Зирак и дервиш вошли в дом'; Mem ş-hespî peya bû, c'û t-xanîye Tacidînîve 'Мам слез с лошади и вошел в дом Таждина'; Mem pê hesya, Zin kire bin ebuyê xûve 'Мам заметил (это) и спрятал Зин под своей верхней одеждой'; Tu-wê şewêda, hekû Zin nivistî, perya helgirt û îna dana ser textê kurê mirê cizîrê, ber tenîšta wîve 'В тот же вечер, когда Зин уснула, феи взяли ее, понесли и положили на постель сына Эмира из Дезирире рядом с ним'.

В этом значении послелог -ve употребляется также без сочетания с предлогами, например: Hekû bêhnek p-ser xewa wanave c'ûy, perî hatin, pencerk vekir û hatne jûrve 'После того, как они заснули, пришли феи, открыли окно и вошли в комнату'; Memo c'û şikeftêve 'Мам вошел в ущелье'; Mirûv dik'işyane ûdêve 'Люди входили в комнату' и т. д.

Послелог -ve в сочетании с предлогами p, l-bin, d указывает на место в чем-нибудь, под чем-либо, в чем-либо, рядом с кем-нибудь, чем-нибудь, например: Da mîr nezaniî, kû xîşka wî ya l-bin kurkê Memêve, Tacidînî lez l-hemîya kir 'Чтобы Эмир не узнал, что его сестра находится под верхней одеждой Маме, Таждин поторопил всех'; Kurê mirî destê xû rex û dûrêd xû k'êşand û zanî, kû êka p-rex wîve nivistye 'Сын Эмира обвел руками вокруг и почувствовал (узнал), что кто-то спит рядом с ним'; Û hûsa t-xanîyê tengve vêkra c'ûp 'Итак, они дрались в тесной комнате'.

Послелог -ve употребляется с предлогами для образова-

ния наречий, например: Ew c'û t-axîrêve dît kû hinde hespêd gelekêd lawêd têve '(Он) вошел в конюшню и увидел там несколько очень красивых лошадей'; Hekû helkê qesrê dît-în, hemî pêkve gabûn û gûtin: „Tû ser çava hatî mêhvanê law 'Когда люди во дворе увидели (его), то все вместе встали и сказали: „Добро пожаловать, красивый гость!“; Zîve tu-l vêrêyî? 'Давно ты здесь?'; Ew yê-l vêrêve 'Он находится здесь' и т. д.

Послелог -da в бахдинани употребляется главным образом для выражения отношений местного падежа. Однако в этом значении он употребляется реже, ибо в бахдинани послелогои -га и -ve часто заменяют -da, что, следовательно, сужает сферу его употребления. Так, в бахдинани: Berekê heyî nav dîwarekêra 'В стене имеется камень', а в лит. языке: kevîrek heye (nav) dîwêrda; соответственно ew ya bin kurkîve 'она находится под верхней одеждой'—ew bin kurkîdane.

Анализ значений и употреблений послелогов в бахдинани показывает следующее: 1) Послелогои в бахдинани употребляются в большинстве случаев в сочетании с предлогами. 2) Наибольшее употребление и разнообразные значения имеют послелогои -га и -ve. Послелог da употребляется значительно меньше и в сущности только в одном значении—указание на конкретное местонахождение предмета или лица. 3) Послелогои -га и -ve в бахдинани в большинстве случаев употребляются при выражении пространственных отношений. В этом значении в говоре Туркмении и в литературном языке, как известно, употребляется -da.

Таким образом, сфера выражения падежных отношений послелогоми -га, -ve, -da в сравниваемых языковых подразделениях неодинакова, и при выражении некоторых значений послелогои могут заменять друг друга.

## ПРЕДЛОГИ

В бахдинани имеются следующие предлоги: v, ş/lş, p/lp, l/l, t/it, gel, bû/bo, def, nîk/g, dif, nav, bê, ser, wekû, heta, piştî, bin, lafî, ber. Большая часть этих предлогов употребляется также в литературном языке и говоре курдов Туркмении и составляет группу общих для сравниваемых трех языковых подразделений предлогов. Предлогами, входящими в эту группу, являются: ber, ser, bin, nav, bê, ş/lş, p/lp,

t/it, bû/bo, dif, heta, l/il, pişîî. Первые пять предлогов в бахдинани и в сравниваемых с ним говорах имеют одинаковый фонетический состав; последние восемь предлогов подверглись фонетическим изменениям. Они употребляются в следующем фонетическом составе:

в бахдинани: ş/iş, p/lp, t/it, l/il, bû/bo, dif, heta, pişîî.

в лит. языке: ji, bi, di, li, bona, dû, heta, paşî/paş.

в говоре курдов Турк.: je, — — le, — dû, ta/tauy, paş/piş.

О значениях этих предлогов говорится в работах, посвященных изучению говоров курдов Армении и Туркмении. Поскольку их объяснения целиком относятся и к бахдинани, на этих предлогах мы не будем останавливаться. Очень важен, однако, анализ значений тех предлогов, которые употребляются только в бахдинани и не встречаются в говорах курдов Армении и Туркмении. Такими предлогами в бахдинани являются следующие: v, def, nik/g, gel, wekû, lalî.

Предлог v в бахдинани встречается редко. Он употребляется в основном в сочетании с глаголом dan ('давать') и указывает на объект, к которому направлено действие, например: killîlêd zîndanê, dane v-zînê û gûtnê: 'Here dif Memêra' 'Зине дали ключи от темницы и сказали (ей): „Сходи за Маме“; Wî cilêd xû êxistin da v-jîna xû 'Он снял свою одежду и отдал своей жене'; Na, eve hemî killîlêd qesrê v-te 'На, бери себе все эти ключи от дворца'; Babê min c'end dînar da v-min, hekû ez hatme jûrve 'Когда я пришел домой (вошел в комнату), отец мой дал мне несколько динар'; Nûke kevçikî bide v-min 'Теперь мне дай ложку' и т. д.

Предлог gel употребляется в основном в сочетании с предлогами l/il, t/it. Отдельно он употребляется редко. В обоих случаях предлог gel указывает на соучастие, совместность, обозначает участие сопутствующего субъекта и объекта в одном и том же действии, например: Wesa helkeft il nîveka rê Ferhan paşa il-gel xulamet xo yê dizivîrîteve 'Случилось так, что на полпути Фархан-паша вернулся домой с слугами'; Hîvya min ewe il nîva rê Ferhan axa il-gel xulamêt xo min bibînît da xencerekê il qulınca min bişidînît 'У меня просьба, чтобы Фархан ага со своими слугами с полпути увидел меня и ударил меня в спину мечом'; Tû bû c'î l-gel me nehate pêçîrê? 'Почему ты не пошел с нами на охоту?'; Hersê k,ûm bûn i-gel Memê û pisyar şê kirin k'a

ş-ber c'i hatye 'Трое с Маме собрались и спросили его зачем он приехал?'; Saba Memê virêke û satrincê l-gel bike 'Позови Маме, поиграй с ним в шахматы'; Hebû mirûvek l-gel jîna xû 'Жил-был муж со своей женой'; Аха rabo il-gel hefta zelam o mêrcakêt xo c'on gav o pêçîrê 'Ага встал вместе со своими семидесятью молодыми богатырями и ушел на охоту'; Baba, ez dê t-gel c'ime mektebê 'Отец, я пойду с ним в школу'.

Предлог nik/g в сочетании с предлогом il/l и без него обозначает направление действия. В этом значении он употребляется только при глаголах движения, например: Memê c'o nig bişeyî 'Гаме пошел в лес'; Xulam ji rabo c'o qesrê il-nig xatîne 'А слуга (встал) пришел во дворец к госпоже'; Mîr hate nik kêrê xû 'Эмир пришел к своему сыну'; Сi gû-tî: „Heke tû nedeyeve, da bic'îne nik hakimî“ 'Еврей сказал: „Если ты не вернешь, тогда пойдем к правителю“'; Destê jîna xo girt o c'one nig axayekî dî 'Он взял свою жену за руку и (они) пошли к какому-то другому ага'; Kûrê min xûdê ev rûke ev rêke da min û ez hatme nig hewe 'Сын мой, бог дал мне сегодня эту дорогу, и я пришел к вам'; Hat gehîşte nig qey û bebêd xû 'Приехал к своим родителям'; Hekû hatye nik wan, wî gelek k'êfa xû mêhvanî îna û rînişte xarê 'Когда (он) приехал к ним, он очень обрадовался гостю и присел'.

Предлог nik в сочетании с предлогом il/l, а иногда и без него, указывает на место нахождения лица или предмета, на место совершения действия, например: Derwêş ma l-nik wan dû-sê rûjeka 'Дервиш остался у них на несколько дней'; Qeda mi bik'evît, ma kiçik nig me bîryabûn, da ez hinde l-vê k'îryarê bigeryêtm 'Пусть несчастье случится со мной, разве у нас не было таких девушек, чтобы я так долго искал эту некрасивую'; Her hosa nik dergehî ew k'eft nehîşbû 'Как раз у двери он упал в обморок' и т. д.

В бахдинани предлоги lalî и def употребляются в тех значениях, в которых выступает предлог nik/g. При глаголах движения они обозначают направление действия или движения. В других случаях они указывают на место нахождения предмета или лица.

Таким образом, предлоги lalî и def вместе с предлогом nik/g выступают как синонимы, выражающие одни и те же

отношения. Разница в том, что предлог *lalî* не употребляется в сочетании с другими предлогами, а *def* выступает в сочетании с предлогом *l/il*. Эти предлоги-синонимы в бахдинани отличаются друг от друга сферой употребления. Предлоги *nik/g* и *def* встречаются в речи курдов из Бамарни, Атриша и Дыхок, что же касается предлога *lalî*, то он встречается только в речи курдов района Акра. Ниже приводятся примеры на употребление *def*, *lalî*.

*Hekû tûye destê dîyê, çavê wî l-p'encerkêra k'eft, dît ew kîça, cwa wekû def wî nivistî şevêkê* „Когда стали играть второй раз, он (Маме) взглянул в окно и увидел ту девушку, которая ночевала у него“; *Hevalê wî hişyar bo, begê xo daê hevalê wî l-def ne.* 'Его товарищ проснулся, увидел, что он не у него (не с ним)'; *K'itêb ya def mine* 'Книга находится у меня'; *Vêca Hemê rabo c'ô mal il-def jina xo gote:* 'Ez vêrê neşêm blîjm'. 'Затем Гаме пришел домой к своей жене и сказал ей: 'Я не могу здесь жить'; Но

*Biçîkêd mamê min dijîn lalî me.* 'Дети моего дяди живут у нас'; *Wan axift lalî darê û piştî c'ûne malve.* 'они беседовали у дерева и потом вернулись домой'; *Rivî û mar hatne lalî hakimî.* 'Лиса и змея пришли к господину' *Mem c'ô lalî berî* 'Мам подошел к камню'; *Xelkê gundî co lalî şorte o pîsyara wî kir* 'Жители села пришли к полицаяу и спросили его'.

Предлог *wekû* употребляется для обозначения сходства, уподобления, сравнения одного предмета или лица с другим, например: *Derê singê wî wekû helaniye* 'Его грудь похожа на скалу'; *ew wekû marîye* 'он похож на змея'. *Çavê kurikî jî reş bûn wekû çavê Hemêyî, destê wî jî mezin û gir bûn wekû destê Hemêyî, Bes ş-Hemêyî zîrektir bû.* 'Глаза у парня были тоже черные, как у Гаме, его руки тоже были большие и толстые, как у Гаме, но он был сильнее Гаме'. *Şêxê gundî wekû wan împirîstêt înglîz millet dizêrandîn* 'Шейхи деревни, подобно этим английским империалистам, угнетали народ'.

Среди общих предлогов, выражающих в диалекте и говорах одинаковые значения, несколько иначе ведет себя предлог *bû/bo*. Он употребляется в бахдинани как в сочетании с управляемым членом предложения, так и без него. Это хорошо видно, например, в следующем предложении, где имеет место двоякое употребление этого предлога: *Mêvan bo*

me hatîne zadekî bo bilênin K нам пришли гости, надо приготовить кушание' (т. е. надо для них приготовить кушание); cî bû înan derpêyek... hinde tiştêd dî jî 'Еврей принес ему подштаники... а также несколько других вещей'.

В бахдинани предлог bû/bo имеет различные значения, главные из которых следующие: во-первых, выражение отношений, указывающих на адресата: Zîñê bû Memî gûtî: 'Tû hizra neke, ez ya l-gels 'Зине сказала Мам: „Не думай, я же с тобой“'; Ewî bû min gût 'Он мне сказал'; Ахауî bû Hesoyî gûtî: „Mi divêt mêrçakyê bikeyî 'Ага сказал Гасо: „Я желаю, чтобы ты совершил подвиг“. В этом значении в говорах курдов Армении и Туркмении употребляется в основном послелог—га. Ср. Wî minga got 'Он сказал мне'; Dê qîzêga got. 'Мать сказала дочке'. Во-вторых, выражение цели и назначения, например: Hevalêd min l-bîşeyî kar dikîrîn bo gundî 'Мои товарищи для деревни работали в лесу'; Min pare bû te havêtin 'Я кинул тебе деньги'; Kîça nan bû mirûvêd bîrsî îna 'Девушки припесли хлеб для голодных'; Seydayî bû biçîkêd gundî k'itêb îna 'Учитель принес книги детям деревни'.

В-третьих, обозначение направления, например: Il wî wextî zog mêvan bo ахауî tên 'В то время к ага прибыло много гостей'; Ew rouşte bajêrî, da bo biçîkêd xo cîlka bîstîpît 'Он отправился в город, чтобы купить своим детям одежды'. Имеются случаи, когда bû/bo употребляется в этом значении в сочетании с предлогом nik/g, например: Wana mala xo il k'er o ga kirîn o çone bo nik ахауекî 'Они погрузили свое имущество на ослов и быков и уехали к одному ага'.

### Синонимика предлогов

В бахдинани и говорах курдов Армении и Туркмении имеются различные предлоги, которые используются для выражения одних и тех же отношений или их оттенков. Такие предлоги выступают как синонимы. Синонимическими предлогами являются, например, предлоги def, nik/g, lalî (в бахдинани) и set, bal/ba (в говорах курдов Армении и Туркмении), которые в сочетании с формой косвенного падежа а) обозначают направление действия или движения; б) указывают на место нахождения лица или предмета, место совершения действия и т. д.

Другую группу синонимов составляют предлоги цели и назначения: bú/bo/boпа, sawa/saw, которые в говорах и бахдинани в основном выражают одинаковые значения.

### СОЮЗЫ

Союзы как особый разряд служебных слов в бахдинанском диалекте не рассмотрены исследователями. Между тем их изучение имеет важное значение для выявления особенностей этого диалекта. Наряду с союзами û, hîp...hîp, hîp...hîp jî, jî...jî, wekû, kû, hosa, hosa jî, ne...не, не kû, не jî, c'înkû. eger, eger kû, c'axê, c'axê kû, wexta, wexta kû, sawa. sawa kû, heta, heta kû, lê, lê kû, yanê, yanê kû, yanê...yanê, которые имеются в литературном языке, бахдинанский диалект имеет и другие: bes, da, îna, wekû, belê. Так как союзы, имеющиеся в литературном языке, по значению совпадают с аналогичными в диалекте, то здесь речь пойдет только о неизученных союзах, составляющих специфику диалекта.

*Подчинительный союз* îna употребляется для связи придаточного предложения следствия с главным: Ew nesaxbû, îna c'û nik melayî 'Он был болен, поэтому пошел к мулле'; Mîn te nevêt, îna tû dibêjî, kû ez nexûşim 'Я тебя не люблю, поэтому ты говоришь, что я нехороший'.

*Подчинительный союз* da присоединяет придаточное предположение цели и другие к главному. Он соответствует русскому „чтобы“, „чтоб“: Herû hîvî ş-xûdê dikirîn, da kurekî bidetê 'Каждый день молись богу, чтобы (он) дал им сына'; K'a bêj ne wî mêrxasî, da bêête def mîn 'А ну-ка скажите этому герою, чтобы пришел ко мне'; Ew têt, da bú xû Zîne, xîşka mîrî bêt 'Он идет, чтобы увести Зине—сестру Эмира'.

Противительный союз bes: Bawerya mîn te têt, bes bîzane ya xîrab mîn bo te nevêt 'Я верю в тебя, но пойми, я тебе плохого не желаю'; Got carekê k'erê wî berze bo, ew jî newêrît jê bigerît, bes mecbor bo bic'ît sehketê 'Говорят, что однажды его осел пропал, а он боялся его искать, но вынужден был пойти'; Ewî destê xo havêtê tîvinga xo o berê wê da hîrc'ê bes hîrc'ê xo ne livand 'Он протянул руку к своему ружью, направил дуло на медведя, но медведь не тронулся с места'.

Подчинительный союз *hekû* 'когда': *Hekû xulam zivîryeve, gûti* „Ez benî kurê te yê ne sax“ 'Когда слуга вернулся, он сказал; „Господин, твой сын здоров'; *Hekû Mem nê-zîk bûyi, Zînê gûti*: „Memê tû yê c'awanî?“ 'Когда Мам приблизился, то Зине сказала (ему): „Маме, как ты себя чувствуешь?“; *Hekû bûye rûja c'arê, mîrî emîr qa* 'Когда настал четвертый день, Эмир приказал'.

Противительный союз *belê* 'но' (соответствует союзу *lê* в литературном языке): *Şêxî go*; „Ev tişteke gelekê zehmete *belê* te nahêlm“ 'Шейх сказал: „Это очень трудное дело, но я не обижу тебя“'; *Tû hizra xû dikî, belê c'i nabêji* 'Ты думаешь' но ничего не говоришь'.

Союз *belê* иногда употребляется в сочетании с другими союзами: *hekû* 'когда'; *da* 'чтобы', 'для того чтобы'; *heke* 'если', например: *Belê heke çavê wî p-hungustîrke keftin wî gût* 'Но когда он увидел кольцо, сказал'; *Ya xûda, tû bû c'i bû min sed der hema nahavêyi, belê heke tû nahavêyi ş-seda kêmtîr an zêdetîr mi pevêp* 'Эй, бог, почему ты не кинешь мне сто драхмов, но если ты кинешь больше или меньше ста, я не беру'.

## МЕЖДОМЕТИЕ

В бахдинанском диалекте имеется много междометий, которые по значению делятся на несколько групп:

1. Междометия, служащие для выражения радости, веселья, одобрения, удовлетворения: *ah, êh, oh, lo, lê, êlê, êhê, hêhê, hîhî, hele*.

2. Междометия, служащие для выражения печали, тоски, сожаления: *ax, wex, wîl, hey, hoyê, hêyê*.

3. Междометия, служащие для выражения недоверия, удивления, испуга: *he, de, we, weê, wî, wiş, wîh*.

4. Междометия, употребляющиеся при выражении благодарности, приветствия, при прощении: *memnon, hoşewîst, xo hefîs* и т. д.

5. Междометия, выражающие презрение, отвращение: *tîf, pîf, eh, îh, he, hîh, beh*.

6. Междометия, выражающие повеление: *de, he* и т. д.

## СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

### ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕН

Бахдинани обнаруживает следующие основные типы образования имен.

1. Сочетанием двух имен существительных, связанных друг с другом по смыслу, образуются новые существительные, например: *kîçmam* 'двоюродная сестра, дочь дяди со стороны отца'; *kurgmam* 'двоюродный брат, сын дяди со стороны отца'; *kîçxal* 'двоюродная сестра, дочь дяди со стороны матери' и т. д.

2. Два имени существительных, связанных друг с другом при помощи соединительного гласного *e*, образуют новое существительное, например: *bereaş* 'жернов'; *êşedil* 'болезнь сердца' и т. д.

3. Сочетанием имен существительных с глагольной основой настоящего времени образуются имена существительные и прилагательные: *gesmk'êş* 'фотограф'; *gengavêj* 'полюнявший' и т. д.

4. Много новых имен образуется сочетанием имен прилагательных с именами существительными: *zîfbab* 'отчим' из *zîf* 'неплодотворный' и *bab* 'отец'; *geşmal* 'группа шатров' из *geş* 'черный' и *mal* 'дом' и т. д.

5. Сочетанием имен существительных с прилагательными образуются новые прилагательные: *bêhnfire* 'просторный, спокойный' из *bêhn* 'дыхание' и *fire* 'широкий'; *bîrfeş* 'рассеянный' из *bîr* 'память' и *geş* 'черный' и т. д.

6. Путем сочетания имен существительных и прилагательных с причастиями прошедшего времени образуются прилагательные: *genghavêti* 'бледный, побледневший' из *geng* 'цвет' и *havêti* причастия прошедшего времени от глагола *havêtin* 'бросать' и т. д. Образованные таким образом имена прилагательные, сопровождаясь в речи местоимениями *uê*, *ya*, *uêd*, субстантивизируются. При этом с местоимением *uê* имя относится к мужскому роду, с *ya* — женскому, а с *uêd* оно выступает во множественном числе. Например: *uê genghavêti* 'побледневший', *ya genghavêti* 'побледневшая', *uêd genghavêti* 'побледневшие'.

В обогащении словарного состава большую роль играют различные типы фразеологических единиц. К ним относятся:

1. Повторные слова и словосочетания типа: *gezgez*

крапива', хаҫхаҫк 'мак', palenal 'стон', hêdi-hêdi 'тихо', 'медленно', êvar-êvar 'по вечерам', сагсага 'иногда' и т. д.

2. Парные слова и сочетания типа: pêr'ar 'добрый приход', segrê 'верхнее платье', 'одежда', 'похлебка, приготовляемая из головы и ножек скота'; seḡav 'лицо', erg-ezman 'все окружающее', 'земля и небо', seḡa-beḡa 'поверхностно', 'односторонне', t'ek-t'enê 'совершенно один', 'одинокий' и т. д.

3. Сочетания со вторым незначимым компонентом—словом-рифмой, типа: ʒeř-ʒûř 'споры', 'неполадки', 'раздоры'; hindik-mindik 'мало-мальский'; mal-mûl 'имущество', 'состояние', 'скот'; ek'in-t'ik'n 'сев', 'посев', 'занятие земледелием' и т. д.

### Словообразование посредством суффиксов

В бахдинани имеются следующие суффиксы: i, anî, îni, ik/k, atî/yatî, ayî, der, van, ok/ûk k'ar.

Суффикс -î в диалекте образует отвлеченные имена существительные и относительные прилагательные. Первые он образует от имен существительных и прилагательных: lawî 'изящество' (от law 'изящный'); ʒakî 'доброжелательность' (от ʒak 'добрый, хороший'); mêḡcakî 'геройство' (от mêḡcak 'герой') и т. д. Относительные прилагательные он образует от имен существительных: almanî 'немецкий' (о языке, от alman 'немец'); erebî 'арабский' (от ereb 'араб'), kurdî 'курдский' (от kurd 'курд') и т. д.

Суффиксы -anî и -îni являются в диалекте очень продуктивными. Они тоже образуют отвлеченные существительные: mêḡanî 'мужество' (от mêḡ 'мужчина'); dostîni 'содружество' (от dost 'знакомый', 'приятель') и т. д.

Суффиксы -atî/yatî образуют отвлеченные имена существительные от имен прилагательных и существительных: biraḡatî 'братство' (от bira 'брат'), hevalatî 'товарищество' (от heval 'товарищ'), mezinayî 'начальство' (от mezin 'большой', 'главный', 'старший'), xiḡkûkatî 'изящество' (от xiḡkûk 'изящный') и т. д.

Суффикс -ik/k имеет в диалекте широкое применение. Он образует имена существительные с значением ласкательно-

сти, уменьшительности: *deyik* 'матушка' (от *deyi* 'мать'), *kanik* 'родничок' (от *k'an/kanı* 'источник'), *derik* 'дверка' (от *der* 'дверь') и т. д.

Суффикс *dar* образует много новых имен существительных с различными значениями: *emekdar* 'заслуженный' (от *emek* 'заслуга'), *k'omekdar* 'помощник' (от *k'omek* 'помощь') и т. д.

Суффикс *van* образует названия профессии; *asvan* 'мельник' (от *aş* 'мельница'); *pêçigvan* 'охотник' (от *pêçig* 'охота') и т. д.

Суффикс *ok* образует имена существительные различного значения: *serok* 'руководитель' (от *ser* 'голова'); *zımapok* 'болтун' (от *zımap* 'язык') и т. д.

Суффикс *kar* образует имена существительные типа; *şerik'ar* 'борец' (от *şer* 'борьба', 'война'); *xebatk'ar* 'работник', 'служащий' (от *xebat* 'работа') и т. д.

### Словообразующие глагольные префиксы

В бахдинанском диалекте имеются следующие глаголообразующие префиксы: *wa*, *ve*, *weg*, *ga*, *da*, *hil*.

Префикс *wa* в диалекте, по-видимому, встречается только в одном примере: *wakirin* 'позволять'.

Префикс *weg* указывает на движение вверх предмета, на обратное действие, перемещение: *wegirtin* 'получать'; *wegdap* 'полоскать' и т. д.

Префикс *da* указывает на направление движения вниз, внутрь: *dakutandin* 'вторгаться'; *dak'eftin* 'спускаться'; *dakulçandin* 'глотать' и т. д.

Префикс *ve* указывает на возвращение действия к исходному пункту, на обратное движение, возвращение в прежнее положение: *vemirandin* 'потушить (об огне)'; *vemaliştin* 'чистить', 'гладить'; *vegerandin* 'возвращать', 'вернуть' и т. д.

Префикс *ga* указывает на направление движения вверх или в сторону: *gakirin* 'поднимать'; *gak'eftin* 'растянуться', и т. д.

Префикс *hil* указывает на направление движения вверх или в сторону субъекта действия: *hildan* 'взять' 'брат', *hilavîtin* 'поднимать', 'бросать вверх', *helistin* 'вставать' и т. д.

### Образование сложных слов

Сложные глаголы образуются сочетанием вспомогатель-

ных глаголов *dan* 'давать', *kîrîn* 'делать', *bûn* 'быть', 'становиться и т. д. с именами существительными, прилагательными и наречиями. Например: *barkîrîn* 'грузить' (*bar* 'груз'), *gal'tekîrîn* 'шутить' (*galte* 'шутка'), *avdan* 'поливать' (*av* 'вода'), *dîrêjkîrîn* 'удлинять' (*girêj* 'длинный'), *şabûn*, радоваться (*şah*, рад

Наряду со средствами словообразования—аффиксацией и словосложением важным источником пополнения лексического запаса в диалекте является фразеологизация словосочетаний. Этим способом образуются:

1. Имена прилагательные; *kumgeş* 'ревнивый' (букв. 'головной убор черный'), *çevgeş* 'завистливый' (букв. 'глаза черные') и т.д.

2. Сложные глаголы: *dîlkîrîn* 'любить' (букв. 'сердце делать'); *şerkîrîn* 'воевать' (букв. 'войну делать') и т.д.

### Основные отличия бахдинанского диалекта от литературного языка курдов СССР

Словарный состав бахдинани в основном совпадает с словарным составом литературного языка курдов СССР. Однако в бахдинани, как и в литературном языке, имеются слова, которые отличают их друг от друга.

По характеру отличий эти слова могут быть объединены в несколько групп.

1. К первой группе относятся слова, которые в бахдинани и литературном языке имеют одинаковое значение, но в их звуковом составе имеются отклонения. При этом одни отклонения, с фонетической точки зрения, являются постоянными, другие—непостоянными. К числу слов, имеющих в своем составе постоянное звуковое отклонение, относятся:

а) слова, имеющие в своем составе звуковое отклонение, выраженное соответствием фонем *î-û-û* в говорах, например:

в Бамарни      в Атрише      в лит. языке

<i>şîr</i>	<i>şûr</i>	<i>şûr</i>	'сабля'
<i>k'îr</i>	<i>k'ûr</i>	<i>k'ûr</i>	'глубокий'
<i>tîj</i>	<i>tûj</i>	<i>tûj</i>	'горький'
<i>rîn</i>	<i>rûn</i>	<i>rûn</i>	'масло'
<i>t'itîn</i>	<i>t'itûn</i>	<i>t'itûn</i>	'табак'
<i>rîniştîn</i>	<i>rûniştîn</i>	<i>rûniştîn</i>	'далеко'
<i>tenîr</i>	<i>tendûr</i>	<i>tendûr</i>	'тандур'
<i>dîr</i>	<i>dûr</i>	<i>dûr</i>	'сидеть'
<i>bîk</i>	<i>bûk</i>	<i>bûk</i>	'невеста'

biçik	biçûk	biçûk	'маленький'
xîşk	xûşk	xûşk	'сестра'
zî	zû	zû	'рано, скоро'
bîz	bûz	tûz	'лед'
şîştin	şûştin	şûştin	'мысль'
îris	ûris	ûris	'русский'

б) слова, имеющие в своем составе соответствие фонем û-o-o в говорах, например:

в Бамарни      в Атрише      в лит. языке

sûr	sor	sor	'красный'
rûî	rol	roj	'день'
dûn	don	don	'жир'
cîûl	çol	çol	'поле'
ûde	ode	ode	'комната'
dûr	dor	dor	'вокруг'
kûr	kor	kor	'слепой'
gûtîn	gotn	gotîn	'сказать'
cîûk	çok	çok	'колени'

кового соответствия, например:

в) слова, не имеющие в своем составе постоянного зву-

в Бамарни      в Атрише      в лит. языке

sînd	sûnd	send	'клятва'
p'îst	p'ûst	p'ost	'кожа, шкура'
kîn	kûn	kon	'шатер'
vêrê	vêrê	vîra	'здесь'
hêvên	hêvên	havên	'закуска'
balîfk	balîfk	balgî	'подушка'
befr	befr	berf	'снег'
bajêr	bajêr	bajar	'город'
k'ilîlk	k'ilîlk	k'îlîf	'ключ'
bad	bab	bav	'отец'
mirûv	mîrov	meriv	'человек'
kulînd	kulînd	kundîr	'тыква'
canîk	caî ûk	canege	'бычок'
carîk	carîk	cêr	'кувшин'

II. Во вторую группу входят слова, характерные только для одного говора и не употребляющиеся в другом, например:

в Бамарни и Атрише      в лит. языке

vîyan	'желать, хотеть'	k'ed	'труд'
şîyan	'мочь'	ar	'дядя'

t'an	'зов на помощь'	batmiş bûn	'исчезать'
t'ul/t'o	'месть'	zûrf	'пиявка'
bîşe	'лес'		
mîşe	'много'	avaş	'спокойный'
xerbende	'конюх'	bask	'крыло'
cel	'палка'	qatix	'простокваша'
bablik	'пепельница'	toraq	'творог'
albîs	'одежда'	êgin	'понятливый', 'способный'
dep	'стан'		
k'êparî	'наз. блюда'	hundur	'внутри'
rêjan, tan	'забор'	zîfze	'петли'
çîpra, text	'кровать'	k'um	'головной убор'
perrdax	'стакан'	şêmik	'порог'
zîrek	'способный', 'сильный'	cîû	'сумасшедший'

III. В третью группу входят совершенно разнозвучающие слова, которые в бахдинани и литературном языке называют одно и то же понятие или предмет; такие слова могут иметь несколько равнозначных синонимов:

**в Бамарни и Атрише в лит. языке**

mêlak, sih' hirûz	pîstk	'легкие'
def, nik, lalî	cem, bal	'у', 'к' (предлоги)
yarî, galte	henek, laqirdî	'шутка'
dîfin	poz	'нос'
nîre	martang	'палка'
hilîk	alûce	'мелкая слива'
pêk've	hevra	'вместе'
pîst/post	hîz	'бурдюк'
qubce	biskok	'пуговица'
bes	lê	'но'
k'aşxank	ařík/ban	'потолок'
salûk/salok	k'êlendû/k'êlendi	'коса'

IV. В четвертую группу объединяется небольшое количество слов из сравниваемых говоров, которые характеризуются сужением или расширением значения. Таковыми являются следующие слова, значение которых в литературном языке сужено:

**в Бамарни и Атрише в лит. языке**

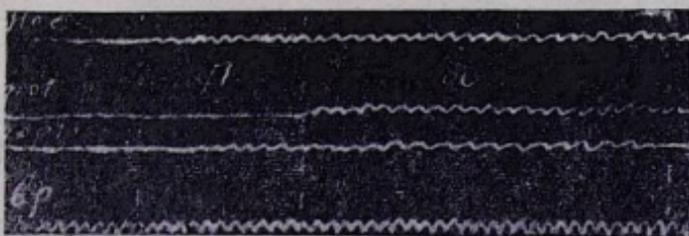
cil	'одежда', 'платье'	'тряпка'
mezêl	'жилище', 'квартира', 'комната'	'могила'
k'ênar	'название дерева'	'бревно'

Встречаются слова, значение которых в бахдинани сужено. Так, например, слово kulav в литературном языке означает войлок, а в бахдинани—головной убор из войлока. Имеются слова, значение которых в бахдинани расширено: слово íсах в бахдинани означает племя, а в литературном языке—семья, очаг.

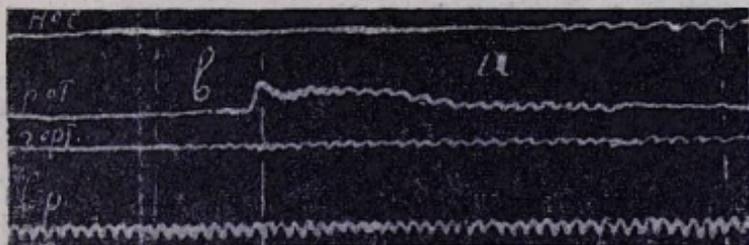
### Кимограммы гласных



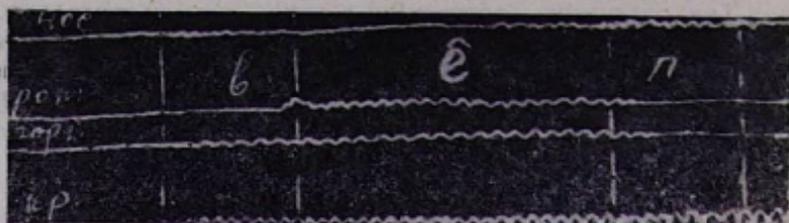
Ким. 1. пап — хлеб.



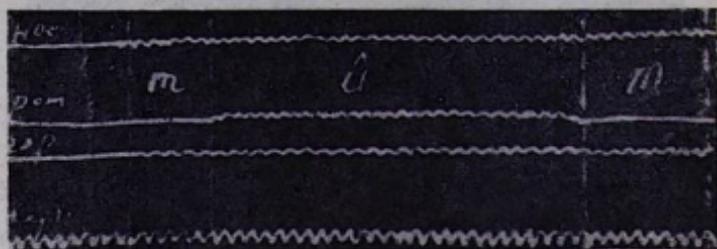
Ким. 2. па — нет.



Ким. 3. ба — ветер.



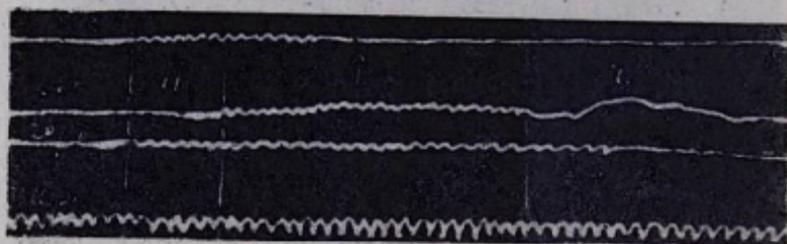
Ким. 4. бѣп — запах.



Ким. 5. тѣт — свеча.



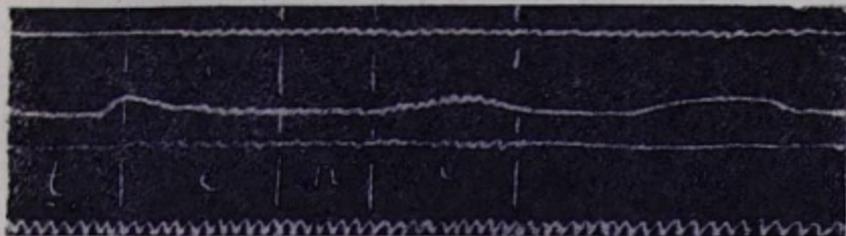
Ким. 6. тѣ — овца.



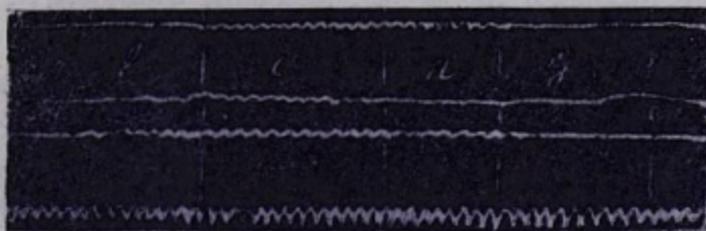
Ким. 7. пѣг — ярмо.



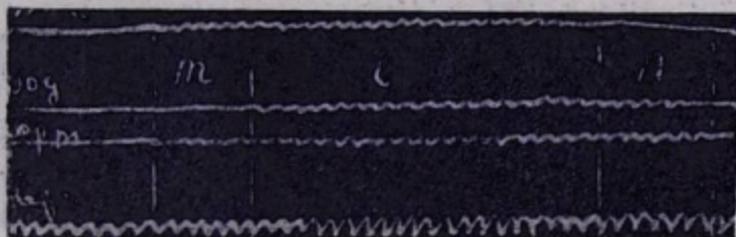
Ким. 8. пет — сырой.



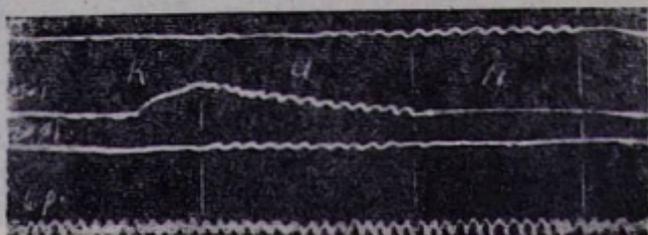
Ким. 9. тесный — тесный.



Ким. 10. lng — нога.

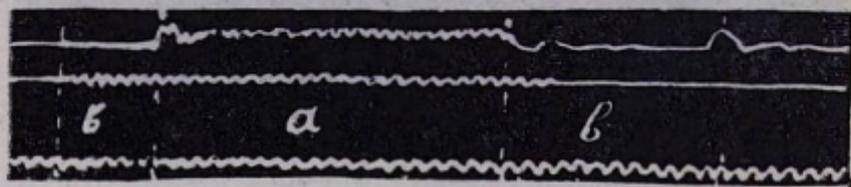


Ким. 11. min — косв. форма мест. „ez“ — я.

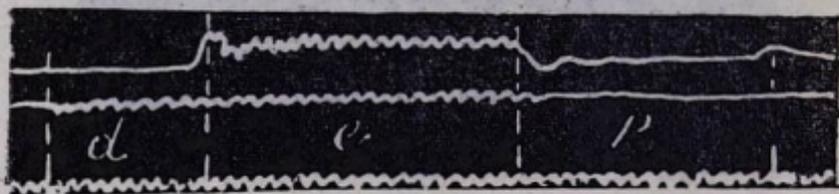


Ким. 12. к'ип — дырка.

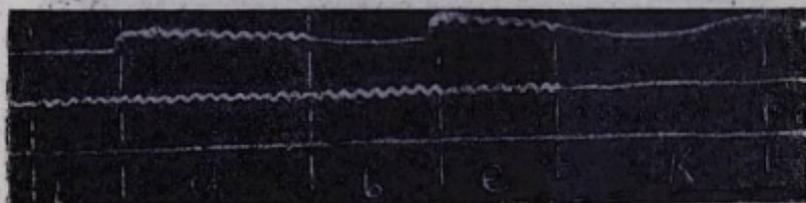
Кимограммы согласных



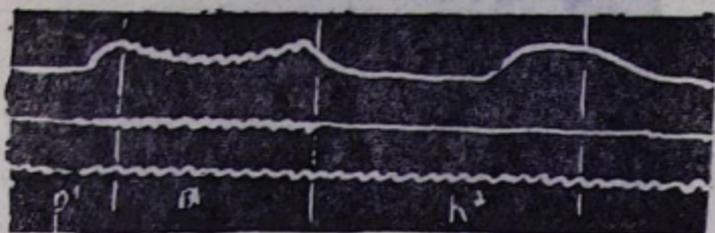
Ким. 1. bab — отец.



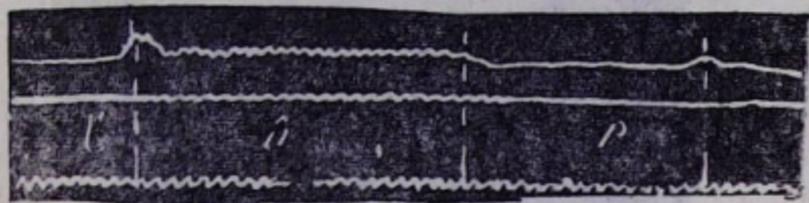
Ким. 2. der — грудь.



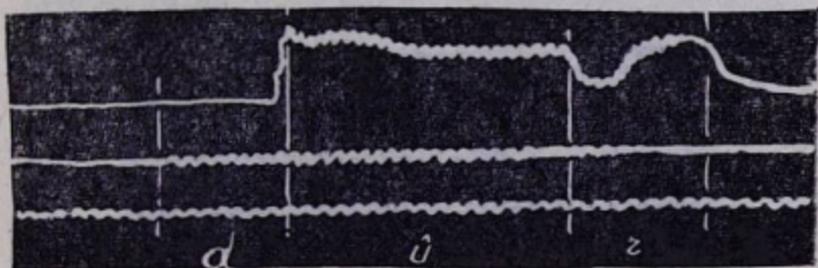
Ким. 3. babeк — отец.



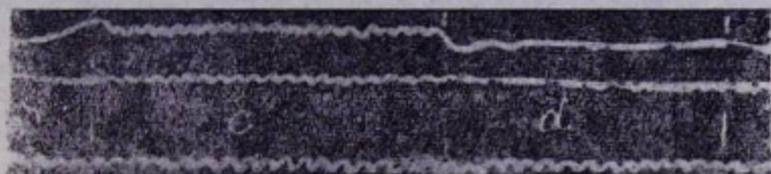
Ким. 4. рак — хороший.



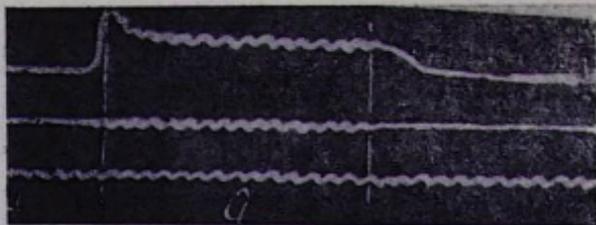
Ким. 5. 10р — мяч.



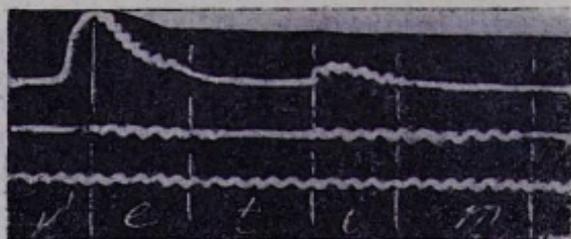
Ким. 6. dur — вокруг.



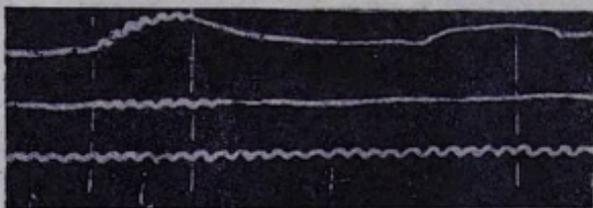
Ким. 7. sed — сто.



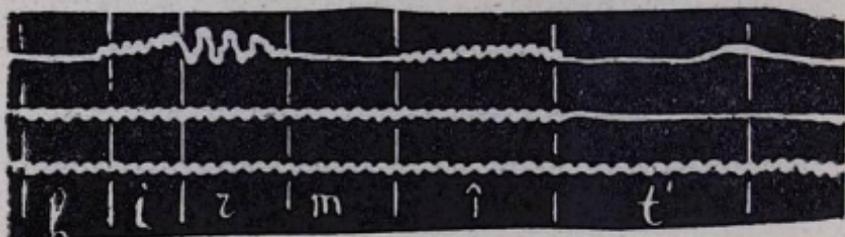
Ким. 8. т<sup>ы</sup> — ты.



Ким. 9. к'етим — я упал.



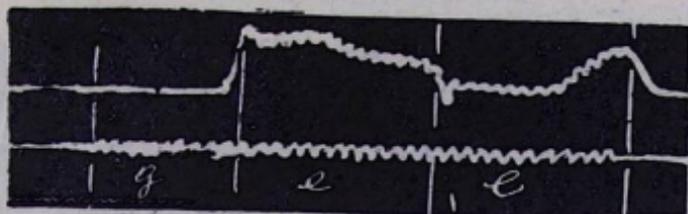
Ким. 10. kit — одна штука из пары.



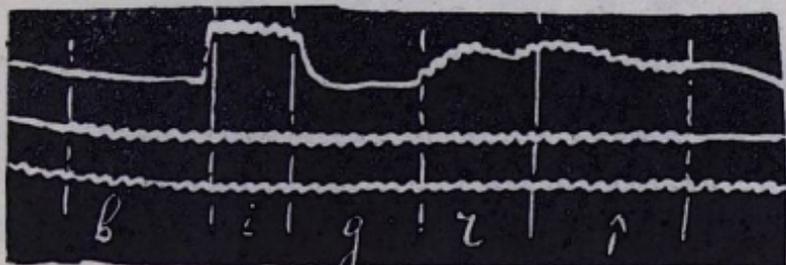
Ким. 11. бирмит — нюхательный табак.



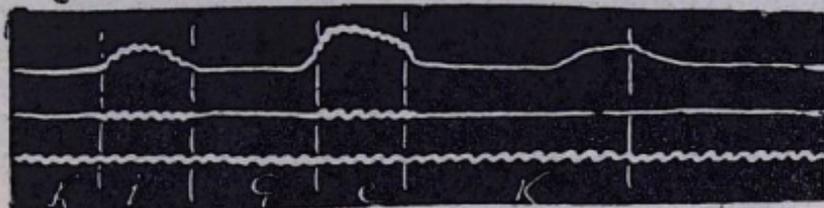
Ким. 12. та — нитка.



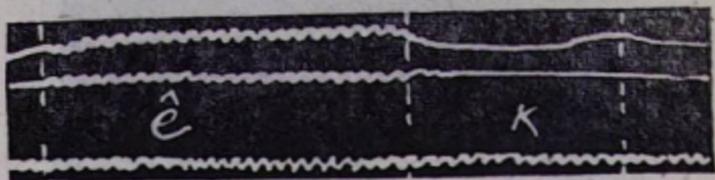
Ким. 13. gel — предлог „с“.



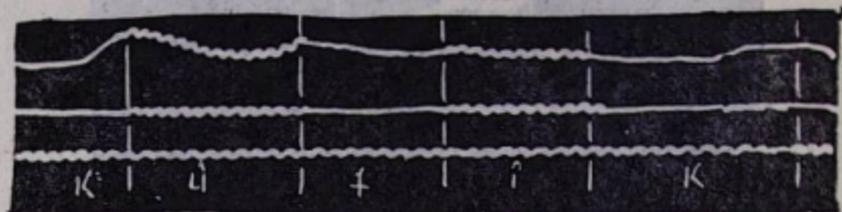
Ким 14. bigri — плачь.



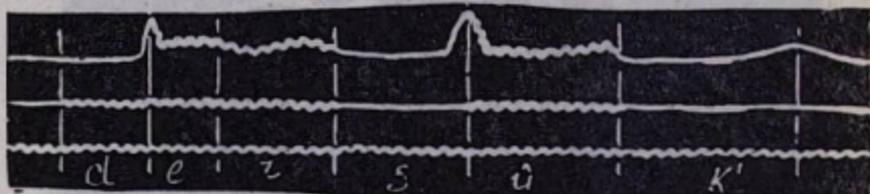
Ким. 15. kiček — какая-то девушка.



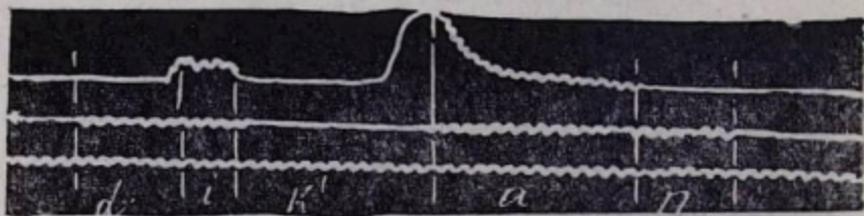
Ким. 16. êк — однн.



Ким. 17. k'ât'k' — женский головной убор.

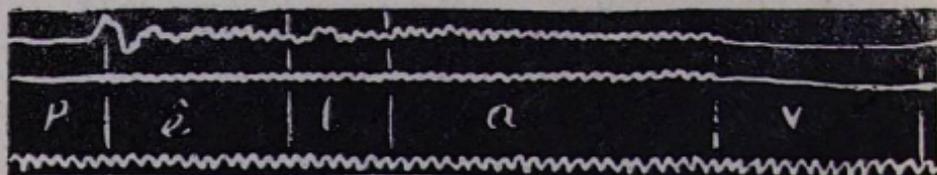


Ким. 18. dersûk — головной убор.



Ким. 19 dik'an — магазин.

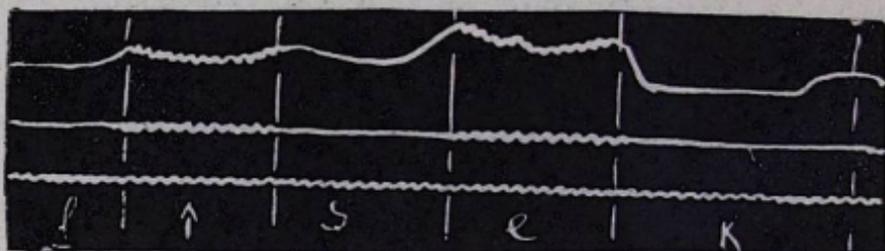




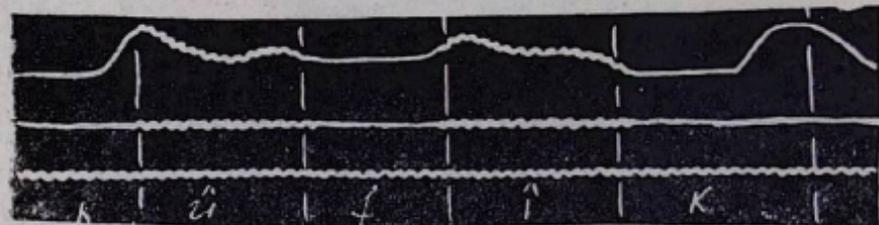
Ким. 24. pēlav — обувь.



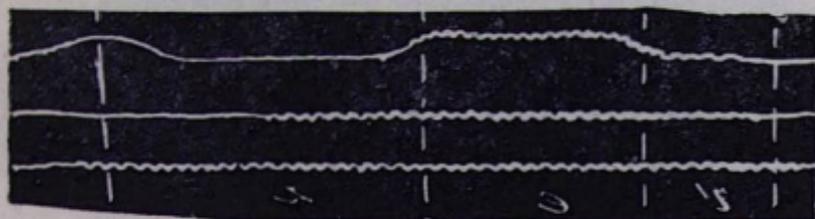
Ким. 25. dif — за (предлог).



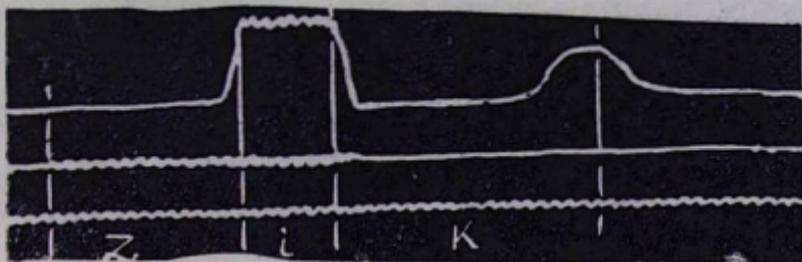
Ким. 26. fišek — патрон.



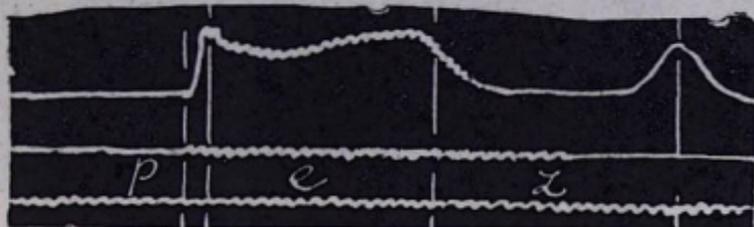
Ким. 27. k'ōlk' — лепестки, тычинка.



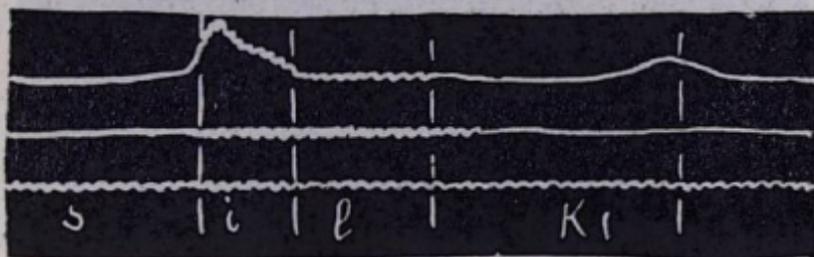
Ким. 28. rez — плоды



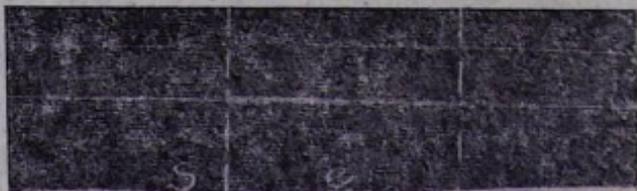
Ким. 29. zik — живот.



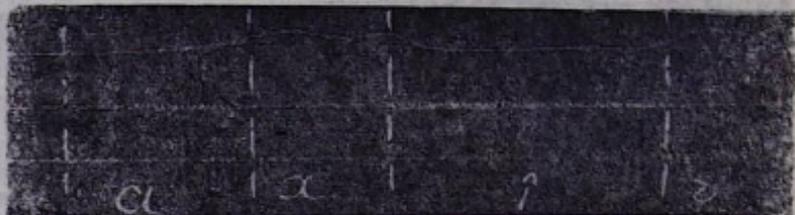
Ким. 30. rez — овцы.



Ким. 31. silk — свекла.



Ким. 32. se — собака.



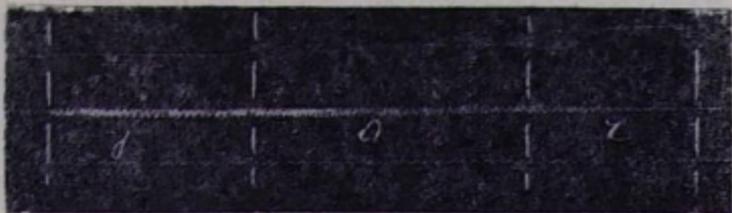
Ким. 33. ахг — конюшня.



Ким. 34. hatu — проходить.



Ким. 35. heškü — сколько.



Ким. 36. jûr — комната.



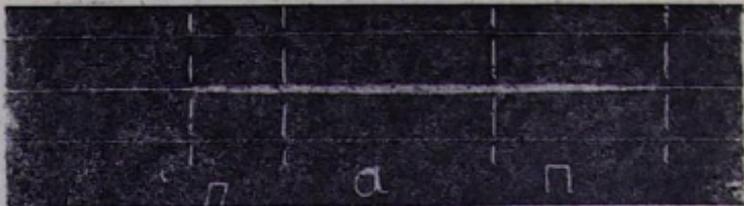
Ким. 37. bajêr — город.



Ким. 38. şaş — сумашедший.



Ким. 39. mêr — мужчина.



Ким. 40. nan — хлеб.



Ким. 41. dii — сердце.

Մ. 2. ԽԱՄՈՅԱՆ

ԻՐԱՔՅԱՆ ՔՐԴՍԱՆԻ ԲԱՀԴԻՆԱՆ ՔՐԴԵՐԻ ԼԵԶՈՒՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Ներկա աշխատությունն իրենից ներկայացնում է Բահդինանիի՝ քրդերեն լեզվի կենտրոնական բարբառի քերականության բազմակողմանի ուսումնասիրությունը: Առաջաբանում լուսաբանվում է քրդերեն լեզվի բարբառների համակարգը, տրվում է բարբառների գիտական դասակարգում և բացահայտվում է Բահդինանիի լեզվագիտական դիրքը: Այստեղ նշվում է նաև նրա ուսումնասիրության գիտական ու գործնական նշանակությունը, նրա ուսումնասիրության պատմությունը:

Աշխատանքը պարունակում է հետևյալ մասերը՝ հնչյունաբանություն, ձևաբանություն և բառակազմություն: Ուսումնասիրությունը կատարած է համաժամանակյա մեթոդով: Հնչյունական համակարգի նկարագրությունը հիմնված է փորձառական ուսումնասիրության եղանակով ստացված տվյալների վրա:

Խմբագրի կողմից . . . . .	5
<b>Հ ո ղ Վ ա ծ ն ե ր</b>	
Խ. Մ. Չատուհան—Հոկտեմբերյան հեղափոխությունը և Սովետական Միության քրդերը: . . . . .	15
Ա. Ա. Ռոզուշին—Քուրդիայում «Արևելքի պրոբլեմի» մասին: . . . . .	27
Գ. Ա. Գիսարով—Քրդական հարցը Քուրդիայում (Քեմալական շարժման սկզբից մինչև Լոզանի կոնֆերանսը): . . . . .	43
Ջալիլ Ջալիլ—«Ռոսե թուրք» ամսագիրը որպես 20-րդ դարի սկզբի քրդ- ական հասարակական-քաղաքական մտքի ուսումնասիրման աղբյուր: . . . . .	71
Բ. Պ. Բալայան—Ազրաբային հարաբերություններն և հողային ռեֆորմը Իրանական քրդստանում: . . . . .	91
Գ. Բ. Ակոպով—Գուրանի—քրդեր: . . . . .	109
Հաջին Ջեդի—«Ռոստոմ-Ջալիլ» քրդական պատմանքի հարցի շուրջը: . . . . .	168
Նուրե Ջաուարի—Քուրդ ժողովրդի երաժշտական կենցաղը: . . . . .	192
Հ. Դ. Փափազյան—Քուրդ ժողովրդի պատմության նոր սկզբնաղբյուր: . . . . .	209
Կարենե Չաչաճի—Արժեքավոր վավերագրեր հայ-քրդական բարեկամական կապերի պատմությունից: . . . . .	226
Հ. Հ. Գալստյան—Քրդական հարցի արտացոլումը ժամանակակից թուր- քական մամուլում: . . . . .	249

**Մեկագրական ուսումնասիրություն**

Մ. Հ. Խամոյան—Իրաքյան քրդստանի բահդինան քրդերի լեզուն: . . . . .	273
--	-----

**СОДЕРЖАНИЕ**

От редактора . . . . .	5
<b>Статьи</b>	
Х. М. Чатоев. Октябрьская революция и курды Советского Союза . . . . .	15
А. А. Рогошин. К вопросу о «проблеме Востока» в Турции . . . . .	27
М. А. Гисаров. Курдский вопрос в Турции (от начала кема- листского движения до Лозаннской конференции): . . . . .	43
Джалиле Джалил. Журнал «Рожа курд» как источник изу- чения курдской общественно-политической мысли начала XX в. . . . .	71
Б. П. Балаян. Об аграрных отношениях и земельной реформе в Иранском Курдистане . . . . .	91
Г. Б. Акопов. Курды—гураны. . . . .	109
Аджие Джинди. К вопросу о курдских вариантах эпоса «Ростаме Зал» . . . . .	168

Н. А. Джауари. Музыкальный быт курдского народа.	192
А. Д. Папазян. Новые источники по истории курдского народа.	209
К. А. Чачани. Ценные документы об армяно-курдских взаимоотношениях	226
А. А. Галстян. Отражение курдского вопроса в современной турецкой печати.	249

**Монографическое исследование**

М. У. Хамоян. Язык бахдинанских курдов Иракского Курдистана	273
---	-----

**Տպագրվում է Հայկ. ՍՍՀ ԳԱ  
Արևելագիտության ինստիտուտ  
Գիտական խորհրդի որոշմամբ**

Հրատարակչական խմբագիրներ  
Լ. Ս. ՍԱՐԱՅՅԱՆ, Գ. Ա. ԱԲՐԱՎԱՄՅԱՆ  
Նկարիչ ՅՈՒ. Հ. ԱՌԱԹԵԼՅԱՆ  
Տեխնիկական խմբագիր  
Ս. Կ. ՋԱԶԱՐՅԱՆ  
Սրբագրիչներ Լ. Կ. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ, Վ. Ս. ՍԻՄՈՆՅԱՆ

ՎՋ 04099

Հրատ. 4057

Պատվեր 262

Տպաքանակ 1000

Հանձնված է շարվածքի 16/IV1974 թ., ստորագրված է տպագրության 6/VIII1975 թ., տպագրական 24,0 մամուլ, հրատ. 22,4 մամուլ թուղթ № 1, 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>, գինը 2 ռ. 48 կ.:

Հայկական ՍՍՀ ԳԱ հրատարակչություն, Երևան 19, Բարեկամության 24

ՀՍՍՀ ԳԱ հրատարակչության էջմիածնի տպարան

Издательство АН Арм. ССР, Барекамутян 24

Эчминадзյанская типография Издательства АН АрмССР

### ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
95	4 св.	Мурен	Мурен
127	15 ст.	"пур" авромандская	"гур" авромандская
141	3 ст.	собой	особый
166	16 ст.	1975	1957
283	7 ст.	уё	уї
362	2 св.	goin	goin
367	17 св.	goin	goin